

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики.

Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

**Славянская идентичность – новые
факторы консолидации.**

Москва 2008

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики.

Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский фонд России

Государственная академия славянской культуры

Славянский мир в третьем тысячелетии

Славянская идентичность – новые
факторы консолидации.

Москва 2008

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В.

Никифоров К.В.

Дрожжин Ю.Т.

Громов М.Н.

Карасев А.В.

Узенева Е.С.

Данченко С.И.

В мае 2008 г. Комитетом межрегиональных связей и национальной политики Правительства г. Москвы, Славянским фондом России, Институтом славяноведения РАН Государственной академией славянской культуры проводится международная научная конференция на тему: «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации».

В данный сборник включены доклады и сообщения участников научной конференции. В публикуемых докладах и сообщениях освещаются различные аспекты истории, истории культуры, лингвистики, литературоведения славянских народов. Особое внимание авторами уделено проблемам формирования национального самосознания и развития национальной идентичности у славянских народов.

ISBN 978-5-7576-0228-9

© Институт славяноведения РАН, 2008.
© ГАСК 2008.

Приветствие Президента Славянского фонда России

Россия самая крупная славянская страна в европейском культурном пространстве, но, несмотря на свою многоликость, многоконфессиональность, ей удалось сохранить свою неповторимую духовную ментальность, которая впитала в себя все своеобразие культур российских народов.

Главное достояние нашей культуры – это русский язык, один из основных языков Европейской цивилизации. Русский язык позволяет раскрыть красоту литературного творчества малых славянских народов, которые по своей ментальности очень близки российскому сообществу.

Церковь наша духовная, культурная и историческая реликвия, – именно русская православная церковь, смогла сохранить и донести до наших дней церковно-славянский язык, который понятен всем славянским народам. Именно Церковь сохранила и донесла до нас красоту и величие духовной музыкальной и живописной культуры, которая настолько возвышена и величественна, что человек начинает понимать, что он – Божье создание и основное его предназначение – самосовершенствование и созидание.

Именно Церковь способствовала развитию и становлению государственности; именно Церковь приобщила многомиллионные славянские народы к мировой цивилизации, мировой культуре.

Мы благодарны и чтим память великих просветителей словенских Кирилла и Мефодия, которые сыграли огромную роль в славянском культурном пространстве, это позволило объединить усилия интеллектуальной, прогрессивной общественности славянских стран для совместного сохранения культурной идентичности, осознания своей особой духовной миссии в мировом сообществе.

Поздравляю всех с праздником Славянской письменности и культуры!
Желаю всем добра, духовной гармонии и самосовершенствования!

Президент Славянского фонда России
Г.В. Боголюбова

Сакральная энергетика христианской культуры в формировании идентичности славянского мира

Формирование основ восточнохристианской культуры связано с деятельностью равноапостольных святых Кирилла и Мефодия, создавших единый церковнославянский язык для всех этносов славянского мира. Именно он обрел черты вселенскости и наднациональности, став духовным держателем единства славянского мира. Это, конечно же, «язык христианской литургии, соответственно, язык сакральный, то есть, священный, свидетельствующий о Богопричастности. Образцы славянской письменности, несущие в себе эти свидетельства подлинности христианских святынь, представляют собой величайшие памятники культурного наследия.

Сохранение христианского культурного наследия является сегодня важнейшей социально-значимой целью славянских стран, особенно в контексте глобализирующегося мира, который строится на принципах консьюмеризма – то есть, потребительской культуры, нивелирующей самобытность и национальные черты стран, интегрирующихся в мировое сообщество. Стереотипы массовой культуры интенсивно замещают культурно-исторические традиции, в том числе традиции православной культуры. Главным нападкам сегодня подвергаются христианские святыни.

Казалось бы, исторически выверенная значимость Кирилло-Мефодиева наследия для развития современного мира бесспорна, и тем не менее, время от времени возникают провокационные идеи, ставящие под сомнение его цивилизационную роль. В современном глобализирующемся мире единственно легитимным путем интеграции в мировое сообщество считается вестернизация.

Соответственно, внутриевропейская интеграция ставится «под контроль», который учитывает не только экономические, но и религиозно-этнические составляющие европейского сообщества.

Современные адепты чистоты либеральных дискурсов проводят некую грань между славянским миром и общеевропейской культурой, доказывая, что византийское наследие славянских стран противостоит общеевропейским цивилизационным процессам. Поэтому всякий раз, при прохождении каких-то очередных фаз развития интегрирующейся Европы, приходится как бы

заново выстраивать социокультурные приоритеты и воссоздавать историческую картину идентичности славянских народов.

Иначе говоря, основная «проблемность» Кирилло-Мефодиева наследия сводится сегодня к оценке взаимодействий византизма и славянского мира, а в более широком смысле к оценке исторического выбора славянских народов, предопределившего масштабность разрастания православного панславизма.

Тема «византизм и славянство» была одной из ведущих в русской философской культуре. В творчестве Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Г. Флоровского, А.С. Хомякова и других мыслителей обосновываются идейные и религиозно-философские основания культурно-исторического взаимодействия византийской и славянской культур. В частности, в работе К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» цивилизационным принципам культурогенеза западного типа противопоставляется византийская традиция как теократический и сакральный идеал формирования славянского культурно-исторического типа. Леонтьев не сводит его к «славизму» как некоему абстрактному этнографическому субстрату – «племенному чувству», идее «общей крови» или «сходству языков».

Уникальность, силу, мощь и своеобразие придают славянскому типу не сами по себе этнографические черты многочисленных славянских народов, но их единение с византийской культурой.

Иначе говоря, К.Н. Леонтьев не сводит славянский культурно-исторический тип к «славизму», который, по его мнению, не сложился в некую цивилизационную модель, как, например, «европеизм», «эллинизм», «китаизм» и т.д.² «Общей идеи» славизма как бы и нет, а существуют лишь отдельные исторические картинки славянских государств (древнеболгарского, древнесербского, государств Чехии, Моравии и других). Сами по себе, как этнографические типы, по мнению Леонтьева, они «бесцветны», «невзрачны» и вообще нерепрезентативны. Общий смысл и значение придает этим этнографическим типам «порождающая модель» византизма, несущего в себе сакральный смысл и объединяющее начало христианской государственности. Славизм, сопряженный с византизмом, выступает в качестве «единственного надежного якоря всеславянского охранения», – говорит К.Н. Леонтьев.³

Исторические рамки славянского мира были очерчены в IX веке: «863 г. – начало миссии свв. Братьев в Великую Моравию; 865 г. – Крещение Болгарии; между 864 и 866 гг. – первое Крещение Руси; 869 г. – Крещение сербов».⁴ Формирование же славянства как культурно-исторического типа Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев связывают с прохождением определенных исторических циклов развития.

Культурно-исторический тип, тождественный макровременному историческому циклу, К.Н. Леонтьев представил через чередование трех фаз:

«первичной простоты» – «цветущей сложности» – «вторичного смесительного упрощения». Все эти фазы фиксируют, по существу, некую «переходность» (дискретность) ротации циклов, которая проявляется как «баланс» между консервативным и инновационным содержанием цивилизационного типа. Поэтому все типы дискретности соответствуют разным фазам исторического культурогенеза.

Так, скажем, для славянского типа переход от фазы «первичной простоты» к фазе «цветущей сложности» характеризуется как баланс «консервативно-охранительного» и «прогрессивно-либерального» дискурсов, в котором это соотношение, безусловно, разрешается в пользу традиции консервативно-охранительного восточного христианства.

В конечном счете, Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев указывают на структурную нетождественность (дискретных форм) культурогенеза романо-германского и славянского культурно-исторического развития. Эта нетождественность выступает в качестве производной от характера взаимоотношений и связей с разными типами наследования, разными оценками и ориентациями в способах и формах преемственности.

Иначе говоря, специфическая дискретность предопределила и выбор разных форм конфессиональной принадлежности, светские или теократические идеалы и принципы взаимодействия властей: принцип «симфонии» или «разделения» в управленческой демократической модели законодательной, исполнительной и судебной власти; «общинности» и «соборности» устройства социума, или «автономности» гражданского общества, противостоящего государственно-правовой вертикали.

Собирательное единство всех форм устройства социума в свете византийской традиции, исторически трансформированной в славянском культурно-историческом типе в новом органическом составе (соборности и общинности), русская религиозно-философская традиция выразила в понятии «народность».

Категория народности, воплотившая в себе сакральную энергетику восточно-христианской Свято-отеческой традиции, становится одной из кардинальных категорий русской религиозно-философской мысли, поскольку общинное и соборное начала здесь оказываются тождественными. Сын известного славянофила, историк и публицист Д.А. Хомяков относил к определению народности, прежде всего, «особое отношение к вере и Церкви». ⁵ «Славяне, принявшие веру и внешнюю культуру из греко-римского источника, не сделались византийцами потому, что... в отличие от других народов приняли христианство «по-своему». ⁶ Он даже ввел понятие «славянская народность» как главный отличительный признак органической солидарности этносов славянского мира, основанного на вере. Именно вера есть по Апостолу «уверенность в невидимом», тот «тайный фактор» жизнетворчества, который спо-

собен собрать отдельные единицы человечества в органическое единство. Народность освящается и просвещается верой. Поэтому Д.А.Хомяков говорит «в свою народность можно верить...».

Источником такого понимания народности является, безусловно, Кирилло-Мефодиево наследие. Святые братья создали славянскую письменность, дав совершенные переводы Священного Писания и богослужебной литературы, а также интегрировав в славянский мир весь богатейший фонд духовных и интеллектуальных традиций Византии, из которых сложились основы христианско-православной славянской культуры.

Ко времени принятия христианства славянскими этносами Византийская цивилизация находилась на самой вершине своего развития, синтезировав в себе всю культуру античности - научную, правовую, этическую, эстетическую, о чем убедительно говорит Г. Флоровский в своем фундаментальном труде «Пути русского богословия». Поэтому позднейшие упреки «просвещенческой элиты» в адрес послевизантийской и, прежде всего, славянской и русской культур, в разрыве с «общечеловеческими» ценностями и «классическим наследием», исторически не обоснованы. Эти упреки выражались прежде всего в том, что русские, например, не читали Гомера и Гесиода в подлинниках, поскольку восприняли античность «через византизм». Как показал Г. Флоровский, эти аргументы несостоятельны потому, что питались идеями и идеалами европейского Возрождения, сформировавшегося в рамках западной ветви христианской патристики, и, соответственно, отвергли теократические основы средневековой картины мира.

Рационализация средневековой картины мира закономерно приводит западное мировоззрение от теоцентризма к антропоцентризму, когда человек (а не Бог) становится «мерой всех вещей».

Возрожденческое превозношение человека над миром предопределило и основные параметры европейской науки и философии, когда исторические образцы как «свое» наследие усматривали только в тех культурных формах, которые отвечали ценностям рационального взгляда на мир. Поэтому возрождались и признавались «классическими» те философские и художественные образцы, которые доводили до высочайшего совершенства все возможные способности человеческого ума и человеческой деятельности.

Между тем, как показал Г. Флоровский, к «классическому наследию» можно отнести не только античность, но и, например, христианскую культуру. И тогда понятие «возрождение» как «возврат к своим истокам» может принять совершенно иной смысл. Скажем, творчество крупнейшего гуманиста Раннего возрождения Эразма Роттердамского может служить таким ярким примером позитивного отношения к раннехристианской культуре.

Так или иначе, абсолютизированные идеалы европейского развития,

сформированные в концепциях европоцентризма, неприменимы к культуре славянского мира. Христианская культура в рамках славянского мира консолидировалась именно в той ветви исторического развития, которая восходит к Дионисию Ареопагиту, Симеону Новому Богослову и исихастам (Григорию Синаиту, Григорию Паламе).

Великий принцип соборности, выведенный из исихастской модели «синергии» – «сопряжении воле» – человеческой и Божественной был созвучен общинному бытию и нравственности славян. Этот принцип как сакральная энергетика христианской культуры продолжает оставаться основанием славянской культурной идентичности. Поэтому и сегодня славянская культурная идентичность, основывающаяся на сакральных принципах христианской культуры, противостоит ценностям объединенной Европы или глобальным проектам мировой солидарности «экуменической всечеловеческой веры». Такая вселенская вера сродни абстрактным гуманитарным ценностям, которые равно приложимы как к гуманитарной помощи, так и к гуманитарной агрессии. Поэтому они в лучшем случае бесполезны, как и все глобальные наднациональные универсалии. Они «безличны» и потому безразличны всем без исключения. Поэтому интеграция вокруг ценностей глобализма достаточно сомнительна, в то время как сохранение и укрепление межнациональных духовных связей родственных по историческим, этническим и религиозным корням славянских народов приобретает все большее значение. Около двух столетий формировалась общность славянских народов на основе христианской веры и единой семантики богословского литургизма. Как отметил И. Экономцев, «единая вера и единый богослужебный и литературный язык спаяли славян и дали им возможность с новой силой осознать свое единство».⁷

Между тем, с началом реформ 1990-х годов в России содержание национально-культурного наследия вообще перестало приниматься во внимание в либеральных проектах устройства российского социума и в международных связях. В лучшем случае оно рассматривалось как «региональный ресурс», но в целом трактовалось как препятствие на пути к инновациям преимущественно западно-европейского происхождения, вообще как традиционалистская основа для адаптации «низшего класса». По новым таблицам стратификации в разряд низшего класса попали все те, кто не смог найти своего места в деконструированной реформами социокультурной реальности нового времени, то есть, все неадаптированные, а также те слои населения, которые не отказались от моральных принципов - чести, совести, справедливости и, конечно же, сакральных символов христианской культуры. Даже появилось такое утверждение, что православие – есть религия низшего класса.

Христианская культура, безусловно, имеет иное измерение, которое не может вместиться в либеральные проекты властвующей элиты, к тому же сегодня уже достаточно хорошо известно, кто эта элита и как она формировалась в период безвременья, когда приватизировалось все, что доступно взгляду.

И как сказано в Писании, «где сокровища ваши, там и сердце ваше» – пристрастие к тому, что можно осязать и присваивать.

Поэтому все либеральные проекты – суть «точкообразные» характеристики бытия («здесь и сейчас»), они не имеют ни прошлого, ни будущего, они помещаются «между» временами (поэтому и говорят, что реформы 1990-х годов – период без-временья). Эти элитные проекты жили только настоящим, для которого прошлое – всего лишь «ресурс», а будущее – «фактом».

Христианская темпоральность – это мегаистория. Христианская культура имеет эсхатологическо-векторное измерение: от ПРИШЕСТВЯ В МИР ИИСУСА ХРИСТА ДО ПАРУСИИ. И все точки вектора христианской истории соотнесены с главным событием - пришествием в мир Христа, поэтому христианская культура несет в себе сакральную энергетiku как духовное основание, скрепляющее единство времен, этносов, культур.

Духовное наследие для либеральных реформаторов казалось, в лучшем случае, «нелепым» в век научных технологий, а в худшем – даже опасным, так как заслоняло от амбиций властей. Поэтому нужно было противопоставить христианской культуре некий продукт массовых коммуникаций, который исчезает уже в самый момент его потребления. Для этих целей наиболее подходящей оказалась культура постмодерна, в контексте которой все знаки и символы прошлой культуры, а тем более сакральные символы, должны умереть.

Теория постмодерна десакрализует культуру, сводя ее к управлявшей комбинаторике знаков. Все культурные артефакты становятся «симулякрами» – пустыми структурами, или «плавающими знаками», отвлеченными от своих референтов – то есть, тех предметов, социокультурной реальности, которую они должны не только обозначать (наделять именем), но и репрезентировать как социально-значимую актуальную культуру. Между тем, в контексте постмодерна знаки уже не несут в себе значения реальных предметов. А какие это значения? Прежде всего, понятия добра и зла, прекрасного и безобразного, истинного и ложного.

Истина, добро, красота объявляются ненаучными мифологемами, мешающими адаптироваться в мире бизнеса, поскольку они сковывают руки в предпринимательской деятельности внеэкономическими (моральными, религиозными) ценностями. Особенно это сказывается в условиях нашей «спекулятивной экономики», когда нет производства, но есть симулякры экономики – денежные знаки-доллары, под которые можно подставить любые экономические значения. В новых формах социокультурных деконструкций, не

соотнесенных ни с какими «истинами» – ни божественными, ни человеческими – происходит полная десакрализация культуры. Постмодерн объявляет «Бог умер». Утрата сакральности в постмодернистской культуре ведет к утрате онтологических оснований религии – сопричастности Творцу. Поэтому восстановление сакральных значений и символов выступает не просто как «акт сигнификации» (в лингвистике) – установление связи между означаемым и означающим, но выступает актом животворящего начала Бытия, восстановления коммуникаций не посредством симулякров, а на основе православной соборности.

Именно православная соборность является основанием христианской культурной идентичности. В позитивистском плане она понимается искаженно – как общинность или коллективизм.

И тогда соборности можно приписать местничество, этноцентризм, патриархальность – то есть, снизить это высокое понятие до уровня бытовых социокультурных феноменов патриархальной общности, характерной для каких-нибудь архаических отношений, которые являются сегодня предметом культурной антропологии.

Православная соборность понимается как характеристика «человеческого рода», взятого в единстве всех его поколений – нынешних, прошлых, будущих. Это единство выражается в «духовной вере», институционализированной в Церкви как «теле Христовом». И только так понимаемая соборность скрепляет славянскую идентичность как особый культурно-исторический тип, сформировавшийся на основе Кирилло-Мефодиева наследия.

Славянский культурно-исторический тип отличается от романо-германского (об этом очень пространно объяснял еще Н.Я. Данилевский). И это отличие, конечно же, проявляется в онтологии культуры – приоритетности Рацио или Логоса.

Принадлежность к Логосу формирует специфический цивилизационный путь, который А.С. Панарин охарактеризовал как «православную цивилизацию». Православный цивилизационный тип не только равноправен среди других цивилизационных типов, но и в определенной степени приоритетен, в особенности в мире славянских народов. В отличие от цивилизационных типов, являющихся продуктом секуляризации, которые привносят в мир «разделенность» по разным основаниям – экономическим, социальным, расовым, потребительским, религиозным, культурным, православный цивилизационный тип продуцирует ЕДИНЕНИЕ ВО ХРИСТЕ, в котором нет «ни эллина, ни иудея».

Эти христианские постулаты позволяют переосмыслить и переинтерпретировать мир на новых основаниях – не гетерогенности, но гомогенности,

животворящей основой которой является христианская культура, которая способна раздвинуть границы пространства и времени.

Поэтому, сохранив свою православную идентичность, мы сохраним себя в истории!

Примечания

¹ *Леонтьев К.* Византизм и славянство // Россия глазами русского С.-Петербург: Наука, 1991. С.200.

² *Леонтьев К.* Византизм и славянство // Россия глазами русского. С.215.

³ *Леонтьев К.* Византизм и славянство // Россия глазами русского С. 215.

⁴ *Экономцев И.* Православие, Византия, Россия. Париж: УМСА-ПРЕСС, 1989. С.8.

⁵ *Хомяков Д.А.* Православие, Самодержавие, Народность. М., «ДАРЪ», 2005. С.446.

⁶ *Хомяков Д.А.* Православие, Самодержавие, Народность. С.447.

⁷ *Экономцев И.* Православие, Византия, Россия. Париж: С.16.

Славянская идентичность: методологический подход против культурно- политической конъюнктуры

1. В качестве предмета научного исследования славянство выступает сложносоставным феноменом, объединяющим в себе ряд культурно-социальных явлений, принадлежащих разным уровням обобщения. Оно рассматривается и как таксон культурно-исторической типологии; его содержание распространяется на социетальную специфику, социальный порядок (особенно в политическом наследии К. Леонтьева и социальной философии в России, особенно первой трети XX века) и на национальные особенности личности, которые оказываются сходными для представителей различных политических систем, геополитических регионов и культурноисторических пространств.

В научных разработках «славянского вопроса» особенности отмеченных аспектов четко фиксируются и довольно подробно исследуются на уровне построения теорий и выделения существенных параметров оценки его проявлений в разнообразных контекстах социокультурной реальности.

Однако в культуре повседневности и в формах политической регуляции процессов, сопряженных с феноменом славянства, наблюдается смешение и растворение его различных граней, что, подчас, вызывает затруднения в сфере межэтнических отношений. С одной стороны, в культуре повседневности, под воздействием стихийно сложившихся межэтнических стереотипов и подогреваемых заинтересованными в нестабильности силами противоречий экономического и культурно-политического характера, проявляются межэтнические противоречия, чаще всего не имеющие под собой ни исторической, ни культурной почвы. С другой стороны, в политической практике комплекс проблем, связанных со славянской тематикой, охватывается лишь в пределах правового обеспечения этнического фактора и в связи с вопросами, составляющими сейчас содержание культурной политики: статус языка титульной нации, возможности и формы учета национальной специфики в образовании, да, пожалуй, представленность этнической специфики в различных СМИ. Причем, противоречия и несоответствия в отношении к определению и истолкованию славянской тематики в значительной мере возрастают именно для тех случаев, когда дискурс по славянским вопросам покидает пределы науч-

ного исследования и распространяется в повседневность и в область прикладного пользования научных положений — политику.

В этих случаях идентичность из единицы анализа культуры и категории социокультурной динамики превращается в предмет спекуляций в плоскости общественного мнения.

В данной статье мы продемонстрируем этот эффект расширения содержания и роста противоречивости истолкования тематики славянства на *анализе идентификации, механизма, который конституирует проявление славянства* в культуре повседневности и, одновременно, имманентно рассматривается как основной предмет воздействия как в программах политической пропаганды, так и в воспитательных и обучающих программах, ориентированных на культурное содержание.

2. Социальная идентификация выступает одной из разновидностей когнитивных процессов. Но ограничить ее одной лишь когнитивной процедурой принятия, присвоения и осознания индивидом некоего общего социокультурного признака означало бы свести до исключения ее культурогенетическое содержание. Процессы идентификации, несомненно, захватывают более широкие рамки, нежели жизнь индивидуального субъекта, она представляет и интерперсональный уровень групп непосредственного общения, и социетальные формы, относящиеся к структурным подразделениям государства, общества и таких глобальных образований, как раса, культурно-исторический тип, цивилизация.

Принципиальное методологическое значение приобретает здесь разведение *предмета, процедуры* и, наконец, *продукта* идентификации. Предметом идентификации является собственно феномен славянства и его представленность значимым для индивида другим (людям, группам, институтам), т.е. славянская культура как социокультурная система, онтологическое единство так же выступающим или способным выступать субъектами идентификации, то процедура идентификации имеет двойственный характер. Процедурой идентификации является инкультурация как включение индивида в социокультурную систему, которая в ракурсе индивидуального субъекта раскрывается в качестве процесса культурогенеза. Продуктом же славянской идентификации является славянский феномен, интериоризированный как индивидуальными, так и кооперированными субъектами, т.е. *славянская идентичность*, иначе говоря — славянская культура, рассматриваемая через специфические характеристики ее носителей.

В системном представлении славянская культура как предмет социальной идентификации является более высоким уровнем абстракции, нежели этнический уклад и модели повседневной культуры, представленные в по-

веденческих и ценностных стереотипах, составляющих феноменальный слой культуры.

Социальная идентификация в научном рассмотрении и процесс восприятия и оценки, регулируемый когнитивными особенностями личности, но они и реакция на сложноорганизованные социокультурные условия составляющими идеальную среду. К этим условиям относится и семантическое пространство культуры, и ценностная ее модальность, и даже архетипические ее основания, заложенные в глубинных протоизмерениях (в хронотопе, в образе причины, пространства и пр.). Представляя внесубъектный (или «интерсубъектный») план идентификации, эта ее сторона фиксируется в мировоззренческих формах распределения смыслов и значений институционального, специализированного и повседневного планов культуры, как уже присвоенного, отраженного индивидом предмета, т.е. идея славянства и ее переведенным на персональный уровень, личностно пережитом и усвоенном значении.

В философских, социологических и психологических исследованиях идентификации четко различается *психологический*, индивидуально-личностный уровень и *социальный*¹. В психологическом отношении рассматриваются такие эффекты идентификации, как включенность личности в социум, определение и принятие ею референтных групп, потребности защиты, самоутверждения и самовыражения². Социальный же уровень включает всю полноту социального контекста идентификации – разнообразие референтных групп, способы и механизмы установления и воспроизводства их авторитета для индивида и авторитета социальной группы как формы общественной ценности. Причем, ценности такого рода субстанциализированы в общественной среде, закреплены в виде распространенных представлений, идейных положений, мировоззренческих формул.

Мы полагаем, что методологически целесообразно разделять два типа социальной идентификации по ее предмету. Один – идентификация с составляющими социальную структуру формами — референтными группами, формами социальных занятий, профессиями. У Пьера Бурдьё этот тип предметов идентификации определялся как «хабитусы», в отношении которых активный социальный индивид составляет и использует свой «символический капитал»³, поэтому мы будем обозначать этот тип идентификации как *хабитальный*. Другой тип в качестве своего предмета имеет принципиально иные социальные формы — значимые для общества организации и институты, которые служат и носителями, и механизмами осуществления актуальных для общества ценностей. Это институциональный тип идентификации, который и задает общекультурный ценностный план и соответствует таким формам проявления корпоративного субъекта, как государство, организация, семья.

Таким образом, в предмете, в процедуре и в продукте славянской идентификации можно, в соответствии с отмеченной спецификой, выделить, как минимум, три типа идентификации: психологическую (если ограничиваться индивидуально-личностным планом), локально социальную, хабиальную, и институциональную как социокультурную в регулятивном контексте.

3. Отсутствие дифференциации этих типов идентификации в практическом и, особенно, в политическом дискурсе приводит к утрате предметности программ гуманитарного характера, реформирование оборачивается внедрением сводов норм, которые растворяются в практической среде и становятся, подчас, громоздкими добавлениями устоявшихся приемов общественной регуляции.

Нередко идентификация сводится только к действию механизмов саморефлексии, к тому же разворачивающимся на соматическом уровне и на уровне непосредственно интерперсональной среды взаимодействия. Но в условиях абстрагирования ценностного содержания славянской культуры, славянская идентификация обращается в простой процесс, поскольку ее предмет – односоставной, монопараметрический признак-характеристика — признание индивидом и принадлежащим культуре и его самоидентификация с ней.

Когда же помимо саморефлексии участвуют такие механизмы, как знаковое опосредование на уровне микрокультурной среды, как семантизация, институализация смыслов в формах взаимодействия (в интеракционизме Мида и в феноменологической школе социологии⁴), типах социокультурной организации, ценностное отнесение, добавляются еще такие процессы, которые опосредуют социокультурную динамику индивида – целеобразование, смыслопорождение, верификация значений, идентификация осуществляется уже на интерсоматическом уровне и имеет комплексный характер, а ее предмет оказывается полипараметрическим.

4. В определении направлений функциональных и содержательных эволюционных сдвигов в социальной идентичности принято выделять существенные стороны. Например, А.Г. Дугин, рассматривая уникальность нашей эпохи в переходе от модерна к постмодерну, в котором проявляются любые, логически не связанные и концептуально конфликтующие друг с другом идентификационные парадигмы⁵. Эти парадигмы выделяются по основаниям, соответствующим в наших определениях типу макроинститута, представленности культуруобразующей общности, ведущей общественной ценности (общественному представлению духовности) и идейно оформленной ценности воспроизводства социальной структуры.

	Премодерн	Модерн	Постмодерн
Макро- институ- циональ- ная культу- рообра- зующая общность	Империя	Государство	Глобализм
	Этнос	Нация	Планетарный кос- мополитизм
Духовная	Религия	Светскость	Плюрализм в ин- дифферентности, секуляризме, неос- пиритуализме
Социаль- но- струк- турная	Иерархия Сословие- каста	Равенство индивидов	Произвольное от- ношение к «друго- му» против страте- гии прав человека

В анализе возможна и иная композиция парадигм, но как феномен культуры и специфический продукт такого процесса культурогенеза, как социальная идентификация, славянская идентичность определяется рядом системных характеристик, которые могут быть представлены для удобства их системно-аналитического рассмотрения в качестве измерений, локализирующих ее положение в феноменологическом пространстве современной культуры:

- индивидуальный – социальный или корпоративный; психологический-социологический;
- ориентация на феноменальное своеобразие и уникальность культуры, преодолеваемое лишь эффектами влияния сходства условий жизни и развития – ориентация на актуальность и действенность типических характеристик – в этносах, в культурах, в языках⁶);

– генетическое единство прото-корней – глубинное сходство феноменальных проявлений славянских культур, преодолевающее различие способов формирования различных славянских культур.

5. Серьезным заблуждением является представление славянской идентичности по аналогии с этнической идентичностью, исключительно личностным механизмом индивидуальной адаптации и инкультурации. Как механизм культурогенеза, идентификация проявляется и в обществах зачаточной политической организации, и в обществах зрелого постмодерна.

Главная проблема политических и практических программ, обращающихся к славянской тематике, состоит в том, окажется ли славянская идентичность приведена в единое значение с такими идентичностями, как членство в корпорации, профессиональная принадлежность, национальность, региональность, или же ее культурно-историческая значимость будет подтверждена как объективно-исторический механизм, определяющий собственное право носителей славянской культуры на выбор линии интеграции.

Предметное размывание славянской идентичности и сведение ее к идентичности индивидуальной либо этнической закрывает доступ к познанию и пониманию процессов культуротворчества, номиналистский отказ от субстанциональных форм носителя культуры высокого уровня абстракции, в исследовании которых так много было сделано в гуманитарной науке за истекшие полтора века ее интенсивного развития.

Заложенного в технологизированные процедуры признания этнической самобытности, которую можно преодолевать и необходимо компенсировать в организациях с интернациональным персоналом, недостаточно для полноты анализа и развития формирования славянской идентичности, как разновидности идентичности с субъектом высокой абстракции в пределах которой происходит формирование и развитие ценностей, аксикреация и аксиогенез¹, составляющих глубинную основу регуляции культуры и процесса культурогенеза.

Примечания

¹ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал, 1994, №1. <http://www.socjournal.ru/article/29>

² Дилигенский Г. Г. Проблема теории человеческих потребностей // Вопросы философии. 1976. №9; 1977. №2.

³ Bourdieu P. The Logic of Practice. Cambridge: Polity Press, 1990.

⁴ О символическом интеракционизме Дж. Мида в контексте идентификации см. Hogg M., Abrams D. Social identifications. London: Routledge, 1988.

Schutz A. The Phenomenology of social world. London: Heineman, 1972.

⁵ Дугин А.Г. Эволюция социальных идентичностей при переходе к парадигме постмодерна// Выступление А.Г.Дугина на Мировом Общественном Форуме «Диалог Цивилизаций» - 02.10.04, Родос, Греция

⁶ Против влияния типического как механизма культурогенеза выступал еще И.В. Сталин в критике теории иафетических языков академика Марра в несправедливо забываемой, но возрождаемой брошюре См.Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950.

⁷ Батищев Г.С. Истина и ценности. //Познание в социальном контексте. М., 1994., СС. 61-78.

Диффузионные процессы в современном культурном пространстве

*«Тщетно, художник, ты мнишь,
Что творений своих ты создатель!»
А.К. Толстой*

*"Всякое знание есть только подведение
сущности жизни под законы разума"
Л.Н. Толстой*

Постулирование идеи, заключающейся в том, что характер человеческого мышления по своей природе и сути является художественно-литературным, легло в основу теории постструктурализма, где ключевой фигурой является Жак Деррида. Мир культуры рассматривается им как бесконечный текст, с неограниченным множеством интертекстуальных связей. Будучи преемником идей Ф. Ницше, З. Фрейда, Хайдеггера, Деррида выработал установку на игровое отношение к слову и мысли, на то, что «ничего не существует вне текста», на децентрацию структуры, на отрицание возможности существования какого-либо первоначала, и принял концепцию «поэтического мышления».

Поэтическое мышление невысказуемо без аллегории, без запечатления умозрительной, отвлеченной идеи в предметном образе. Но и всякий символ есть образ. «Принципиальным отличием символа от аллегории является то, что символ нельзя дешифровать простым усилием рассудка, он не отделен от структуры образа, не существует в качестве некой рациональной формулы, которую можно "вложить" в образ и затем извлечь из него. В науке и в искусстве символ по-разному проявляет себя. Для научной знаковой системы полисемия является помехой и часто осложняет положение дел, а в искусстве символ тем содержательнее, чем более многозначен».¹

Эрнст Кассирер сделал понятие символа предельно широким, раскрывающим суть человека: «человек есть животное символическое». Эта идея ложится в основу труда Андрея Белого «Символизм как миропонимание», в котором он приводит слова Кассирера: «Язык, миф, религия, искусство,

наука суть «символические формы», посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос». Мысль не нова, ведь веком раньше Гете все формы природного и человеческого творчества трактовал как значащие и говорящие символы живого вечного становления.

Символы и символические отношения, как указывал Зигмунд Фрейд, могут переходить языковые границы. Область символики чрезвычайно обширна (мифы, сказки, народные поговорки и песни, общепринятые словопотребления и поэтическая фантазия).²

Символы имеют естественное, спонтанное происхождение. Они не изобретаются, а возникают. Карл Юнг в книге «Архетип и символ» говорит, что символы возникают в самых разнообразных психических проявлениях. Существуют символические мысли, чувства, символические поступки и ситуации. «Порой кажется, что даже неодушевленные предметы сотрудничают с бессознательным по части образования символических образов».³ Юнг отмечает, что существует много символов, являющихся по своей природе и происхождению не индивидуальными, а коллективными. «Инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления Юнг и назвал архетипами. Невозможно обнаружить происхождение архетипов, они просто не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, даже там, где их прямая передача каким-либо способом полностью исключена.

«Паттерны коллективной мысли человеческого разума являются врожденными и унаследованными. При необходимости они начинают действовать во всех нас более или менее одинаковым образом. Психическое представляет собой нечто большее, чем сознание. Архетипические формы отнюдь не являются статическими паттернами, застывшими структурами. Они динамичны и проявляются в импульсах так же спонтанно, как и инстинкты. Бессознательное управляется главным образом инстинктивными тенденциями, склонностями, выраженными в соответствующих мыслеформах, т.е. архетипах. Архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействия на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их».⁴

Многим кажется, что цивилизационное сознание прочно отделило себя от основополагающих инстинктов. «Но, инстинкты не исчезли. Они лишь потеряли контакт с сознанием, посему принуждены утверждать себя косвенным образом – посредством физических симптомов».⁵ Потому-то человек не способен контролировать свои эмоции и настроения.

Анализируя «культурное сознание» Юнг указывает на тревожащий уровень диссоциации и психологической неразберихи. «Наш мир диссоциировался, разложился как невротик, и железный занавес обозначает символическую линию этого разделения. Печальная правда заключается в том, что

жизнь человека состоит из комплекса неумолимых противоположностей – дня и ночи, рождения и смерти, счастья и страдания, добра и зла. Мы не уверены даже в том, что какое-то одно будет преобладать над другим, что добро победит зло или радость – боль. Жизнь – это поле битвы. Оно всегда существовало, и всегда будет существовать, будь это не так, жизнь подошла бы к концу».⁶

И язык представляет собой напряженное живое целое своих противоположных и взаимодействующих начал, пребывающих в подвижном равновесии: Юнг обращает внимание на то, что современный человек не понимает, а в этом суть трагедии современного человека, что рационализм уничтожил его способность отвечать божественным символам и идеям. В связи с этим произошла потеря моральных и духовных ценностей, вследствие чего стала доминировать дезориентация и разобщенность. Это не могло не сказаться на состоянии языка.

В психофизическом аспекте язык представляет собой сложное, часто не структурированное переплетение ассоциаций, которые локализованы в мозгу. Для речи наиболее существенны слуховые локализации. Ассоциации являются чисто символическими, поэтому каждое слово должно быть закреплено за образом.

Элементы языка – символы, посредством которых фиксируются явления опыта, должны ассоциироваться не с единичными явлениями опыта, а с целыми группами, определенными классами этих явлений. Отдельные значащие элементы речи представляют собой символы значений, а речевой поток можно интерпретировать как фиксацию этих значений в их взаимной связи.

В ходе истории цивилизационное массовое сознание утрачивает способность к сложному, многовариантному ассоциированию, совершает «восхождение от абстрактного к конкретному», не понимая, что это путь «вверх по лестнице, ведущей вниз».

Человек научился мыслить и выражать свои мысли конкретно, однозначно, прямолинейно, очень локально – и в бытовой жизни, и в науке, и в искусстве. Линейное мышление стало разлагать амбивалентное слово на ряд не связанных между собой его конкретных значений и, тем самым, уничтожать его природу. Процессы диссоциации стали вытеснять ассоциативные процессы, в связи с чем деструкция языковых структур стала повсеместной.

Если рассматривать мышление с позиции языка, то оно может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, которое можно достичь, наделяя каждый элемент речевого потока в максимальной степени концептуальной значимостью. В языке постоянна лишь форма. Внутреннее же его содержание, его психическая значимость и интенсивность меняются в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности, каков интеллект, творческие

способности и общее умственное развитие. А если анализировать текст, то в контексте и дискурсе, как составляющих основу культурогерменевтического синтеза, появляются предпосылки искусства, то есть субъективно-индивидуального его понимания и интерпретации.⁷

Языки, обладая коммуникативной и моделирующей функциями, играют решающую роль в формировании, трансформации и трансляции знаний.

Гастон Башляр, изучая диалектику научного познания, создал концепцию «нового научного разума», в которой отверг окончательную истину и признал путь «исправления ошибок». Башляр считал, что синтезирующая творческая потенция человека коренится в способности его обыденного сознания, являющегося истоком науки, поэзии и всех других форм мышления.

Путь «исправления ошибок» приводит к необходимости установления корреляции между терминологическим и понятийным аппаратами всего спектра научных дисциплин. В настоящее время разброс, рассогласование понятийного аппарата в различных дисциплинах настолько велики, что понимание между людьми даже смежных специальностей затруднено. Часто одни и те же термины в разных областях знания используются для обозначения совершенно разных понятий. И, наоборот, разные термины используются для одинаковых понятий. Это вносит определенную путаницу и затрудняет общение и понимание в среде коллективов, связанных общими задачами. А их становится все больше и больше.

Следующая проблема коснется семантической реконструкции слов-понятий, поэтому неизбежно придется делать смысловое обобщение новых эмпирических данных всех сфер культуры, а потом выявить и закрепить связи между различными формами, структурами и областями знания.⁸

Знание возможно трактовать как социально-культурный феномен, в той или иной степени присущий всем формам практического и духовного освоения мира. Объективизация знания осуществляется посредством знаково-символических реалий естественных и искусственных языков. С развитием компьютерной техники и электронных систем коммуникации принципиально изменились формы и технологии фиксации, накопления, трансляции и анализа знаний (появились банки информации, экспертные системы и др.).

Процесс познания определяется формой и способом мышления, который в свою очередь функционально связан с речью. Речевой поток не только сопровождает и озвучивает внутреннее содержание сознания, но он следует параллельно ему в самых различных условиях. Внутреннее содержание всех языков как бы одно и то же. Оно связано с интуитивным знанием опыта. А внешняя их форма разнообразна до бесконечности и является не чем иным, как коллективным искусством мышления, искусством свободным от несущественных особенностей индивидуального чувства.

Исследования в области психологии показали, как властно действует символика в сфере подсознания. Даже самая утонченная мысль является лишь осознаваемым двойником неосознанной языковой символики. Новый символ, как правило, вырабатывается из уже существующего языкового материала по образу и подобию наличных в языке прецедентов.

Как только слово найдено, как только появляется новый символ, так появляется ключ к непосредственному пониманию того или иного его значения. Осип Мандельштам в книге "Слово и культура" так оценивает языко-творчество Велемира Хлебникова: "Он наметил пути развития языка, переходные, промежуточные, и этот исторически не бывший путь российской речевой судьбы, осуществленной только в Хлебникове, закрепился в его зауми, которая есть не что иное, как переходные формы, не успевшие затянуться смысловой корой правильно и праведно развивающегося языка".⁹

Самая главная и показательная характеристика языка - его универсальность. Универсальность и разнообразие человеческой речи играют огромную роль, как в коммуникативной, так и в моделирующей функциях языка.

Речевой процесс может претерпевать бесконечные модификации или переходы в иные эквивалентные системы. Формы этих модификаций весьма разнообразны.

В логико-методологическом аспекте знания принято исследовать в форме высказываний, допускающих оценку их истинности. Альфред Тарский - польский логик и математик, президент Ассоциации символической логики дал семантическое определение истины.

Тарский попытался преодолеть присущие естественным языкам семантические парадоксы посредством формализации естественных языков и последующим переводом формализованного объективного языка в более богатый метаязык, в котором оказывается возможным построить непротиворечивое определение истины.

Карл Поппер применил логико-семантическую теорию Тарского к неформализованным, естественным языкам. Рост научного знания он рассматривает как частный случай мировых эволюционных процессов, реализующих принцип эмерджентности.¹⁰

Мишель Фуко в книге "Слова и вещи", анализируя европейскую историю познания, вычленяет три масштабных качественных скачка. В результате трех метапереходов последовательно сформировались три эпистемы - три познавательных поля (Возрождение, рационализм и современность). В этих эпистемных полях специфика соотношений слов и вещей и, соответственно, перипетии языка в культуре сыграли определяющую роль: язык как вещь среди вещей существует в эпистеме Возрождения, язык как прозрач-

ное средство выражения мысли выступает в классическом рационализме, язык как самостоятельная сила проявляет себя в современной эпистеме.

Мартин Хайдеггер сделал попытку герменевтического истолкования человеческого существования и постижения смысла бытия, фундамент которого он вначале усматривал в актах речи, а позднее - в языке: "Язык мысли и поэзии, заслоняемый обыденным представлением о знаке как ярлыке предмета, начинается с зова мира, ожидающего в своей смысловой полноте, чтобы человек дал ему слово, "сказал его".

Жан Поль Сартр считал, что человек выбирает свой способ бытия при абсолютной случайности своего "бытия-здесь", при этом он держит в руках все нити, связывающие его с миром. Не выбирая свою эпоху, человек выбирает себя в ней. Сартр пытался понять историю посредством человеческого творчества. А Мирча Элиаде в книге «Аспекты мифа» высказывает другую мысль. Он говорит, что человек современный не считает себя обязанным познавать всеобщую историю во всей ее целостности, в то время как человек первобытного общества не только был обязан восстанавливать в памяти мифическую историю своего племени, но время от времени он актуализировал ее значительную часть. Отсюда налицо целостность восприятия мира, симультанно-синкретическое мышление людей архаики. Для современного же человека характерно фрагментарное, как теперь говорят, «клиповое» сознание, «короткая» историческая память – отсюда путаница событий, понятий, идей, нарастание хаоса, а на языке физики – энтропии.

Ю.М. Лотман в работе "Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история" использует идею системного подхода к осмыслению бытия.

Попытка поиска начала использования системного принципа в моделях, сопрягающих структуру языка и способ познания внешнего мира, приводит нас к работам Эдварда Сепира - автора гипотезы лингвистической относительности. Эдвард Сепир призывал к интегральному взгляду на природу языка с позиций этнологии, психологии, фольклористики, религии, культуры.¹¹

В лингвистической литературе нет четкого разграничения понятий "система" и "структура", и многие употребляют эти термины как синонимичные. Но и там, где эти понятия разграничены, их взаимоотношения определяются по-разному. Распространено, например, представление, согласно которому система - это целостное сочетание определенной структуры с определенной субстанцией, выполняющее известную функцию, а структура - реляционный каркас системы, сетка отношений между ее элементами. Иногда система определяется как совокупность одноплановых единиц, связанных аппозитивными отношениями, а структура как совокупность языковых средств выражения значимых оппозиций.

Согласно представлениям лондонской школы Дж. Р. Фёрса, элементы структуры, то есть "части текста", конструирующие структуру или интегрируемые в нее, связаны друг с другом синтагматическими отношениями, а элементы системы ("члены класса", репрезентирующие или реализующие систему) связаны друг с другом парадигматическими отношениями.¹² В кибернетических моделях, разработанных в 1950–1970 гг., языковая система рассматривается как система правил образования, преобразования и комбинирования единиц языка.

В последние десятилетия все интенсивнее проявляется идея языка как самостоятельной силы в современной эпистеме и идея «текстуализации мира», разрабатываемая как в рамках структурализма, так и постструктурализма. Это и интертекстуальное сознание М. Фуко, и "мир как текст" Р. Барта, и теория «революционного лингвopsихоанализа» Ю. Кристевой, и высказывание Цв. Тодорова «законы мира аналогичны законам грамматики», и понимание мира как «космической библиотеки» (В. Лейч) и, как было отмечено выше, бесконечного, безграничного текста (Ж. Деррида), и трактовка романа как «космической структуры» (У. Эко). Близкие проблемы затронул М.Б. Туrowsкий, считавший, что культура, начиная с наскальной фрески и кончая Интернетом, - это семиотическая система, дополнительный код к биологическому геному, который в универсальной форме содержит программу жизненного мира. Отсюда его высказывание: «Культура - второй геном, вторая природа», как на то указывал еще Гете (культура – вторая природа).

Эти идеи вновь акцентировали внимание исследователей на взаимодействии языков науки и искусства, их целях, задачах, особенностях, возможностях. Постнеклассическая наука стала обращаться к опыту искусства, тяготеть к его методологиям, перенимать у него принципы построения моделей.

Сравнением возможностей миропонимания и его моделирования людьми науки и искусства периодически занимались с разной интенсивностью. Еще в древности существовало учение о том, что искусство есть познание мудрости и что поучение и наставление есть одна из главных его задач. Основной этого учения является аналогия между деятельностью, развитием языка и искусством.

Искусство как способ познания, рассматривал и В.Гумбольдт, а затем мастерски развили в своих трудах Потебня и Выготский.¹³ "Поэзия, как и проза, - говорит А.А.Потебня, - есть, прежде всего и главным образом, известный способ мышления и познания. Без образа нет искусства, в частности поэзии. То, чего мы не можем понять прямо, мы можем понять окольным путем, путем иносказания, и все психологическое действие художественного произведения без остатка может быть сведено на эту окольность пути».

Таким образом, поэзия и искусство вообще есть особый способ мышления, который, в конце концов, приводит к тому же самому, к чему приводит и научное познание, но только другим путем. При таком понимании психологии искусства стирается грань между процессом научного и художественного познания. Получается, что "великие научные истины сходны с художественными образами".

Если проследить этот другой, окольный путь, то окажется, что он помимо открытий и находок привносит существенную путаницу в миропонимание. В эпоху Возрождения сформировалась концепция антропологического универсума, которая базировалась на идее того, что человек является центром космоса. Классицизм и Просвещение характеризовались экстравертностью культуры, рационализмом, дифференциацией искусств и наук. С одной стороны, господствовавший в то время детерминизм вносил ясность в механистическую картину мира, с другой стороны, фрагментарный подход в науке и искусстве мешал созданию единой картины мира.

Романтизм появился как следствие исторического краха идей Просвещения, разлада между идеалом и действительностью. Путем утверждения самоценности духовно-творческой жизни личности, обращению к культуре далекого прошлого и фольклору, стремлением к синтезу, романтики пытались создать универсальную картину мира. Критический реализм, пришедший на смену романтизму, попытался вернуться к идеалу объективности, заимствованному у классической науки, и идеалу духовному, воспринятому от своих предшественников-романтиков.

Символизм строил свою картину мира. Путем аналогий между миром реальным и «миром истины и красоты» он пытался найти ответы на «вечные вопросы». Модернисты, принявшие эстафету в поиске истины от символистов, пытались на базе своего личного опыта создать модель, отражающую гипотетический порядок мира. Двухфокусная парадигма, выдвинутая символистами, распалась. В среде представителей Модерна, попытавшихся преодолеть эклектизм, нарастала хаотизация идей, а потому конструктивной модели мироустройства так и не было создано. Похоже, высказывание Аристотеля о том, что материя представляет собой то, мимо чего постоянно промахиваешься, в полной мере относится и к сегодняшним выводам.

Так вот, постмодернисты теперь утверждают, что «любая попытка сконструировать модель мира – как бы она ни оговаривалась или ограничивалась «эпистемологическими сомнениями» – бессмысленна. Постмодернисты считают в равной мере невозможным и бесполезным пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни. Если они и допускают существование модели мира, то основанной лишь на “максимальной энтропии”, на равновероятности, равноценности всех конститутивных элементов».¹⁴

Культурное пространство в нынешнем его состоянии как на микро-, так и на макроуровне действительно находится в состоянии сильнейшей хаотизации, а это в свете работ И. Пригожина, Г. Хакена, П.С. Курдюмова и других представителей, занимающихся проблемами самоорганизации, означает, что это является сигналом к мощному неожиданному метапереходу к новой реальности.

Примечания

- ¹ *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 48.
- ² *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М., 1989. С. 104.
- ³ *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991. С. 51.
- ⁴ *Юнг К.Г.* Архетип и символ. С. 73.
- ⁵ *Юнг К.Г.* Архетип и символ. С. 77.
- ⁶ *Юнг К.Г.* Архетип и символ. С. 79.
- ⁷ *Чучин-Русов А.Е.* Единое поле мировой культуры. Кн. 1-2. М., 2002.
- ⁸ *Страховская И.Г.* Меон и Эйдос // Высшее образование в России. 2003. № 2
- ⁹ *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М., 1987.
- ¹⁰ *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Тома 1-2. М., 1992.
- ¹¹ *Сетцр Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- ¹² Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. Ярцева В.Н., М., 1990. С.453.
- ¹³ *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1987.
- ¹⁴ *Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996 С. 212.

Сербы и албанцы: исторический опыт взаимодействия

В той ожесточенной полемике, которая в последние месяцы развернулась вокруг проблемы Косово, одним из излюбленных аргументов сторонников албанских сепаратистов стал тезис о якобы исторической неспособности сербов и албанцев сотрудничать и даже сосуществовать. Авторы подобных высказываний не только самочинно присваивают себе право говорить от имени балканских народов, но и самым грубым образом фальсифицируют подлинную историю сербо-албанских отношений, которую никоим образом нельзя сводить к примитивной модели извечной взаимной вражды.

Исторические факты говорят о том, что даже в самые непростые для обоих балканских народов моменты – в том числе в 1913 г., когда обширные территории Старой Сербии вновь вошли в состав Сербского королевства – их лидеры находили возможности для сотрудничества, пусть далеко не всегда бескорыстного.

Как известно, 20 сентября 1913 г., вскоре после окончания Балканских войн, по итогам которых районы Старой Сербии со смешанным сербо-албанским населением вновь вошли в состав Сербского государства, албанские вооруженные отряды численностью до 10,000 человек пересекли намеченную ранее Лондонскими соглашениями послов великих держав сербо-албанскую границу по трем направлениям. Военные действия охватили как районы собственно Албании, находившиеся в то время под контролем сербских войск, так и территории Косово и Западной Македонии, которые были присоединены к Сербии. В последнем случае главными целями албанцев стали города Джяковица и Призрен.

Во главе отрядов стояли известные албанские вожди Иса Болетини, Байрам Цурри, Риза Бей, Элез Юсуф и Кьясим Лика. Они действовали по прямому распоряжению главы албанского правительства во Влере Исмаила Кемали, который заверил их в поддержке со стороны Австро-Венгрии и Италии и пообещал, что все занятые в результате наступления территории станут частью Албании. Непосредственное командование частями осуществляли офицеры болгарской армии.

Единственным из албанских лидеров, кто отказался примкнуть к военной коалиции, стал один из самых влиятельных и колоритных албанских лидеров того времени Эссад-паша, заблаговременно

проинформировавший о развитии событий и своей собственной позиции власти Белграда.¹ Он воспользовался смутой, возникшей вследствие вторжения албанских отрядов в Сербию, и уже 23 сентября провозгласил себя правителем Албании. Этот акт объективно отвечал интересам и политике Белграда, возложившего ответственность за вторжение на сербскую территорию на правительство Исмаила Кемали в лице, прежде всего, его двух министров - Исы Болетини и Хасана Приштины.²

В это время российский поверенный в делах в Сербии В.Н.Штрандтман, имевший неоднократные беседы с управляющим сербским министерством иностранных дел Спалайковичем, передал в МИД России изложение той программы, которую сербский кабинет Николы Пашича решил взять на вооружение в албанском вопросе.

По его сведениям, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях решения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. С этой целью оно решило оказать посильное содействие Эссад-паше, ведущему борьбу против правительства Исмаила Кемали, поставив условием получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего увеличения сербской территории.

Фигура Эссад-паши – харизматическая для истории Албании рассматриваемого периода. В ней как в капле воды отразились все противоречивые явления и тенденции в албанском освободительном движении, лидеры которого лавировали между великими силами и балканскими странами, не гнушались получать финансовое содействие сразу из нескольких источников и не отличались разборчивостью в выборе путей и методов достижения своих амбициозных целей. Родившийся в 1863 г. в Тиране выходец из влиятельного феодального семейства Топтани, Эссад начал свою карьеру подобно многим другим крупным албанским землевладельцам. Будучи собственником крупных земельных наделов в Центральной Албании, он быстро поднимался в османской иерархии, став в начале XX в. командующим турецкой жандармерии в Янинском вилайете. Это не помешало ему в 1908 г. активно поддерживать младотурецкое движение и избраться в турецкий парламент от Дурреса. В 1909 г. именно Эссад-паша вручил султану Абдул Хамиду II декрет об отречении последнего от власти.

Накануне первой Балканской войны Эссад уже командовал жандармерией в Шкодринском вилайете, где у него завязались активные

торговые контакты с итальянцами, которым Топтани предоставлял концессии на эксплуатацию местных лесов.

В начале 1913 г. турецкие власти доверили Эссад-паше командование гарнизоном крепости Шкодер, осажденной союзными сербо-черногорскими войсками. Он проявил на этом посту незаурядные полководческие способности. Однако 23 апреля 1913 г., когда в крепости свирепствовали голод и эпидемии, Эссад все же был вынужден сдать Шкодер черногорцам, вытребовав, правда, почетные условия капитуляции: право покинуть крепость во главе отрядов в полном боевом вооружении. Поскольку к этому времени Советские послы великих держав в Лондоне уже приняли принципиальное решение оставить Шкодер в границах автономного Албанского княжества, сдача крепости на почетных условиях представлялась Эссаду мудрым политическим решением.³

Кроме того, вооруженная сила была необходима Эссаду для начала ожесточенной борьбы за верховенство в Албании, в которой к тому времени участвовали несколько влиятельных группировок. И в этой борьбе он рассчитывал не только на поддержку мусульманских лидеров Центральной Албании (на территории между Дурресом и Тираной), но и на помощь славянских союзников в лице Сербии и Черногории. Уже 5 мая 1913 г. он проинформировал черногорского короля Николу Петровича Негоша о своем намерении провозгласить себя князем Албании и выразил желание сотрудничать с балканскими союзниками, подчеркнув, что албанский народ обязан своей свободой другим балканским народам, и пообещав совместными усилиями – без участия великих держав – определить границы Албании. А сербскому дипломатическому представителю в Дурресе Живоину Балугджичу он прямо заявил, что хочет заключить соглашение с Сербией.⁴ И Белград после определенных колебаний согласился иметь дело с Эссад-пашой, поскольку, по словам сербского дипломата, «в общем и целом его поведение выражало искреннее желание достичь соглашения с Сербией, которую он считал средоточием действующих на Балканах сил».⁵

Вторая Балканская война стала еще одним искушением для Эссада. Стремясь свести счет со своей недавней союзницей, София стремилась сделать ставку на албанских лидеров – в первую очередь, группировавшихся вокруг Исмаила Кемали. В обмен на их вооруженное выступление против Сербии им были обещаны территориальные компенсации за счет сербских земель. Расчеты Софии строились на том, что восставшие против Сербии албанцы провозгласят автономию на территории Македонии, а затем Болгария аннексирует интересующие ее районы под предлогом обеспечения безопасности. В результате реализации данного плана, говоря образными словами Душана Батаковича, «через Македонию пройдет албано-болгарская граница». С военной же точки зрения болгарский Генеральный Штаб

рассчитывал на 20 тысяч албанских штыков из Старой Сербии и Македонии, которые после первой Балканской войны нашли прибежище в Албании. Повести это войско в антисербские сражения должны были уже заседавшие к тому времени во Влерском правительстве Хасан Приштина и Иса Болетини. Временное албанское правительство распорядилось задержать на албанской территории беженцев из Старой Сербии, аргументируя это тем, что вскоре их земли будут освобождены из-под власти Сербии.⁶

Болгарские комитаджи активно готовили албанские отряды для партизанских действий внутри Сербии; оружие и финансовые средства исправно поступали из Вены. Единственной силой на пестрой албанской сцене, способной противостоять попыткам албанских лидеров спровоцировать антисербское восстание в Косово и Македонии с тем, чтобы потом придти на помощь соплеменникам, оставался в создавшейся ситуации Эссад-паша.

Эссад остался верен союзническим обязательствам в отношении Сербии и не только отказался присоединиться к албанским главарям, но и держал сербское правительство в известности о происходящем.⁷

В итоге организовать скоординированное албанское выступление против Сербии не удалось. Против него выступил Эссад-паша, и его влияния хватило для нейтрализации усилий и Болгарии, и Австро-Венгрии с Италией. Две последние великие державы действовали в унисон с Софией, пытаясь - через своих агентов в лице священников и школьных учителей - натравить албанцев на Сербию, а заодно дискредитировать Эссада как главного противника данных усилий.⁸ В результате в мае-июне 1913 г. дело ограничилось разрозненными нападениями на сербские пограничные посты и отдельные передовые отряды.

Подписание Бухарестского мирного договора не успокоило страсти в венских, римских и софийских политических и военных коридорах. Правительство Австро-Венгрии направляло суда с оружием в Албанию, а болгарские комитаджи обучали албанские вооруженные отряды навыкам партизанской войны. Со своей стороны, сербское правительство - осведомленное о происходившем в албанском лагере в том числе через Эссада - направило на переговоры с албанскими лидерами Богдана Раденковича. Однако он не преуспел в посреднической миссии, и правительство Пашича по-прежнему могло рассчитывать лишь на Эссад-пашу, который единственный из албанских вождей не ориентировался однозначно на настроенные антисербски Вену, Рим или Константинополь.⁹

Как справедливо отмечает сербский историк Душан Батакович, нежелание Эссад-паши опираться на Австро-Венгрию, игравшую на Лондонском совещании ключевую роль в албанских делах, имело под собой веские причины. Албанский феодал понимал, что в условиях, когда

соседние балканские страны, в первую очередь, Греция, Сербия и Черногория, а также Италия не скрывали своих претензий на районы Албании, он может укрепить свои позиции внутри Княжества, наладив контакты с балканскими союзниками. В его цели входило объединение под своей властью северных и центральных районов Албании с преимущественно мусульманским населением, что требовало опоры на Сербию, Черногорию и ту же Италию. По мнению Батаковича, в основе военно-политических маневров Эссад-паши однозначно лежал религиозный фактор. Он полагал, что менее обширная по территории, чем было предусмотрено решениями в Лондоне, но зато более гомогенная в религиозном смысле Албания окажется гораздо более стабильной, и потому считал своими стратегическими противниками как ориентировавшиеся на Вену североалбанские католические племена, так и православное население Южной Албании (которую греческие власти именовали Северным Эпиром). С этим и была связана его ориентация на православную Сербию, проявившаяся также и в годы первой мировой войны.¹⁰ Как тут ни привести точные слова британского албаниста Оуэна Пирсона, отмечавшего, что албанцы не случайно еще в 1908 г. «страшились полной независимости, полагая, что немедленная независимость оставит их страну жертвой для более сильных балканских народов»!¹¹

Уже в начале мая 1913 г. Эссад-паша заявил черногорскому королю Николе, что албанский народ обязан своей свободой другим балканским народам, и пообещал совместными усилиями – без участия великих держав – определить границы Албании. В ходе встречи в Дурресе с сербским дипломатом Живоином Балугджичем Эссад подчеркнул свое желание заключить соглашение с Белградом. Дипломат поверил своему собеседнику и постарался убедить сербские власти в искренности его намерений, поскольку, по словам самого Балугджича, албанский лидер рассматривал Сербию в качестве ядра боевых балканских сил.

Разгром осенью 1913 г. регулярной сербской армией албанских отрядов, финансировавшихся и вооружавшихся австрийцами, предоставил Эссад-паше удобный повод провозгласить себя правителем Албании со штаб-квартирой в Дурресе, что и было им сделано 12 октября 1913 г. при поддержке лидеров мусульманских албанских племен и крупных землевладельцев Центральной Албании. Правительство Эссад-паши именовалось «советом старейшин Средней Албании».¹² Австро-Венгрия расценила данный шаг как очередное свидетельство просербской ориентации Топтани. Сербия, со своей стороны, поспособствовала Эссаду укрепить свои позиции в глазах отдельных племен, находившихся в оппозиции к временному правительству Исмаила Кемали. По данным сербского историка Душана Батаковича, союзнические отношения между

Эссад-пашой и властями Белграда никогда не были зафиксированы в специальном договоре; однако глава сербского правительства Никола Пашич отдавал своим представителям указания снабжать его оружием и деньгами. По справедливому выражению сербского исследователя, Эссад-паша являлся для Белграда противовесом великоалбанским кругам, группировавшимся вокруг Исмаила Кемали.

Что же касается социальной природы и программы «правительства» Эссад-паши, то о ней весьма точно сообщал 30 октября 1913 г. из Влеры российский генеральный консул в этом городе А.М.Петряев: «Эссад-паша, из знатного и богатого рода Топтани, представляет собою интересы крупных землевладельцев, так называемых беев, которые в своих сношениях с крестьянами установили в сущности феодальные начала». ¹³ По словам дипломата, вокруг Эссада сгруппировались другие крупные беи, недовольные «слишком демократической политикой Исмаил Кемаль-бея». ¹⁴ В другом своем донесении Петряев отмечал, что Эссад-паша «подчеркивает свое уважение к калифу и к постановлениям ислама, чем и поддерживает свою популярность». ¹⁵ «В этом отношении, - продолжал российский дипломат, - проводимая им в округе Дураццо (Дуррес – *Авт.*) внутренняя политика носит вполне консервативный характер и не лишена даже панисламистских тенденций». ¹⁶

Впрочем, и «демократизм» правительства во Влере также оставался весьма условным. Как отмечал в вышеупомянутом донесении от 30 октября 1913 г. Петряев, Исмаил Кемали «дал понять народу, что, по его мнению, одной из первых реформ должно быть улучшение положения мелкого крестьянства, состоящего в кабале у беев. Эта несколько общая формула приближенными Исмаила Кемаль-бея разъясняется в смысле нового распределения земельной собственности». ¹⁷

В феврале 1914 г. причудливые завихрения албанской политической сцены привели Эссад-пашу в лагерь посаженного на албанский престол великими державами князя Вильгельма Вида, вокруг которого также собрались сторонники установления албанского контроля над Косово. Эссад вошел в кабинет, сформированный Видом, где получил два ключевых поста – министра обороны и внутренних дел. Однако, говоря словами российской исследовательницы Н.Д.Смирновой, деятельность Эссад-паши «направлялась скорее на подрыв обороноспособности страны, ибо всю силу своей энергии он использовал на дискредитацию монарха и на завоевание личной власти». ¹⁸ Не откладывая дело в долгий ящик, он поддержал крестьянское восстание, вспыхнувшее в Центральной Албании. Не обошлось и без участия младотурецких офицеров, под влиянием которых восстание приобрело характер протеста албанских мусульман против христианского князя.

Вскоре после этого – в мае 1913 г. – Эссад-паша Топтани будет обвинен Вильгельмом Видом в государственной измене и подготовке мусульманского восстания против христианского князя, смещен со своего поста, арестован в Дурресе и вынужден будет покинуть страну и перебраться в Италию, в Бриндизи, при содействии итальянского дипломатического представителя в Дурресе. Что характерно – после эмиграции Топтани албанские вооруженные отряды значительно активизировали набеги на территорию Сербии.¹⁹

Уже в сентябре – после начала первой мировой войны и бегства Вильгельма Вида – Эссад-паша вернется в страну и во главе собственной армии и движения «Исламское сопротивление Албании» займет Тирану. 5 октября 1914 года Эссад провозгласит себя премьер-министром «Княжества Албания – Дуррес».

Он будет занимать этот пост и сохранять контроль над обширными районами Центральной Албании до 1916 г., когда переберется в Сербию, заявив о желании помогать Королевству, а также Греции в войне с Австро-Венгрией.

После окончания первой мировой войны следы Эссад-паши обнаружатся во Франции, где он по собственной инициативе будет присутствовать на Парижской мирной конференции в 1919 г., правда, без особого международного резонанса (что, впрочем, можно сказать и про Вида). Последующие месяцы он также проведет во Франции, пытаясь добиться международного признания Албании, где Тирану и большую часть исповедовавшей в основном ислам суннитского толка центральной части страны контролировал его полевой командир Осман Бали. А в июне 1920 г. Топтани даже займет на несколько дней трон албанского короля в изгнании. В начале июня соответствующее решение было принято Конституционной ассамблеей.

Однако такое развитие событий не устроило придерживавшихся идеологии бекташизма тосков и православных влахов Южной Албании. Они подослали Эссад-паше в Париж оплаченного наемного убийцу – 24-летнего учителя, уроженца города Либохова Авни Рустеми. И когда Эссад-паша Топтани решил вернуться в страну на свою инаугурацию, он был убит 13 июня 1920 г. Французская полиция задержала Авни Рустеми. Он заявил, что привел в действие смертный приговор, вынесенный Эссаду за предательство. На этом же построил свою защиту французский адвокат, напомнивший суду, что в «измене» Топтани обвинил никто иной как международно-признанный правитель Албании князь Вильгельм Вид. И суд неожиданно оправдал Рустеми. Сторонники Эссада в Албании были убеждены, что за ликвидацией их лидера стояли Франция и Сербия, не

желавшие выполнять обязательства, данные ему в ходе первой мировой войны.

Что же касается Авни Рустеми, то он вернулся в Албанию, где в 1921-24 гг. стал одним из организаторов и руководителей демократических организаций «Атвеу» («Отечество») и «Башкими» («Союз») и одним из лидеров парламентской оппозиции. По зловещей иронии судьбы, его жизненный путь закончился так же, как и у его жертвы: 22 апреля 1924 г. Рустеми был убит в результате заговора, организованного, как предполагалось, правительством Ахмета Зогу. Похороны Рустеми вылились в общенародную антиправительственную демонстрацию.

Однако вернемся в белградскую осень 1913 г. Сообщив Штрандтману о планах сербского правительства использовать Эссад-пашу, Спалайкович стал убедительно просить его сохранить данную информацию в строгой тайне и не сообщать ее в Санкт-Петербург, из опасения крайне нежелательной для Сербии огласки. Он также привел некоторые конкретные детали указанного плана. В частности, в ближайшие же дни специальное доверенное лицо должно было отправиться из Белграда через Салоники и Афины в Дуррес. Эссад-паше, испытывающему финансовые затруднения, будут посланы необходимые денежные средства. От самого же Эссада, с которым сербское правительство уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте, Пашич ожидает военного разгрома и изгнания находящегося во Влере албанского правительства в лице Исмаила Кемали, а также Исы Болетини, и занятия им поста генерал-губернатора. Своим первым указом Эссад-паша должен будет признать суверенитет турецкого султана (о лояльности Топтани к Турции свидетельствовал, в частности, флаг с орлом и полумесяцем) и согласиться на пересмотр сербо-албанской границы в соответствии с требованиями Сербии. Вслед за этим сербские войска оккупируют уступленную территорию под предлогом временного нахождения там в интересах сохранения порядка и на основании соответствующей просьбы самого Эссад-паши. Наконец, после укрепления своих позиций внутри страны, Эссад-паша должен будет провозгласить себя албанским князем.

В ответ Штрандтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется его страна в случае осуществления вышеуказанного плана, ибо великие державы единодушно и решительно выступят против подобной политики. В ответ управляющий сербским министерством иностранных дел принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться Лондонской границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил; что добрососедские отношения с Эссадом обеспечат спокойствие на Балканском полуострове;

что нынешняя благоприятная минута не повторится, так как через три года Австрия перевооружится и Болгария оправится и, наконец, что сербское правительство сумеет успокоить Европу, указав в особом обращении к державам на вынужденный и чисто временный характер принимаемых военных мер, обусловленных вторжением албанцев на сербскую территорию».²⁰ Одновременно он заявил, что сожалеет по поводу принятого несколько дней назад сербским правительством решения о выводе войск из Албании, ибо последнее албанское нападение, закончившееся, в частности, взятием Дебара, могло бы быть отбито с гораздо меньшими потерями со стороны сербских войск, если бы они находились на прежних стратегических позициях в глубине албанской территории; согласившись, однако, со своим собеседником в том, что и в этом случае Сербия не могла бы рассчитывать на свою полную защищенность от нападения албанцев, ибо численность сербского пограничного отряда, занимавшего позиции в албанских ущельях, не превышала одного батальона.

Как уже говорилось выше, информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства, откуда он вслед за этим получил две секретные телеграммы, датированные 28 и 29 сентября 1913 г. и подписанные товарищем министра иностранных дел Нератовым, в которых говорилось, что, несмотря на заявления Спалайковича о якобы строго секретном характере сообщения, он поделился своими соображениями относительно нового направления сербской политики в албанском вопросе также и с итальянским дипломатическим представителем в Белграде, который немедленно поставил в известность свое правительство; причем, управляющий министерством иностранных дел Сербии заявил итальянскому дипломату, что данный план уже встретил полную поддержку со стороны правительства России. В связи с этим Нератов дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссад-паши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, так же как и в отношении вооруженных сил - вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии.²¹ Кроме того, по словам товарища министра, предание международной огласке тайных замыслов Сербии неминуемо вызовет «самое решительное осуждение со стороны всех держав, утомленных

длительным политическим кризисом и стремящихся к водворению прочного мира».²²

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича, который в ответ заявил, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог бы иметь губительные последствия, прежде всего, для нее самой, и что и впредь она будет вести политику строгого благоразумия».²³ Что же касается сообщений итальянского поверенного в делах, то, по словам Спалайковича, сербское правительство уже сделало официальные заявления здешнему итальянскому, а также австро-венгерскому представителям, что Сербия действовала и в будущем будет действовать лишь оборонительными методами, не имея намерения захватывать чужие территории и уважая постановления Лондонского совещания. По мнению Спалайковича, выразившего российскому представителю свое глубокое сожаление по этому поводу, речь шла либо о недоразумении, заключавшемся в недостаточной информированности поверенного в делах Италии в Санкт-Петербурге о миролюбивой позиции Сербии, либо о его сознательной попытке таким путем выяснить отношение самой России к албанской проблеме.²⁴

Возвращаясь спустя несколько дней к разговору о тайных сношениях сербского правительства с Эссад-пашой, Спалайкович сообщил, что, по полученным в Белграде сведениям, «Эссад паша вошел в сношения с Портою и по-видимому работает в пользу Сербии. Со стороны Турции кандидатом в албанские князья выставляют Абдул Межеда, брата наследника. Доверенное лицо, посланное Черногорией в Дураццо к Эссаду, сообщило, что последний находится в смертельной вражде с Валонским правительством, которое, равно как и дибрские (дебарские – *Авт.*) албанцы, настаивает на выступлении Эссада против Сербии. Он от этого уклоняется, надеясь, что Сербия займет часть албанской территории, ему же предоставит роль спасителя Албании».²⁵ Сообщая об этом Штрандтману, Спалайкович заверил того, что «он решил не идти навстречу этим предложениям, несмотря на мольбы Эссада, не получающего по-видимому ответа и от Турции».²⁶

Тем временем сербский премьер Никола Пашич отправился в Париж, где поднял вопрос о деятельности Эссад-паши в несколько иной плоскости. Как сообщал 1 октября в Санкт-Петербург поверенный в делах России во Франции М.М.Севастопуло, «Пашич, с которым я имел продолжительную беседу о сербо-албанских отношениях, считает, что центр тяжести всего положения находится в Константинополе, следствие близких отношений, существующих между Эссад Пашой и турками. Он убежден, что Эссад получает денежную помощь из Константинополя и является орудием сего последнего, точно так же, как Валлонское правительство зависит от Вены.

По мнению Пашича, в интересах Турции создать затруднения Сербии, как союзнице Греции, дабы быть в более выгодных условиях для ведения переговоров с Афинами. Он считает поэтому воздействие в Константинополе наиболее целесообразным средством для прекращения сербо-албанских столкновений, так как сам Эссад никаких неприязненных чувств к Сербии не питает. Он подтвердил мне, что Сербия ни о каких завоеваниях за счет Албании не мечтает; но, по его мнению, в высшей степени желательно в интересах мира, чтобы разграничительная комиссия, не нарушая Лондонских решений, отвела бы Сербии некоторые стратегические пункты для обеспечения ее границ».

После восстановления порядка на сербо-албанской границе сербские военные власти приняли по отношению к участникам беспорядков жесткие меры. Это вынудило многих жителей Охрида, Дебара и Люмы спешно покинуть места своего проживания и искать спасения во внутренних и прибрежных районах Албании, в частности, в городах Эльбасан, Тирана и Дуррес, куда уже фактически пришла зима. Общее число беженцев из Сербии достигло 40,000 человек. Среди них, наряду с мусульманами, находились и лица христианского вероисповедания, главным образом, болгары из Охрида и Струги, но они составляли незначительное меньшинство.²⁷ Как сообщал в те дни российский представитель в Контрольной комиссии А.М.Петряев, «по словам недавно посетившего меня корреспондента «Таймс», положение их (беженцев – *Авт.*) ужасное. Они в полном смысле слова осуждены на голодную и холодную смерть».²⁸

В сложившейся ситуации Эссад-паша обратился с телеграфным запросом к членам Контрольной комиссии с настоятельной просьбой об оказании им срочной материальной помощи. Тем не менее, данный вопрос, вследствие отсутствия у Комиссии денежных средств, не получил никакого разрешения в рамках указанного органа. Тем временем, австро-венгерский и итальянский делегаты в Комиссии сообщили о выделении их правительствами по 10,000 франков для раздачи беженцам, которые прибыли в Дуррес. Данная операция осуществлялась через Эссад-пашу под контролем австро-венгерского и итальянского консулов в данном городе. Наряду с этим, австро-венгерское правительство направило в Дуррес и Тирану специальную миссию Красного Креста с полным материально-техническим оборудованием для организации передвижного военно-полевого лазарета. Во главе этой миссии, имевшей военно-медицинский характер, был поставлен полковой врач из военного госпиталя в Пржемысле Л.Поппер, при котором состояли два других врача из военных госпиталей Вены и Линца. С ними отправились 10 сестер милосердия, 3 унтер-офицера и 10 солдат санитарной службы.²⁹

В середине декабря 1913 г. Эссад-паша сообщил Контрольной комиссии, что нет никаких оснований опасаться нападения албанцев на сербские гарнизоны в районе Дебара и Люмы, где в данное время ведет свою работу направленная им лично специальная комиссия для организации в указанных областях гражданской администрации.³⁰

В самые «жаркие» для сербо-албанских отношений месяцы конца 1913 – первой половины 1914 г. власти Сербии не оставляли попыток установить взаимовыгодные контакты с отдельными влиятельными албанскими лидерами – и в первую очередь Эссад-пашой – в интересах стабилизации обстановки и встречали позитивный отклик со стороны последних. Назначенный сербским консулом в Дуррес Симич в беседе с Петряевым весьма деликатно сообщил последнему 17 декабря 1913 г., что он «имеет доверительное поручение вступить с Эссад-Пашой в переговоры по вопросам, интересующим Сербию и Албанию».³¹

В данных обстоятельствах Эссад-паша, у которого установились близкие отношения с сербским генералом Дамьяном Поповичем, когда последний в период первой Балканской войны находился с сербским отрядом под Шкодером, направил делегацию из четырех албанских нотаблей в сопровождении сербского офицера, переодетого в штатскую форму, в Белград для секретных переговоров с сербским правительством.³² После прибытия в сербскую столицу нотабли были приняты Пашичем, которому они заявили, что не признают находящееся во Влере правительство Исмаила Кемали, но и не желают иметь в качестве князя назначенного европейскими государствами принца Вильгельма Вида, ибо во главе Албании, большинство населения которой составляют мусульмане, должен стоять политический деятель-мусульманин, чьи интересы они и собираются защищать; дав одновременно понять, что они имеют в виду в этом плане Эссад-пашу.

Пашич был крайне осторожен в своих высказываниях, стараясь не связывать себя конкретными обязательствами. Относительно избрания албанского князя глава сербского кабинета заявил, что этот вопрос находится в компетенции европейских держав, среди которых Сербия не имеет права голоса. Он заверил нотаблей в искреннем желании сербов жить в мире с соседними племенами и вручил им денежную помощь в размере 30,000 франков, с условием ее использования в целях установления порядка на сербо-албанской границе и оказания помощи албанским семьям, пострадавшим от действий сербских войск. 18 декабря 1913 г. нотабли, вполне удовлетворенные – понятное дело! – результатами переговоров, отбыли из Белграда.³³

Безусловно, развитие сербо-албанских отношений в бурные дни конца 1913 г. знало достаточно примеров непонимания, вражды, кровавого

насилия. Соответствующие материалы, в частности, поступали в распоряжение делегатов Международной контрольной комиссии, начавшей работу в Албании в середине октября 1913 г. К чести делегатов – в том числе российского комиссара в Албании А.М.Петряева – они пытались объективно разбираться в сложившейся ситуации и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. 21 октября 1913 г. Петряев весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющимся здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей», не подтверждая при этом официально конкретные факты массовых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях – не только в силу особого характера сербо-российских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить ко всем тем громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах.³⁴

Да и в целом различные албанские лидеры и вооруженные отряды боролись друг с другом – а заодно и с мирным населением – с не меньшим усердием, чем с сербами. Вот что писал в своей секретной телеграмме в российский МИД 26 октября 1913 г. уже упоминавшийся нами российский комиссар Петряев: «Исмаил Кемаль, боясь нападения со стороны Эссада, сосредоточил у берегов Шкумбии около тысячи иррегулярных войск, состоявших из разбойников и башибузуков. Они предаются грабежам и насилиям. Окрестное население в панике».³⁵ А 5 декабря 1913 г. российский представитель в Контрольной комиссии телеграфировал, что «по сообщению командующего международным отрядом в Скутари (Шкодер – Авт.) вследствие вендетты между албанскими беженцами и племенем шалья... начались кровавые столкновения. За последние дни убито 19 человек... Между малиссорскими племенами также вспыхнула вражда, приведшая к образованию отдельного правительства в Сан-Джиованни ди Медуа под главенством албанского главаря Ват-Мараша».³⁶

Развитие сербо-албанских отношений в рассматриваемый период весьма осложнялось тем интересом, который проявляла в отношении вышеуказанных событий Болгария. По негласным сведениям, полученным Петряевым в начале декабря 1913 г., болгарское правительство поручило своему генеральному консулу в Албании установить контакты с албанскими лидерами в Дебаре и Люме на предмет тайного направления болгарских офицеров в качестве инструкторов с целью организации добровольческих иррегулярных полков на территориях, прилегающих к сербской границе.³⁷ Кроме того, согласно секретным сведениям, полученным сербским правительством, болгарский кабинет предпринимал усилия, направленные

на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев, в связи с чем в декабре 1913 г. усилился приток болгарских эмиссаров в крупнейшие центры Албании, и в особенности в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Дмитрий Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты «Вечерняя почта», слывущей в болгарской столице официозом³⁸). Он имел несколько встреч с Эссад-пашой, которому, по данным, сообщенным сербским правительством российскому посланнику в Белграде Н.Г.Гартвику, предложил для обсуждения следующую программу:

Интересы Болгарии и Албании требуют осуществления совместных действий с тем, чтобы не оставлять в покое Сербию и Грецию, ибо в противном случае они сумеют укрепить свои позиции на занятых ими территориях, и тогда будет практически невозможно вынудить их оставить данные области. Военные действия должны быть начаты не позднее, чем через шесть месяцев, по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией, которое, по словам Атанасова, могло бы быть достигнуто значительно ранее, если бы не препятствия, создаваемые Россией. Албанцы, со своей стороны, должны поставить под ружье не менее 30,000 человек, причем Болгария обязуется предоставить им необходимое оружие, боеприпасы и другие военные материалы. В заключение болгарский представитель заверил Эссад-пашу в том, что примирение между Болгарией и Сербией не может быть достигнуто ни при каких условиях, несмотря на все старания России.

Тем не менее, Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией.³⁹ Очевидно, свою роль сыграли не только финансово-политические связи Эссада с Белградом, но и его объективная оценка расстановки сил на Балканах. Объединенный сербо-греческий фронт выглядел слишком сильным противником для объединенных албано-болгарских сил, тем более, что Белград и Афины связывало специальное межгосударственное соглашение (чего не было в случае с Болгарией и Албанией).⁴⁰

Мы привели лишь некоторые из многочисленных примеров оживленного и порой весьма конструктивного сербо-албанского взаимодействия начала XX в. В те годы степень остроты косовской проблемы вряд ли уступала сегодняшним реалиям. Однако это не мешало руководству Сербии и, по крайней мере, некоторым албанским лидерам договариваться по многим проблемам. А это означает, что у сербов и албанцев нет исторически закодированной вражды, на которую ссылаются

мировые силы, привыкшие решать проблемы Балкан за спиной балканских народов.

Примечания

- ¹ Документи о спољној политици Краљевине Србије. VI, 3. № 347, 351, 359, 378, 379; 406, 418.
- ² *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С.57, 60-61.
- ³ Подробнее см.: *Батаковић Д.* Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. С.299-303.
- ⁴ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С.52-64.
- ⁵ *Балуџић Ж.* Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937. С.521-522; *Микић Ђ.* Албанци и Србија у балканским ратовима 1912-1913 // Историјски гласник. 1985. № 1/2. С. 75; Документи о спољној политици Краљевине Србије. VI, 2, № 75, 77, 80, 86, 93, 100, 105, 124, 130, 135.
- ⁶ Документи о спољној политици Краљевине Србије. VI, 3, 262. № 194.
- ⁷ Подробнее см.: *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С.33-38, 60-61.
- ⁸ Документи о спољној политици Краљевине Србије. VI, 3. № 194, 239, 253.
- ⁹ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С.33-38.
- ¹⁰ *Балуџић Ж.* Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937. С.521-522.
- ¹¹ *Pearson O.* Albania and King Zog. Independence, Republic and Monarchy 1908-1939. London, New York, 2004. P.1.
- ¹² Краткај историја Албанији. М., 1992. С.251.
- ¹³ Цит.по: Краткај историја Албанији. М., 1992. С.252.
- ¹⁴ Цит.по: Краткај историја Албанији. М., 1992. С.252.
- ¹⁵ Цит.по: Краткај историја Албанији. М., 1992. С.252.
- ¹⁶ Цит.по: Краткај историја Албанији. М., 1992. С.252-253.
- ¹⁷ Цит.по: Краткај историја Албанији. М., 1992. С.251.
- ¹⁸ *Смирнова Н.Д.* Историја Албанији в XX веке. М., 2003. С.65.
- ¹⁹ *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С.33-38, 60-61.
- ²⁰ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.531. Л.352.
- ²¹ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.531. Л.358-359. Что же касается показателей, характеризующих Сербию и Австро-Венгрию в военном отношении, то к началу первой мировой войны кадровая численность сербской армии в мирное время составляла 52,000 человек, а союзной с ней Черногории – 2,000 человек; в случае же военной опасности их боевая численность могла составить 247,000 человек у Сербии и 60,000 у Черногории. Численность же предвоенной армии, имевшейся в распоряжении Австро-Венгрии, составляла 478,000 человек. В случае же начала военных операций ее командование могло поставить «под ружье» 1,421,250 человек // *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914-1918 гг. Том первый. Кампании 1914-1915 гг. М., 1938. С.20-21.
- ²² АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.531. Л.358.
- ²³ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.531. Л.362.
- ²⁴ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.531. Л.362.

- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.113. Л.385.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.113. Л.385.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л.16.
- ²⁸ Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С.250.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л.16.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л.37.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.19. Л.49.
- ³² АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л.38.
- ³³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.531. Л.449; 532. Л.55-56.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.19. Л.11.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.19. Л.17.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп.470. Д.19. Л.36.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л.30.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.515. Л.6.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп.482. Д.2908. Л.56.
- ⁴⁰ За балканскими фронтами первой мировой войны. М., 2002. С.51.

Геополитические аспекты современного балканского кризиса

Косово, получив отмашку из Вашингтона, провозгласило свою независимость. Провозгласило поспешно, не закончив споры о флаге, гербе, церемонии. Однако это событие случилось в неблагоприятных для его инициаторов условиях. Если бы все произошло пять лет тому назад, многие бы, наверное, подняли руки и проголосовали за признание нового государства. Но сегодня нет уже того единства в поддержку отделения Косова, на которое рассчитывали, прежде всего, США. Нет единства в Совете Безопасности, в ЕС, "обдумыванием" ситуации заняты правительства большинства стран мира. Как проанализировали РИА-Новости в конце февраля, есть страны, не собирающиеся признавать независимость Косова без санкции ООН (5 государств), есть те, кто никогда не признают независимость этого новообразования (16), и, наконец, те, кто не спешит с принятием решения (17). 30 стран уже признали или заявили о своей готовности признать независимость Косова. Даже этот немудрёный расклад показывает: у сторонников признания нет преимущества (30 : 38). И в этом - большая заслуга России.

Не только заслуга, но и победа. Именно так хочется ответить тем, кто сегодня пытается представить Россию как терпящую поражение на всех балканских фронтах. И вот почему:

1. За минувший год, с тех пор как Россия сказала в Совете Безопасности ООН твердое «нет» планам по отделению Косова, была проделана большая работа: принципиальная позиция российского руководства, похоже, даёт плоды, и период международного политико-правового бесправия, который длился 17 лет, подходит к концу. Главная заслуга России – появившееся желание ряда стран вернуть международные отношения в русло международного права, положить конец той продуманной политике дикого бесправия, которая господствовала при «урегулировании» балканского кризиса с начала 90-х годов.

2. В 2007 году, благодаря позиции России, был оттянут момент провозглашения албанцами независимости, шел переговорный процесс, а потому Москва и Белград хорошо подготовились к такому повороту событий. Сербия разработала ряд ответных мер. Россия тоже вела все это время активную дипломатическую работу и также подготовила набор ответных мероприятий.

3. Сегодня многие говорят о том, что ООН не выдержит косовского кризиса и её дни сочтены. Думается, что благодаря России, ООН как раз возрождается после тяжёлой болезни, которая начала серьёзно ощущаться именно на Балканах с середины 90-х гг. Симптомы этого недуга проявлялись в подчинении воле США при решении сложнейших проблем межэтнических столкновений, в желании всегда выдерживать консенсус при голосовании в СБ, даже если понимали несправедливость принимаемого решения, в политике двойных стандартов по отношению к сербскому народу, в активном вмешательстве НАТО в балканские дела без решения ООН. Многие убеждали тогда, что пора вместо ООН придумать новую систему безопасности, так как принципы ООН "не работают". Однако то, что в СБ начались споры, - это хорошо. Значит, осталось лишь начать слушать друг друга. И не принципы ООН плохие, а мы забыли, что они существуют.

4. Благодаря позиции России, произошла консолидация руководства Сербии, которое осознало, что теперь оно будет бороться не в одиночку за свои законные права. В голосе Белграда проявилась уверенность, действия перестали быть хаотичными, а предложения – беспорядочными. Поставленная на колени и униженная страна смогла за короткий срок собраться, понять, что время пассивности и раболепия прошло, что от сегодняшнего выбора зависит не только будущее поколений сербов, но и существование нации.

Позиции России и Китая в Совете Безопасности ООН очень твердые, а без согласия Совбеза нельзя будет послать в Косово ни европейских "учителей" для албанцев, ни поднять вопрос о признании независимости Косова на Генеральной Ассамблее ООН. Поэтому Приштине нечего и мечтать, что в ближайшее время ее назовут новым государством Европы.

Последствия для Европы. Европейцев предупреждали о боснийском синдроме: признание независимости вызовет такие проблемы, которые могут пошатнуть сами устои Евросоюза. Скоро международные организации будут завалены прошениями о признании независимости по примеру Косова. И не только на постсоветском пространстве. И как старушке Европе реагировать, когда она столкнётся с волной сепаратистских движений?

В крае вполне возможны акции насилия в отношении неалбанского населения. Но натовцев больше беспокоит другая проблема: как заставить сербов смириться с создавшейся ситуацией. Они перекрыли границу Косова с Сербией, чтобы не допустить приезд сербов из Республики на поддержку сербам края. Но это не помогает. Мы сегодня наблюдаем удивительное единство сербов в разных частях некогда большой страны. На митинги протеста вышли сербы в Белграде и других городах, Косове и Метохии, Черногории (Беране, Бело-Поле), в диаспоре. В республике поднялась волна патриотизма.

Преимущества России. Позиции России и Китая в Совете Безопасности ООН очень твердые, а без согласия Совбеза нельзя будет поднять вопрос о признании независимости Косова на Генеральной Ассамблее ООН, а миссия ЕС будет считаться недействительной. Поэтому Приштине нечего и мечтать, что в ближайшее время ее назовут новым государством Европы. А без этого Косово ждут большие трудности в функционировании, в частности с визами, например, в шенгенской зоне.

Варианты Запада. Главное – обойти СБ. Признать или Европой (не получилось), или мусульманским миром (не получилось). Вариант – признать в Ассамблее ООН без СБ. Но там нет единства.

Ещё один путь – создать некий новый орган, который может заменить СБ. Эту методику использовали в 90-е на Балканах для управляемости процессом, для принятия решений, отвечавших интересам узкой группы лиц или стран. Вспомним, что на Балканах присутствовали разные организации с разными целями – те, кто пытались решать проблемы (участвовали в переговорном процессе), гуманитарные организации, военные, надзорные, наблюдательные, а также представлявшие интересы одной страны, группы стран, организаций и органов. Вся созданная система международных организаций на постюгославском пространстве работала для выполнения только одной задачи: принуждения к принятию решения, который уже был где-то подготовлен. В международном праве времён бесправия начинал работать принцип права сильного. И особенно отчётливо он виден именно на Балканах.

Так вот, многие забыли, что специально для Балкан в 90-е гг. создавали новые организации и органы, имевшие краткосрочные специальные задачи: принять решение по укороченной процедуре, придав ему вид правового. Среди них - Арбитражная комиссия, Контактная Группа (КГ), Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и ряд других. Причём, некоторые после выполнения поставленной задачи, исчезали с исторической сцены, другие изменяли свой мандат, а некоторые продолжают свою деятельность по сей день. Для чего это делалось? Для управляемости процессом, для принятия решений, отвечавших интересам узкой группы лиц или стран. И сегодня с этим соглашаются всё больше и больше экспертов. Вспомним, например, Арбитражную комиссию, которая была создана только для того, чтобы констатировать, что СФРЮ больше не существует и придать законность этому акту.

Вспомним, как это было.

На внеочередном заседании министров стран — членов ЕС 27 августа 1991 г. была принята Декларация, которая, кроме всего прочего, предвидела создание Арбитражной комиссии. Арбитражная комиссия должна была рассматривать спорные вопросы в процессе урегулирования югославского кризиса. Решение о ее создании было подтверждено на Конференции ЕС о

Югославии в Гааге 7 сентября 1991 г., на которой присутствовали представители Югославии и всех республик. Арбитражную комиссию составляли пять представителей конституционных судов стран — членов ЕС. Председателем Арбитражной комиссии был избран председатель Конституционного суда Франции Робер Баденгер.

Позиции международных организаций лишь отчасти беспокоили руководство Югославии. Тогда еще казалось, что должен существовать такой орган, который может объективно подойти к случившемуся на Балканах. 21 октября министр иностранных дел СФРЮ В.Йованович предложил на рассмотрение Арбитражной комиссии три ключевых вопроса, которые могли бы сдвинуть с мертвой точки переговорный процесс:

1. Кто имеет право на самоопределение с точки зрения международного права — нация или субъект Федерации? Является ли право народа на самоопределение субъективным коллективным правом народа или это право территорий?

2. Является ли сецессия допустимым правовым актом с точки зрения Устава ООН и других норм международного права?

3. Являются ли разделительные линии между конституционными частями федеративного государства (провинциями, кантонами, штатами, землями, республиками) границами по международному праву?

Вопросы передавались в Комиссию через лорда Каррингтона, а ему было известно, что международная практика выработала достаточно твердые ответы на поставленные Югославией вопросы, поэтому он, пытаясь избежать прямого ответа, **переформулировал вопросы**. Первый звучал так: «Сербия считает, что республики, которые провозгласили или провозгласят свою независимость и суверенитет, вышли или в скором времени выйдут из СФРЮ, продолжающей, несмотря на это, свое существование. Остальные республики, напротив, считают, что речь идет не об отделении, а о дезинтеграции и прекращении существования СФРЮ в результате одновременного намерения ряда республик выйти из нее. Они считают, что шесть республик должны быть равноправными наследницами СФРЮ без права какой-либо из них или их групп быть ее продолжателем. Я бы хотел, чтобы Арбитражная комиссия рассмотрела этот случай и сформулировала заключение или рекомендацию, которая могла бы быть полезной».

Два других вопроса стали выглядеть так: «Имеет ли сербское население из Хорватии и Боснии и Герцеговины, как конституционный народ Югославии, право на самоопределение? Могут ли, по международному праву, внутренние линии разграничения между Хорватией и Сербией, с одной стороны, и Сербией и Боснией и Герцеговиной, с другой стороны, считаться границами?».

Арбитражная комиссия 7 декабря выразила «Мнение № 1», согласно которому «существование или несуществование одного государства — вопрос

фактического состояния». А поскольку Словения, Хорватия, Македония, Биг «выразили волю к независимости», а состав и работа основных органов федерации «не отвечают более критериям совместного участия и представительства, свойственным федеративному государству», то «Арбитражная комиссия считает, что СФРЮ находится в процессе распада» и «республики должны решить проблемы государственной преемственности». Как мы видим, Арбитражная комиссия была создана специально для того, чтобы найти правовое обоснование дезинтеграции СФРЮ, что с успехом и было осуществлено. И такая практика продолжалась все годы кризиса.

С целью непосредственного контроля США над процессом урегулирования на Балканах была создана и так называемая Контактная группа, где Соединенные Штаты играли главную роль.

Решение о создании Контактной группы выросло из необходимости усилить влияние США на процесс урегулирования в Боснии и Герцеговине, упростить механизм принятия решений. Вашингтон был недоволен своим участием в официальных структурах, занимающихся переговорным процессом. При существовавшей иерархии в ООН, последнее слово оставалось за Генеральным секретарем. В процессе принятия решений участвовало много субъектов, что делало рискованным проведение не всегда объективных решений, хотя США удалось добиться единства в Совете Безопасности, нейтрализовав Россию. Поэтому, видимо, и родилась идея создать политический орган урегулирования кризиса из более узкого круга стран (США, Германия, Англия, Франция и Россия), где консенсус достигался легче. Никакого специального решения ООН о создании КГ и ее функциях не существовало. Создание Контактной группы было окутано тайной, поскольку, как предполагал Д.Оуэн, ЕС не дал бы согласие на создание такого органа, исключаящего ЕС из процесса урегулирования. Было решено поставить ЕС перед свершившимся фактом. Координатором создания КГ был Д.Оуэн. О ней не знали даже в штабе миротворческих сил в Загребе. Я тогда работала в штабе миротворческих сил. Мы получили задание от Ясуши Акаши разузнать, что такое создаваемая Контактная группа и каковы ее функции. В российском посольстве в Белграде, куда я позвонила, мне ответили, что КГ задумана как вспомогательный орган из дипломатов невысокого уровня по подготовке предварительных черновых документов для министров пяти стран, занимающихся разрешением балканской проблемы. Политические директоры ЕС 10 мая рассматривали вопрос легитимности состава КГ, но вопрос удалось замять. Со временем полномочия группы расширились, она начала дублировать функции личного представителя Генерального секретаря ООН в бывшей Югославии Я.Акаши в переговорном процессе. Только в сентябре 1994 г. Контактная группа впервые упоминается в Резолюции 947 Совета Безопасности — ее работа и «ее роль во всеобъемлющем мирном

процессе в регионе» признаются крайне важными. И теперь уже почти все резолюции СБ опираются на решения Контактной группы.

Таким образом, мы не должны забывать ту методику, которую США применяли на Балканах в 90-е. И не должны совершать те же ошибки. Вашингтон ищет обходные пути, чтобы признать независимость Косова и довести дело до конца, поэтому пытается применить те же приёмы, которые сработали тогда: позволили признать правомерность распада СФРЮ, оправдать бомбёжки НАТО сербских позиций, и т.д.

На днях в Вене состоялось учредительное заседание так называемой Международной руководящей группы по Косову (МРГ). Группа представляет лишь интересы стран, признавших косовскую независимость, либо заявивших о готовности сделать это, а потому не выражает мнение всего международного сообщества. Это событие прошло достаточно незамеченным в наших СМИ. А это тот самый орган, который должен принять решение про укороченной процедуре, придав ему вид правового. Целью деятельности МРГ декларировано оказание содействия Приштине в становлении односторонне провозглашенной независимости в соответствии с так называемым "планом Ахтисаари", который, как известно, не был одобрен СБ ООН и не может быть основой урегулирования. Налицо – произвольное насаждение структуры, которая, не имея на то оснований, претендует на прерогативы ООН и ее Совета Безопасности. Вместо этого следует искать пути возвращения косовского урегулирования в международно-правовое поле в русле резолюции 1244 СБ ООН. Иные действия могут еще больше осложнить ситуацию вокруг Косово и сдетонировать непредсказуемые последствия.

Чтобы прекратить манипуляции международным правом, чтобы отстаивать собственные интересы, чтобы не допустить дальнейшего дробления территорий Сербии, Македонии, России, мировое сообщество должно выработать универсальные критерии признания независимости многонациональных или многоконфессиональных государств, например: [уровень демократии, отсутствие геноцида, военных действий, не использование тактики терроризма, определённый процент населения одной национальности или веры и т.д. и... (в конце) - результаты референдума]. Это может стать конкретным вкладом в стабилизацию ситуации на постюгославском и постсоветском пространствах. В таком случае, лидеры Косова заранее могли бы знать, что без восстановления памятников православной культуры, прекращения геноцида православного населения, без возвращения сербского население в КиМ невозможно претендовать на независимость.

Только выработав универсальные критерии, любой может сказать, надо ли признавать ту или иную территорию, тяготеющую к самостоятельности. И не будет тогда возникать вопросов, надо ли учитывать историческое пра-

во, или исходить из сложившейся ситуации? Чёткие критерии позволят избежать субъективизма и применения двойных стандартов.

У нас в институте неоднократно выдвигались обсуждались такие предложения, но мы слышали в ответ, что сделать это крайне сложно, что требуются огромные усилия международных организаций по выработке таких критериев, что это может затянуться на долгие годы. Чтобы упрекнуть оппонентов в лукавстве, напомним, что 17 декабря 1991 г. в Брюсселе удивительно быстро был разработан и принят документ, в котором утверждались условия признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Среди них — преобладание права и демократии, гарантия прав национальных меньшинств, мирное решение споров и ряд других. Значит: возможно, если хотим. А если не хотим? Именно это нехотение урегулировать проблему является сутью происходящего на Балканах и в 90-е, и сейчас.

От того, как будет решён косовский вопрос, зависит показатель зрелости современной цивилизации. Этим определится и темп продвижения от однополярного к многополярному миру. Борьба за новый миропорядок опять сосредоточилась на Балканах.

Пути идентификации и самоидентификации русских (Россия и Зарубежье)

В наши дни стали банальностью два утверждения. Первое: как всякая идентификация, самоидентификация базируется на памяти. За ним, однако, приходится раскрывать скобки. Памяти какого рода? Возможно сочетание памяти разного типа (этнической, национальной, исторической, социальной). И, конечно, культурной, создающей особую конфигурацию перечисленных выше компонентов. Возникает также вопрос: в какой пропорции они сочетаются на каждом конкретном этапе развития общества? Ответы на эти вопросы не столь банальны, как представляется на первый взгляд. Они требуют не просто обращения к культурным фактам, но и проницательного воображения в их интерпретации. Особенно, когда целью интерпретации является не создание очередной мифологемы, а попытка прорваться сквозь плотный строй мифологем в выявлении пусть приблизительного, но все-таки соответствия реальному содержанию культурно-исторического процесса.

Методологические трудности, возникающие здесь, исключительно велики. Их преодоление, в конечном счете, определяется способностью исследователя вместить и стереоскопично структурировать факты и тенденции, находящиеся в видимых и скрытых противоречиях друг другу, - т.е. оптимизировать место и значение каждого из них в системе концептуального видения проблемы.

Понятно, что такая духовная работа отнюдь не банальна. В значительной мере она сопряжена с последствиями размывания осмысленных определений со стороны ангажированных создателей мифологем «голоса крови», «исключительности миссии», «призванности свершения». Полностью свободным от них не может считать себя никто: с детства впитанные симпатии и антипатии на уровне глубинных основ ценностных ориентаций изначально определяют характер и направление научных интенций исследователя. Поэтому ему следует осознанно подходить к проблеме концептуализации тех или иных моделей национальной психологии, делая поправку на собственную включенность в историко-культурный контекст.

Банальным является и положение, что вопросы самоидентификации и идентификации, даже когда они и не имели этих названий, решались в глубокой древности славян. В том числе и по принципу «восстал род на род».

Сколько было таких восстаний? Никто не перечислит потери жизней, достижений культуры, произведений искусства, прерванных генетических линий... Рождение геноцида как практики межродовых отношений произошло из формулы «нет рода - нет проблемы». Не отсюда ли практика поголовного истребления всех, оказавших сопротивление, - мужчин-воинов, детей, выросших выше колесной чеки (например, войском Чингиз-хана и других завоевателей)?

Правда, при необходимости в жены и наложницы брали полонянок. Откуда, между прочим, возникала деликатная проблема степени «чистоты крови», также обозначившаяся в глубокой древности. Предполагалось, что появившиеся дети воспримут культурную матрицу и язык завоевателей (если они признавались не рабами, а членами рода). Но наличие иноязычных матерей и их воспоминаний о «родоциде» не давало абсолютных гарантий. В ход вступала последующая селекция на верность обычаям и традициям родовой структуры, утверждающей свое доминирование. В свою очередь, существовал особый механизм, пресекающий внедрение инородных элементов в социо-культурную реальность жизни древних сообществ через женскую основу рода (многочисленные практики социально оправданного убийства и самоубийства женщин, подвергшихся насилию или добровольно вступивших в несанкционированную связь с «чужими»). Отметим, что данные практики никогда не распространялись на мужчин).

Проблематика родовой и племенной идентификации и самоидентификации не оставила большого круга письменных источников. Большинство процессов этого типа, жестоких и мучительных, состоялись в дописьменный период существования славянских племен. Однако следы этих событий можно обнаружить в древнейших памятниках славянской письменной культуры, что говорит об их исключительной значимости для племенного сознания.

Малые этносы и народы выжили и дошли до наших дней благодаря строжайшему регулированию кровнородственных связей и предпочтений, в силу многовекового (а то и тысячелетнего) воспроизводства системы каст, тейпов, кланов, включающих в качестве неперменной компоненты и генетическую составляющую. Не такими были славяне. Большие этносы и народы не могли позволить себе организовать столь строгую систему учета и выстраивания структурно-иерархических отношений на основе генетических данных. Они руководствовались нормами соответствия языковой общности, сходством религиозных обрядов и традиций. Общность религии была для них важнейшей основой установления дружественных контактов. Разумеется, дружественных до тех пор, пока не вступали в дело экономические и геополитические интересы, соображения властного престижа, доминирования влиятельных групп.

Напомним, что становую базу любого государства могло обеспечить пассивная, по крайней мере, позиция больших этносов. Ведь государство было устойчивым до тех пор, пока они позволяли собирать с себя дань и налоги, а их наиболее социально активные представители были готовы участвовать в сражениях, овладев предварительно тем уровнем знаний законов войны и оружия, без которых были невозможны не только победа, но и активное сопротивление. Эта особенность прослеживается на взаимодействии варяжского и славянского компонентов истории докиевской и раннекиевской Руси.

Высказанные соображения дают основания отвести как мифологему всякое учение об исходной чистоте славянской крови в качестве исходного представления идентификации и самоидентификации славян. Прежде всего потому, что до X века на просторах Восточной Европы наблюдалось доминирование угро-финских племен в их причудливой конгломерации – волжских, пермских, прибалтийско-финских и других. Трудно допустить, что славянские этносы уберегли себя от «присадки» угро-финской крови. Нельзя забывать и о великом переселении народов, состоявшемся лет за 600 до того времени, когда финно-угорские народы утвердились в качестве доминирующих. Волны азиатских кочевников внесли свой генетический вклад в то, что именуется «праславянским элементом». И отчасти вклад в культуру (коневода, военного дела и т.д.).

С другой стороны, древний путь «из варяг в греки» действовал не в одну сторону. И северное христианство на нем могло неоднократно встречаться с южным.

Если в X веке византийцы в военном смысле занимали оборонительные позиции по отношению к славянам, то их религиозная и культурная дипломатия была наступательной. Она не только способствовала принятию Русью христианства, но повлияла и на возникновение многочисленных центров православного просвещения в Киевской Руси, а затем – в Галицко-Волынском и Владимиро-Суздальском княжествах, Новгороде и Пскове.

Духовное преображение протославян сопровождалось становлением их собственной государственности не только в Киевской Руси, но и на Балканах. Основатели этих государств, как известно, этнически не были славянами. Среди них - хан Аспарух в Болгарии, варяжские князья в Древней Руси... Но сочетание государственности с христианством обеспечило не только устойчивый ресурс консолидации наиболее культурно продвинутых и политически дальновидных представителей протославянского и славянского мира, но и выход их на более активный уровень взаимоотношений с Византией, западными христианскими государствами, равно как и позиции суверенности в отношении к восточным соседям (Хазарскому каганату и кочевникам).

Хотя союзнические отношения с Византией скорее нейтрализовали для нее угрозу с севера, чем обеспечили болгарам и киевским князьям военно-дипломатическую помощь базилиевсов, религиозно-культурная политика Византии и выходцев из христианского мира Балкан (особенно после первой утраты болгарской государственности) оказалась чрезвычайно плодотворной. Не только в осознании невидимой границы, разделяющей христиан и язычников в самой Киевской Руси, но и тех (хотя и подвижных, но определенно обозначившихся границ, которые разделили интересы Киевской Руси и ее соседей на западе и востоке. При этом дух христианства обеспечил молодой славянской государственности открытый характер. Она охотно принимала под свою юрисдикцию единоверцев, уживалась с выходцами из иных краев и народов, если последние были готовы признать приоритеты христианской веры и престола киевских князей в рамках территорий, оказавшихся под их контролем. «Сказание о Борисе и Глебе», первых святых нашей земли, симптоматично как глубокое усвоение присущего православию духа братской любви и отражение той ожесточенной борьбы, которую вели между собой нарушители христианских заветов.

Это «Сказание» обозначило значение не только номинального принятия христианства, но и необходимости следования его духу в условиях экстремальных для единоверцев испытаний. Для принявших Христа не было иного пути, кроме поиска решений в духе братской любви и, говоря современным языком, установления баланса интересов. Мученическая смерть братьев обозначила исключительную серьезность, можно сказать, экзистенциальное значение христианской проповеди братской любви, объединяющей сторонников этой веры во всех испытаниях, которые жизнь ставила перед ними. В том числе, и испытаниями сравнительно нового для славянства искушения – политикой.

«Сказание» выявило для всех христиан-славян, умевших читать и способных воспринять прочитанное и услышанное, ту зловещую возможность, которую имеет в себе борьба за власть и утверждение у власти любыми способами. В том числе, и ценой жизни братьев-единоверцев. Этот урок христианства славянскому миру (да и тогдашнему миру политических страстей вообще) не стал, конечно, аксиологическим основанием политики. И, вероятно, не мог стать. Но он дополнил сферу политического дискурса нравственно-религиозной составляющей, обнажив сложность следования ей в лабиринте бесчисленных и ярких соблазнов, властно указал на необходимость самоограничения в выборе путей и средств государственной политики.

Князья, захваченные страстями междуусобиц, не извлекли уроков из поражения новгород-северского князя Игоря. Неумение быстро достигать согласия обернулось предупреждением при Калке, а затем и разгромом Киевской Руси войском хана Батыея. Там, где прошли татары, и откуда они 240

лет затем получали дань, происходило принудительное восприятие славянской культурой элементов тюркских языков, принципов организации и дисциплины. Для Владимиро-Суздальского, Московского и других княжеств, сохранившихся как осколки домонгольской Руси, наступил долгий период терпеливого сотрудничества с завоевателями, бесчисленных интриг, многоходовых экономических и политических комбинаций. Это было время, когда «собираются камни»; принцип христианского терпения вошел в ткань самосознания как высших слоев тогдашнего общества, так и простого народа.

Вынужденное сотрудничество с захватчиками почти четверть тысячелетия, бесконечные крымские набеги, продолжавшиеся почти до конца царствования Ивана Грозного, впитывание ментальности ордынского типа, в которой нет места ни долговременным друзьям, ни постоянным союзникам, а имеет значение текущий баланс интересов, - все это вошло в копилку национального самосознания через устойчивые языковые обороты и оценки в народном эпосе типичных ситуаций сосуществования на просторах земли разнонаправленных интересов захватчиков и побежденных. Побежденные собирали силы, чтобы встать с колен. И пока они не готовы были сделать это, они совершали все допустимое, чтобы усыпить бдительность сильного и жестокого врага.

Параллельно именно в это время произошла смена исторического вектора в положении угро-финских народов, населявших земли, сопредельные с Московским княжеством. Шаг за шагом усилиями учеников Сергия Радонежского они христианизировались и включались в орбиту Московской государственности, становясь одним из источников прирастания его экономических возможностей и территории.

«Собирание земель» стало принципом государственной политики столетия. В нем государство видело смысл своего существования, а церковь получала возможности нести Слово Христово одной этнической группе за другой. После обращения в христианство, выходцы из вчерашних врагов становились союзниками князей московских. Татарин, приняв православие, становился нормальным феноменом в практике великокняжеской службы, использовался в ратном деле, в дипломатических переговорах, в качестве надсмотрщика над массой подданных и придавал дополнительную стереоскопичность культурно-психологическим процессам в славянских этносах.

Среди них Московская доминанта не была, однако, единственной. Польско-Литовское государство имело на своей территории разнообразные славянские этносы, проживавшие здесь многие столетия. Другая часть оказалась на землях немецких государств. Третья, после трагедии на Косовом поле 1389 г., на 500 лет попала под власть Османской империи. В духовной структуре южного, восточного и отчасти западного славянства оставили

след подвижнические усилия святых Кирилла и Мефодия, создавших славянские азбуки и тем самым придавших один из главных импульсов национальному самосознанию в его оппозиции католичеству. На этой почве сохранились духовные корни, позволившие укрепиться православным общинам в западной Украине и Белоруссии, в Словакии и Польше, и, в конечном счете, обеспечившие духовные основы сотрудничества с Россией в подготовке славянского просветительского движения в 19 столетии.

Мученичество Яна Гуса, бесстрашие Яна Жижки и возглавляемых им таборитов были проявлениями того же неукротимого духа самоутверждения славянского достоинства, который привел славян к победе на Куликовом поле и в битве при Грюнвальде. Эти битвы стали реперными точками аксиологической значимости общих целей славянского единства в утверждении права на собственную веру, собственную землю и будущее собственное государство.

Московская Русь раньше других славянских народов преуспела в реализации этих задач. Благодаря этому она стала центром постоянного притяжения не только для восточных Патриархов, оказавшихся под турецким владычеством, но и для всех крупных движений, направленных против «окатоличивания» народов Восточной Европы. Украинское и белорусское свободолюбие и незаурядное упорство, столетиями проявляемое братскими народами в его отстаивании, в немалой степени подпитывали волю и силы своего сопротивления успехами Московской державы.

Иван Грозный открыл перспективу евроазиатского измерения Московии. На картах Евразии XVII столетия цепочкой, один за другим, появляются российские крепостные остроги и поселения, отмечая неудержимый путь движения страны на восток и северо-восток. Путь этот сопровождался включением в орбиту становящегося русского языка и великой Российской державы множества племен и народов, обогащавших во взаимодействии друг друга и приобщавшихся к основам православия, государственности и достижениям культуры.

Петр повернул этот процесс на запад, Екатерина II – на юг, Александр I и Николай I – на Кавказ, и, наконец, Александр II – в направлении Средней Азии и Дальнего Востока. Евразийское геополитическое измерение и возможности в утверждении русской культуры, сложившиеся на этой почве к первым десятилетиям XIX столетия и продолжавшие интенсивно разворачиваться вплоть до войны 1914 года, определили те поля притяжения; в которых складывались незаурядные личности, представлявшие по своему происхождению самые различные народы и этносы страны. Они носили общее имя «русские», различаясь не только чертами внешнего облика, характера и генетической конституции, родовыми воспоминаниями и ракурсом воспри-

ятия животрепещущих проблем, характерных для мест, где находились их родовые гнезда.

Проповедь национальной исключительности, не состоятельная по историческим основаниям, раздаётся не только в кругах русских националистов, но и националистов, выступающих от лица других славян. В России на фоне такого рода проповеди мелкие признаки укрепления российского влияния сопровождаются преувеличенными восторгами, а крупные потери выглядят мелкими неприятностями экономического и оперативно-тактического характера в российских средствах массовой информации. Соответственно, ангажированные своими правительствами СМИ стран СНГ создают образ русских то как наследников бывших колонизаторов, то как агентов эксплуатировавшей и разорявшей местные народы Москвы, то как подрывных элементов на путях к национальному счастью «самостийных» правителей.

Во всех случаях принижается реальная роль не только русского языка, но и русской культуры и тех вкладов, которые российская метрополия внесла в окраинные регионы, часть из которых стала самостоятельными государствами после 1991 года. Однако их геополитическая конфигурация, основа воспроизводства культуры, науки, образования, здравоохранения и многих других государственно значимых дел впитали в себя российский опыт, самоотверженность русских первопроходцев и подвижников культуры, беззаветность интернационалистов, для которых по евангельскому слову «несть ни украинца, ни молдаванина, ни узбека, ни таджика», а было значимо счастье народное каждой из названных и многих других наций. Другое дело, как виделось это счастье. Но в борьбе за него они были часто до конца самоотверженны и бескорыстны.

Происходящие перекосы образа русского в странах СНГ (исключение составляет Белоруссия – за вычетом позиции местных националистов) неизбежно скажутся на сложностях экономического, технологического и культурного сотрудничества соседей Российской Федерации. Можно, конечно, перевести на украинский язык преподавание физики, химии и математики в Харьковском университете и выдавать эту, с позволения сказать, «реформу» за развитие национальной культуры. Только переводить приходится не с немецкого и английского, а прежде всего с русского языка, учитывая реальное его положение в системе образования интеллигенции самой Украины. И, конечно, унижение, которому подвергается на государственном и бытовом уровне русское и русскоязычное население в большинстве стран СНГ (о чем молчат российские СМИ, но красноречиво свидетельствуют потоки миграции русскоязычного населения из этих республик), наносит и будет наносить ущерб тому духу взаимопонимания народов-соседей, который медленно, но упорно пробивал себе дорогу сквозь тернии политики Российской империи и советской власти.

В дальнейшем же Зарубежье репутация русских четко дифференцируется по стратам того общества, в котором распределяются мигранты из России. Среди научной и творческой интеллигенции авторитет российских собратьев по профессии по-прежнему достаточно высок. Они привозят с собой оригинальность видения проблем, жажду быстро освоить непривычные для них технологии и методы, дух творческой конкуренции, способность адаптироваться к непривычным условиям, пренебрежение статусными условностями.

Облик непредсказуемого, но этически достойного и высокопрофессионального поведения русского специалиста иллюстрирует случай с одним из врачей-стажеров, произошедший несколько лет назад в германской клинике. Медицинское светило публично объясняло «новичку» из России: «Вначале я вытолкну камушек из мочеточника маленькой девочки, а спустя 2-3 недели, когда она оправится от последствий этой манипуляции, зашью имеющийся у нее свищ». – «Как, два раза общий наркоз?», – спросил наш соотечественник по-немецки. Спустя несколько минут в операционной раздался шепот: «Профессор изменил план операции». Действительно, две необходимые манипуляции были сделаны за время одного наркоза. Последствия реплики россиянина не замедлили сказаться. Половина врачей немецкой клиники перестала с ним здороваться, а вторая – стала усиленно и регулярно звать домой (что по немецким традициям является высшим знаком душевного признания).

Сходные сюжеты многочисленны. Они свидетельствуют о том, что эта группа россиян способна оставаться сама собой в непривычно благоприятных условиях для творческой работы.

Хуже приходится рядовым исполнителям. У них нет особых шансов продвижения без наличия местных сертификатов об образовании и квалификации, доказательств более высокого профессионального мастерства, чем рядовые работники из местных граждан, строгой дисциплинированности, последовательного уклонения от разнообразных вредных привычек. Местное население раздражает тенденция части приезжих жить на социальное пособие, бесконечно продлевая его под разными предложениями.

Наконец, жулье разного уровня и квалификации (начиная от мелких аферистов и заканчивая представителями мафиозных групп, специализирующихся за границей в том числе и по национальному признаку) создают, как и следовало ожидать, неблагоприятный образ всех приезжих среди местных в основном законопослушных граждан.

Но главным источником имиджа русских и россиян в целом за рубежом (а в дальнейшем Зарубежье по ряду оснований нет дифференциации этих понятий) остается сфера делового и бытового общения. Плюсы национальных культур России, проявленные в ходе его, рано или поздно будут по достоинству оценены зарубежными партнерами. Так же, как и минусы, они допол-

нят красноречивыми штрихами негативные черты этого имиджа. Криминализация и коррупция, пышным цветом развернувшиеся в российском бизнесе внутри страны, не могут не затрагивать сферу операций с зарубежными партнерами: одно является продолжением другого. Более того. Соблазн «кинуть чужих» эмоционально переживается не только как более сильный, но и как более достижимый. Правда, теми, кто слабо представляет себе правовые основы зарубежного бизнеса и полицейскую практику в развитых странах. Но ведь есть еще и недоразвитые, и развивающиеся... Как следствие, зарубежные полпреды российской деловой практики иногда выглядят не лучшим образом. Куршевель и Лондон – лишь отдельные, но многозначительные детали.

Улучшить имидж в этой области могут лишь систематические усилия из разных областей, начиная с повышения престижа братских связей славянских народов. «Разборки» между чиновничьими ведомствами не идут им на пользу. В семье наших народов сдержанность лучше публичных театрализованных деклараций. Вроде тех, которые позволяет себе нынешнее грузинское руководство.

И, конечно, необходимо повышать значимость родных языков и культур в межславянских связях. Не переходить на английский, когда среди двух десятков участников научного симпозиума 19 – болгары и россияне, а двадцатый – сын эмигрантов-диссидентов из России, проходящий обучение в Оксфордском университете (как это было сравнительно недавно в Софии и Буагасе). Всеми средствами утверждать духовные ценности, выношенные славянством на протяжении его более чем тысячелетней истории. Среди них по праву ключевое место занимают духовная литература, православное церковное искусство и бессмертные достижения творчества славян последних двух веков их бурного, сложного пути утверждения национального достоинства и собственного места в общежитии человечества.

Образы славянского мира в русском искусстве начала XX века

*Для всякого славянина идея славянства должна быть выше науки,
выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага.*
Данилевский Н.Я.

Идея славянской взаимности как общественное и научное направление известна нам с XVIII – XIX вв. Но корни ее глубже, они уходят в средневековье и напоминают нам о себе в деяниях свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия, произведениях киевской архитектуры X–XII вв, архитектурных памятниках и памятниках монументальной живописи и иконописи XIV в. в Новгородских землях.

Общественный интерес в славянской идее особенно возникал в периоды коренных преобразований в социально–политической и духовной жизни славянских народов и тех стран, которые с ними соседствуют¹. Свое отражение она нашла как в деятельности целых художественных направлений, так и в произведениях отдельных художников. С этой точки зрения мне хотелось бы рассмотреть произведения выдающегося русского скульптора конца XIX и XX вв. – Сергея Тимофеевича Коненкова.

Творчество мастера многогранно. Оно вместило в себя множество отдельных тем, но все они сливаются в одну главную, которой он был предан всю свою творческую жизнь, – это Россия, Русь.

Род Коненковых происходит из Смоленских земель, с берегов Десны, по водам которой проходил древнейший торговый путь «из варяг в греки», соединявший земли ильменских словен, полочан, кривичей, вятичей, радимичей, полян, северян, древлян, дреговичей, уличей и тиверцев. Позднее на этих землях сложились русская, белорусская и украинская народности.

Выдающийся исследователь русской культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев писал, что «человек воспитывается в определенной, сложившейся на протяжении многих веков культурной среде, незаметно вбирая в себя не только современность, но и прошлое своих предков»².

Впечатления детства в ярких образах сохраняются всю жизнь в душе каждого человека, мысль постоянно возвращается к ним. Потребность в

воспоминаниях возникает, когда человек начинает осмысливать свою жизнь, свое творчество. Размышления о своей жизни С.Т. Коненков записал в книге – воспоминаниях «Мой век», вышедшей в свет за год до его кончины. Книга – подведение художником итогов своей жизни, размышления о цели и результатах собственного творчества; это важнейший биографический источник. Одно из главных мест в книге «Мой век» занимают рассказы о детстве. С чувством необыкновенного счастья вспоминает художник об этом периоде жизни на природе, в деревне, когда вместе с играми в лесу, на реке и в саду в его душу постепенно входили образы природы. В тишине на лоне природы будущий мастер слушал щебет птиц, прислушивался к родничкам, шелесту листвы, разглядывал травинки, деревья. Выдающийся русский писатель М.М.Пришвин, анализируя подобные впечатления, писал: «И в этом просвете между стволами, в этих трепещущих листочках увидишь весь мир так, будто он есть великая кладовая сияющих драгоценностей».

Единая культура сообщества во многом определяется тем, что ее представители живут в общей символической среде, что обуславливает разделяемую всеми картину мира.³ В крестьянском сознании древние языческие представления переплетались с христианскими нравственными идеалами и складывались в сложную сказочную картину мира, в большей степени фантастическую, чем реальную. В детстве эта картина мира возникала под влиянием разнообразных общений детей со взрослым миром. Это сказки и песни артельщиков, которые работали в деревне практически целый год, рассказы проходивших через деревню и остановившихся на ночлег странников, взрослых, собравшихся на вечернюю работу, пастухов и подпасков, поочередно обедавших в избах сельчан, их сказки и басни, песни и происшествия, случившиеся во время хождения по селам и деревням. Коненков писал: «Все вокруг было населено неизвестными нам таинственными обитателями. На все искали мы ответа, любопытству нашему не было конца. А факты жизни и выдуманные каждый истолковывал по-своему, и мы еще больше запутывались в простых, но сложных для нашего детского понимания вещах»⁴.

А вот еще одно воспоминание: «Фантастический мир был для меня очень реальным. В ночном лежишь у костра, задумаешься и чудится, что стоит рядом неизвестно откуда взявшийся старичок. А всмотришься – и видишь: вовсе это не старичок, а просто обгоревший пень.

А на опушке леса притаилась старушка, смотрит как костер догорает. А на самом деле – это только дерево.

Казалось, что на согнутом суку березы раскачивается русалка и ее длинные волосы касаются самой земли.

Мог ли я думать тогда, что в этом мире сказки уже зарождались будущие мои произведения.

Разве не из лесной опушки «появился» мой тихий и молчаливый «Старичок–полевичок», которого я вырубил из ствола дерева? Ведь еще в детстве я видел его с сутулой спиной и локтями, прижатыми к бокам, в сердцевине старого дуба. Еще в детстве из глубины леса я видел его добрый и веселый взгляд. Вот и вышел он из дерева, подпоясанный толстой веревкой. В суме у него деревянные дудки; поднесет он их ко рту, и зазвучат они как певучий ветер в листве.<...>

Среднерусская природа была моим первым учителем»⁵.

К этим таинственным образам, хранившимся в памяти с детских лет, С.Т.Коненков в своем творчестве обратился не сразу, а лишь после нескольких лет активной творческой деятельности, после завершения обучения в училище живописи, ваяния и зодчества, Академии художеств, заграничных путешествий, уже признанным скульптором, известным по таким произведениям как «Нике» и др.

Он вспоминал об этом как об откровении: «И вот он пришел этот час: лесное царство, в окружении которого прошли мое детство и юность, поманило меня, и я пошел на этот зов природы. Я лицезрел то, что веками жило в сказках и поверьях. Я ощущал в себе способность видеть невидимое. Спала пелена с глаз, и обнаружило себя внутреннее зрение»⁶.

Первую работу этого цикла, «Егорыч-пасечник», Коненков создал в 1907 году – это скульптура из дерева: вместе с новой темой в русскую скульптуру вошел и новый материал – дерево.

По воспоминаниям скульптора, Егорыч провел 15 лет на военной службе, после стал монахом в рославльском монастыре, но за непокорный характер был расстрижен и пошел странствовать по матушке-Руси – жал рожь, вязал снопы, а зимой обучал ребятишек грамоте. Это был первый учитель будущего скульптора. Сергей Тимофеевич писал: «Он и меня научил читать и писать. Егор Андреевич жил на пчельнике близ нашей деревни. Он знал наизусть множество народных сказок и сказаний. Я без конца слушал его были и небылицы. Передо мной расстилались скатерти-самобранки, я летал на коврах-самолетах, восхищался Ерусланом Лазаревичем, Бовой-Королевичем, слушал и сам наизусть знал былины и сказки о славных русских богатырях. Так, на пчельнике, на опушке леса передо мной оживали картины народного эпоса, фантастический мир русской сказки. Это и побудило меня воплотить в скульптуре образы народной мечты и фантазии»⁷.

Он вспоминал: «На опушке молодого леска «стоят пни-колоды», а вокруг них хлопочет низенький, сутуленький, мохнатый старичок, до глубокой осени ходивший босиком. То и дело выгребает из бороды пчел, и хоть бы одна укусила! Пчела-то добрую руку любит. А сам вполголоса приговаривает: «Ты бы, матушка, на цветок летела, взяток брала – да в улей, а ты, вишь, куды норовишь...»⁸

Таким образом был создан ряд работ Сергея Тимофеевича: «Старенький старичок», «Старичок-полевичок». «Полевик»-тетерев, по определению, данному в «Словаре великорусского языка» В.И. Даля. Но дальше он объясняет, что «полевой» (по типу «водяной», «домовой») – суеверный призрак, из числа нежити, как «домовой», «леший» и пр. Полевой пуще на межах проказит, у межевых ям⁹.

У А.Н. Афанасьева в книге «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865–1869 гг.) записано: «Полевик, житный дух. Когда хлеб поспеет и селяне начинают жать или косить его, полевик бежит от взмахов серпа и косы и прячется в тех колосьях, которые еще остаются на корню; вместе с последними срезанными колосьями он попадает в руки жнеца и в последнем дожиночном снопу приносится на гумно или в дом земледельца¹⁰.

Растя хлебные злаки и творя урожай, житные духи готовят запасы для своего собственного пропитания, подобно тому, как пчелы запасают для себя пищу в медовых сотах. Человек питается плодами их творческой деятельности, но не должен забирать всего; часть хлеба он обязан оставлять для житных духов, дабы они могли прозимовать без нужды и заботы. Следуя стародавнему обычаю, крестьяне оставляют на полях несколько несрезанных колосьев, в саду несколько несорванных яблок, а на току несколько пригоршней обмолоченного зерна, и за это все ожидают на будущий год богатого урожая. Кто не исполняет этой обязанности, у того житные духи похищают хлеб из закромов. Западные славяне рассказывают, что дедко всю зиму сидит заключенный в житницы и поедает сделанные запасы¹¹.

С.Т. Коненков говорил, что не читал Афанасьева, когда создавал своего полевичка, но совпадение видения этого образа в народном поэтическом творчестве и творчестве скульптора поразительно.

Биограф скульптора Осокин писал: «Встречаясь с Сергеем Тимофеевичем, я однажды спросил его, имеет ли отношение «Старичок-полевичок» к волшебным картинам Врубеля «Пан» и «К ночи», написанным еще в конце прошлого века и находившимся с той поры в Третьяковской галерее, в том самом зале, куда, кстати говоря, была позднее поставлена и коненковская скульптура.

– Да, пожалуй, – задумчиво ответил скульптор. – Но если бы вы спросили, а появились бы мои вещие старички, кабы в Третьяковке я не увидел эти врубелевские полотна, я ответил бы: все равно появились! И странное дело, я чувствовал, что картины Врубеля родились на нашей смоленской земле, и, представьте себе, позднее узнал, что Михаил Александрович действительно написал их вскоре после возвращения из Талашкина, смоленского имения княгини Тенишевой.

Когда я зачарованно созерцал туманные лошины Врубеля, в которых чудятся разные сказочные существа, мне захотелось представить их живыми, выпуклыми, чтобы каждый мог потрогать их шершавые и темные тела.

Да, как знать?! Может быть, все-таки полотна Врубеля подстегнули меня, хотя я свои скульптуры, повторяю, все равно создал бы!»¹²

«Старичок–полевичок» был впервые выставлен на VIII московской выставке Союза русских художников, открытой в Историческом музее. Коненков уже участвовал в VI и VII выставках этого общества.

Сергей Тимофеевич очень волновался, так как впервые выставлял скульптуру такого стиля, из дерева. На скульптуру были даны великолепные отзывы: «горячий устный отзыв Анны Семеновны Голубкиной» и «письменный, совершенно неожиданный, от профессора Сергея Васильевича Малютина, возглавившего после ухода Серова класс живописи в училище».

Малютин писал: «Я очарован старичком–полевичком». Я буду ждать: он сыграет на своих свирелях ту песню, которая застыла на его устах, он расскажет ту сказку, которая раскрыла нам настоящий мир человека. Да, вот какую душу я хотел бы иметь и какую вы вложили в чурку, познавши Бога. Как благочестиво сложены его мозолистые руки. Старичок любит нас всех, он благословляет нас на правдивое, честное. Я все время хотел бы смотреть на вселюбящее лицо старичка»¹³.

В своих воспоминаниях Сергей Тимофеевич отмечал, что этот отзыв был для него всего дороже, называл его «дорогое моему сердцу послание».

В 1910 году скульптором был создан еще один образ – «Стрибог».

По Афанасьеву, Стрибог это: «Бог грозы, как небесный владыка, являющийся в бурях и вихрях, получил у славян название Стрибога, которое впоследствии, по общему закону развития мифов, выделилось в особое божество, верховного царя ветров. «Слово о полку Игореве» говорит о Стрибоге, как о деде ветров: все ветры, Стрибожьи внуци, веют с моря стрелами. Слово «стри» означает воздух, поветрие».

Коненков отвечал на это: «Ничего этого я не знал и ни о чем таком просто не думал, – с усмешкой ответил он. – Повторяю, что я тогда никаких этих ученых исследователей не читал. Слово «Стрибог» я услышал в детстве на Смоленщине и думаю, что решил этот образ по–нашему, народному, ельнинскому представлению, а вот соответствует он или нет классическим определениям, это уж не мое дело. Ищите, если хотите, а меня больше об этом не спрашивайте»¹⁴.

В этих произведениях отчетливо проявилась типично славянская тесная связь с природой. Об этой связи говорит такой интересный факт, упоминаемый Коненковым в его воспоминаниях: в обычаях славян перед возделыванием земли, рубкой дерева для строительства было испрашивать разрешения у природы на эти действия. Об этом пишут все исследователи славянских обычаев. Сергей Тимофеевич вспоминал, что когда в 1908 году он, начинал задумывать свои деревянные работы и постепенно собирал в мастер-

ской материал, то приобретал пни сухих, погибших деревьев – губить живое не соглашался, как бы ни соблазняли¹⁵.

Сергей Тимофеевич Коненков был великолепным мастером портрета. Его жена Маргарита Ивановна, прожившая с ним 50 лет и хорошо знавшая распорядок его дня, вспоминала: «У него не было определенного часа начала работы, иногда он просыпался рано и шел в мастерскую, в другой раз работал до позднего вечера. Своими «творческими планами» не делился, показывал работу уже законченной, поэтому говорить о процессе его труда сложно. Каждое произведение создавалось по-своему, в некоторых случаях материал подсказывал решение, в других он подолгу искал дерево или мрамор для задуманной работы. Некоторые вещи создавались быстро, над другими он работал долго, бросал и вновь возвращался к ним. Так, однажды утром Сергей Тимофеевич один без помощников носил глину, готовил каркас для какой-то работы. Вечером я ушла в 6 часов, вернулась в десятом и вижу: стоит готовое произведение – «Достоевский», ставшее теперь широко известным. Сергей Тимофеевич усталый, весь как выжатый лимон. Я была потрясена портретом и тем, что так быстро он был сделан. Сергей Тимофеевич сказал: «Я долго обдумывал его, он был готов в моем воображении»¹⁶.

За свою долгую творческую жизнь Сергей Тимофеевич создал большое число портретов самых разных людей, писателей, артистов, певцов и музыкантов, ученых, часто простых людей – своих друзей и земляков. Редко это были заказные портреты людей несимпатичных или не интересных ему. Такие «официальные заказы» были у Коненкова в Америке, где он прожил 22 года. В этих случаях он создавал «четкие, несколько холодные образы» «трезвых и рассудительных людей», далекие от характерного для него «любовного видения натуры»¹⁷. Когда же «модели» вдохновляли его, он в каждом из своих портретируемых открывал такие особенности их характера, такие глубоко внутренние черты личности, которые часто были скрыты от большинства. Он мог долго и с увлечением рассказывать о портретируемых, об их духовном мире, переживаниях, психологии, и в его рассказах они получались очень живыми.

Об этой особенности Коненкова, его пронизательности, умении глубоко и верно схватывать натуру, вспоминали многие его современники. Конечно, эта способность отразилась и на внешнем облике самого скульптора. По воспоминаниям, в 1920-х годах Сергей Тимофеевич был высоким, широкоплечим, крепким и молодежавым человеком с большой седой бородой¹⁸. В суждениях и в речах он был немногословен, категоричен, а часто резок. Иногда, прежде чем ответить, пронзительно-метко вглядывался в собеседника, как бы прощупывая его насквозь, отчего многим делалось не по себе. Коненков ходил быстро, двигался решительно и уверенно. Привлекал своей волей, мужественностью, большой независимостью¹⁹.

Создавая конкретный портрет, он всегда имел ввиду обобщенный образ русского человека, славянина, интуитивно нащупывая основы национального, не стремясь их систематизировать или декларировать.

Один из замечательных славянских портретов был сделан С.Т. Коненковым со сказительницы М.Д. Кривополеновой.

Для научной и артистической публики Москвы и Петербурга ее «открыла» московская артистка и собирательница фольклора Ольга Эрастовна Озаровская. Летом 1915 года она путешествовала по деревням Пинеги, собирая у местных жителей, главным образом старух, песни, былины, заговоры, записывала их в тетради или на фонографе.

В деревне Пинега она заночевала у одной из своих знакомых Прасковьи Андреевны Олькиной. В этот дом в гости как-то раз и зашла Марья Дмитриевна. Вот первое впечатление, которое она произвела на Озаровскую: «Старуха была в темной длинной юбке с коричневой бахромой, темнелица и беззубая. Голова была повязана грубым застиранным платком с белыми горошинками, из-под которого виднелась ситцевая косынка, надвинутая на большой морщинистый лоб. Иссохшие от работы, почти пергаментные руки покорно сложены на груди. Зато резко выделялись глаза – грустные и мудрые, не замугненные старостью, беспокойные и горящие». Озаровская застала Марью Дмитриевну, когда она рассказывала Прасковье Андреевне одну из былин: «Голос ее звучал не тихо и не громко, но удивительно соразмерно ее внешности, выражению глаз – переливчато и певуче. Чудилось, будто в деревенскую горницу с геранями, ходиками на стене, вязаными скатерками вселилась былинная Русь и что начнется сейчас мифическое действо с участием славных русских богатырей. Строгим речитативом выпевала старуха про грозного царя Ивана Васильевича, и про Чудище поганое, нечестивое, и про славного богатыря Илью Муровича, и про калику перехожую, безымянную – про то, как вязали Илье руки белые и ковали ноги резвые, что железом да немецким, и как рвал Илья пути железные и побивал Идолище поганое...»²⁰.

Озаровская уговорила Кривополенову приехать вместе с ней в Москву, чтобы выступить и пропеть свои былины. Об этом она писала в одном из писем: «Собирая словесный жемчуг на Пинеге, уловила я жемчужину редкой красоты. Везу ее в Москву...»²¹

Первое выступление Марьи Дмитриевны состоялось 24 сентября 1915 года на вечере в Политехническом музее в честь известного сибирского этнографа Г.Н. Потанина. С рассказом о своей экспедиционной собирательской работе летом 1915 года выступила Озаровская, а затем представила публике Кривополенову. Через три дня о старушке говорила уже вся Москва и писали газеты. Озаровская возила Марью Дмитриевну и в Петербург, где она выступала в Тенишевском училище.

В декабре 1915 года Кривополенова возвратилась на родину. Здесь, в Архангельске, уже знали о ее артистических успехах в столице и тоже приглашали в гости и просили исполнить былины.

Через некоторое время, уже в 1916 году, О.Э. Озаровская вновь пригласила Кривополенову в Москву, и поселила ее у себя на квартире на Сивцевом вражке (д.45).

Вскоре по художественной и литературной Москве прокатился слух: с русского Севера, из архангельской земли, приехала необыкновенная сказительница и выступает с былинами и старинами²².

В этот приезд Марьей Дмитриевной заинтересовались художники, которым она много позировала. С нее был сделан рисунок Екатериной Гольднер (1916, ГТГ), офорт Н.Я. Симонович-Ефимовой (1916), гравюрный портрет Павлом Павлиновым, с которым она особенно подружилась. «Разговаривая с ней, поражаясь ее природной сметке и пронизательности, хохоча до упаду над кличками, которые она давала некоторым его приятелям, художник жадно вбирал в себя ее степенство в движениях, ее деловитость в размеренной окаяющей речи, не испорченной интеллигентским сленгом, – все то, что составляло суть кривополеновского характера».

Тогда же к ней через Озаровскую обратился с просьбой попозировать С.Т. Коненков, пришедший в один из концертных залов ее послушать.

Впоследствии он писал, что «трудно словами передать всю обаятельность ее простых, бесхитростных рассказов. Все сидели завороженные и вместе со сказительницей верили ее старинам и былинам».

Сергей Тимофеевич заехал за Марьей Дмитриевной на Сивцев Вражек и увез ее в свою мастерскую на Красной Пресне. Он так вспоминал ее портрет: крошечная, лицо – печеное яблочко, все в морщинках, маленькие серо-голубые глазки словно вобрали цвет родной ее реки Пинеги. Выражение добродушно-хитроватое, в глазах прыгают лукавинки. А одета в сарафан, на голове пестренький платок, завязанный под подбородком, – так повязывались тогда все деревенские женщины²³.

Сергей Тимофеевич показал ей свои работы. Она сначала недоумевала..., на что, мол, эти коряги свалены, дрова – не дрова. А когда увидела начатые вещи, стала присматриваться. Некоторые ей понравились. Только заметив фигуру обнаженной, погрозила пальцем; Коненков стал было объяснять, да понял, что это бесполезно, и незаметно задвинул скульптуру за мраморный блок.

Старушку усадили на невысокий стул, выложенный оленьим мехом, и попросили позировать.

– Чего, батюшка?

– Посидите спокойно, Марья Дмитриевна, лепить с вас портрет из глины буду.

– Просто так без дела сидеть? Я без дела ни минуты еще не бывала.

– Да ведь я заплачу.

– Нет, ты уж не блазни!

Подумала-подумала и, вздохнув, сказала:

– Варежки вязать можно?

– Это пожалуйста.

– Ну и спасибо. А за то я тебе, мил человек, буду старины рассказывать. Все как есть взাপравдашнее!

– А вы мне, Марья Дмитриевна, про свою жизнь расскажите.

– Ну что ж, это можно. Я вот о себе никому не рассказывала, об этом даже не думала, не гадала, чтоб рассказывать, и ведь Ольгушка тоже просила. А уж тебе расскажу, пожалуй.

Марья Дмитриевна с удовольствием сидела на мягком стуле и вполголоса похваливала его. Потом достала из какого-то вышитого мешочка спицы и начатые варежки и стала вязать да рассказывать о своей жизни. Поражало ее спокойствие и почти эпичность повествования. Казалось бы, нужно было возмущаться теми дикими несправедливостями, обидами, огорчениями, которые уготовила ей судьба, но она принимала все, как обычное течение жизни, как предопределение, находя лишь необыкновенно яркие, мудрые и точные слова для пересказа.

Она говорила, а Сергей Тимофеевич думал, что подобное долготерпение, позволившее таким людям, как Кривополенова, все вынести, – сродни героизму.

Марья Дмитриевна потом рассказывала: «К мастеру ездила. Ну и мастер! Тела делает. Кругом тела лежат. Взял глины, давай ляпать – да сразу ухо мое, уж вижу, что мое. В час какой-нибудь и вся я тут готовая. Уж и человек хороший! Уж и наговорилась я с ним. Натя ему рукавички связать...»

Вскоре Сергей Тимофеевич уже называл ее ласково Марьюшкой. Она совсем освоилась и прогостила около недели. Он показывал ей Москву. Старушка оказалась недюжинного десятка, на улицах не терялась, не робела и даже аэроплану не удивлялась.

А когда пришло время прощаться, расстались большими друзьями.

«Вещая старушка» – так назвал ваятель скульптуру, выполненную с Марьи Дмитриевны. Ему не хотелось в данном случае создавать буквальный портрет. Он считал это делом фотографов. Ведь в витринах книжных магазинов, на страницах газет и журналов и без того появилось немало ее портретов.

Его «Старушка» как бы продолжила ту группу образов «лесных людей», которая начиналась «Егором-пасечником» и кончалась чисто сказочным «Старичком-полевичком». (Сюда, кстати говоря, входил еще и «Старичок-кленовичок», вырезанный со слепца Житкова. Конечно, никакого «кленовичка» исследователи не найдут ни у Даля, ни у Афанасьева, потому что это чисто караковичская фантазия скульптора).

«Вещую старушку» поместили в сыроватый сарайчик. И незаметно у нее на голове проросли три больших древесных гриба. Срезать их скульптор не стал: они органически вписались в образ. Никто уже не сомневался, что грибы с самого начала были задуманы Коненковым как деталь скульптуры. Впрочем, Коненков вскоре срезал грибы. Позднее искусствовед Александр Каменский признался, что, увидев фотографию «Вещей старушки» в книге Сергея Глаголя (там и запечатлены грибы на голове Кривополеновой), решил, что это другой вариант скульптуры, и принялся его изучать...

Второй портрет Марьи Дмитриевны был выполнен также из дерева. И хотя это была не «Вещая старушка», а просто сама сказительница, но и в этом портрете не было фотографической точности, зато выражена психологическая суть образа²⁴.

В творчестве Сергея Тимофеевича Коненкова славянская тема присутствует в каждой работе, выделить ее в самостоятельную группу, практически, невозможно.

Примечания

¹ Славянская идея: история и современность. М., 1998. Отв. ред. В.А. Дьяков.

² Лихачев Д.С. Экология и культура // Культура и судьбы мира. М., 1997. С. 8.

³ Емельянов В.Н. Введение в культурантропологию. СПб, 1992. С. 7.

⁴ Коненков С.Т. Указ. соч. С. 40.

⁵ Коненков С.Т. Слово к молодым. С.26.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Коненков С.Т. Моим землякам. // «Рабочий путь». Смоленск. 11 марта 1958.

⁸ Осокин В. Волшебный резец. С.Т. Коненков в Москве. М.: Московский рабочий, 1981. С.64.

⁹ Даль В. Словарь великорусского языка.

¹⁰ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869.

¹¹ Осокин В. Указ. соч. С.68

¹² Осокин В. Указ. соч. С.69

¹³ Осокин В. Указ. соч. С.70

¹⁴ Осокин В. Указ. соч. С.71

¹⁵ Коненков С.Т. Мой век. С.156.

¹⁶ Коненкова М.И. С весны 1916. // С.Т. Коненков. Встречи. Воспоминания современников о скульпторе. М.: Советский художник, 1980. С.82.

¹⁷ Кончаловская Н.П. Живой Коненков. // С.Т. Коненков. Встречи. Воспоминания современников о скульпторе. М.: Советский художник, 1980. С.42.

¹⁸ Шнейдер Илья Ильич. Сергей Есенин и Айседора Дункан. Воспоминания. РГАЛИ. Ф.1337. Колл.восп. Оп.4. Ед.хр. 44.

¹⁹ Осокин В. Указ. Соч. С.55–56.

²⁰ Ларин О. Махонька. // Родина. 1999. №12. С.92–97.

²¹ Ларин О. Указ. соч. С.92–97.

²² Осокин В. Указ соч. С.85–87.

²³ Осокин В. Указ соч. С.85–87.

²⁴ Осокин В. Указ соч. С.85–87.

Россия и славяне сегодня и завтра (польские и чешские ракурсы)

Каждый год 24 мая в нашей стране празднуется День славянской письменности и культуры. Это очень красивый и важный праздник, ибо бережное отношение славян к традициям собственных национальных культур есть непереносимое условие сохранения славянской идентичности и неповторимого славянского национального облика. Однако ежегодно во время торжеств к чувству праздничной приподнятости примешивается ощущение некоторой досады и неловкости, потому что всякий раз, наряду с другими очень полезными призывами, звучит и такой – «За духовное единение славянских народов!» Похоже, что он выдвигается людьми, которые знают славянский мир весьма поверхностно. От него веет нафталином времен тоталитаризма и создается впечатление, что его извлекли из архива бывшие комсомольские и кепеэсесовские вожак, удобно устроившиеся в различных славянских фондах и органах государственной власти.

У присутствующих зарубежных гостей из славянских стран подобный призыв вызывает недоумение или даже шок. О каком духовном единении славян сегодня может идти речь? Главным духовным стержнем бывшего соцлагеря были марксистско-ленинская идеология и задача построения коммунизма. Эта идеология рухнула вместе с соцлагерем, и славяне разбрелись по своим национальным квартирам. На месте прежних политических конгломератов возникли новые славянские государства с этнической основой: так было с русскими, украинцами и белорусами; сербами, хорватами, словенцами, боснийцами, македонцами и черногорцами; чехами и словаками. Без общей идеологической скрепы (марксизм-ленинизм) в славянском мире сразу обнажились загнанные внутри противоречия, выплеснулись давно накопившиеся взаимные обиды.

К какому духовному единению сегодня можно призывать славян? Конфессиональному? Но славянский мир поражает своей конфессиональной пестротой. Русские, белорусы, болгары, сербы, македонцы и черногорцы – православные; украинцы – православные и униаты; чехи и словаки – протестанты и католики; поляки, хорваты и словенцы – католики, боснийцы – мусульмане.

Призывать к единению славян на основе апологизации славянской азбуки и сходства славянских языков? Но славяне пользуются различными азбуками: поляки, чехи, словаки, словенцы, лужичане – латиницей; русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы, македонцы и черногорцы – кириллицей, хорваты – латиницей и, параллельно, до конца XIX – начала XX в., – глаголицей. Что же касается близости славянских языков, то она не столь велика, чтобы представители различных славянских народов свободно понимали друг друга без языковой подготовки.

Призыв к духовному единению славян сегодня несостоятелен – он провокативен, особенно, если принимать во внимание напряженность отношений между славянами и, в первую очередь, с ближайшими соседями. Болгары враждуют с сербами, македонцы с болгарами, хорваты с сербами, чехи со словаками, украинцы и поляки с русскими и так далее.

Распутать этот клубок из старых межславянских обид и взаимных претензий – задача для небольшой статьи непосильная. Поэтому мы ограничимся здесь проблемами взаимоотношений России с Польшей и Чехией.

Начнем с Польши – второй по своему значению славянской страны после России. История недружелюбного, недоверчивого отношения поляков к России насчитывает не один век. Еще в 1770 г. Франтишек Микульский сравнивал Россию с ненасытным хищником, стремящимся сделать своей добычей все, что попадает в его поле зрения¹. Именно из-за необычной русской кровожадности принадлежащая к цивилизованному миру Польша, по мнению поляков, постоянно становилась невинной жертвой варварской, азиатской России. Такая точка зрения крепла по мере последовавших затем разделов Польши, которые осуществляли Австрия, Пруссия и Россия в 1772, 1793 и 1795 гг. Главную вину за эти разделы и ликвидацию польской государственности поляки возлагали (и продолжают возлагать) на Россию, хотя ей по договорам отходили только украинские и белорусские земли, собственно же польские области доставались Австрии и Пруссии. Тем не менее, исторический счет поляки предъявляют одной России – в отношении же Австрии и Германии они предпочитают помалкивать. Нельзя же раздражать этих членов западноевропейского сообщества, мнение которых учитывается при определении места Польши в современной Западной Европе.

Еще более внушительен список польских обвинений, выдвигаемых против России по поводу ее действий в 30-е годы XX в. и в период Второй мировой войны. Это и высылка в Казахстан почти 40 тысяч поляков из приграничных

областей Западной Украины и Белоруссии. Это и печально известный пакт Молотова – Риббентропа, приведший к уничтожению польского государства и оккупации его территории. Это и расстрел сотрудниками НКВД 15 тысяч военнопленных в Катыни, Осташкове и Старобельске и ликвидация польских заключенных, сидевших в украинских и белорусских тюрьмах. Это и арест с заключением в лагеря около 50 тысяч поляков в 1944–1945 гг., в том числе всех схваченных военнослужащих польской антифашистской Армии Крайовой. Это и нежелание Советской Армии помочь в 1944 г. восставшим против гитлеровцев варшавянам, в результате чего эсэсовцы потопили восстание в крови, а саму польскую столицу стерли с лица земли. И много чего другого.

Но ворошить историческое прошлое, выискивая старые взаимные обиды, не говоря уже о требовании извинения ради некоего морального удовлетворения или обретения неких преференций – занятие неблагодарное и абсурдное. Почти все европейские соседи в далеком и недавнем прошлом вели взаимные кровопролитные войны. Они разрушали города, истребляли население противника, уводили людей в плен (и явно не с целью их бесплатного кормления), вывозили материальные ценности, лишали соседей государственности на долгие годы и упорно препятствовали ее возобновлению. И поляки в этом смысле тоже далеко не ангелы, несшие славянским собратьям идеалы европейской демократии и свободы. Достаточно вспомнить присоединение и удержание поляками, начиная с XVI столетия, украинских и белорусских земель, непрекращавшиеся польские попытки включить в состав своего государства такие исконно русские города, как Псков и Смоленск².

Но самым показательным здесь, бесспорно, является разграбление поляками Русской земли в начале XVII столетия в период Смутного времени. Польско-литовский огненный смерч прокатился тогда по Русской земле почти повсюду. Сожжены, разрушены и ограблены были такие города, как Ростов Великий, Кострома, Псков, Смоленск, Изборск, Печора, Переяславль, Рязанские, Владимирские, Нижегородские и другие русские пределы. Польские отряды поразбойничали даже на русском Севере: разграбили Вологду, Сольвычегодск, Олонец, опустошили и сожгли Николо-Корельский и Ферапонтов монастыри, посадили Каргополь, Холмогоры и Кирилло-Белозерскую обитель³. Огромный ущерб был нанесен русской столице Москве. Поляки устроили в ней настоящую резню, поджигая дома, монастыри и церкви, насилуя жен, матерей и дочерей на глазах близких и убивая всех попадавших под руку невзирая на пол и возраст⁴.

Носители «западноевропейской цивилизации» не только творили физические и нравственные насилия над русскими людьми, но и глумились над православной верой. Продолжавшаяся два дня резня была учинена накануне Пасхи в страстную седмицу. Не литовцы, а именно поляки стреляли из луков и пищалей в русские иконы, осквернив в Московском Кремле особо почитаемые образа Спасителя и Богоматери. Это поляки повредили ковчег с мощами московского подвижника Василия Блаженного и превратили часовню на Красной площади, где хранились мощи святого, в стойло для лошадей и предавались здесь блуду. Именно при польском содействии первый русский патриарх Иов был низведен с трона и на убогой телеге сослан в Старицу, где вскоре ослеп. Приложили поляки руку и к мучениям другого предстоятеля Русской Православной Церкви – патриарха Гермогена, отказавшегося признать претензии на русский престол польского короля Сигизмунда III и рассылавшего в русские города воззвания с призывом борьбы против польских нашествеников. За это его схватили прямо во время литургии в Московском Кремле, заточили в темницу и уморили голодом⁵.

Разорение и оскудение русских земель в период Смутного времени достигло неслыханных ранее масштабов. Полностью опустошена была русская государственная казна. Драгоценную царскую посуду и запасы серебра и золота Самозванцы пустили на чеканку монет для выдачи жалования польским солдатам. Крайне пострадал и второй главный резерв национальных сокровищ – имущество Русской Православной Церкви, которая обнищала в буквальном смысле этого слова. Изыскивать материальные средства, потребные для изгнания из России польских оккупантов, пришлось, без преувеличения, с шапкой по кругу. Благодаря патриотическому почину нижегородского купца Кузьмы Минина русский люд жертвовал последнее ради собирания денег на содержание народного ополчения и закупку для него оружия. Без этого третьего и последнего средоточия национального богатства России ее освобождение от иноземных захватчиков стало бы проблематичным⁶.

Ужасным следствием польской оккупации русских земель в период Смутного времени явилась и гибель мирного населения. Об этом красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что если в начале осады Смоленска войсками короля Сигизмунда III в городе находилось 80 тысяч человек, то к ее концу выжил лишь каждый десятый из осажденных. Принимая во внимание численность смоленского гарнизона, насчитывавшего всего 4500 человек, можно сделать вывод, что за двадцать месяцев осады Смоленска в 1609–1611 гг. в нем погибло более 60 тысяч мирных жителей смоленщины, искавших спасения от

врагов за его стенами. Смоляне готовы были терпеть голод и холод, слушать почти непрерывный свист и гул смертоносных пуль и ядер поляков, жить и погибать в условиях вопиющей антисанитарии и скученности, лишь бы не покинуть своего убежища. Они представляли, что их ждет за стенами смоленской крепости: грабеж иноземных мародеров, бесчестье и почти неминуемая смерть в случае сопротивления. И такое было на Русской земле повсюду – во время осады Троице-Сергиева монастыря, при поджоге и разорении Пскова и десятков других русских городов⁷.

Таким образом, в период Смуты польские «жолнежи», равно как ясновельможные паны, под началом которых они находились (Жолкевские, Лисовские, Тышкевичи, Зборовские и прочие, оставившие по себе недобрую память на Русской земле), выступали в России отнюдь не цивилизаторами и не примерами веротерпимого поведения к инославным побежденным. Они вели себя, как истинные завоеватели времен даже не Ренессанса, а скорее Средневековья: безжалостные, жестокие, чуждые какого-либо рыцарства по отношению к противнику и людям, живущим на земле, в которую они вторглись. Поэтому не удивительно, что ни один из русских литературных памятников, касающихся эпохи Смутного времени, не говорит о милосердном или уважительном отношении поляков к русским или их обычаям. Об этом молчат «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», «Псковская летописная повесть о Смутном времени», «Летописная книга» князя Семена Шаховского и другие русские литературные сочинения той поры. Лишь Семен Шаховской, упоминает, что осажденные в Кремле поляки освободили пленных, хотя данная акция была хорошо продуманным ходом. Во-первых, осажденных допек голод, а, во-вторых, своим поступком они надеялись заслужить право на жизнь после почти трехлетних бесчинств в русской столице. И не прогадали, ибо были прощены по-христиански⁸.

Сравнивая Россию с ненасытным хищником и упиваясь нанесенными ей русскими обидами, Польша взывает к сочувствию Европы, но мгновенно преображается, когда речь заходит о ней самой. Она сразу же начинает играть роль капризной, склеротически забывчивой дамы, которая никак не может вспомнить о собственном нелицеприятном поведении по отношению к своей обидчице и неумном желании прирезать себе побольше земли за счет соседей при каждом удобном случае. Так было с землями Украины и Белоруссии на протяжении нескольких веков, так случилось и после Смутного времени, когда, воспользовавшись слабостью России, поляки в результате Деулинского перемирия

от 1 декабря 1618 г. присоединили к своему государству Смоленск, Черниговские и Новгород-Северские земли⁹. Нечто подобное произошло и в XX столетии, ибо и тогда Польша не избавилась от захватнических устремлений. Стоило ей возродиться в 1918 г. после развала Австро-Венгерской империи и революционной неразберихи в России, как она сразу же отправилась в поход на восток, стремясь возвратиться к несправедливым польским границам 1772 г.

Всего лишь за два года Польша оккупировала восточную Галицию, Волынскую и Подольскую губернии, часть Литвы и почти всю Белоруссию. Продолжая наступление в восточном направлении, поляки 8 мая 1920 г. захватили Киев, но уже в этом же месяце были отброшены конницей Буденного почти до Варшавы. Дальнейшие события интересны в двух планах. Но не тем, что части Красной Армии, оторвавшись от тылов, попали в окружение и были разгромлены армией Пилсудского. А тем, что Польша снова ринулась на восток и сумела закрепить за собой по Рижскому договору от 18 марта 1921 г. западные районы Украины и Белоруссии. Что это, как не польская страсть к поглощению чужих территорий? Или же ввод советских войск в Западную Украину и Белоруссию в 1940 г. кающиеся русские (а вместе с ними и некающиеся украинцы и белорусы), должны, подобно полякам, называть «четвертым разделом Польши», плодом чудовищного сговора Гитлера и Сталина? Но тогда восточным славянам следует официально признать моральное право Польши рассматривать Западную Украину и Белоруссию, как некие польские доминионы.

Второй интересующий нас план событий, последовавших за поражением Красной Армии под Варшавой в 1920 г., касается судьбы пленных красноармейцев. Они были отправлены в лагерь Пулавы, Домбио, Щелково, Тухоли, Стржалково, которые можно сравнить с концлагерями фашистской Германии. В нарушение Женевской конвенции военнопленных там избивали, заставляли работать по 10–12 часов в день без выходных, держали впроголодь, не оказывали медицинской помощи, не снабжали одеждой, большинство заключенных ходили и работали в нижнем белье и без обуви. Глумясь над красноармейцами, польские охранники впрягали их вместо лошадей в плуги, бороны и телеги для перевозки человеческих экскрементов, издевательски превращали прогулки в утомительный бег, по много раз приказывая пленным ложиться лицом в грязь. В ноте от 9 сентября 1921 г. Народного Комиссариата иностранных дел РСФСР польская сторона обвинялась в том, что в результате бесчеловечного отношения в Польше за два года из 130 тысяч русских военнопленных умерло 60 тысяч¹¹. Эти факты сопоставимы по своим масштабам с уже упомянутыми расстрелами

подручными Лаврентия Берия польских военнопленных в Катыни и других советских лагерях.

И вообще история взаимодействия России и Польши как бы зеркальна. Она словно отражается в некоем фантазмагорическом зеркале, дающем то равновеликие, то искаженно малые или, наоборот, выросшие до огромных размеров отражения. Демоны зла, будто забавляясь поляками и русскими, подбрасывают им очередные черные козыри, злорадно наблюдая за тем, какой из двух народов одерживает верх в этой жуткой карточной игре: Тухоля – Катынь, арест и умерщвление русского царя Василия Шуйского по приказу польского короля Сигизмунда III – задержание и вывоз в Санкт-Петербург польского короля Станислава Понятовского после третьего раздела Польши. И т.д.

Сколь бы не открещивались поляки от русских, приговаривая «чур меня», определенное сходство в ментальности и народностных черт у обоих народов имеется. Поляки и русские схожи, например, в таких не самых лучших своих проявлениях, как склонность к пьянству, разгильдяйству и безалаберности. Есть у них, разумеется, и много общих положительных черт, таких, например, как склонность к романтизму, стойкость, храбрость, готовность к самопожертвованию. Можно также отметить здесь почти полное совпадение ряда приписываемых своему народу исторических заслуг. Оба народа считают себя, например, спасителями Западной Европы от татар, причем оба они по-своему правы. Киевская Русь ослабила татаро-монгольский напор в XIII в., приняв на себя основной удардвигающихся из Азии кочевников и рассредоточив их силы, поскольку завоеватели должны были оставлять гарнизоны на захваченной Русской земле. А Польша противостояла экспансии крымских татар и турок в Европу, успешно отражая татарские набеги и разбив под стенами Вены в 1683 г. двухсоттысячную армию турок. После венской победы над турками польского короля Яна Собесского фактически и началось вытеснение турецких завоевателей из Европы.

Схоже и мнение поляков и русских о самих себе как кормильцах Европы – главных поставщиках для нее хлеба. И, действительно, с середины XVI по первую четверть XVII века вывоз польской пшеницы в Европу постоянно возрастал и достиг весьма внушительных объемов. Тем более, что в состав польского государства входила тогда Украина с ее идеально пригодными для выращивания пшеницы почвами. Ситуация повторилась в XIX – XX вв., когда Украина находилась в составе России и СССР – тогда уже русские почитали себя хлебными кормильцами Европы и имели полное на то основание, поскольку его поставки европей-

цам осуществлялись даже при нехватке хлеба для внутренних нужд. Но и это не главное – прежде всего следует отметить, что в XVII веке Россия и Польша были вполне сопоставимы в качестве европейских политических сил: по размеру государств, экономическому потенциалу, численности армий и их вооружениям. Более того, во многих областях – по уровню развития культуры и науки, степени развитости политических институтов власти, интенсивности духовных связей с Западной Европой – поляки превосходили русских на порядок.

Однако ход исторических событий непредсказуем как и воля Господня, и они оказались неблагоприятными для развития Польши. XVIII век стал для нее поистине фатальным: три раздела страны и ликвидация национальной государственности на многие десятилетия. В то же самое время Россия совершила цивилизационный рывок, окрепла и в дальнейшем сумела уйти далеко вперед, обойдя поверженную Польшу. Именно это, начиная с XIX в., никак не может уложиться в сознании поляка. В модели отношения Польши к России лежит комплекс исторически нереализованного былого превосходства, глубоко запрятанная зависть и досада сестры-двойняшки из-за того, что не ее саму, а близнец-сестричку обогрела и обласкала История Мать. И как же это несправедливо – ведь я умнее, образованнее, тоньше и читать начала не с семи лет, как моя сестричка, а с пяти! Вот какие чувства булбуют поляка при мысли о России, и это заставляет его всякий раз к месту и не к месту подчеркивать свои собственные достоинства, порождая то, что принято называть польским гонором, спесью или попросту выпендриванием.

Нынешняя геополитическая ситуация в Европе отчасти напоминает историко-политический расклад сил в XVII столетии. Россия перестала быть вторым после США военно-политическим и экономическим полюсом в мире и ее внимание сосредоточено преимущественно на решении региональных проблем. Польша вошла в НАТО и гарантировала себе невозможность вмешательства России в ее внутренние дела. Она жаждет, кроме того, обязать себя военным союзом с США и дала согласие разместить элементы американской системы ПРО на своей территории. Тем самым упомянутая гарантия будет возведена в квадрат, поскольку в случае ссоры с натовской Европой и отказа союзников в помощи Польша сможет рассчитывать на поддержку своего заокеанского друга. Одновременно Польша пытается проводить собственную политику, не оглядываясь на европейских партнеров по НАТО и ЕС. Она претендует на роль лидирующей региональной державы в Восточной Европе и на Кавказе посредством ослабления здесь позиций России и оттеснения ее на задний план.

Некоторая схожесть с XVII в. заключается в том, что Польша начала энергично бороться за Украину, пытаясь окончательно оторвать ее от России и включить в свое гравитационное поле. В союзе с Украиной, в котором поляки, разумеется, намерены играть главную роль, Польша смогла бы стать нешуточной соперницей России, в особенности, если в качестве дополнительных союзников ей удастся привлечь и другие сравнительно небольшие страны в данном европейском регионе. Что собственно мы и наблюдаем. Польша активно поддерживает чеченских сепаратистов, обласкивает Грузию, Молдавию и Азербайджан, склоняя их к дружбе против России под знаменами русофобии. В былых бедах Польши, Европы, Кавказа и Азии виноваты уже не русское самодержавие, сталинизм или брежневизм, а русские как особый зловерный этнос. Несколько лет назад польский писатель Ярослав Рымкевич писал о России следующее: «Русский медведь, тяжело раненный в борьбе с великанами Запада, отошел отсюда (видимо, ненадолго) и затаился в свой берлоге, оставляя здесь свои зловерные экскременты»¹².

Насколько опасны амбициозные планы Польши по восстановлению былого лидерства образца XVII в., вероятно, она и сама не подозревает. Стремление подмять под себя Украину (без которой Польша не сможет стать лидером Восточной Европы и более обширного прилегающего региона, а Россия не вернет себе статус мировой суперсилы) способно привести к тектоническим сдвигам и геополитическим разломам, влекущим за собой раскол Украины с добровольным присоединением ее левобережной части и Крыма к России. Эти политические потрясения чреваты возникновением военного конфликта между Востоком и Западом, который не обойдет стороной и Польшу как главную виновницу катаклизма.

Можно констатировать, однако, что эпидемия русофобии охватила не всех поляков, и в стране имеется немало здравых умов, сохранивших способность к четкому политическому мышлению. Даже завзятый антисоветчик Адам Михник призвал соотечественников не распалать себя ненавистью ко всему русскому, не забывать о великой русской культуре и помнить, что народы не всегда виновны в том, что могут совершать стоящие у власти политики.

Известные шероховатости существуют до сих пор и в отношениях России с Чехией. Незаживающим рубцом на чешском сердце остается ввод советских войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. «Пражская весна», представлявшая собой замечательную попытку построить социализм «с человеческим лицом», была жестко пресечена ортодоксами московского Кремля. На улицах чешских

городов загромыхали советские танки, изрыгавшие клубы удушливого дыма, тяжело ворочавшие тяжелыми гусеницами и зловеще поводившие по сторонам хоботами своих пушек. Прага и другие чешские города, в которые были введены советские войска, были взбудоражены как потревоженные муравейники. Чехи яростно спорили с советскими солдатами, пытались доказать им свою правоту, получали в ответ непонимание, наполнялись гневом и возмущением, стремились поджечь или перевернуть советские танки и грузовики.

К счастью, советское командование отдало приказ своим солдатам не открывать огонь даже в случае вооруженной провокации с чешской стороны, и поэтому число жертв, связанных с событиями 1968 г. в Чехословакии, было крайне незначительным. Тем не менее подавление чешского свободомыслия танками следует расценивать как одну из самых позорных страниц в истории СССР. Родственному славянскому народу вывернули руки, изнасиловали его морально, запретили ему жить так как он хочет. Ввод советских войск 21 августа 1968 г. в Чехословакию вызвал протест не только в ней самой и странах Запада, но и в СССР. Прогрессивно настроенная советская интеллигенция испытывала стыд за действия коммунистического Кремля, переживала разочарование от осознания того, что косная коммунистическая система не способна реформировать саму себя изнутри, и, следовательно, обречена на самоуничтожение. Советские правозащитники устраивали демонстрации на Красной площади, преподаватели и студенты, побывавшие в Чехословакии накануне августа 1968 г., запоем читали переводы наиболее интересных статей из «весенних» чешских газет «Студент» и «Литерарни листы», передавали из рук в руки знаменитое воззвание чешской интеллигенции «1000 слов», хотя за его распространение грозили репрессии.

В СССР имелось немало людей, сочувствовавших чехам и испытывавших горечь из-за невозможности им как-то помочь. В отличие от этого, в Чехословакии едва ли кто-нибудь испытывал чувство стыда за действия своих соотечественников в России. Чехи едва ли знают, как вели себя солдаты чехословацкого корпуса в России в годы первой мировой и гражданской войн в 1917 – 1920 гг. Попробуем-ся бегло обрисовать события тех лет. Чехословаки не горели желанием пролить

---

* В результате доноса и обвинения автора этих строк в «прочешской пропаганде» в 1969 г., когда он учился на 4-м курсе филологического факультета Ленинградского гос. университета, его персональное дело было рассмотрено на заседании межфакультетского бюро ВЛКСМ, и лишь по чистой случайности «провинившегося» не исключили из рядов комсомола, что автоматически повлекло бы за собой изгнание его из университета.

кровь за Австро-Венгрию и Германию в войне против России. Они предпочитали сдаваться в плен, по согласованию с Временным правительством организовали из военнопленных в России чехословацкую бригаду и постепенно довели ее до шта-та дивизии. Чехословаки неплохо дрались против немцев в составе ударной груп-пы русской армии генерала Брусилова в районе Тернополя и Зборова, несли гар-низонную службу в Волынской и Полтавской губерниях. Но затем ввязались в России в гражданскую войну и начали вести себя не совсем осмотрительно. Чехо-словаки сражались против революционного народа на улицах Киева, обезоружили восставший против Временного правительства гарнизон в г. Белая церковь, усми-ряли крестьянские волнения в деревнях Дубовка и Мамаевка, расстреляли проти-вившихся реквизиции крестьян в деревнях Иванково и Котельня, подавили голод-ную демонстрацию крестьян жителей Житомира¹³.

С другой стороны, часть чехословаков после октябрьского переворота 1917 г. поддержала красных и в январе 1918 г. приняла участие в борьбе за установление Советской власти в Одессе. Однако, осознав сложность политической ситуации и непредсказуемость развития военно-политических событий в России, чехословаки объявили о вооруженном нейтралитете. Правда, «нейтралитет» этот был несколь-ко странным. Чехословацкие легионеры нарушили предписание Совета Народных Комиссаров об оставлении 100 винтовок на каждую тысячу человек. Они само-вольно увеличили эту цифру до 268 винтовок на тысячу человек и даже сверх того: прятали оружие под двойной обшивкой вагонов, под теплушками, среди ящиков с провизией и амуницией. Кроме этого, 17 мая 1918 г. в Челябинске чехо-словаки использовали факт задержания за убийство соотечественника нескольких своих солдат как повод для нарушения «нейтралитета» и не только освободили их силой, но и оцепили центр города, разоружили красноармейцев и захватили арсе-нал и вагоны с оружием, стоявшие на путях¹⁴.

Чехословаки оказались в далеком от западной границы Челябинске не слу-чайно. Незадолго до этого чешское руководство во главе с президентом Т. Ма-сариком приняло решение о переброске чехословацкого корпуса морем во Францию с тем, чтобы затем сделать его опорой возникшего на обломках Австро-Венгрии независимого чешского государства. Чехословаки начали двигаться через Урал и Сибирь к Владивостоку, так как возвращение домой более кратким путем через Украину или Польшу было невозможным: они попали бы в руки австрийцев и немцев, расценивавших их как дезертиров и предателей. В то вре-мя численность корпуса возросла до 70 тысяч человек, и после захвата арсенала он превратился в грозную силу¹⁵. Последовало распоряжение Совнаркома о

сдаче оружия, но чехословаки отказались его выполнить, что фактически явилось объявлением войны против Советской власти.

Они начали силой захватывать города и села и вскоре стали хозяевами Великого Сибирского пути, рассредоточив свои части на протяжении нескольких тысяч километров. Между Тамбовом и Пензой чехословаков находилось около 8000 человек, в Челябинске – около 9000 человек, в Сибири – 3000 человек, во Владивостоке – 14000 человек¹⁶. Этой ситуацией не преминула воспользоваться Антанта, пожелавшая привлечь чехословаков на свою сторону и сделать своими союзниками во время интервенции в Советскую Россию. Представители Антанты обещали чехословацким легионерам поднять зарплату в десятки раз: не только держать их на всем готовом, но и платить по целых 200 рублей в месяц вместо прежних 5 рублей. Кроме того, они фактически выдавали индульгенцию на грабеж русских городов¹⁷.

Приманка оказалась слишком заманчивой, и ее сразу же заглотили. Более двух третей эшелонов с 50 тысячами чехословаков прекратили свое движение на восток и повернули на запад. Они передвигались двумя колоннами: одна на Екатеринбург–Пермь–Вятку, другая по Волге к Симбирску и Казани. 6 августа 1918 г. чехословацкий корпус захватил Казань и завладел государственной казной русского народа¹⁸. В руки чехословаков попало 30,5 тысяч пудов золота, что составляло более половины всего золотого запаса России. Контрнаступление Красной Армии вынудило затем чехословаков отступить, но они забрали захваченные ими сокровища с собой. Золотой запас грузили в вагоны крайне небрежно, слитки и золотые монеты упаковывали в плохо сколоченные ящики, набивали ими солдатские вещмешки без всякой описи. В результате такого отношения к золоту и драгоценностям в Омске при пересчете дошедшей туда наличности была выявлена крупная недостача.

Дальнейшая судьба золотого запаса России была крайне переменчивой. Чехословаки передали золото армии Колчака, но в январе 1920 г. по приказу высших чинов Антанты снова взяли под свою охрану состав с золотом, отгеснив в сторону колчаковских солдат. Этим актом они сразу же вызвали справедливое подозрение в нечестных помыслах как среди белых, так и среди красных. Партизаны пытались задержать «золотой» эшелон, предъявив чехословакам ультиматум, в котором, в частности, говорилось: «Де-юре вы спасаете Колчака от неминуемого позорного плена, а де-факто захватили русский золотой запас, ибо последний для вас гораздо интереснее и дороже Александра Колчака»¹⁹. Это полностью соответствовало действительности, потому что позднее под натис-

ком обстоятельств чехословаки предпочли оставить золото при себе, выдав партизанам Колчака в качестве откупного. Тем самым они обрекали последнего на верную смерть: красные расстреляли его вместе с премьер-министром колчакского правительства В.Н. Пепеляевым.

Отбить золотой запас России у чехословаков партизаны не смогли: уж слишком велика была разница в соотношении сил. Кроме того, командующий эшелонами генерал Сыровы пригрозил партизанам, что будет взрывать за собой пути, мосты и туннели и парализует Великий Сибирский путь. Осознание своей силы породило у чехословаков соблазн считать русское золото своим военным трофеем, что совпадало с замыслом чешского руководства. 13 февраля 1920 г. помощник президента Э.Бенеш телеграфировал чехословацким военачальникам в Сибирь следующее: «Союзники были бы рады, если бы поезд с русским золотым запасом был сохранен. Если он до сих пор в вашей власти, попытайтесь отправить его в безопасное место, при случае в Чехию»²⁰. Тем не менее, золотой запас чехословакам пришлось все-таки передать красным, и 3 мая 1920 г. он был возвращен в Казань²¹. Однако незадолго до передачи на перегоне между Иркутском и станцией Зима вблизи станции Тыреть бесследно исчезли 13 ящиков с золотом на сумму 780 тысяч рублей. Пломбы на дверях вагона, из которого было похищено золото, оказались поврежденными: веревочки оборваны, проводочки обрезаны²².

Поведение чехословаков в Сибири в те годы можно расценивать как двушническое. Они постоянно лавировали между красными и белыми, переходили на сторону то одних, то других, прикидывая, какую из этого можно извлечь пользу. В Поволжье чехословаки нередко без всякого предупреждения снимали свои части с фронта, оголяя фланги белых и подставляя их под удар противника. В Сибири они оказывали содействие белым: переодевали в свою форму каппелевских разведчиков, укрывали в своих эшелонах белых офицеров²³. 30 января 1920 г. у станции Зима, где развернулись бои между каппелевцами и красными, чехословаки неожиданно ударили последним в спину, чем предопределили их полный разгром²⁴. А в марте того же 1920 г. на станции Оловянная чехословаки выбрасывали красным через окна вагонов ящики с патронами и винтовками, установили с большевиками контакт, провели эксгумацию трупов жертв, расстрелянных белыми, и устроили вместе с красными торжественное погребение павших за революцию²⁴.

Желая откреститься от белых, чехословаки издали меморандум, в котором, тем не менее, де-факто признавали свое соучастие в преступлениях в период

гражданской войны. В нем, в частности, говорилось: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение местных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление»²⁶. Чехословацкие штыки, однако, служили не только для защиты белых – они часто пускались в ход самими их обладателями. При отступлении из Казани чехословаки пытались силой мобилизовать местное население, сжигали целые деревни, устраивали массовые порки, производили аресты и расстрелы²⁷. В Сибири одного из чешских военачальников, капитана Гайду, называли «палачом» рабочих. Несколько русских женщин чехословаки силой затащили в свои вагоны, зверски насильовали и убили, сбросив тела замученных в реку Онон²⁸. Сибиряки испытывали к иноземным легионерам глубоко скрытую ненависть²⁹.

Из Поволжья, Сибири и Дальнего Востока чехословаки уходили не с пустыми руками. При аресте генерала Семенова они завладели восемью тысячами золотых рублей³⁰. Чехословаки прибирали к рукам все сколько-нибудь ценное, что попадалось им на глаза. В Харбине они меняли на доллары и фунты золото, платину, алмазы, породистых лошадей, граммофоны, швейные машины, военное снаряжение, оружие – все, что награбили по пути следования своих эшелонов по России. При отплытии на родину на пароходе «Президент Грант» 5500 чехословаков погрузили на борт судна десятки тонн золота, платины, серебра и цветных металлов, легковые автомашины, рояли, мебель из красного дерева и прочие «трофеи». Газеты пестрили заголовками типа «Чехи вывозят награбленное из Сибири», «Чехи грабят Сибирь» и, наконец, со вздохом облегчения – «Чехи улепетывают»³¹.

Если сравнить поведение солдат чехословацкого корпуса в России с тем, как себя вели солдаты введенного в Чехословакию в августе 1968 г. контингента советских войск, то сравнение окажется далеко не в пользу первого. Русские солдаты не расстреливали население в чешских городах и селах, не насильовали и не убивали чешских женщин, не пороли чехов за приверженность к идеям «пражской весны», не занимались грабежом и не пытались вывести в СССР какое-либо чешское национальное достояние, наподобие Пражской национальной галереи.

Негативные факты из истории русско-польских и русско-чешских отношений приводятся в данной статье, конечно же, не ради омрачения и без того не-

простых отношений между нашими народами. При строительстве межславянского согласия следует всегда помнить о двух золотых правилах: «Худой мир лучше доброй войны» и «Кто старое помянет, тому глаз вон». Данная статья писалась в надежде, что изложенные в ней факты (известные очень ограниченному кругу историков) станут достоянием более широких кругов нашего общества: студентов, преподавателей, политиков и дипломатов. Они могут быть использованы в качестве контраргументов при контактах россиян с русофобами из Польши и Чехии, любящих порассуждать на темы Катыни, августа 1968 г. и «исторической вины» русских в целом. Холодный душ из контраргументов позволит остудить излишне горячие головы и перевести диалог в более спокойное, взвешенное и уважительное русло.

* * *

Наш обзор отношений России с Польшей и Чехией показывает их неоднозначность и сложность. Он свидетельствует о наличии в славянском мире серьезных расхождений, о ситуации противостояния или даже соперничества, об отсутствии общего связующего стержня. Таким стержнем, как самая мощная славянская держава, может стать Россия. Но что она может предложить сегодня славянскому миру? В данный момент практически ничего.

I. Место России в мире существенно изменилось. Из супердержавы она превратилась в государство с региональными геополитическими возможностями. По численности армии, количеству и качеству обычных вооружений Россия в несколько раз уступает странам НАТО и не способна решать геополитические задачи. Единственным гарантом ее собственного суверенитета пока остаются ракеты с ядерными боеголовками. Она озабочена лишь своей национальной безопасностью, не помышляя о защите суверенитета славянских стран. Весьма показателен здесь пример с Сербией, отданной на растерзание США;

II. Российская экономика развивается гораздо менее высокими темпами, чем это возможно, несмотря на наличие огромных доходов, получаемых благодаря заоблачным ценам на энергоносители. Несырьевые сектора экономики продолжают оставаться рахитичными, испытывая инвестиционный голод, ибо стабилизационный фонд вывезен за границу и работает на экономику США.

III. Социальная сфера в российском обществе безнадежно запущена и требует кардинальных изменений. В России насчитывается три миллиона беспризорных детей, пенсии миллионов пенсионеров просто мизерны и не дотягивают даже до явно заниженного официального прожиточного минимума. Зарплаты бюджетников повышаются в год по чайной ложке, причем основная часть при-

бавки идет на покрытие инфляции и роста услуг ЖКУ, закрепляя за бюджетниками статус-кво малоимущего слоя общества. Большая часть населения сказочно богатой ресурсами страны живет в беспросветной нищете;

IV. Непомерно раздутый чиновно-бюрократический аппарат России насквозь пророс грибами коррупции. Слово «откат» в России знакомо даже школьникам. Раскормившиеся чиновники, так же, как и значительная часть парламентариев, фактически обслуживают интересы крупного капитала. Более пяти лет они тормозят принятие закона о коррупции и притворяются глухими, не слыша призывы российской интеллигенции о необходимости национализации природных ресурсов России и введения прогрессивного налога на сверхприбыли наших современных нуворишей;

V. За последнее десятилетие значительно ухудшилось положение с объективностью СМИ, но данная ситуация не есть результат возвращения России к тоталитаризму, как ошибочно полагают западные политики и обозреватели, а следствие возросшей продажности работников СМИ. Лживые выступления в СМИ или замалчивание в них животрепещущих проблем не результат нажима государства (оно фактически не вмешивается, хотя должно защищать интересы всего общества), а элементарного подкупа со стороны крупных промышленных и финансовых воротил. Зачем запрещать, когда можно полюбовно договориться при помощи пачки «зелени»? Два свежих примера. Крупнейший российский физик ак. Страхов недавно объявлял голодовку, протестуя против развала науки, и выступал со своими предложениями. Сообщение об этом промелькнуло в одной из газет, и затем о голодовке ... ни слова. Второй пример. Оппозиция в парламенте недавно отвергла проект трехлетнего бюджета, ибо он фактически закрепляет существующий в России рост разрыва между уровнем доходов между самыми богатыми и самыми бедными. Массовая газета «Комсомольская правда» на следующий день в анонимной статье клеветнически утверждала, что оппозиция выступает против повышения размеров пенсий как таковых.

Единственное, что Россия может предложить славянскому миру сегодня – это совместная борьба за сбережение культурного наследия славянских народов и развитие национальных культур в современном глобализирующемся мире. Второе, что она может сделать в будущем, это попытаться создать идеальную модель экономического, социального и нравственного развития человеческого общества. И начинать ей надо с самой себя: провести политические, экономические и социальные реформы, которые станут примером для славянских стран и для многих стран неславянских. Только так можно завоевать нравственный

авторитет в мире, ибо его нельзя узаконить официальным государственным постановлением, как это решил недавно Конгресс США, присвоив себе право судить целые страны и народы, полностью игнорируя существование ООН и Международного суда в Европе.

Примечания

¹ Прокоп Я. Антирусский миф и польские комплексы // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимопонимание. М., 2000. С. 30.

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В.И. Мальшева. М.-Л., 1952; Платонов С.Ф. Причины Смутного времени в Московском государстве в XVI-XVII вв. и отражение его на Пскове. Псков, 1900; Мальцев В.П. Борьба за Смоленск /XVI-XVII вв./ Смоленск, 1940.

³ Пегов В. Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1939. С. 22-30.

⁴ Шаховской С.И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI - начало XVII веков. М., 1987. С. 409.

⁵ Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 2-е. СПб, 1906. Стб. 232-233; Булгакова Е. Патриарх Гермоген и Троицкая Лавра // Смутное время в Московском государстве. Сборник статей. М., 1913. С. 192-195.

⁶ Забелин И. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999.

⁷ Сказание Авраама Палицына. Подготовка текста и комментарии О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. М.-Л., 1955.

⁸ Шаховской И. Летописная книга... С. 421.

⁹ Савич А.А. Деулинское перемирие 1618 г. (Из истории польской интервенции начала XVII века) // Ученые записки Московского педагогического института им. К.Либкнехта. Т. IV. Вып.2. М., 1939. С. 61-107; Каченко В.А. История России XVI- XVII вв. Деулинское перемирие 1618 г. М., 1998. С. 70-78.

¹⁰ Ольшевский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 - март 1921 гг.). М, 1969. С. 15-16, 199-201, 207-255; Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // Новая и новейшая история. М., 1991. № 1. С. 33,42-43.

¹¹ Иванов Ю.В. Задолго до Катюши Красноармейцы в аду польских концлагерей // Военно-исторический журнал. М., 1993. № 12. С. 22-24; Николаев Д.А. Русские в концлагерях Европы // Российская провинция в годы революций и гражданской войны 1917-1922. Нижний Новгород, 1998. С. 266-267; Райский Н.С. Польско-советская война 1919-1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999. С. 34-35, 40.

¹² Jaroslav Marek Rynkowich. Tygodnik Solidarność, 1996, № 18.

¹³ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 94,110,125,130-131, 142-144.

¹⁴ Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940. С. 10-12.

- ¹⁵ Крушанов А. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962. С. 50.
- ¹⁶ Хрулев В.В. Указ. соч. С.10–12.
- ¹⁷ Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. М., 1940. № 12. С. 47, 50.
- ¹⁸ Гак А.М., Дворянов В.Н., Папин Л.М. Как был спасен золотой запас России // История СССР. М., 1960. № 1. С. 137–139, 142.
- ¹⁹ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... С. 356.
- ²⁰ Kvasnička J. československí legie v Rusku. 1917–1920. Bratislava, 1963. S. 311.
- ²¹ Гак А.М., Дворянов В.Н., Папин Л.М. Как был спасен золотой запас России. Там же.
- ²² «Золотой эшелон» (Возвращение золотого запаса РСФСР. Март-май 1920 г.). Подготовили А.П. Клаудт, В.А. Кондратьев // Исторический архив. М, 1961. № 1. С. 23, 44.
- ²³ Шли дивизии вперед. Иркутск, 1987. С. 43.
- ²⁴ Последние дни Колчаковщины. Материал подготовлен к печати М.М. Константиновым. М.-Л., 1926. С. 38.
- ²⁵ За власть Советов. Чита, 1957. С. 324-326.
- ²⁷ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... С. 262.
- ²⁸ Есив М. Глас на истината (поучителни очерки от трагедията на Руската Държава. София, 1927. С. 21.
- ²⁹ Последние дни Колчаковщины... С. 39.
- ³⁰ Есив М. Глас на истината... С. 16–18, 2223.
- ³¹ За власть Советов... С. 320.

Русская культура в начале нового тысячелетия: самосознание как национальная проблема

Говоря о факторах консолидации славянского мира, равно как и о факторах славянской идентичности, стоит помнить о «природе» и «пределах» самого этого вопроса. Увы, призывы к консолидации звучат обычно тогда, когда торжествует ее альтернатива; либо единство – желательная (но отнюдь не обретенная) перспектива. Спектр оценок славянского единства (в котором лидирующая позиция, по понятным причинам, все еще принадлежит России) колеблется между утверждениями типа «Русские нас бросили» (например, со стороны Сербии) – до высказываний типа «Зачем нам эти отсталые русские» (нередко раздающихся в Польше, Чехии или, например, в Украине).

С российской стороны также можно наблюдать некоторую «разность потенциалов». Ряд политиков настаивает (правда, в основном в декларативной форме) на необходимости стратегического партнерства со странами славянского мира. Помимо близости этнопсихологических характеристик, создающей хорошую основу для взаимопонимания и взаимодействия, такие призывы, надо сказать, неплохо обеспечены фактором экономического интереса, причем взаимного. Уже давно стало понятно, что уровень производства, особенно аграрного, не позволяет славянским странам полноценно участвовать в соревновании с западными партнерами. В свою очередь, те экономические связи, которые были отлажены славянскими государствами по линии СЭВ за последние полвека, остаются (при определенных условиях) вполне востребованными и конкурентоспособными (о чем наглядно свидетельствуют сегодня полки российских продовольственных магазинов).

При этом значительное большинство авторитетных экономистов и политиков в России выступают если не за полный отказ от сотрудничества «по славянской линии», то, по крайней мере, за экономическую здравость данной политики (которая, как и с симметричной точки зрения, вовлекает страны славянского мира в «консервацию» экономической отсталости). Так, В.В. Путин заявил (согласно комментарию tvr.by по поводу решения Президента Украины о праздновании 350-летия празднования Конотопской битвы): «Мы не хотим больше никого включать в состав России, потому что для нас это только дополнительная экономическая нагрузка». В том же до-

кументе сообщается, что, по официальным данным, скрытые дотации Украине из-за цен на энергоносители составляют 3-5 млрд. долларов в год.

На этом фоне в отечественных средствах массовой информации, с высоких (и не очень) трибун сегодня все чаще провозглашается тезис, согласно которому славянское единство «ныне как никогда» приобретает тенденции к небывалому росту и расцвету. Подчеркнем: не всегда подобные высказывания имеют исключительно профанирующий характер. Помимо вполне объяснимого желания замаскировать реальное положение дел, за ними нередко стоит та или иная политехнология, – как позитивно окрашенная применительно к «решению славянского вопроса» (и призванная в таком случае направить импульсы массового сознания в сторону «запрограммированного резонанса» плодотворного сотрудничества), так и однозначно негативная стратегия и тактика, стремящаяся возбудить разрушительные импульсы массовой психологии (которой свойственно сопротивляться навязанным извне стереотипам решения болезненных вопросов).

Добавим: там, где социально-политические проблемы обострены, а возможность решения их покрыта туманом, вопрос национальный (наряду с вопросом религиозным) почти всегда попадает в число болезненных, а политизация того и другого достигает гомерических размеров¹. Не случайно пресловутая английская вежливость помещает темы политической, религиозной и национальной принадлежности собеседника в разряд интимных... Заметим, кстати, что пару лет назад в самой Британии запретили называть зимнюю распродажу Рождественской, рекомендовав именовать ее «предновогодней». Россия, как известно, нечто подобное «уже проходила»... Правда, в отличие от исламизированно-политизированного геополитического пространства Великобритании, наше Отечество за годы советской власти было не просто «разцерковлено» и «рас-христано». Можно вполне серьезно говорить о геноциде всех народов СССР, всех русских. А великороссов, как справедливо замечает В.Н. Расторгуев, особенно.

Важно отметить, что «русский» здесь понятие не этническое, а культурное («общность исторической судьбы и согласие в ценностях»). С другой стороны, когда речь идет о геноциде, нельзя забывать и «биологический» смысл происходившего: с лица земли (часто – целыми семьями) исчезли миллионы живых людей. Эти люди не оставили того потомства, которое могли бы оставить при других обстоятельствах. Прервали свое существование многие тысячи родов, и это уже фактор не только культурный, но и этнический. Потому не удивительно, что возрождение России сегодня идет не только по линии консолидации социокультурного и религиозного фронтов национального самосознания, но возрождаются также *стратегии кланово-национального и этнонационального объединения, – самые древние и апробированные механизмы самоорганизации общества.*

Для славян сегодня, как и 100-200 лет назад, идея национального братства есть идея, безусловно, стратегическая. По своему «материальному» основанию это - попытка вклиниться в сложившееся в Европе геополитическое пространство, заявляя о себе как о группе, а не как о единичном контрагенте. Неудивительно, что «Запад» воспринимает подобную стратегию в качестве одного из вариантов неотрайболизации, торпедирующего (уже несколько веков, - по крайней мере, со времен Патриарха Никона) существующий в рамках европейского «котла» баланс сил.

С другой стороны, было бы нелепо игнорировать колоссальный творческий потенциал славянского сотрудничества. Прежде всего, в силу того, что наше время с крайней остротой поставило вопрос об *истинном диалоге* на уровне глобального, регионального и локального взаимодействия. Всерьез заговорили об использовании компаративно-аксиологического метода для решения задач межличностного, микро- и макро- группового общения, что обусловлено фактом роста *частоты, регулярности и скорости* коммуникативных транзакций в современном мире вследствие развертывания информационной революции и связанной с ней глобализации. Названные процессы, если воспользоваться хорошо известной метафорой, «стягивают земной шарик» в единую взаимосвязанную и взаимозависимую сеть социально-экономических, политических, культурных и т.д. связей и отношений.

Отметим, что признание ценности диалогизма не следует путать с реальным торжеством подобной практики в сложной системе социальной коммуникации, тем более - в практике международного социально-политического и экономического общения. Диалог выступает скорее его *регулятивным принципом*, задающим определенное направление желательной активности партнеров. Однако подобная активность легко может остаться лишь благим пожеланием, более-менее искусной имитацией настоящего диалога или даже средством прямого давления на оппонента с целью подчинения его позиции своим интересам.

В последнее время в практике международных отношений все чаще возникает ситуация, когда наиболее «развитые» (в технологическом аспекте) страны, имеющие в силу этого значительный вес на международной арене, вступают в диалог от лица всего человечества. Чисто логически возможность такого «представительства» не исключена. Однако в каждом конкретном случае требуется детально «просчитывать» реальные основания, побуждающие, например, те же США использовать подобную стратегию политической коммуникации.

Поскольку собственные интересы страны не могут быть исключены из системы ценностных ориентаций, свойственных ее акторам, в случае «заявки на всемирное представительство» без очевидных ссылок на национально-

государственные приоритеты следует задаться вопросом о скрытых мотивах подобного «альтруизма», а также о причинах такой скрытности.

Вместе с тем, интересы, которые стоят за лозунгами «осчастливить человечество», не всегда остаются партикулярными. Есть целый ряд ценностей, в последние 100 лет заявивших о себе в качестве *общих* для всего человечества. Они проявились через осознание мировым сообществом наличия так называемых глобальных проблем. Среди них, в первую очередь, *ценность жизни* (витального существования как такового); *ценность мира* (и соответственно, ценность действенной политики и дипломатии в интересах мира); *ценность экологической безопасности* (т.е. ценность инновационных технологических решений, учитывающих эту проблему); *антропологические ценности* (демографическая оптимизация, сохранение социокультурного многообразия в условиях унифицирующих глобализационных тенденций и т.п.). Синтез этих ценностей – *ценность культуры* как таковой, связанная с особой *экологией культуры*.

Демонстрируя существенную разницу между ценностными ориентациями, выражаемыми *партикулярной* (псевдо-диалогической) и *общезначимой* (диалогической) коммуникативными стратегиями во внешнеполитическом диалоге, неверно было бы однозначно отождествлять их с официальной линией того или иного государства или группы государств. Думается, что одиозность линии «америкосов» здесь никоим образом не должна стать образцом для подражания. Славянский мир, переживающий сейчас серьезный кризис, не должен воспроизвести эту тупиковую модель (кстати, сами американцы давно заявили о своем желании пересмотреть ее²).

Важно обратить внимание на особенность политики компаративного диалогизма в практике современной межкультурной коммуникации. Эта особенность состоит в том, что *диалог как регулятивный* (т.е. *методологически значимый*) принцип взаимодействия различных культур с точки зрения различий их ценностных систем (и соответствующих этим системам ценностных ориентаций их носителей) предполагает *взаимные мутации* систем ценностей, моделей поведения и т.д. всех сторон-участников. (И совсем не означает попытку тем или иным путем заставить партнеров «играть по своим правилам» силой). История России, кстати, дает неплохой образец подобного «диалога под одной крышей».

В свою очередь, опасности, скрытые в установке на диалогизм, могут в определенной мере быть сведены к опасностям мультикультуризма, т.е. к некритическому заимствованию в «чужой» культуре того, что она особенно усердно предлагает (а точнее, продает). Так, для славянского мира «Запад» (и Европа, и США) усерднее продают отнюдь не возможности сравнительно недорого посетить культурные центры или ознакомиться с подлинными шедеврами кино, музыки и т.д. Неспособливо шире рынок предметов «массо-

вого потребления», все более затейливо удовлетворяющих непосредственные функции жизнеобеспечения, а также предметов массового представления о «роскоши» - наркотиков, порнографии и т.п.³ Для стран славянского мира подобное «предложение» ныне – настоящий бич псевдокультурной экспансии, наряду со вторым бичем – игнорированием в западном сообществе тех культурных достижений, которые может предложить миру та или иная славянская культура (например, сербская⁴).

Так, по мнению ряда участников конференции, посвященной проблемам образования, состоявшейся в июне 2007 года в Белграде, наряду со стремительным распространением наркотиков, нетрадиционной гендерной ориентации и т.п. в молодежной среде (что активно поддерживается западными СМК), можно говорить о геноциде в отношении славянских культур. Именно – «геноцид в отношении культур»! Скажем, в объединенной Европе (куда «зовут», как известно, не только Сербию) не нашлось на сегодняшний день ни одного издания, которое каталогизировало бы художественные памятники Сербии наряду с «другими европейскими»⁵.

Говоря о национальном вопросе, о национальном сознании и самосознании, необходимо учитывать также некоторые методологические предостережения, сделанные русскими философами первой половины XX века, теми, кто пережил первую мировую войну и в равной мере хорошо знал реалии России и Европы. Среди таких крупнейших (без преувеличения) методологов здесь можно назвать, к примеру, Николая Бердяева, сумевшего обосновать одну из оптимальных версий соотношения национального и общечеловеческого.⁶

Так, в работе «Самопознание» Бердяев подчеркивает, что само обращение к национальным корням при решении социально-политических задач обычно связано с тенденцией, обозначенной выше как неотрайболизация. Там, где личность, индивид или социальная группа не могут решить задачи практически, они склонны переводить проблематику в идеальный план, апеллируя к «сильному сверхсубъекту», причастность к которому гарантирует состоятельность микро- или макро- субъектов даже в случае полнейшего провала их прагматически ориентированных действий⁷. Это – своеобразное бегство от свободы, попытка «спрятаться» от нее.

Такова найденная Бердяевым «формула» национализма. Правда, национализм – отнюдь не единственное проявление бытия *национального*, скорее это его «объективация» (говоря словами Бердяева), сбой, возникающий при смещении акцентов в динамическом равновесии духовного и материального пластов существования.

Тогда что же такое «национальное»? Возможно ли вообще понимать его без «сбоев» того или иного порядка? И как соотносятся национальное, этно-

культурное и общечеловеческое начала в конкретном социальном пространстве?

Ответы на эти вопросы можно обнаружить в сравнительно небольшой статье Н.А. Бердяева под названием «Ортодоксия и человечность (Прот. Георгий Флоровский. «Пути русского богословия»)». Здесь Бердяев разбирает сугубо философский вопрос о соотношении общего и единичного. Именно сквозь призму данного методологического вопроса, с его точки зрения, можно и нужно обсуждать более конкретную проблематику.

Суть рассуждений философа состоит в следующем. В одинаковой степени не допустимы ни номинализация существования, его «выпадение» в сферу исключительного признания «прав» единичного; ни (с позволения сказать) «реализмизация», оставляющая права на существование только общему, в ущерб единичному. Как тут не вспомнить размышления Платона, осуждавшего в диалоге «Софист» и тех, «кто все тащит с неба на землю», и тех, «кто все забрасывает на небеса»⁸; равно как его же высказывание о том, что задача философии – искать многое в едином и единое во многом?

Таким образом, единство общего и единичного – это *конкретное существование*, о котором точно можно сказать лишь то, что оно – неповторимая связь *одного с другим*. Но если так, то в социально-исторической действительности (так же, как и в жизни личности) оно имеет свои проявления и особенности.

Во-первых, общее как «смысловое поле», по Бердяеву, едино для всего человечества и для всех людей. Для всех и для каждого. Вне зависимости от любой принадлежности, кроме «сыновства у Отца». В этом состоит «христианская самоидентификация»: «несть ни иудея, ни эллина». Объективации религии (и православия в том числе) нередко превращают его в подобие национальной религии. Но это – уродливое искажение: православие буквально – «правильное исповедание веры», а не присвоенное одной нацией «верное вероисповедание» (каковым в свете христианского мировидения предстает иудаизм после пришествия Христа в мир). Бог есть Слово (постижимое в молчании или непостижимое вовсе); Он есть сверхценность, по поводу которой для христиан не должно быть разногласий. Но это – в идеале...

Сыновство у Бога есть факт порядка онтологического и родового (говоря языком науки, «генетического единства происхождения»). Однако невозможно игнорировать и факт наличия разницы проявлений сыновства «среднего уровня». Здесь и реальная разница догматики в различных ветвях христианства, и этнонациональные различия. Различия этнонациональные, в свою очередь, фиксируются сегодня на всех уровнях – от онтологического («культурного») до социального, психологического и, вполне очевидно, биологического. Таким образом, *во-вторых*, есть макро- и микро- социаль-

ные группы, объединенные общностью исторической судьбы и способом понимания ценностей.

По Бердяеву такие группы – довольно гибкие образования, по понятным причинам далеко не всегда вписывающиеся в существующие государственные и даже административные границы.

Более того, нации в смысле этнонациональных конгломератов идентифицируются по довольно условной (из-за принципиально релятивной позиции наблюдателя) шкале⁹. Причина здесь – в невозможности «стать на точку зрения Бога» и оценить национальный вопрос с позиции независимого эксперта: всякий исследователь, хочет он того или нет, всегда принадлежит к той или иной нации. Отсюда – разногласия казались бы вполне «объективных» научных суждений, когда об одной и той же нации можно говорить в прямо противоположных терминах (например, «рационализм» и «иррационализм» применительно к немцам, в зависимости от того, смотрят на них «западные» французы (тогда немцы предстают как «мистики» и иррационалисты), или же наблюдатель находится «восточнее», например, в России, и тогда немцы – вполне и даже более того рационалисты, педанты и прагматики).

Итак, общность исторических судеб определяет нацию как нечто другое. Однако в рамках рассматриваемой методологической платформы важен еще один момент. Нация *действительно самобытна*. Это – не иллюзия и не блажь оголтелых политиков или сентиментальных провинциальных домоседов. Общий смысл, или как говорят англичане «общее чувство» (common sense, здравый смысл), проявляется на Земле *только* в конкретно-национальных формах. Ни один имперский язык не может отменить национальные языки, хотя и является прагматически более конкурентоспособной формой прагматического общения и создания многих культурных ценностей. Косвенное подтверждение тому – исторический, то есть приходящий, характер *всех* имперских языков: от греческого и латыни в Древнем мире и средневековой Европе – до (вполне вероятно) советского русского на просторах бывшего СССР, равно как и американского английского на территории «общего рынка» (и прилегающих к ним).¹⁰

Последнее не значит, что язык «имперской» культуры не важен, либо его следует третировать как несостоятельный. Это – как раз язык, которым смысл *говорит* на том или ином историческом этапе более, чем всеми остальными. Но стоит помнить о судьбе, постигшей все великие империи прошлого, а также и языки их высокой культуры... Эта судьба, между прочим, состоит не только в утрате (полной или частичной) культурно-исторического лидерства. Она имеет и свой положительный смысл – языки эти на долгое время становятся, с одной стороны, «мертвым» музейным хранилищем обретенных пониманий. А с другой, активно влияют на «жи-

вые» языки общения, создавая в них свои оттиски, слепки и подобию. Что касается процесса их вырождения как лидирующих, нельзя не обратить внимание на то, что компьютерный английский, как и канцелярский русский, - это лишь *по виду* языки культуры. На деле они – языки техники, а это уже явление совсем другого порядка. В свою очередь, способность понять нюансы смысла со стороны иностранца, говорящего на «провинциальном» языке, говорит о *состоятельности* его языка, подготовившего его к тому, чтобы слышать сложную, глубоко дифференцированную культуру метрополии в собственном смысле. Это значит, что неверно говорить об избранных языках (равно как и об избранных народах) в абсолютном смысле. Избранность здесь – *урок*, задание, а отнюдь не повод для горделивого самоуспокоения.

Общее, таким образом, существует, но существует «в отдельно взятом» единичном.

Здесь, правда, возникает еще одна логическая проблема. Ведь очевидно, национальное – это тоже в некотором смысле общее (родовое, культурное, либо родовое и культурное вместе)¹¹. Но тогда либо существует «промежуточное» по отношению к единичному общее, и национально-культурное единство – уже не спецификация, а единственно возможная форма существования общего в единичном. Либо само оно и есть единичное, макросубъект, который наделен реальным существованием в качестве единичного и обладает всеми его признаками (например, душой и социальным телом). В последнем случае личности, составляющие тот или иной социум, невозможно понимать как таковые. Они – «народ», тело. Ну а душа – чиновники, царь-батюшка, интеллигенция или что-то еще.

Справедливости ради следует отметить, что у самого Бердяева присутствуют оба понимания национально-культурного единства (ни в коем случае не исключительно родового: род здесь скорее материальная основа, условие того, что культура может состояться; но полноценный род обязательно принимает в себя других – «не-вестных», т.е. неизвестных, иначе он *вырождается*). В ряде работ (например, «Истоки и смысл русского коммунизма»¹²) он склоняется к тому, чтобы видеть в «стране» макросубъект – «большого человека», почти «большевика», воплощающего в себе народные чаяния о персонификации родового единства (реминисценция образа Святой Руси из древнерусской литературы, например, «Сказания о невидимом граде Китеже и девице Февронии»). В других трудах (скажем, в уже упомянутой статье «Ортодоксия и человечность», а также в «Самопознании») он категорически отвергает подобный подход, поскольку он нивелирует личность, выводя ее из поля истинной реализации единичного – без всяких промежуточных этапов. При кажущемся парадоксе, с логикой здесь все в порядке. Дело в том, что реальность, известная нам, такова, что в ней *нет* такого изо-

бия личности, которое совпало бы со всеми людьми. В большинстве из нас личность спит. В ком-то – уже умерла, и надежды на воскресение – более чем призрачны.

Однако русский философ настойчиво твердит о том, что только созвездие личностей может обеспечить действительное существование гармоничного социального целого. Обычно данный тезис мыслителя трактуют как утопию, близкую к идеям кн. Кропоткина. Но вряд ли теоретический анархизм Кропоткина, равно как и экзистенциально обеспеченную «общинность» Бердяева, можно приравнять к утопии. Скорее это – логический предел, идеальная конструкция, помогающая понять, что именно у нас «не так» и почему.

Вывод философа однозначен: там, где нет союза личностей, там не будет здорового общественного организма. Но будет социальный монстр – государство, монополизировавшее души и спрессовавшее их в одну – «свою» душу. Само же оно будет стремиться эту душу спасти, претендуя на растворение духовности в идеологическом функционировании и придавая такой идеологии статус церковности. «Римский синдром» обожествления государства (вместе с «почти обожествлением» первосвященника) – губительный путь, диагностирующий близкий закат империи.

Попытки «аппарата» (говоря словами К. Ясперса, примененными им к феномену массового общества) освоить *вселенскость* православия в культурном (т.е. сообщаемом другим) смысле с целью сугубо светской и материальной уже встречались в истории. И, разумеется, будут встречаться и дальше. Попытки использовать на этом пути «родственных» союзников-славян также неизбежно будут иметь место. Однако живым вселенским смыслом наделена духовная суть православия, неразстворимая ни в нормальном социально-политическом процессе, ни (тем более!) в его суррогате. Этот смысл открыт всему миру. Как открыты миру славяне, русские и другие народы, не развернувшие на сегодняшний день внятных образцов здоровой социальности, но хранящие в своем парадоксальном бытии веру Христову. Она (иногда – только она) и помогает этим народам жить.

Примечания

¹ Религия и конфликт. Под ред. Алексея Малашенко и Сергея Филатова. М., 2007. С.16-45.

² Хантингтон С. Кто мы? М., 2005. С.570-572.

³ Ясперс К. Власть массы. Из книги «Духовная ситуация времени» // Призрак толпы. М., 2007. С.41-47.

⁴ Uzelac Milan. Метapedагогика. Белград, 2007. С.47,51.

⁵ Там же.

⁶ См.: Кузьмина Т.А. Безусловность истины и жизненная прагматика // Метаморфозы свободы: спадщина Бердяева в сучасному дискурсі. Київ, 2003. С.145.

⁷ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С.190-195.

⁸ Платон. Софист. 249а-244а. – Ср.: Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С.59.

⁹ Бердяев Н.А. Ортодоксия и человечность (Прот. Георгий Флоровский. «Пути русского богословия») // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч.2. С.210.

¹⁰ Ольга Андреева. Сколько языков знает Россия?//Русский репортер. №9 (039) 13-20 март 2008. С. 55-59.

¹¹ Кстати, неразбериха с определением того, как в национальном соединяются род и культурно-исторический тип, одна из самых драматичных интенций нашего времени, времени возрождения национализма в его самых крайних формах.

¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Прешерн в России и Словении

Великий словенский поэт Франце Прешерн при жизни был признан очень небольшим кругом словенских интеллектуалов: подавляющее большинство словенской читающей публики предпочитало его стихам трескучие вирши И. Косеского, написанные в духе австрийского патриотизма и преданности австрийскому правящему дому. Знали и ценили поэзию Прешерна и некоторые культурные деятели славян. В 1833 году о ней с восхищением писал чешский поэт В.Челаковский. Одним из первых русских узнал о Прешерне Измаил Иванович Срезневский, славист, фольклорист, филолог, этнограф, посетивший в 1841 г. словенские земли во время своей научной командировки. В апреле он побывал в Любляне, где довольно близко познакомился с цветом словенской образованной элиты. В письме к матери от 9 апреля 1841 г. Срезневский, описывая свои занятия в Любляне, замечал: «Каждый вечер проходит в том или другом кабаке, где собираются наши знакомые пить вино ... Знакомые наши: д-р Прешерн (он лучший из живых поэтов краинских), д-р Хорват, адвокат, библиотекарь, несколько профессоров»¹. Отношения между Срезневским и Прешерном были вполне доброжелательными. Словенский поэт написал молодому русскому ученому на память стихи, в которых, в частности были такие слова: «Когда вернешься домой, сын неумирающей славы, вспомни братьев возле Савы».²

По-видимому, поэзия Прешерна не заинтересовала Срезневского. Он опубликовал ряд очерков о словенцах и их диалектах, некоторые народные словенские песни, но так и не упомянул о Прешерне ни в одной из своих работ. Возможно, познакомился с Прешерном и его друзьями и другой российский ученый Виктор Иванович Григорович, проживший в Любляне двадцать дней в мае-июне 1846 г. Но его занимали главным образом старинные славянские рукописи в Люблянской библиотеке, и своих впечатлений от знакомства со словенским поэтом он не оставил.

После смерти Прешерна (1849 г.) популярность его стихов стала набирать силу благодаря активной пропаганде его творчества молодыми словенскими либералами. Их стараниями в сентябре 1872 г. в родном селе поэта Врба у Бледского озера была открыта памятная доска. На этом торжественном мероприятии присутствовал ученый из России Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ.³

Первым познакомил русских читателей с творчеством Ф.Прешерна ученый и переводчик из Казани Мнемон Петрович Петровский. В 1862 г. он продолжительное время провел в Любляне, работая как и его российские предшественники в местной библиотеке. Она поразила его своим обширным собранием древних славянских книг и рукописей. В 1871 г. в С.-Петербурге вышел сборник под редакцией Н.В.Гербея «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей». В нем имелись сочинения Прешерна – баллада Прешерна «Розамунда» и стихотворение «Поминок юности» (Прощание с молодостью), обе в переводе М.П.Петровского. Им предшествовал небольшой очерк, посвященный словенскому поэту. «Франц Прешерн, – писал Петровский, – знаменитейший из хорутанских поэтов ... Как поэт, Прешерн пользуется большою известностью между хорутанами, и, благодаря мастерской отделке стиха, признается первым из хорутанских поэтов и отцом хорутанской литературы ... Он писал в разных родах, но любимейшим его родом были -песни, элегии, в особенности сонеты, которые признаются совершенством».⁴

Имя Прешерна упоминалось и в лекциях российских славистов. Так в 80-ых годах XIX в. о нем говорили хотя бы вкратце профессора Варшавского университета К.Я.Грот, В.В.Макушев, П.А.Кулаковский. Кулаковский называл Прешерна словенским Пушкиным или Мицкевичем, сравнивая его значение для своего народа со значением Пушкина для русских и Мицкевича для поляков. Он считал его истинно народным словенским поэтом по духу и мотивам своих произведений. Отзыв Кулаковского не был пересказом чужих мнений – он сам ознакомился с произведениями поэта и с работами о его творчестве, которыми его снабжал Ф.Целестин, словенец, преподававший русский язык и литературу в Загребском университете.⁵

Славянофильское издание «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества» опубликовало ряд статей, где упоминалось имя Прешерна. В нескольких его номерах за 1890 г. был помещен труд словенского автора П.Миклавца «Очерк развития литературы у словенцев». Сам очерк был достаточно поверхностным, но все же он давал какие-то первоначальные сведения о словенской литературе. В нем несколько слов было сказано и о Прешерне как о первом (т.е. лучшем) словенском поэте.⁶ В конце того же 1890 г. в «Известиях ...» появилась заметка о праздновании в Вене 90-й годовщины со дня рождения Прешерна. В ней сообщалось, что в праздновании приняли участие члены «Словении», (общества словенских студентов), Словенского певческого общества и хорватского студенческого общества Звонимир. На вечере выступил молодой славист Матия Мурко. Доход от праздника был передан для вспомоществования бедным студентам.⁷

Наиболее горячим пропагандистом творчества Прешерна в России стал замечательный ученый, академик Федор Евгеньевич Корш. Блестящий лингвист, литературовед и переводчик, он занимался этимологией, правописанием и фольклором, его интересовали классические языки и персидское стихосложение, пушкиноведение и славистика. Корш свободно владел несколькими десятками языков.⁸ В 1869 г., находясь в заграничной командировке, он попал в венскую больницу, где пролежал три месяца. Там ученый познакомился с молодым словенцем, ассистентом врача Людевитом Енко. Они подружились. Корш помогал своему другу изучать русский язык, а Енко, в свою очередь, знакомил своего русского пациента со словенским языком. Главным пособием для овладения последним стал для Корша томик стихов Ф.Прешерна. Для обоих эти три месяца не прошли даром. Спустя некоторое время Енко стал горячим пропагандистом русского языка среди словенцев, по его инициативе были созданы несколько кружков по его изучению в Любляне, Идрии, Триесте, Целье, Мариборе, Горице и пр. Корша увлек Прешерн, который стал одним из его любимых поэтов. В течение многих лет Корш работал над переводом стихов Прешерна на русский язык. Первый свой перевод Корш опубликовал в 1881 г. в «Крестном календаре», а в 1889 г. в журнале «Русская мысль» был помещен его перевод одного из значительнейших произведений Прешерна «Венок сонетов».⁹

Об увлечении Корша творчеством великого словенского поэта знал М.Мурко, который в качестве стипендиата Венского университета провел в России 18 месяцев. Он приехал в Россию в августе 1887 г., несколько месяцев слушал лекции на историко-филологическом факультете С.Петербургского университета, затем работал в библиотеках и архивах Москвы. Мурко познакомился со многими русскими учеными, в том числе с Коршем. Вернувшись на родину, Мурко рассказал об его интересе к Прешерну молодому словенскому поэту и переводчику, в дальнейшем видному историку литературы Ивану Приятелю. Когда приблизился столетний юбилей со дня рождения Прешерна, Приятель обратился 17 февраля 1900 г. с письмом к Коршу. Он сообщил, что узнал от Мурко, что Корш перевел на русский язык все стихотворения Прешерна и посоветовал ему «издать их целиком на русском языке к его столетию». Одновременно словенский ученый просил Корша сообщить ему обо всех имеющихся русских переводах произведений поэта, так как он собирает материал для статьи «Прешерн в славянских переводах». В сентябре Корш написал Приятелю, что окончил перевод стихов Прешерна, и попросил Приятеля прислать ему материалы к биографии поэта для вводной статьи, «чтобы моя статья достигла своей цели и смогла сделать великого словенца возможно более близким русским».¹⁰ Приятель с лихвой выполнил просьбу Корша. Он получил за это вознаграждение от Академии наук России в размере 100 рублей – «за исполненную Вами работу по собиранию материалов для

полного собрания сочинений Прешерна». Но 8 ноября 1901 г. эти материалы, после их использования Коршем, были отосланы назад Приятелю. В сопроводительном письме указывалось, что полное критическое издание сочинений Прешерна мог бы осуществить только словенский ученый, и это предприятие «встретило бы нравственную и материальную поддержку со стороны Академии».¹¹

Юбилей Прешерна открыл путь к изучению его творчества русскими учеными, к новым переводам его стихов на русский язык.

В 1901 г. Корш выпустил сборник «Стихотворения Франца Прешерна» с большой вступительной статьей. В ней Корш оценивал его как лучшего словенского и одного из лучших славянских поэтов. Поэзия Прешерна, по мнению Корша, выражала идеалы свободы, человечности, национальности, она была созвучна идеалам революции 1848 г.¹² Сборник, изданный Коршем, его статья впервые познакомили так всесторонне и глубоко русскую читающую публику с творчеством великого словенского поэта. Практически он открыл Прешерна не только для русских читателей, но и для ученых. «Стихотворения Франца Прешерна», изданные Коршем, вызвали положительный отклик в русских научных кругах. Профессор Киевского университета Т.Д.Флоринский написал небольшую рецензию на это издание. В ней он отметил, что Прешерна «справедливо можно признать одним из выдающихся славянских лириков». Флоринский подчеркивал, что словенский поэт удостоился редкого внимания в русской литературе, которое выпало немногим славянским поэтам: почти все его стихи были переведены на русский язык знаменитым лингвистом академиком Ф.Коршем. «Вводная его статья достаточно ярко знакомит как с личностью словенского поэта, так и с общим характером его произведений».¹³

В Киеве отметили юбилей Прешерна изданием брошюры А.И.Степовича «К столетию рождения словенского поэта Франца Ксаверия Прешерна». Являясь сторонником концепции славянской взаимности Коллара, Степович осуждал Прешерна за его борьбу с иллиризмом. Вместе с тем он высоко оценивал творчество поэта, подчеркивая свежесть его дарования, сочетание в нем трезвого реализма с высоким техническим мастерством и полным отсутствием напыщенности. «Все, что он ни создал, – писал Степович, – прямо вылилось из его страстного, измученного сердца»¹⁴.

Н.Н.Бахтин (псевдоним Н.Нович) опубликовал в 1904 г. свои переводы стихов Прешерна. Правда, они не вызвали столь безоговорочного одобрения, как переводы Корша. В частности, казанский славист Н.М.Петровский, много внимания уделявший словенской культуре, отмечал не совсем оправданный выбор Бахтиным стихов для перевода. Петровский сожалел, что не был переведен «Венец сонетов», который он считал замечательнейшим из произведений Прешерна.¹⁵ В своем сборнике Бахтин дал

небольшую справку о Прешерне, в которой характеризовал его как самого выдающегося из словенских поэтов, как творца словенского литературного языка. По мнению Бахтина, Прешерн, воспитанный на европейской поэзии, сумел все богатство ее поэтических форм ввести в словенскую литературу, тем самым заложив основание ее самостоятельного развития.¹⁶

В 1905 г. обширную статью о Прешерне опубликовал А.И.Яцимирский, ученый широкого профиля, занимавшийся историей, этнографией, археологией, фольклором, историей литературы. Статья была написана по поводу открытия памятника поэту в Любляне 10 сентября 1905 г. Яцимирский писал о Прешерне как об одном из талантливейших среди словенских поэтов. Он считал его задумчивым и изящным певцом любви и красоты, истинно народным поэтом. Эта народность отразилась прежде всего в его языке. «Язык его стихотворений, – подчеркивал Яцимирский, – всегда образен, гибок, меток, язвителен в сатире, трогательно нежен в лирике, словом, мы встречаем мельчайшие оттенки народной речи». Указывая на здоровый реализм содержания произведений Прешерна, близкий народному восприятию жизни, Яцимирский писал об отсутствии в них беспочвенных мечтаний, фальшивых эффектов, бесплодных порывов. Вместе с тем он видел в поэзии Прешерна многие элементы романтизма: глубокую неудовлетворенность жизнью, известный пессимизм и наряду с этим надежду на лучшее будущее. Русского ученого восхищали безукоризненность формы стихов поэта, их эlegantность, богатство выражений. Яцимирский подчеркивал, как и Бахтин, что в своем творчестве Прешерн удачно сочетал национальное начало с восприятием им всего лучшего, что было создано европейской поэзией. Он справедливо утверждал, что Прешерн сделал бесконечно много для создания словенской художественной литературы¹⁷.

Как можно видеть, русские ученые высоко ценили творчество Прешерна, глубоко изучали его. Они высказали много положений, которые сохранили свою актуальность по сей день. Тонкое понимание стихотворений поэта показали Ф.Е.Корш, Н.Н.Бахтин, А.И.Яцимирский.

Празднование столетнего юбилея Прешерна имело большие последствия и для словенцев. Словенские либералы всегда высоко ставили творчество Прешерна, считали его самым значительным из словенских поэтов. Именно их отношение к Прешерну оказало большое влияние на взгляды русских ученых, например, Кулаковского, Корша, Яцимирского.

Либералы активно готовились к празднованию юбилея поэта. Их усилиями был издан «Альбом Прешерна», в котором были помещены научные статьи о его деятельности, переводы его стихов на славянские языки, некоторые его неизвестные стихотворения. Редактором этого сборника стал замечательный словенский поэт Антон Ашкерц, пригласивший принять в нем участие трех русских ученых. Корш написал для альбома статью «Нечто

о тексте Прешерновых стихотворений», в которой сравнивал три издания стихов словенского поэта - 1847, 1866 и 1900 гг. С просьбой о написании статьи именно на эту тему к русскому ученому обратился Ашкерц. В ответном письме, написанном на словенском языке, Корш выразил свое удовлетворение знакомством с Ашкерцом, знаменитым поэтом, товарищем Прешерна по Парнасу. Направляя Ашкерцу свою статью, он предоставил ему возможность сократить ее по своему усмотрению. Корш послал также несколько экземпляров сборника своих переводов Прешерна. В декабрьском письме от 1900 г. Корш обещал Ашкерцу написать рецензию на «Альбом Прешерна»¹⁸. Свое обещание он выполнил.

Кроме статьи Корша в «Альбоме Прешерна» были помещены публикация неизвестного стихотворения Прешерна, написанного им Срезневскому, подготовленная к печати молодым русским славистом В.А.Францевым, а также несколько переводов на русский язык стихотворений Прешерна, сделанных славистом В.Н.Щепкиным.

Празднества в честь юбилея поэта в словенских землях, организовали либералы. Уже в начале 1900 г. (а Прешерн родился 3 декабря) юбилей отметили словенские студенты в Вене. По словам Д.Н.Вергуна, представителя Петербургского телеграфного агентства в Австро-Венгрии и на Балканах, «венская молодежь ... устроила великолепное торжество в память столетней годовщины рождения Прешерна». На вечере выступил с речью М.Мурко, было много музыки. Со всех концов славянской земли было получено множество поздравительных телеграмм. Особого внимания удостоилась телеграмма петербургской русско-славянской молодежи, подписанная руководителями петербургских обществ: Славянской беседы (Ильинский), Чешского вспомогательного общества (Новотный), Сербского кружка (Ивкович), Болгарского кружка (Папрандов). В ней, в частности, говорилось: «Да возрадуется душа Прешерина! Не напрасно рокотали звуки лиры его сладкогласной над колыбелью молодого словенца. Волшебным звукам родного слова внял коварной мачехой усыпленный мальчик и очнулся! Привет тебе, отдаленный отплеск славянского моря. За спиною старейших братьев ты безопасен». Чтение телеграммы закончилось пением всеми присутствующими патриотической песни «Naprej zastava Slave».¹⁹

Но главные празднества развернулись осенью в Кране, где жил последние годы и умер Прешерн. Главными его учредителями стали Гореньски Сокол, молодежная гимнастическая организация, и Народная читальня Края. В празднике приняли участие многие общества из Любляны, Радовлицы, Камника и других городов и селений Словении. Это были читальни, певческие и пожарные общества, сокольские организации. Участвовала в праздновании юбилея и Словенская матица. Утром 16 сентября специальным поездом гости прибыли в Крань. Их встречали местные жители со зна-

менами, патриотическими песнями. От вокзала все направились через весь город к церкви, где в память Прешерна отслужил мессу епископ Зупан. Около 10 часов утра участники праздника посетили могилу Прешерна на кладбище, а в 11 часов - большое количество народа собралось у дома поэта, на котором была открыта мемориальная доска в его честь. С речью о Прешерне выступил жупан (бургомистр) Краня Карол Шавник, призвавший словенцев «идти по пути, который нам указал Прешерн в своих стихах - по пути любви к словенской отчизне». Хор спел кантату в честь Прешерна, затем все общество со своими знаменами прошли перед жупаном. В полдень был устроен банкет, на котором присутствовало 80 наиболее видных патриотов. На банкете произносились тосты в честь Прешерна, пел хор, читались поздравительные телеграммы со всех концов Словении, говорилось о необходимости сбора средств для памятника Прешерну в Любляне. На улицах Краня праздновала остальные. Здесь бойко шла торговля, проводилась лотерея - доходы от них предназначались на памятник поэту. В саду около трактира Майера произносились речи, пелись песни - здесь отмечали юбилей патриоты рангом пониже.²⁰

В Любляне празднование юбилея Прешерна прошло скромнее. В нем приняли участие только люблянские общества, зато празднование продолжалось 3 дня: 1-3 декабря. При этом 3 декабря (понедельник) жупан Любляны Иван Хрибар объявил для школьников свободным от уроков. В этот день директорам школ рекомендовалось рассказать своим ученикам о Прешерне. Празднование началось 1 декабря. В 8 часов вечера люблянские словенские общества во главе с оркестром прошли по улицам Любляны. Праздник продолжился в Народном доме, где произносились речи, пели хоры, шел сбор денег на памятник Прешерну. 2 декабря, в воскресенье, в зале Народного дома собрались «лучшие люди города». Речь о Прешерне произнес Фран Левец, известный историк словенской литературы, один из основателей литературного словенского журнала либерального направления «Люблянски звон». Играла музыка, пел хор. В словенском театре по дешевым билетам давали представления: - утром «Разбойников» Шиллера, вечером - «Проданную невесту» Сметаны. Вырученные деньги предназначались в фонд памятника Прешерну.²¹

Хотя празднования юбилея Прешерна организовывались либералами, в них участвовали и некоторые представители католических кругов. Так, среди демонстрантов 1 декабря в Любляне находилось некоторое количество членов христианского социального союза, о чем не преминула сообщить либеральная газета «Словенски народ». В отдельных католических изданиях было отмечено столетие со дня рождения поэта. Так, в календаре Общества св. Мохора за 1901 г. (в 1900 г. общество имело 78 596 членов и являлось самым массовым в словенских землях) Дович поместил небольшую заметку

о Прешерне. В ней он назвал его величайшим словенским поэтом, обогатившим словенскую поэзию многими поэтическими формами, которых она до него не знала.²²

Католический журнал «Дом и свет» также высоко оценивал творчество Прешерна. В марте 1900 г. его создатель и редактор Франце Лампе поместил небольшую заметку о новом издании стихотворений поэта, отметив, что Прешерн «всей своей личностью и своим творчеством твердо стоит в своем народе ... он является кость от кости и плоть от плоти нашего народа».²³ В конце года в журнале появилась статья, написанная, по-видимому, братом Ф.Лампе – Евгеном Лампе. В ней проводилось любопытное сравнение между двумя деятелями, которым в 1900 г. отмечался столетний юбилей: поэтом Прешерном и епископом Антоном Мартином Сломшекком (в 1999 г. он был объявлен святым Римско-католической церковью). Автор отмечал, что оба они являлись крепкими и здоровыми сыновьями простого народа, оба были первыми среди товарищей, оба горячо любили свою родину. Вместе с тем между ними существовали и большие различия. Прешерн имел беспокойную душу, он полностью отдавался чувственной любви, его поэзия отражала дисгармонию между его внутренним состоянием и существующей реальностью, в жизни поэт был пассивен, а его душа ранима. В противовес Прешерну Сломшек отличался энергичным и твердым характером, жил умом, а не сердцем. Он сохранил людям веру, объединил штирийских словенцев и уберег их от ассимиляции. Единственным преимуществом Прешерна перед Сломшекком являлось то, что он лучше писал стихи. «Действительно, - заключал Е.Лампе, - Прешерн выше Сломшека в выражении лирического внутреннего чувства, зато Сломшек до сих пор является лучшим из словенских ораторов, воспитателей, политиков и святых». Автор неоднократно подчеркивал верность Прешерна католицизму. «Особенно мы славим Прешерна, - замечал он, ... как автора «Крещения при Савице».²⁴ Сам поэт в письме к чешскому поэту Ф.Челаковскому от 22 августа 1836 г. признавался, что с помощью этой поэмы он пытался добиться благосклонности духовенства, недовольного его сонетами, в которых он прославлял любовь.²⁵ Таким образом, и католическая печать отметила юбилей Прешерна, признав его замечательный поэтический дар, значение его творчества для словенской литературы.

Открытие памятника Прешерну, на который собирались средства во время празднования столетней годовщины со дня его рождения, произошло в сентябре 1905 г. На него откликнулись ряд научных и общественных организаций России. Так приветственные телеграммы в Любляну по этому случаю послали Петербургский, Московский, Киевский, Казанский, Юрьевский университеты, Петербургская академия наук, город Москва, Славянское благотворительное общество и др. Московский университет выразил свое

искреннее сочувствие словенскому народу «по случаю открытия памятника Прешерну, славному лирику, гордости своей страны и красе Славянства». Петербургское славянское благотворительное общество, приветствуя открытие памятника Прешерну, подчеркивало, что он своим гением завоевал «словенскому имени равноправное место среди великих славянских писателей». Академия наук отдавала дань уважения «памяти бессмертного славянского стихотворца Прешерна» и горячо приветствовала тех его почитателей «пожертвованиями и трудами которых воздвигнут ныне открываемый памятник Прешерну». Киевский университет св. Владимира присоединился к чествованию памяти «великого словенского поэта Прешерна» и слал «лучшие пожелания братскому словенскому народу и словенской литературе». В таком же духе были выдержаны и другие приветствия из России.²⁶

Празднование столетнего юбилея Прешерна имело большое значение для популяризации его творчества. Русская читающая публика получила собрание его произведений, переведенных на русский язык, русские ученые стали изучать их. В словенских землях юбилей Прешерна сделал его творчество достоянием самых широких кругов словенцев. Были переизданы его стихи, празднества в Кране и Любляне привлекли внимание к поэту многих простых словенцев. Смягчилась позиция по отношению к Прешерну некоторых католических кругов. Наиболее объективные католические издания как журнал «Дом и свет», Календарь Общества св. Могора, поместили о нем теплые статьи, признали его огромное значение для словенской литературы.

Примечания

- ¹ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. СПб., 1895. С. 204.
- ² РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 436. Оп. 1. Д. 198.
- ³ Отчеты командированного министерством народного просвещения за границу с ученою целью И.А.Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 годов. Ч. 1 // Известия и ученые записки Казанского университета. 1876. № 1. С. 73
- ⁴ Поэзия славян. СПб., 1871. С. 317.
- ⁵ Чуркина И.В. Русские и словенцы. М., 1986. С. 153, 158.
- ⁶ Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1890. № 20. С. 394.
- ⁷ Там же. 1890. № 48. С. 845.
- ⁸ Бернштейн С.Б. Корш Федор Евгеньевич // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 190.
- ⁹ Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии в России. М., 1979. С. 200, 202, 203.
- ¹⁰ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. XIII.
- ¹¹ Ibid. M. 1.
- ¹² Корш Ф.Е. Предисловие переводчика // Стихотворения Франца Прешерна. М. 1901. С. XVIII-XX.
- ¹³ Флоринский Т.Д. Обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. 10. Стихотворения Франца Прешерна. М. 1901 // Университетские известия. Киев. 1902. № 3. С. 30, 31.

- ¹⁴ *Степович А.И.* К столетию рождения словинского поэта Франца Ксаверия Прешерна. Киев, 1902. С.8-11.
- ¹⁵ *Петровский Н.М.* Slovenica // Журнал министерства народного просвещения. 1906. Январь. С. 147.
- ¹⁶ *Нович Н.* Словинские поэты. СПб. 1904. С. 93.
- ¹⁷ *Яцимирский А.И.* Франц Прешерн и его лирика. // Известия С.-Петербургского благотворительного общества. 1905. № 8. С. 653-665.
- ¹⁸ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 972. M. VI.
- ¹⁹ *Вергун Д.* Франц Прешерин, словенский поэт-возроditель // Славянский век. Вена. 1900. № 1. С. 7, 8.
- ²⁰ *Gorenjec. Kranj.* 1900. N 37 (22.IX.), N 38 (29.IX.); Slovenski narod. Ljubljana. 1900. N 214 (18.IX.).
- ²¹ Slovenski narod. 1900. N 272 (26.XL); N 278 (3.XII.).
- ²² Ob Prešernovi stoltnici (J.M.Dovič) Koledar Družbe sv. Mohorja za 1901. S.134, 135-137.
- ²³ Dom in svet. Ljubljana, 1900. N 3. S. 92.
- ²⁴ Dom in svet. 1900. N 23. S. 706-709.
- ²⁵ *Slodnjak A.* Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 123.
- ²⁶ ZAL LJU. 507. Mesto Ljubljana, mestni odbori. Prešernov spomenik. Fol. 767, 781, 930, 934.

Россия и Европа. Взаимодействие культур

Взгляд «русских» на Запад складывался из поколения в поколение, в той или иной форме выражая свое отношение к народам и государствам, в зависимости от конкретных исторических событий. Несовпадение исторического менталитета часто приводило к возникновению неверных представлений друг о друге. Механизмы создания подобных взглядов довольно сложны, их трудно проследить, но они, несомненно, оставляют свой след в развитии мировой культуры. Часто отношение к определенному народу формируется на основе сложившихся стереотипов, которые, в свою очередь, напрямую связаны с этнической психологией, характеризующей общие и особенные черты в духовном облике данной нации. Отсутствие в современной науке четких методологических определений при исследовании национальной психологии и национального характера затрудняет исследование подобных тем.¹

Формирование специфических особенностей наций и народов происходило в различных географических, исторических и социальных условиях, что накладывало своеобразный отпечаток на развитие каждой из них. «...под воздействием своеобразных условий социальной среды, исторических судеб народа, культуры в его духовном облике от поколения к поколению запечатлевается это своеобразие, складываются специфические черты и привычки, по которым в известной мере можно отличить представителей одной нации от другой.»² «Черты национального характера могут быть изучены, прежде всего, по их объективным проявлениям в достижениях и ценностях подлинно национального масштаба: в искусстве народа, его фольклоре, в разнообразных сферах его творчества, традициях, обычаях, нравах, привычках.»³ В отношениях наций друг к другу часто складываются определенные стереотипы, укореняющиеся в сознании народа как стойкие предрассудки, которые не отвечают настоящим особенностям национального характера и наносят вред международным отношениям.

Являясь водоразделом между Европой и Азией, Россия в течение многих столетий формировала свою собственную идентичность. Как огромное море, в которое вливались многочисленные, полноводные реки с Востока и Запада, Россия принимала в себя расы и народы, религии и верования, обволакивая все духовностью, терпимостью и гостеприимством. Начиная с Петра I, западное влияние начинает усиливаться. Российский писатель, дворя-

нин Ф.Ф. Вигель (1786–1856) писал: «Что случилось с самой Россией! Высшие слои общества потеряли в ней совершенно народную физиономию. Сначала против воли, потом все более и более увлекаемые, мы наконец с остервенением устремились на Запад, будто бы за познаниями, а в самом деле за всеми утонченностями роскоши и порока. Самодержавие, которому благоразумие повелевало осторожно знакомить нас с Европой и ее просвещением, потащило нас на сей опасный путь и в ослеплении своем часто требует от нас невозможного, любви к отчизне вместе с пристрастием к иноземному, и таким образом ставит себя в беспрестанное с собою противоречие.»⁴ Н. Бердяев отмечал в национальном характере русских «национальное бескорыстие, жертвенность, неведомую западным народам».⁵ Характеризуя творчество русских писателей, Н. Бердяев не мог не отметить у них «сверхнациональный, всечеловеческий дух», что присуще нациям только с высоко развитой культурой.⁶ В этих характеристиках Н. Бердяева заключается таинственный смысл русской идеи, которую пытаются понять современные ученые и публицисты.⁷ «Мы живем в России и так же, как любой другой народ, мы не можем абстрагироваться от тех традиций, от тех патриотических и национальных устремлений, которые в разных исторических условиях определяли сущность национальных идеалов».⁸ «Русский идеал – это утверждение справедливости для своего народа и всего страждущего человечества».⁹

Образ России на Западе складывался во многом благодаря литературным произведениям, написанным современниками. Религиозная нетерпимость накладывала определенный негативный отпечаток на сообщения иностранных авторов, повествующих о русском народе. С другой стороны, они с присущим им любопытством описывали многие факты, особенно бытового характера, которые казались забавными и необычными для европейцев. Это позволило донести до нас многие интересные события, которые не фиксировались официальными отечественными источниками, так как они казались «несущественными» для русского человека, а для иностранцев представляли огромный интерес. Зачастую самобытность российского самодержавия приравнивалась к средневековым восточным деспотиям. В работе французского публициста А. Де Кюстина Россия представлена в образе страны, в которой процветает рабство. Он считал, что рабская система, процветавшая на Руси, накладывала отпечаток на национальный характер русских – «весь русский народ от мала до велика опьянен своим рабством».¹⁰ Пользуясь такими необъективными произведениями, западный читатель формировал негативные стереотипы, которые впоследствии закреплялись как характеристики русского народа. «Уже тогда складывался стереотип восприятия русского народа, в котором славянская мечтательность и добродушие сочетались с азиатской жестокостью, рабской покорностью и непред-

сказуемой агрессивностью».¹¹ Даже К. Маркс не удержался от подобных характеристик. Это еще раз подтверждает влияние сложившихся стереотипов. К. Маркс считал, что монгольское, азиатское влияние настолько затронуло Русь, что она не смогла оправиться от последствий набегов степных кочевников. Даже после падения монгольского ига, Русь осталась частью ужасного азиатского мира. В своей работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», К. Маркс писал: «Московию вскормила и взрастила ужасная и омерзительная школа монгольского рабства. Она выказывала силу, только становясь *virtuoso* в искусстве раболепия. Даже будучи освобожденной от монгольского ига, Московия продолжала мастерски выполнять свою традиционную роль раба».¹²

Изучением национальных характеров на научной основе занимается этнопсихология, одно из новых направлений этнологии.

«Специфику национального характера следует искать в неповторимом сочетании общих для человека психических свойств, в особой выразительности тех или иных черт, а не в наличии неких исключительных признаков. Таким образом, задача ученого, как нам представляется, – не акцентировать односторонне психологические различия, а раскрыть разнообразные формы проявления общечеловеческого. На данном этапе исторического развития общечеловеческое находит своеобразное проявление именно в национально особенном. Поэтому в национальном, которое при поверхностном подходе изображается как совершенно уникальное, на деле заключена частица общего».¹³

Духовная сторона русской жизни, выраженная в многочисленных литературных произведениях, очаровала Запад, который стал проявлять огромный интерес к творчеству А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева. Многие общечеловеческие ценности, утраченные западной цивилизацией в ходе промышленной революции, открылись ему при более близком знакомстве с русской культурой.

Великий русский историк и философ В. Соловьев одним из первых поставил вопрос «о смысле существования России во всемирной истории».¹⁴ Географическое положение, сложный исторический путь русского народа, его высокая культура и духовность позволили России стать неотъемлемой частью мировой цивилизации. «Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой арене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность..., когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству, что желает он сделать в истории мира?».¹⁵

Приняв в 988 году православие, Россия стала христианской страной и вошла в европейскую семью христианских народов. «Имя Христа соединяет Россию и Европу», – писал Г.В. Флоровский.¹⁶ «Евразийское сознание отодвигает Его (Христа) на задний план», – отмечала Р.А. Гальцева.¹⁷

Огромные неосвоенные пространства страны наложили глубокий отпечаток на душу каждого русского, сформировали его духовность и лиричность. Еще Н. Бердяев писал о «власти пространства над русской душой». «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности». ¹⁸ Бердяев считал, что это необъятное пространство было не только внешним, материальным, природным фактором, но и внутренним, духовным фактором жизни человека.¹⁹

Огромное воздействие на формирование русского национального характера оказали восточные влияния. «Восток сформировал “географию русской души”, и существенным проявлением этого влияния были: слабость формообразующих начал в русской культуре, слабость срединной культуры, способствующей организации устойчивости повседневности. Неизбежным следствием такой структуры русской духовности стала особая роль государства в регуляции политической и хозяйственной жизни, а также цивилизационных структур».²⁰

Рождение и развитие молодого русского государства происходило на огромных территориях части Европы и Азии. До возникновения Московского государства эта территория была заселена многочисленными племенами евразийской общности, культура которых органически влилась в русскую культуру. Как сказал П.Я. Чаадаев, «стихии азиатские и европейские перерабатываются в оригинальную Русскую цивилизацию».²¹ Многие «евразийцы» пытались осмыслить и объяснить процессы, происходящие в России. Влияние Востока казалось им определяющим моментом в историко-культурном развитии России. Негативное отношение к западной культуре и выделение православия как главной религии в многонациональной стране со множеством конфессий отличало их позиции от позиций других философов. Одна из главных идей, идея евразийской общности России, объединила многих русских мыслителей. «Нет двух России – “европейской” и “азиатской”. Есть только одна Россия – “евразийская”, или Россия – Евразия», – писал Г.В. Вернадский.²² Сильная, централизованная власть, по мнению евразийцев, являлась основным государствообразующим фактором, влияющим на все формы многонационального культурного творчества. «Мы не только славяне и татары, мы наследники великого Востока (Византии). Ро-

дина наша была и есть гигантский котел, столетиями вываривавший из смеи племен и рас нечто совсем свое, и совсем особенное». ²³

Гордость за свой народ, за свое великое прошлое, за своих великих предков испытывал русский поэт А. С. Пушкин, хотя деспотизм и невежество царского правления глубоко возмущали его легко ранимую душу. В письме к П.Я. Чаадаеву он писал: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя..., но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков». ²⁴

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл отмечал важную роль исторического прошлого России в современном мировом культурном и историческом процессе: «зреет серьезное понимание того, что у России свое геополитическое предназначение, своя роль в мировом процессе. Она определилась не сегодня, за ней тысячелетняя традиция, построенная в том числе и на евразийском статусе нашей страны. Всему миру важно сегодня, чтобы эта историческая роль России не была утрачена». ²⁵

На призывы быстрого интегрирования России в западную мировую систему ценностей скромный служитель Русской Православной Церкви ответил, что «этот огромный материк никуда интегрироваться не может без того, чтобы не сломать ту систему, куда он войдет»; «появится совершенно новая политическая, экономическая, духовная структура, которая многообразно перекроит не только европейское, но и все мировое пространство... Россия нужна всему миру как сильная и самостоятельная политическая величина, как некий полюс геополитики». ²⁶

Многие современные историки и экономисты считают, что базис цивилизации заложен в производственных отношениях, которые являются определяющими в развитии исторического процесса, принижая роль духовности в жизни общества. Немецкий ученый Роман Редлих полагает, что в историческом становлении России духовность играла более важную роль, чем экономика и политика: «... и в русском царстве, и в российской империи плодородили не Малюты, Иваны и Годуновы, а Сергей Радонежский, Андрей Рублев и Филипп Московский, Пушкин, Достоевский и Соловьев, независимо от способов производства поставившие нашу культуру в ряд виднейших мировых культур». ²⁷

Известный ученый, академик Е.П. Челышев считает, что без поднятия духовности все экономические реформы обречены на провал. «Естественно, что экономические проблемы, от решения которых зависит благосостояние общества, выдвигаются сейчас как первостепенные. Но без установления нравственных устоев общества, духовных основ всей национально государственной жизни, без оздоровления отношений между людьми, без устранения вульгарно-социологизаторского отношения к культуре как производной

от экономики все наши стремления осуществить экономические реформы будут тщетными».²⁸ Во «Введении» к сборнику «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX – XX веков» Е.П. Челышев поставил очень насущные вопросы, определяющие направление будущих исследований: «...правомерно ли считать, что само существование "образа России" в других странах является свидетельством включенности русской и российской культуры в мировую?». «И, наконец, вопрос об истинных и иллюзорных образах России в культурах других стран и образов других стран в культуре России: какова в этом плане роль встречных течений различных культур, граней и сторон образа страны и народа, наиболее интенсивных "очагов влияния" (личностей, направлений, периодов и эпох), синхронности и асинхронности культурных процессов, метропольных и эмигрантских пластов национальной культуры».²⁹

«Образ иностранца» в русском ментальном восприятии не однозначен и имеет множество исторических оттенков. «Этнические представления» одного народа о другом складывались в различные исторические периоды и зависели от множества обстоятельств: близости границ, религиозных конфессий, экономических связей. «Представления об иных этносах и культурах – неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания; ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы к системам ценностей иных народов».³⁰ Духовная жизнь неразрывно связана с этническими представлениями общества. «Этнические представления являются органической частью духовной жизни общества, которая складывается из идей, концепций, мировоззрений и чувств, господствующих в данное время в обществе».³¹ Они «отражают не одну, две реальности, или, точнее, два народа – и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение».³² Представления об иных народах зачастую были очень противоречивы. Рассказы часто обростали неправдоподобными подробностями. Незначительные контакты с иностранцами зачастую не могли дать полноценного представления друг о друге. «В процессе многоэтапной устной передачи события не только обростали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер – в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи».³³ Различия между христианской и католической церквями порождали определенное непонимание и недоверие друг к другу. Незнание иностранных языков создавало непреодолимый барьер в общении. Различия национальных характеров и обычаев часто принимали характер неприятия друг друга, которые иногда могли перерасти в открытую вражду. Неприятие всего западного и католического имеет у русских

глубокие исторические корни. Деятельность на Руси греческих церковно-служителей подвергла все слои населения сильнейшему византийскому влиянию и способствовала формированию взглядов, отрицающих все латинское.³⁴

Бескрайние просторы Руси, населенные племенами, с готовностью воспринявшими славянскую культуру и, в свою очередь, обогатившими ее достижениями своих народов, стали барьером, отгородившим восточное славянство от западного влияния. Позднее, в XIII в., «русские пространства», населенные мужественными воинами, спасут Европу от полного разорения. Последствия монголо-татарского нашествия надолго прервали отношения Руси с соседними западными странами. Лишь с середины XIV в. начинают постепенно восстанавливаться международные отношения. Политика московского самодержавия, направленная на ограничение контактов с латинским Западом, способствовала почти полному прекращению связей с западными державами. Разорение Иваном Грозным вечевого Новгорода и начало Ливонской войны надолго определило изоляционную политику Русского государства и враждебность Запада. Падение в 1453 г. Константинополя сделало Москву наследницей великой Византии. Доктрина «Москва – Третий Рим», получившая конкретное выражение, надолго определила религиозную политику Московского государства. Возведение на митрополичью кафедру русского священника вместо греческого митрополита Исидора, без согласия греческой церкви, сделало Москву единственной достойной преемницей Византии. «Защита православия от латинян» с конца XV в. стала важной государственной доктриной Москвы. «"Все свое", по мнению русских, было много выше и лучше "чужого", и они презрительно относились ко всему иноземному, откуда бы оно ни шло – с Балканского ли Востока или с Европейского Запада».³⁵

Агрессивная политика Ивана Грозного по отношению к Западу еще более усилила изоляцию России в середине XVI в. Разгром Новгорода и начало Ливонской войны значительно сократили контакты с европейскими странами. Ограничение связей с католическими западными странами было в этот период основной доктриной Московского государства. Со временем менталитет высших слоев общества менялся. Приходило понимание необходимости использования западных достижений для ускорения собственного национального развития. Еще русский царь Борис Годунов отправлял молодых дворян в западные страны на учебу. Результат был плачевный: вернулся только один. Эпоха Петра I значительно усилила уже имевшиеся тенденции взаимного сотрудничества. Насильственная европеизация ускорила процесс научно-технической революции, но разрушала духовно патриархальный уклад жизни всего населения. В обществе возникали множественные противоречия, главными из которых были борьба между верхушкой

общества, ориентированной на западные ценности, и основной массой простого народа, стремившегося сохранить исконно присущие ему духовность и патриархальность. Если в рамках большой культуры развитие образа Запада работало на модернизацию – способствовало изживанию манихейской парадигмы, рационализации культуры, выходу за пределы традиционного сознания, то низовой образ Запада имел обратную направленность. Он актуализировал архаические характеристики народной культуры – манихейскую компоненту, иррационализм, эсхатологизм мировосприятия и т. п.

Многие российские общественные и политические деятели XIX в., сознавая необходимость европейских культурных заимствований, в то же время понимали всю сложность и ошибочность механического перенесения западных общественных моделей на русскую почву. К.П. Победоносцев, будучи по своей природе консерватором, с большой симпатией относился к политическим институтам старой Англии, однако неоднократно высказывался, что для российских национальных традиций английские варианты не подходят.³⁶

Чистоту и свободу русской души не могли стереть даже жесткие крепостнические порядки, методически насаждаемые в Русском государстве. «Внутренняя свобода русского человека не уживается ни с каким рабским сознанием...» – писал И. Ильин.³⁷ Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» устами своего любимого героя Пьера Безухова, попавшего в плен к французам, выражает невозможность духовного порабощения своего героя грубым физическим насилием. «Русский дух», русскую душу невозможно поработить никакими формами насилия. Во многих поэтических произведениях «русская душа» существует как некая форма вселенского абсолюта. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», – писал А.С. Пушкин. В беседе с одним иностранцем, посетившим Россию, он услышал мнение человека впервые увидевшего простых русских крестьян, пораженного их нравственной чистотой и внутренней свободой. «Можно ли представить себе нечто более свободное, нежели его (крестьянина) обхождение с нами? Нет ни малейшего следа рабской приниженности в его манерах и речах».³⁸ В своих литературных произведениях Ф.М. Достоевский отмечал вселенскую доброту и готовность русских жертвовать собой, даже ради других, нехристианских народов, как основную составляющую их духовного мира. Современник Достоевского, русский философ В.С. Соловьев в своих основных работах «Русская идея» и «Национальный вопрос в России» озвучил идею «собираания славянского мира» вокруг России. По его мнению, объединение славянских племен вокруг России возможно только при условии установления устойчивого равновесия между Западом и Востоком. «...Дело России – показать, что она не есть только представительница Востока, что она есть действительно Третий Рим, не исключаяющий первого, а примиряющий собою обоих». По

Соловьеву, Россия это философская категория, одинаково включающая в себя лучшие черты западничества и славянофильства. В то же время невозможно проповедовать равенство и свободу различных народов, одновременно проявляя национализм. «Нельзя безнаказанно написать на своем знамени свободу славянских и других народов, отнимая в то же время национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев». Соловьев писал: «Упраздняется не национальность, а национализм...; мы различаем народность от национализма по плодам их». (Русская идея). Только духовность, только отказ от применения насилия, только христианские заповеди спасут Россию и принесут удачу в делах ее. «Одно только мы знаем наверное: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от своего национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины – она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних»; "христианство, упраздняя национализм, спасает народы, ибо сверхнародное не есть безродное", "...и только полагая всю душу свою в сверхнародное вселенское дело Христово, народ сохранит ее" (Национальный вопрос в России).

«Особенность и сила русского народа в том именно и состоит, что он умеет, оставаясь собой, уживаться со всеми племенами, народами и верами. Таким сделала его история, географическое положение, культурный возраст, и дай Бог, чтобы в нем эта складка осталась навсегда,» – писал К.Д. Кавелин.³⁹ «Мы будем, как всегда были, демократами между прочих семей Европы, мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющими всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное», – вторил ему А.С. Хомяков.⁴⁰

Взаимопознание и взаимопроникновение России и Запада рождали многочисленные литературные и философские течения, которые пытались осмыслить всю сложность происходящего. «Так с самого начала два образа – России и Европы – оказались неразрывно связанными, и там, и там порождая мощный двухвековой умственный диспут. В самом деле, особое призвание и особый путь России могут быть осознаны лишь на общем фоне европейского мира, ближнего человечества (куда входит и Россия) и зачастую – по оппозиции к нему»⁴¹.

Огромные размеры России во многом формировали культурные традиции проживавших на них народов. Для русского человека необъятные просторы его родины это возможность нового эмоционального прорыва, скачка в неизведанное. Великий русский писатель Н.В. Гоголь писал: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда

есть место, где развернуться и прийти ему?» Мысль Гоголя проста – огромные пространства рожают гигантов: великие народы, великие культуры и великие помыслы. Современная российская история стала свидетельницей борьбы двух основных форм развития: западной – унифицированной и формационной и восточной, цивилизационной, включающей в себя все многообразие народных культур. Синтез этих форм развития, замешанный на русской терпимости и духовности, принесет будущим поколениям свои плоды.

Формационный западный универсализм как гигантская мясорубка перемалывает историю, переделывая народы под свои собственные стандарты. Все несовременное и устаревшее подлежит забвению или усовершенствованию. «Ведущая» универсальная западная культура поглощает «неведущие», «отсталые» культуры, давая взамен удобства, универсализм, стандартное материальное благополучие, теряя при этом духовное пространство и самобытность.

Соприкосновение двух культур неизбежно поставило на повестку дня вопрос: что представляет из себя Россия и какое место она занимает в цивилизованном мире. «В поэзии М.В. Ломоносова уже в 1740-е годы обозначились основные признаки художественного воплощения темы "Россия и Запад": 1. Мысль о пространственном величии России; 2. Мысль о военной непобедимости России, вытекающая из предыдущей; 3. Мысль о нравственно-религиозном единстве власти и народа в России; 4. Мысль о мире (стремление к миру как сильнейший внутренний стимул русского национального характера, обуславливающий моральную непобедимость России)».⁴²

Осознание наличия другого Западного мира дало толчок к национальному самопознанию и самоизучению. Еще в 1783 г. Д.И. Фонвизин в ряду других вопросов, обращенных к Екатерине II, задал два вопроса, имеющих непосредственное отношение к этому: 1. Как истребить два сопотивные и оба вреднейшие предрассудки: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо? 2. В чем состоит наш национальный характер?⁴³

На формирование образа России в западном сознании наложил отпечаток фактор враждебности к малопонятным и неприемлемым с точки зрения католической морали явлениям. Россия представлялась как восточная страна с деспотической формой правления, агрессивная ко всему европейскому. В то же время Запад поражали огромные просторы страны, ее великая история, особенности национального характера и духовно-психологического склада народа, его приверженность к христианской религии и общечеловеческим ценностям. «Русский феномен» надолго остался в сознании Запада, как великий сплав древней и новой культуры, поражающий воображение человека.

Примечания

- ¹ Баграмов Э.А. Нашия и национальная психология (В поисках концептуальных подходов) // Евразия. Народы. Культуры. Религии. 1993, № 1. С. 11-13.
- ² Баграмов Э.А. Этнические проблемы // Образ России (Русская культура в мировом контексте). М., 1998. С. 67.
- ³ Баграмов Э.А. Этнические проблемы // Образ России (Русская культура в мировом контексте). С. 67.
- ⁴ Размышления о России и русских. Вып. 2. М., 1996. С. 260.
- ⁵ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 10.
- ⁶ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 15.
- ⁷ Баграмов Э.А. Этнические проблемы // Образ России (Русская культура в мировом контексте). С. 70.
- ⁸ Баграмов Э.А. Этнические проблемы // Образ России (Русская культура в мировом контексте). С. 16.
- ⁹ Баграмов Э.А. Этнические проблемы // Образ России (Русская культура в мировом контексте). С. 71.
- ¹⁰ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 12.
- ¹¹ Баграмов Э.А. Этнические проблемы // Образ России (Русская культура в мировом контексте) С. 71.
- ¹² Вопросы истории. 1989. № 4. С. 11.
- ¹³ Баграмов Э.А. Этнические проблемы // Образ России (Русская культура в мировом контексте). С. 84.
- ¹⁴ Соловьев В.С. Русская идея. М., 1911. С. 3.
- ¹⁵ Соловьев В.С. Русская идея. С. 3.
- ¹⁶ Флоровский Г.В. Евразийский образец // Современные записки. Париж, 1928. № 34. С. 340.
- ¹⁷ Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. М., 1998. С. 92.
- ¹⁸ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 67.
- ¹⁹ Бердяев Н. Судьба России. С. 67.
- ²⁰ Ерасов Б.С. Россия в евразийском пространстве // Общественные науки и современность. 1994, № 2.
- ²¹ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. М., 1913–1914.
- ²² Вернадский Г.В. Начертание русской истории. // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 101.
- ²³ Зайцев Б. Слово о Родине // Прометей. № 16. М., 1990. С.374.
- ²⁴ Зайцев Б. Слово о Родине // Прометей. № 16. М., 1990. Т. 10. С. 689.
- ²⁵ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Сохраним свою самобытность и духовность // Евразия. Народы. Культуры. Религии. № 1(3). 1995. С. 85-88.
- ²⁶ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Сохраним свою самобытность и духовность // Евразия. Народы. Культуры. Религии. № 1(3). 1995. С.88.
- ²⁷ Посев. 1995. С.14, 17.
- ²⁸ Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX – XX вв. М., 1998. С.17.
- ²⁹ Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX – XX вв. М., 1998. С.20.
- ³⁰ Борисов Ю.С., Голубев А.В., Сахаров А.Н. История. Россия и Запад//Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. М., 1998. С. 21.

- ³¹ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М., 1982. С. 9.
- ³² *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. С. 21.
- ³³ *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 209.
- ³⁴ *Карташев В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 263-266.
- ³⁵ *Бочкарев В.Н.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям-современников иностранцев. СПб., 1914.
- ³⁶ Русская политическая мысль второй половины XIX в. Сборник обзоров. М., 1989. С. 188.
- ³⁷ *Гальцева Р.А.* Философская мысль. Россия и Европа// Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. С. 181-182.
- ³⁸ *Гальцева Р.А.* Философская мысль. Россия и Европа// Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. С. 182.
- ³⁹ *Никулин Л.И.* Национальная политика России. История и современность. М., 1993. С. 77.
- ⁴⁰ *Никулин Л.И.* Национальная политика России. История и современность. С. 77.
- ⁴¹ *Гальцева Р.А.* Философская мысль. Россия и Европа// Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. С. 88.
- ⁴² Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. С. 134-135.
- ⁴³ Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. С. 135.

Представления о славянской общности в «Палинодии» Захарии Копыстенского

Заключение в 1596 г. в Брест-Литовске церковной унии между Киевской митрополией и Римом дало сильнейший толчок для развития интеллектуальной жизни Западной Руси. Идейный раскол, спровоцировавший расцвет полемической деятельности ведущих интеллектуальных центров, привёл к масштабному кризису идентичности западнорусского общества¹, который в первую очередь проявлялся в изменении представлений о характере тех сообществ, с которыми себя отождествляли.

Один из самых ярких церковных и общественных деятелей того времени, Захария Копыстенский (до 1585 г. – 1627 г.), происходил из православной шляхетской фамилии из-под Перемышля. Судя по широте эрудиции, он получил прекрасное образование, но где – неизвестно. В 1616 г. он вступает в Киевское Епифаниевское братство и потом постригается в монахи, принимая имя Захарии. В 1624 г. он избирается архимандритом Киево-Печерского монастыря. Епифаниевское братство, образовавшееся вокруг Киево-Печерского монастыря, при предыдущем архимандрите Елисее Плетенцеком (1599-1624) стало центром интеллектуальной жизни православных Речи Посполитой, таковым оно было и при З.Копыстенском.

Источником для настоящего исследования послужила его книга *«Палинодия, или книга обороны кафолической»* – православное полемическое сочинение, написанное в 1617-1624 гг. в ответ на подобное же по жанру сочинение *«Obrona iedności cerkiewney»* (или «Оборона унии», как оно было названо в западнорусской среде тех лет и в русской исторической литературе). «Оборона» была написана виленским униатским архимандритом Львом Кривоузо² и издана в 1617 г. В этих работах полемика, порожденная Брестской унией³, достигла своей зрелости, вводя в круг дебатлируемых вопросов самый широкий круг религиозных и исторических проблем.

«Палинодия», как и почти любое другое крупное полемическое произведение того времени, являлась плодом отчасти и коллективного творчества. Копыстенский в «Предмове» говорит, что его многократно просили и почти принуждали «духовные и светские зацнныя особы» заняться написанием такой книги (ст.318)⁴, а потом, по мере написания, книга его «през мудрых и в письме святом беглых, которым подавана была, читана, пробована и поправлена была» (ст.322). Исходя из этого можно вполне определенно ска-

зять, что в этой работе ярко и полноценно отразилось историческое сознание православных церковных участников православно-униатского конфликта начала XVII в.

В книге затрагиваются самые широкие вопросы богословского и исторического характера, касающиеся обоснования исконности православного вероисповедания на Руси и древней послушности Руси Константинополю. Автор, по сути, выстраивает довольно цельную и весьма своеобразную историческую концепцию, в которой заметное место занимает и такая общность, как «славяне».

Для обозначения славян Копыстенский использует три термина: «Славене», «Сарматы» и «Роксоляне». В перечислении «Сарматских народов» он упоминает, помимо «Россов», следующих: «Болгарове, Сербове, Словаци, Расцыве (от названия области Рашка – О.Н.), Хорватове, Босненсове, Моравяне, Чехове, Угрове, Ляхове и иншии» (ст.979). Происхождение этнонима «Славене» он объясняет через слово «славный», поясняя, что народ этот «славен, для чого и Славенским был назван» (ст.1103). Сложнее определить смысловое наполнение термина «Сарматы». Такое обозначение славян русской историографии не свойственно, и его употребление Копыстенским является следствием сильной полонизированности его исторического сознания. У часто цитируемого Копыстенским Я.Длугоша термин «Сарматия» употребляется как «истинное и правдивое то название, которое полякам и русским присвоила древность»⁵. У М.Меховского, работы которого также использовал Копыстенский, различаются две Сарматии, которые он иногда обозначает как «Скифии»: Сарматия Азиатская и Сарматия Европейская, к которой относятся и поляки, и русские. В отношении к этому термину проявляется одно важное различие: для вышеприведенных авторов Сарматия – это общность этническая, для других, например, для также используемого Копыстенским Кромера, Сарматия является лишь историческим названием территории, которую в настоящее время населяют славяне, тождественность которых с древними сарматами ставится под сомнение.

Из-за редкого обозначения Копыстенским славянской общности трудно дать четкий ответ, признает ли он древних сарматов славянами или нет. За первый вариант говорит употребленное им, правда, лишь однажды, обозначение славян именем «Роксоляне». Роксоланов считал предками русских Меховский, но происхождение такого расширительного употребления этого термина – сразу на всех славян – неясно. В других местах еще более четко проявлена этническая нагрузка термина «Сарматия». Копыстенский пишет: «на Сарматы, то ест на Славяны», и даже так: «Сарматов, то ест Россов або Славян» (ст.1103). В таком свободном отождествлении этих трех этнонимов явно просматривается сильное влияние Стрыйковского, который термины

«русский», «славянский» и «сарматский» также часто употреблял как синонимичные.

В нестихавших все Раннее Новое время дискуссиях относительно этногенетической цельности славянской общности одно из центральных мест занимал вопрос о славянском первопродке. Все народы, согласно библейской традиции, происходят от одного из сыновей Ноя: Сима, Иафета или Хама. Идея происхождения славян от Иафета естественно вытекает из представления об области расселения его потомков, определенной им Ноем – Северо-Запад. Идея эта нашла свое полноценное воплощение в «Повести Временных Лет» и органично вошла в русскую историческую традицию. Однако основные споры шли по вопросу о том, кто же из потомков Иафета стал родоначальником славянского рода. Длугош считал славянским «пра-родителем» Негно, старший сын которого Вандал стал родоначальником польского народа. Меховский производил славян от Элиза, сына Иавана – внука Ноя. Стрыйковский, на которого более всего ссылается Копыстенский, полагал родоначальником славянского рода Мосоха, или Москву, сына Иафета. Тот же Стрыйковский указывает на версию, получившую широкое распространение с середины XVI века, ведущую родословие славян от Сармата, происходившего, правда, не из Иафетова, а из Симова рода (его внук через Иоктана, считавшегося традиционно праотцом арабов). И тем же Стрыйковским указывалась версия существования у Мосоха четырех сыновей, положивших начало отдельным славянским народам: Леха, Чеха, Москвы и Руса. Все эти версии и ожесточенные споры в историографии вокруг них были хорошо знакомы Копыстенскому. Имеющая западно-славянское происхождение легенда о «хорватских князатах» – братьях Чехе, Лехе и Русе – содержалась еще в западнорусском Хронографе.

Однако Копыстенский нигде специально не указывает на свои позиции по этому вопросу, как бы полностью игнорируя проблему поиска славянского первопродка. Объяснение этого можно найти, во-первых, в том, что для восточнославянской историографии никогда не требовалось искать доказательства существования славянской общности – её наличие представлялось аксиоматичным и рассматривалось как факт со времени написания «Повести Временных Лет»⁶. Легенда о славянских братьях-праотцах также не имела значения для русской мысли, а была политически актуальна только полякам для обоснования своей этногенетической общности с русскими в противовес теориям литовско-русской государственно-политической общности. Можно еще привести и тот аргумент, что легенда эта не была жестко детерминирована с конфессиональной точки зрения, и «Палинодия», как произведение церковно-полемическое, в ней просто не нуждалась.

Однако есть в тексте нашего источника один момент, ранее исследователями не замеченный, однако дающий весьма неожиданный и оригиналь-

ный ответ на поставленный вопрос. Вот как Копыстенский пересказывает библейскую легенду о жребии сыновей Ноя: «Благословением отцевским и жребием или делом Симови старшему всходнии краины, Яфетови от всходу севернии аж ко заходним, а Хамови западны (! – О.Н.) страны пришли в державу» (ст.1102). Если учесть стройную логику этой фразы, никаких подозрений на то, что это описка, быть не может. Несмотря на сведения библейских текстов, Копыстенский определяет в удел Хама не юг, а запад, а в удел Иафета – не северо-запад, а только север, размещая его потомство между симитскими народами на востоке и хамитскими на западе. Последними становятся, по такой логике, не ассирийцы и египтяне, как свидетельствует библейская традиция, а немцы, французы и другие «Латиняне».

Более того, естественный ход таких рассуждений приводит к выводу, что славяне – это и есть «Яфетово поколение» в своей целостности. Ведь все те народы севера и запада, которые ранее принято было считать потомками Иафета, оказываются потомками Хама. Копыстенский пишет: «Той народ Яфетов широкий барзо был, и славен, для чого и Славенским был назван» (ст.1103). То есть отпадает необходимость искать какого-либо первопредка славян среди потомков Иафета, так как сам Иафет и предстаёт как родоначальник славянского народа, его «праотец».

Такая версия происхождения западных народов прекрасно объясняла и всю описываемую Копыстенским историю «Православного Царства», то есть небесного лика Церкви. Ведь на них, как на потомках Хама, лежит проклятие Ноя, и их отпадение от Церкви представляется тогда вполне закономерным. «Вселиться в шатрах Симовых» предначертано только потомкам Иафета. Копыстенский понимает Церковь как состоящую из какого-то постоянного количества народов – правоверных, выпадению из числа которых одним должна с необходимостью следовать компенсация – включение в неё других. Ангельский мир, являющийся отражением Церкви на небесах, константен. Крещение европейских народов для него – это следствие отпадения от правой Церкви евреев, а крещение Руси со славянами – следствие отпадения от неё «западных христиан». «Алит о то (о, судов Бозских неведомых!) народ полночный, который Бог по своему смотрению до того благословенного щастя ховал, народ, мовлю, Российский Господь и Бог наш Иисус Христос рачил до веры своей призвати и в церков свою святую впровадити, месце оное, з которого Римская церков з предводителми своими выпала, наполняючи, так то Бог по своему човеколюбию учинил, як и оное месце в небе, з которого ангелове для пыхи выпали, народом людским наполняет, и як на месце Жидов, от ласки Христовых отпалых, народы поганский в церков свою впровадил, так ласкою и милосердием своим Господь Бог, на месце отпалых христиан заходних, народ полночный, Российский, в церков свою вщепил» (ст.770); Бог «на церков всходнюю призрел, иж на месце от-

падших Латинных народов Росский призвал и вщепил в святую свою церковь» (ст.1107). Таким образом, небесное «Царство православных» имеет свои четкие границы полноты, которым Господь Бог не позволит измениться, а отпадение Запада было предначертано ещё отцовским проклятием Хамова потомства.

Как потомки Иафета, славяне для Копыстенского – общность с вполне определённой духовной судьбой, и потому она имеет и своё общее духовное прошлое. Духовная общность славян ему видится не просто в Православии, но и конкретно в Константинопольском патриархате. Вся история Константинопольской епархии представляется Копыстенскому постепенным процессом уменьшения её территории. К тысячному году от Рождества Христова в нее входили, по мнению Копыстенского, все славянские народы. Все западные славяне, как и русские, были обращены в православную веру Кириллом и Мефодием и входили в дицезию вселенского патриарха: «А што ся ткнет Моравы, Чех, Угров и Ляхов, хто бы их окрестил и научил веры от початку, поведаю, же были окрещены от епископов Грецких и веры научены не иншей, ено той, которую и ныне церковь восточная визнаваает. Перший того довод читаем в «Прологах» Славенских, иж Мефодий и Константин або Кирил Мораву и Чехи наворачули на веру христианскую... Там же и тое найдумо, же от патриарха Константинопольского, а не от папежа были послани» (ст.988); «Славенских краев народове: Моравяне, Чехове, Угрове и Ляхове с первотин приняли были веру церкви Константинопольской», причем «тыи все Словацкии народове подлежали и подлегати мели под духовную владу патриархов Константинопольских» (ст.997).

Особое внимание Копыстенский уделяет доказательству того, что и поляки тоже были восточными христианами: «о Ляхах мовлю, иж и тым тыиж Грецкии апостолове Мефодий и Кирил проповедали евангелие», «ест речивисте видети, иж Поляки веру от Чехов приняли, а Чехове, як ся юж показало, от Греков крещены были и веры научени (при «Мешке або Мециславе, княжи Полском» – О.Н.). Ясне ся з того теды и доводне показует, же Поляци первотне держали веру Грецкую, якои оныи Грецкии апостолове Мефодий и Кирил Чехов были научили» (ст.995-996). В этом плане Копыстенский устанавливает тройную параллель между русскими и поляками, наличие которой предстает как большой укор «братьям» полякам: «О! гды бы и нынешнии панове Поляци так чтили, шановали и поважали св. столицу Константинопольскую, от которой научени, правдивого Бога познали, поганство повергли и крещением в княжати Полском Мстиславе просветилися (а той от Чехов, где на он час еще вера и набоженство Константинопольское трвало, крестился), – теды нигды бы з нами, братиею своею, которых один народ Роксолянский сплодил, одна отчизна – Корона Полская – выховала, и одна

Константинопольская столица веры Христовы научила, - нигды бы, молвию, з нами, братиею своею, в шранки о веру не вступовали...» (ст.606-607).

Переход же поляков, как и других западных славян, в подчинение Риму он связывает с деятельностью Войцеха: «епископ Войтех, пришедши з Риму в Польшу, выкоренил веру Грецкую» (ст.995). Копыстенский пишет о «развращеньи през Войтеха» всех указанных народов – моравов, чехов, словаков и поляков (см. ст.997). Таким образом, мы видим стремление Копыстенского утвердить восприятие славянской общности как церковно-конфессиональной, духовной, предполагающее особое место в свершении сакральной истории.

Еще одной проблемой, вокруг которой развернулись оживленные дискуссии в ученой среде того времени, был вопрос об исконности проживания славян на занимаемой ими территории и легитимности её границ. Своеобразным ответом на эти вопросы со славянской стороны стала т.н. «Грамота Александра Македонского» – фальшивка, появившаяся, очевидно, в Чехии в XIV веке, из которой следовало, что Александр даровал славянам земли их расселения (указываемые границы которых весьма различны в разных списках грамоты) за ратные подвиги и добрую службу. В русскую среду информация о Грамоте стала проникать примерно со второй половины XVI века⁷. Представляет интерес факт полного игнорирования Копыстенским в своём сочинении, несомненно, известной ему легенды о «Грамоте». Причиной этого, думается, послужило то, что эта легенда маркировала только этно-территориальные границы славян, что для него было просто неактуально. Главное внимание в «Палинодии» уделено не этническому, а церковным, епархиальным границам и их обоснованию, в чем «Грамота Александра Македонского» была бессильна. Копыстенский пишет русскую православную церковную историю и, несмотря на всю степень полонизированности его исторического сознания, он отмечает как ненужные все приходящие из западославянской среды легенды, не имеющие четкой конфессиональной окраски.

Впрочем, славянство не занимает в историописании Копыстенского действительно важного места. Основные актуальные ему сообщества – это «народ Российский» и Константинопольская патриархия. Такое положение, несомненно, связано с тем, что современная Копыстенскому реальность конфессионального раскола славянства не укладывалась в его картину мира, в которой не было места для секуляризированной этничности. Восприятие народов как духовных общностей, имеющих своё необходимое, заранее предопределённое место во всей сакральной истории, делало славянский уровень самосознания слабо актуальным. Примечательно, что подобный раскол внутри западнорусской общности – на православных и униатов – им в принципе не признавался, так как он отрицал само то, что ушедшие в

унию оставались частью народа. Русский народ как единое целое мог быть для него только православным, и именно сохранение духовного единства Руси его беспокоило больше всего. И, тем не менее, взгляд на славян как на изначально православную общность, единство которой было нарушено политикой Рима, прописано у Копыстенского довольно отчётливо и смогло оказать немалое влияние на всю последующую православную мысль у восточных славян, найдя свой явный отклик даже в светских идеологиях XIX века.

Примечания.

¹ См.: *Неменский О.Б.* Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI – первой пол. XVII века (по материалам полемической литературы) // Этно-конфессиональные конфликты и простонациональные дискурсы во Франции и Восточной Европе в раннее новое время: Материалы российско-французской конференции. М.: ИНИОН РАН, 2008; *Неменский О.Б.* Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // Анфологион: Власть, общество, культура в славянском мире в средние века. М., 2008;

² О З. Копыстенском и Л. Кревзе см.: *Завитневич В.З.* Палинодия Захарии Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варшава, 1883; *Флоренсов М.* О Палинодии Захарии Копыстенского (библиографический очерк) // Киевские епархиальные ведомости. 1873. № 24; *Он же.* Учение о церкви в Палинодии Захарии Копыстенского // Там же: 1874. № 11-12; *Терновский Ф.А.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси. Русь западная, бывшая под польским владычеством // Известия Киевского университета св. Владимира, 1876. № 1-4; *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Україна та Росія: Проблеми політичних і соціокультурних відносин. Київ, 2003; *Неменский О.Б.* Воображенные сообщества в «Палинодии» З.Копыстенского и «Обороне унии» Л.Кревзы // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005. М., 2008; *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998; *Hannick Ch.* Перевод и переработка богословских и патристических текстов в трактатах Льва Кревзы и Захарии Копыстенского // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia. Ucraina e Russia: XVI–XVIII secolo / A cura di G. Brogi Bercoff, M. Di Salvo, L. Marinelli. Alessandria, 1999; см. также ряд работ, связанных с фототипическим изданием и переводом «Обороны» и «Палинодии», выпущенных Гарвардским университетом: *Pritsak O., Struminski B.* Introduction // Lev Krevza's "Obrona jedności cerkiewney" and Zaxarija Kopystens'kyj's "Palinodia". Harward, 1987. Part III; *Strumiński B.* Foreword // Lev Krevza's "A Defense of Church Unity" and Zaxarija Kopystens'kyj's "Palinodia". Harward, 1995 Part I: Texts; Lev Krevza's "A Defense of Church Unity" and Zaxarija Kopystens'kyj's "Palinodia". Compiled by B.Struminski and I.Struminski. Harward, 1995. Part II: Sources.

³ По истории этой полемики см.: *Завитневич В.З.* Палинодия Захарии Копыстенского ...; *Архангельский А.С.* Очерки из истории западнорусской литературы XVI – XVII вв. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI - первой половины XVII в. М., 1888. Ч. 1-2; *Возняк М.С.* Історія української літератури. Т. 2. Вікі XVI-XVIII. Львів 1921, ч. 1; *Грушевський М.С.* Історія української літератури. Київ, 1995. Т. 6; *Brückner A.* Spory o unię w dawnej literaturze // Kwartalnik historyczny, III (1896), s.578-644; *Grabowski T.* Z dziejów literatury unicko-prawosławnej w Polsce. 1630-1700. Poznań, 1922; *Martel A.* La langue polonoise dans les pays ruthènes. Lille, 1938 (Travaux et mémoires de l'Université de Lille. Nouvelle série: droit et lettres. N 20); *Яременко П.К.* «Перестрога» - український антиуніатський памфлет початку XVII ст. Київ,

1963; *Он же*. Український письменник-полеміст Христофор Филалет и його «Апокрисис». Львів, 1964; *Флоря Б.Н.* Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // *Пацуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; *Ševčenko I.* Religious Polemical Literature in the Ukrainian and Belarusian Lands in the 16th and 17th Centuries // *Journal of Ukrainian Studies*, 17 (Summer-Winter 1992), N 1-2; *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998; *Флоря Б.Н.* Осмысление конфликтов, вызванных Брестской унией 1596 года верхами православного белорусского и украинского общества // *Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. М., 1999. Ч. II. Брестская уния 1596 года: Исторические последствия события; *Дмитриев М.В.* Уния и порожденные ею конфликты в осмыслении лидеров униатского лагеря // Там же.

⁴ Ссылки на источник даются по изданию: Русская историческая библиотека. Т.IV. (Памятники полемической литературы в Западной Руси. Вып. I. Под ред. П.Гильтебрандта). Спб., 1878.

⁵ *Dlugosz J.* Historia Polonica. Dobromili, 1615. P.22.

⁶ На это обстоятельство указывает А.С.Мильников, см.: *Мильников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996. С.31, 251.

⁷ См.: *Пташицкий С.* Западно-русские переводы хроник Бельского и Стрыйковского: Библиографические заметки // Новый сб. ст. по славяноведению. СПб., 1905. С. 372-380.

А.С.Пушкин и сербы

Творчество А.С.Пушкина было связано со многими европейскими народами. Среди них были и сербы.

Духовные контакты поэта с сербами получили разнообразное выражение, в том числе проявились в художественном осмыслении жизни и личности Карагеоргия. Георгий (Джордже) Петрович, по прозвищу Черный, вошедший в историю под именем Карагеоргий, был верховным вождем антиосманского восстания, охватившего Сербию в 1804-1813 гг. Это массовое вооруженное выступление угнетенного народа против пятисотлетней власти Турции положило начало возрождению независимого сербского государства. Благодаря своей силе и масштабности оно потрясло Балканы. Первое сербское восстание сочеталось с русско-турецкой войной 1806-1812 гг., благодаря чему для Сербии открылась реальная перспектива освобождения. В повстанческий Белградский пашалык был отправлен крупный русский отряд, который действовал совместно с сербскими частями. Александр I в знак признания заслуг Карагеоргия наградил его орденом Св. Анны I степени и осыпанной алмазами саблей. Ему был пожалован чин генерал-лейтенанта.

Но перед угрозой вторжения Наполеона в Россию петербургское правительство было вынуждено заключить в 1812 г. мир с Турцией, выговорив при этом предоставление автономии Сербии. Оставшись один на один с Портой, сербы потерпели поражение. Карагеоргий и другие руководители восстания, покинув Сербию с семьями, переехали в Австрийскую империю. В 1814 г. Карагеоргий и многие сербские старейшины с разрешения российского правительства переехали в Бессарабию.

Сербы недолго мирились со своим поражением. Весной 1815 г. они вновь поднялись с оружием в руках против власти Турции под руководством Милоша Обреновича, в прошлом сподвижника Карагеоргия. Под дипломатическим давлением России Порта признала ферманами самоуправление сербов, хотя положение Сербии оставалось шатким. Новый предводитель сербов был человеком изворотливым и коварным, одержимым мыслью о наследственной княжеской власти. Но главным претендентом на княжеский престол и соперником Милоша был легендарный Карагеоргий.

Тем временем Карагеоргий с семьей и ближайшими сподвижниками жил в Хотине на русскую пенсию, ведя скромную незаметную жизнь. Семейный быт укладывался в национальные традиции и был по-сельски прост. Но мощная натура не могла смириться с вынужденным покоем и бездействием. В 1816 г. Карагеоргий посетил Петербург, где был удостоен аудиенции у Александра I, представлен царской семье и сановникам. «Придворный живописец», известный русский художник В.Л. Боровиковский написал его поясной портрет, выдержанный в романтическом духе. Карагеоргий вызывал к себе интерес представителей разных кругов русского общества. Журналы «Сын Отечества» и «Отечественные записки» с уважением и восхищением писали о необыкновенном предводителе сербских борцов за свободу, относя его жизнь к числу «редких феноменов, которыми ознаменован конец 18 и начало 19 столетий»¹.

Между тем Карагеоргий в поисках путей возвращения на родину для продолжения освободительной борьбы в 1817 г. вступил в контакт с тайной греческой организацией «Филики Этерия» (Дружеское общество), готовившей восстание христиан против Турции, и с ее помощью без ведома российских властей покинул Бессарабию. По прибытии в Сербию он по приказу Милоша был убит. «В последних числах июля похищено со сцены мира одно из достопамятнейших лиц в новой истории, Георгий Черный, бывший вождь сербский», – так откликнулся журнал «Вестник Европы» на гибель Карагеоргия². Его семья еще долгие годы оставалась в России. Сын Александр, в будущем князь Сербии, вернулся на родину только в 1839 г. в возрасте 33 лет.

Карагеоргий был величественной и трагической фигурой в истории сербского народа. Полководческий дар неграмотного сербского предводителя, посмевшего бросить вызов блистательной Порте и нанести не одно поражение султанской армии, недюжинные способности государственного строительства, безмерное желание свободы для Сербии, достойная преклонения личная храбрость, безудержно бросающая его в пекло боя и порождавшая способность рубить и стрелять одновременно, и вместе с тем не просто жесткость мыслей, позиции и действий, но и жестокость, проистекавшая как из патриархальных нравов, так и обстановки военного времени, – таков был прототип героя двух стихотворений А.С.Пушкина.

В 1820 г., будучи в ссылке в Кишиневе, поэт написал стихотворение «Дочери Карагеоргия». Оно было навеяно жизнью и местной атмосферой. А.С. Пушкин мог узнать о Карагеоргии еще в Петербурге. Он был хорошо знаком с П.Д. Киселевым, общался с ним в столице, а затем в Кишиневе и Тульчине. В 1815 г. Киселев во время инспекционной поездки по югу России посетил Карагеоргия в Хотине.

«Рассказы о Кара Георгие Пушкин мог слышать от всех...», – отмечал в своих воспоминаниях И.П. Липранди, один из близких знакомых поэта в Кишиневе. В Бессарабии находилось много сербских эмигрантов. В Кишинев не раз приезжала вдова Карагеоргия со взрослой дочерью, и в 1820 г. поэт встречался с последней. А.С. Пушкин часто бывал в доме М.Ф. Орлова, командира 16-й пехотной дивизии, штаб которой располагался в Кишиневе. Их связывала давняя дружба, оба были членами петербургского кружка «Арзамас». Дом генерала, члена кишиневской ячейки декабристов, был местом их встреч. А.С. Пушкин поддерживал тесные отношения с В.Ф. Раевским, К.А. Охотниковым, П.С. Пузиным и другими декабристами. Поэт часто общался с Липранди, тогда подполковником Второй Молдавской армии. Личность противоречивая и во многом загадочная, он, находясь в Бессарабии, профессионально изучал балканские народы. Липранди собирал разными способами сведения о них, беседовал с эмигрантами, в том числе с сербскими старейшинами – участниками освободительных восстаний, записывал их рассказы. Во Второй армии многие офицеры, в том числе и разделявшие идеи декабризма, специально занимаясь топографией, проявляли интерес к жизни балканских народов. У Липранди А.С. Пушкин очень часто встречался с сербскими воеводами Вучичем, Я. Ненадовичем, С. Живковичем и другими сербами. Поэт был знаком и с записями их рассказов, сделанных Липранди. В Кишиневе А.С. Пушкин общался также с Ф.И. Недобой, секретарем российского представительства в Сербии во время Первого сербского восстания³.

Имя Карагеоргия было на слуху и в Петербурге, и тем более в Бессарабии. А.С. Пушкин, находившийся тогда в сфере духовного влияния декабризма, был захвачен мыслью о «свободе», вольнолюбивыми надеждами, жадной сильных впечатлений. И мятежный образ вождя сербских повстанцев как нельзя более отвечал в то время умонастроению и романтической устремленности поэта. Не случайно, что первое стихотворение, написанное А.С. Пушкиным в южной ссылке, было посвящено Карагеоргию.

Стихотворение начинается с предельно краткой и емкой характеристики черт жизни и личности героя:

« Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин»⁴.

Художественное осмысление жизни поэтом в соответствии с романтической эстетикой вылилось в создание образа сербского вождя в его противоречиях. В характере Карагеоргия слились и уживаются контрастные черты. В стихотворении он предстает отважным борцом с Турцией, на знаменах которой была эмблема ислама – знак полумесяца, героем ратной славы,

вместе с тем личностью «сумрачной», «ужасной», обуреваемой жаром «свирепой мести», братоубийцей, наконец, нежным и ласковым отцом, не чуждым веселья. В художественном видении поэта реальные черты исторического лица: порыв к свободе, боевое бесстрашие, неистовый темперамент, и связанный с ним рассказ о собственноручном убийстве им родного брата за грабежи и разбой слились в романтической фантазии.

Вместе с тем с образом Карагеоргия была связана большая философско-нравственная проблема. А.С. Пушкина волновал вопрос о возможности сочетания святости свободы и кровавого пути к ней. И в этом отношении знаковое значение имеет противопоставление поэтом, в духе романтической антитезы, бурной природе и жизни Карагеоргия трогательного образа его дочери. Поэт обращается к ней со словами:

«Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнью пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиами,
Как чистая любви молитва, исходила».

А.С. Пушкин разрешает коллизию на основе христианской философии с ее постулатом искупления грехов. Вводя мотив чистоты и смирения молодого поколения, он связывает с ним покаяние через благородство и милосердную любовь.

В Кишиневе поэт был увлечен идеей «вечного мира» французского дипломата и философа аббата Ш. Сен-Пьера в версии Ж.Ж. Руссо. Е.Н. Орлова, дочь генерала Н.Н. Раевского, жена Орлова, хорошо знавшая А.С.Пушкина со времени совместного путешествия поэта с семьей Раевских по Крыму, писала брату А.Н. Раевскому из Кишинева 23 ноября 1821 г. о его умонастроении следующее: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек - вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир, и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия»⁵.

О полемике с генералом свидетельствовал сам А.С. Пушкин. «С Орловым спорю», – писал он в стихотворном послании Н.И. Гнедичу 24 марта 1821 г. из Кишинева (Т. IX. С.271). На содержание разговоров у Орлова и руссоистскую позицию Пушкина проливает свет его записка, относящаяся к 1820-м годам. В ней было сказано: «Ясно, что эти ужасные средства, о которых говорит Руссо, – революции. Но вот они настали. Я понимаю, что все эти доводы очень слабы, и свидетельство такого мальчишки, как Руссо,

не выигравшего ни одной «маленькой победы, не может иметь веса... Впрочем, прения еще никогда никого не убедили (только глупцы думают иначе)»⁶. Руссо и Пушкин жили в разное историческое время. Французский просветитель был готов отказаться от идеи вечного мира, если его достижение было сопряжено с насильственными и опасными для человечества действиями. Для Пушкина революции и освободительная борьба стали реальностью, фактом действительности. Сознание целесообразности происходящего вызвало в самом поэте готовность в начале греческой революции принять участие в возможной русско-турецкой войне (Т. IX. С. 32). Все это сказалось на восприятии Пушкиным вождя сербского восстания и его отношении к нему.

Необыкновенная личность и дела Карагеоргия не оставляли А.С. Пушкина. В 1830-е годы он вновь обращается к его образу. Но это было уже другое время и другое восприятие поэтом истории и действительности.

В 1835 г. А.С. Пушкин издал цикл «Песни западных славян». Он находился в русле общеславянского духовного движения.

20-30-е годы XIX в. были временем национального подъема славянских народов, их пробуждения к новой жизни и развертывания освободительных движений. На фоне развития национального самосознания у славян с новой силой ожило исконное чувство родства, связанное с поисками своих корней, обострением исторической памяти, раздумьями о собственной судьбе. Общественное сознание было проникнуто идеей «всеславянства». Концентрированное выражение эти настроения и чувства получили в учении о «славянской взаимности» словака Яна Коллара. Нацеленное на культурное сближение славянских народов между собой, оно имело широкое распространение и популярность в славянской среде.

Формирование славянских культур нового исторического типа с их общеславянским вектором в сочетании с романтической эстетикой пробудило общественный интерес к родному и близко родственному фольклору. Народная поэзия славян в оригинале и переводах систематически была представлена в национальных литературных изданиях. Выходили многотомные сборники славянских народных песен.

Россия не была в стороне от общеславянского подъема. Образованная общественность, ощущавшая потребность самоидентификации русских, стремившаяся понять «свой народ», задававшаяся вопросом о путях развития страны, живо интересовалась судьбами родственных славян. Этим запросам отвечали многочисленные публикации в повременных изданиях материалов об истории, этнографии, культуре генетически близких наций, переводы со славянских языков произведений от фольклора до высокой литературы и научных трудов, пропаганда идей славянской взаимности.

Развитие русской культуры, ставившее вопросы национального характера искусства, побуждало к постижению опыта родственных народов, решавших сходные культурные задачи. В комплексе духовных проблем особое значение имело познание фольклора как исходной питательной среды национальной художественной культуры.

В мире славянского фольклора достойное место занимали сербские народные песни. Собранные и изданные выдающимся ученым Вуком Караджичем (первый сборник вышел в 1814 г.), они получили широкую известность в Европе. В России интерес к сербскому народному творчеству резко возрос в связи с пребыванием здесь в 1818-1819 гг. самого Караджича. Он был радушно принят в писательских, научных и журналистских кругах. Научные учреждения и общества России в разных формах выражали признание его заслуг, в 1826 г. правительство установило ему ежегодную пенсию. Сербские народные песни постоянно присутствовали в русских журналах в переводе и даже в оригинале.

Большой интерес к народной поэзии славян, в том числе сербов, проявлял А.С. Пушкин. Он создал цикл «Песни западных славян» в период творческого отхода от романтического восприятия жизни и «героев» и более трезвого понимания действительности. Его внимание к народной поэзии славян было в данном случае не столько отголоском романтизма, сколько вызвано потребностью углубленного проникновения в национальный «дух» других культур, родственных народов и отражало богатство внутреннего мира поэта.

По словам А.С. Пушкина, создавая свой цикл, он опирался большей частью на анонимное издание, вышедшее в Париже, «Гузла (точнее Гусли - И.Л.), или Избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине» (« La Guzla », 1827). Этот сборник стихотворений в прозе в действительности принадлежал перу французского писателя П.Мериме и представлял литературную мистификацию. Судя по названию книги, она была имитацией народных песен южных славян. Вначале А.С. Пушкин не сомневался в подлинности стихотворений «Гузлы». Но и узнав об их талантливой подделке, поэт не остановился перед публикацией своего цикла. (Т. II. С. 317-320). Благодаря мощи художественной интуиции и таланту, глубокому проникновению в мир славянского фольклора А.С. Пушкин создал стихотворения, отмеченные истинно славянской ментальностью. Цикл «Песни западных славян» включал также переводы двух сербских народных песен и три оригинальных стихотворения, в том числе «Песню о Георгии Черном».

А.С. Пушкин был хорошо знаком с сербской народной поэзией. Будучи в Бессарабии, поэт записывал сербские предания и песни из уст воевод и других выходцев из Сербии. Он слышал фонетическое звучание песен. В

его библиотеке имелись словарь сербского языка, составленный В.Караджичем (1818 г.), три тома его собрания народных песен издания 1823-1824 гг., французский перевод известной книги итальянского ученого-натуралиста аббата А.Фортиса «Путешествие по Далмации» (1778), а также книга сербских народных песен из собрания Караджича в переводе на французский язык Э. Войяр (Париж, 1834). Пометы и закладки остались свидетельством внимательного изучения книг поэтом⁷.

«Песня о Георгии Черном», написанная в повествовательной форме десятистопным стихом, излюбленным размером сербских эпических песен, явила собой глубокое понимание А.С. Пушкиным внутреннего мира и строя устной народной поэзии сербов. Простота, суровость и психологизм сделали ее украшением творчества гениального поэта.

В песне рассказывается об убийстве Георгием Петровичем своего отца. Впервые эту версию, остающуюся недоказанным фактом, ввел в русскую литературу Д.Н. Бантыш-Каменский, издавший в 1810 г. книгу «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию». Автор не встречался с Карагеоргием, но привел рассказы о нем соплеменников. В описании ситуации А.С. Пушкин близок к версии, изложенной в этой книге⁸.

Отец, «старый Петро», укоряет сына, не веря в возможность успешной борьбы с султаном, с белградским пашой:

«Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»

Встречая упорное противостояние Георгия, отец направляется в Белград с намерением

«Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов».

Трижды Георгий предпринимает безуспешные попытки остановить отца. Сначала он увещевает его, затем бросается на колени с мольбою:

«Воротись, ради господ Бога:
Не введи ты меня в искушень!»

После тщетной попытки удержать отца силой Георгий убивает его. Психологическое напряжение достигает кульминации, когда отец обращается к сыну со словами «Помоги мне, Георгий, я ранен!» и падает бездыханным. Песня завершается воплем матери, догадавшейся о страшной трагедии:

«Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»

В заключительных строках песни:

« С той поры Георгий Петрович

У людей прозывается Черный» - лаконично обобщается оценка самим народом свершившегося якобы факта (Т.И. С. 335-336).

За трагическим столкновением отца и сына, у каждого из которых была своя «правда», вставал вопрос о нравственном пределе насильственных действий в достижении свободы. Советской пушкинистике в этом стихотворении виделось оправдание поэтом поведения Георгия Петровича, поскольку оно было продиктовано высокой целью освобождения Сербии⁹. Однако завершающие песню проклятие матери и осуждающая народная мудрость дают основание для иного толкования философско-нравственного плана стихотворения. А.С. Пушкин выносил трагический поступок, совершенный Георгием Петровичем с самыми благородными мотивами, за нравственные рамки и, следовательно, связывал обретение свободы с соблюдением требований морали.

Важное свидетельство о духовном состоянии А.С. Пушкина на рубеже 1820–1830 годов содержится в воспоминаниях М.В. Юзефовича, участника русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в 1840–1850-е годы помощника попечителя Киевского учебного округа. В 1866 г. он писал, что познакомился с поэтом в 1829 г. и провел с ним 5–6 недель «на боевых полях Малой Азии, в кругу близких ему и мне людей, под лагерною палаткой, где все живут на распаху... Таким образом, я имел возможность узнать его хорошо и даже с ним сблизиться». Юзефович продолжал: «Это был уже другой человек – верующий, нравственный и разумно-консервативный. Пылкость поэта в нем оставалась, но бешенства страстей и легкомыслия уже не было. Серьезная мысль и серьезный взгляд на жизнь в нем уже воспреобладали»¹⁰.

С циклом «Песен западных славян» связан черновой набросок А.С. Пушкина «Менко Вуич грамоту пишет». Незавершенное стихотворение было посвящено гибели Карагеоргия. Вуич предупреждает вождя:

«Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча,
Ярый враг извести тебя хочет,
Недруг хитрый, Милош Обренович».
В реакции Карагеоргия получает выражение его характер:
«Осердился Георгий Петрович,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови...» (Т. II. С. 512).

В черновом наброске просматриваются очертания мощной личности Карагеоргия и сочувственного отношения к нему русского поэта. Стихотворения, посвященные Карагеоргию, заняли заметное место в поэзии А.С. Пушкина, вобрав в себя характерные черты ее идейно-эстетического развития.

Как было сказано выше, А.С. Пушкин занимался переводом оригинальных сербских народных песен. В цикл «Песни западных славян» вошли

переводы двух песен «Сестра и братья» и «Соловей». А.С. Пушкин сам свидетельствовал в примечании, что песню «Сестра и братья» он перевел из собрания Караджича (Т. II. С. 350). В первом томе второго издания сербских народных песен (1824) осталась закладка поэта на странице народной песни «Бог никому не остается должен». К этому изданию восходит и вторая переведенная поэтом песня - в оригинале «Три величайших печали». Считается, что незаконченный отрывок «Не видала ль, девица, коня моего?» имеет также первоисточником сербскую песню «Конь сердится на хозяина», напечатанную в том же сборнике Караджича. Отрывок «Что белеет на горе зеленой?» восходит к книге Фортиса, где впервые была напечатана в оригинале и переводе на итальянский язык знаменитая славянская мусульманская песня «Хасанагиница». Перевод отрывка из нее, сделанный Пушкиным, вероятно, основывался на французской версии Мериме¹¹. Увлечение поэта сербской поэзией проявилось, в частности, в том, что он напечатал в 1835 г. в журнале «Библиотека для чтения» свое стихотворение, известное по первой строке «Что ты ржешь, мой конь ретивый», под названием «Сербская песня». Среди истоков народности поэзии А.С. Пушкина были и сербские народные песни.

Сербские сюжеты присутствуют и в прозаических сочинениях А.С. Пушкина. Прежде всего это касается «Истории Петра I», подготовительный текст которой был написан в 1835 г. Писатель неоднократно ссылается в нем на «венецианского историка». В примечании в десятитомном собрании сочинений поэта по этому поводу говорится следующее: «Венецианским историком» Пушкин называет обыкновенно автора «Жития» Петра Великого, изданного в Венеции в типографии Димитрия Феодози в 1772 г.»¹²

Речь идет о двухтомном труде «Житие и славные дела...Петра Великого», анонимно вышедшем в Венеции в 1772 г. Содержавшееся в нем Посвящение Екатерине II было подписано собственником типографии Д.Теодосие. Лишь в 1887 г. сербский ученый Д.Руварац установил подлинного творца этого сочинения. Им был один из самых крупных представителей сербской культуры XVIII в. Захария Орфелин. «Житие» было написано на русском языке с сербизмами.

Анонимная монография в количестве 400 экземпляров тотчас попала в Россию. Она была воспринята как труд Теодосие, и через два года в Петербурге «при императорской Академии наук» вышло ее издание с дополнениями и исправлениями М.М.Щербатова и языковой правкой В.А. Троепольского. Сочинение, как это значилось на титульном листе, было «печатано иждивением» петербургского купца С. Копнина и иркутского торговца И. Байбородина¹³.

В библиотеке А.С. Пушкина имелись вторая часть труда Орфелина венецианского издания, в которой повествование начинается с 1710 г., и книга «Житие Петра Великого» (СПб., 1772), представлявшая собой русский перевод сочинения Антонио Катифоро, выполненный С. Писаревым. Написанное на итальянском языке, оно вышло в Венеции и было переведено в 1737 г. на греческий язык, с которого и была сделана русская версия. А.С.Пушкин располагал также третьим изданием труда Катифоро на итальянском языке (Венеция, 1748). Он имел в своей библиотеке II-X части фундаментального свода материалов И.И. Голикова «Деяния Петра Великого», напечатанного в 1788-1789 гг. в Москве в 12-ти частях¹⁴.

Готовясь к написанию истории жизни и деятельности Петра I, А.С. Пушкин работал в государственном архиве, библиотеке Вольтера, хранящейся в Эрмитаже, знакомился с «парижскими бумагами» А.И. Тургенева, изучал литературу о Петре I¹⁵. Но стержнем подготовительного текста А.С. Пушкина стали материалы из собрания И.И. Голикова. Он же в изложении деятельности Петра I в хронологическом порядке весьма часто использовал труд Орфелина в русском переложении и сочинение Катифоро. Голиков не называл авторов этих работ (правда, в предисловии он упомянул Катифоро), но говорил о них описательно. Последнего он именовал «писателем истории государевой, переведенной Писаревым», труд Орфелина значился как «История Петра Великого венецианского издания», «Венецианская история петербургского издания» или иначе. Голиков много и широко пересказывал материалы и сюжеты из двухтомной монографии Орфелина, цитировал ее, часто упоминал в примечаниях. Поэтому можно считать, что и подготовительный текст А.С. Пушкина опосредствованно восходил в значительной мере к труду сербского автора.

А.С. Пушкин прямо называл в ряде мест в качестве источника сведений «венецианского историка». Он привел его свидетельство об отъезде в 1682 г. во время стрелецкого мятежа Натальи Кирилловны с царями Иваном и Петром в Троицкий монастырь (Т. VIII. С. 21). Голиков при этом ссылался на труд Орфелина¹⁶. Упоминание в подготовительном тексте на основе данных «венецианского историка» об указе Ивана от 1689 г. о запрещении выезда из Москвы стрельцам вопреки требованиям Петра немедленно прибыть к нему в Троицкий монастырь (Т. VIII. С. 31) имело под собой указание Голикова на сочинение Катифоро¹⁷.

События на Висле летом 1707 г. в ходе Северной войны А.С. Пушкин изложил следующим образом: «Венецианский историк пишет, что, когда Петр выехал из Варшавы и войска наши заняли места свои у берегов Вислы, Карл, не могши нигде навести моста, переехал реку на мелких лодках для высмотря нашего войска. Отряд наш на него напал; он едва спасся, но сопровождавш'е его шведы дали себя изрубить» (Т. VIII. С. 139). В основе

этого рассказа лежал материал Голикова, который ссылался на сочинение Орфелина¹⁸. В оригинальном тексте сербского автора этот сюжет был описан словами: король «нетерпелив будучи, взяв с собою неколико солдатов, сел на маленькия суда, чтоб переправиться чрез реку осмотрети положение армие Российской...»¹⁹.

Сражение, происшедшее между русскими и шведами в 1708 г. на реке Бибиче у местечка Головчина, А.С. Пушкин описал, опираясь на данные Голикова. Тот, обратив внимание на иную трактовку события в трудах Орфелина и Катифоро, дал пространный пересказ описания сражения в их сочинениях²⁰. Пушкин в свою очередь, отметив, что «венецианский историк описывает сие сражение иначе», привел его свидетельство о количестве русских потерь (Т.VIII. С. 145). Конкретно определить, кого Пушкин имел в виду, говоря о «венецианском историке» в данном отрывке, не представляется возможным. И Катифоро, и Орфелин (кстати, он использовал сочинение итальянского автора) определили потери русских в 2000 человек.

А.С. Пушкин сослался на «венецианского историка», говоря о поражении шведского генерала Либекера в 1708 г. в Ингерманландии (Т.VIII. С.152). Голиков цитировал в данном случае Орфелина²¹.

В разделе, посвященном деятельности Петра I в 1710 г., А.С. Пушкин остановился на обращении в христианство иноверцев в Сибири. В скобках он заметил: «Венецианский историк: 40000 и более были обращены» (Т.VIII. С. 174). Пушкин использовал в изложении сюжета материал Голикова, который указывал в качестве источника на труд Орфелина. В примечании же автор «Деяний» привел цифру 40000 человек с отсылкой на Катифоро²².

Морское сражение, происшедшее в июле 1714 г. у мыса Гангут, А.С. Пушкин описал, ссылаясь на материалы Голикова (Т.VIII. С. 246, 247, 248). Заметив, что русский флот при возвращении в Петербург попал между Кроншлотом и Березовыми островами в страшный шторм, Пушкин продолжал: «Венецианский историк говорит, что Петр сел на шлюпку и в самую ночь переехал на Березовые острова, дабы, дав оттоле сигнал, ободрить своих людей etc. (невероятно)» (Т.VIII. С. 248). Голиков при описании этой ситуации дал ссылку на Орфелина и Катифоро²³. Остается неясным, о ком писал А.С. Пушкин.

В последний раз писатель упомянул «венецианскую историю» в связи с рассказом о подготовительных мерах Петра I, принявшего в 1716 г. командование союзными флотами, по высадке десанта в Швеции. Сочтя подготовку союзников недостаточной, Петр отложил высадку войск на год. «Датские министры были недовольны, – продолжал Пушкин. – Они предлагали учинить высадку. Петр спросил их, где будет зимовать войско? «В окопах при Есеморе, в землянках», – отвечали датчане. «Это значит губить

людей», – возразил Петр (смотри Венецианскую историю Петра Великого)» (Т. VIII. С. 271). Данный эпизод описан Голиковым без ссылок²⁴. В сочинениях Орфелина и Катиоро он отсутствует.

Упоминание А.С. Пушкиным в историческом или историографическом планах «венецианского историка» почти всегда было связано со ссылками Голикова на Орфелина. Сам факт наличия в библиотеке писателя труда Орфелина (первый том, возможно, в дальнейшем был потерян), к тому же многочисленные пространные пересказы Голиковым отрывков из него позволяют считать, что А.С. Пушкин, по крайней мере в извлечениях, пользовался сочинением сербского автора. Возможно, он непосредственно и более широко прибегал к труду Орфелина, сверяя с ним материалы Голикова. Не всегда можно установить конкретное лицо, когда ссылка Пушкина на «венецианского историка» была сопряжена с именами Орфелина и Катиоро, но и в спорных случаях сербский автор гипотетически присутствует.

В «Истории Петра I» А.С. Пушкин назвал ряд видных представителей сербского народа - современников Петра I, коснулся их деятельности и связей с Россией. В контексте российско-черногорских отношений петровского времени в подготовительном тексте упомянут Данило Петрович Негош. В разделе, посвященном событиям 1715 г., говорится: «Черногорский митрополит Даниил Негуш, приезжавший к Петру с жалобами и просьбами, отпущен с обещаниями и деньгами. Петр советовал черногорцам, бунтовавшим в 1711 году, помириться с Турцией, а в случае войны опять взбунтоваться etc., сношения с Черногорией продолжались и потом» (Т. VIII. С. 256).

3 (14) марта 1711 г. Петр I, предпринимая Прутский поход, обратился к христианским народам Балкан с грамотой, призывавшей их к вооруженному выступлению против турок. Один экземпляр ее был направлен черногорскому митрополиту Данило Петровичу Негошу. Черногорцы поднялись на восстание и освободили значительную территорию. В 1712 г. Россия заключила мир с Турцией. А затем и черногорцы, выдержав натиск 60-тысячной османской армии, добились перемирия²⁵.

В конце 1714 г. – начале 1715 гг. Данило Негош приехал в Россию. Он обратился с прошением к Петру I об установлении российского покровительства над Черногорией, предоставлении денежной помощи, церковной утвари и книг, награждении отличившихся в период антиосманских действий и частичном возмещении расходов. Петр I в жалованной грамоте западнобалканским христианам от 9 (20) июля 1715 г. оповестил о выделении Данило Негошу 160 золотых медалей, 5000 руб. денежной помощи пострадавшим и 5000 руб. на восстановление церквей и монастырей. В грамоте содержался призыв к указанным народам сохранять мир с турками и выражалась надежда на их поддержку России в случае объявления новой войны

Турцией²⁶. С 1715 г. Цетинская митрополия регулярно получала денежную помощь из России.

Приведенные А.С. Пушкиным сведения о Черногории в ее связях с Россией были почерпнуты из собрания Голикова. Здесь были напечатаны: грамота Петра I от 1711 г., отрывок из грамоты 1715 г. и пересказ ее содержания. В примечании к тексту, уточняя дату и место подписания царем последней грамоты, Голиков назвал «Историю с Венецианской», т.е. труд Орфелина²⁷.

Другим сербом, отмеченным Пушкиным в «Истории Петра I», был карловацкий митрополит Мойсие Петрович с его напористым стремлением наладить школьное дело у сербов. Повествуя о деятельности Петра I в 1724 г., А.С. Пушкин записал: «Петр в сие время (в июне - И.Л.) послал по просьбе сербского архиерея Моисея Петровича ризницы, книги церковные etc., учителей также. Для учения детей славянскому и латинскому языку послан синодский переводчик Максим Суворов» (Т.VIII. С. 334). А.С. Пушкин опирался на издание Голикова²⁸.

Митрополит Мойсие Петрович, возглавлявший Карловацкую, а затем и Белградскую митрополии, когда Сербия по Пожаревацкому миру 1719 г. перешла под власть Габсбургов, дважды тайно писал Петру I, в 1722 и 1724 гг. Он просил о помощи местной православной церкви в богослужбной и образовательной деятельности. В 1725 г. в город Сремски-Карловци, церковный и культурный центр сербства в Габсбургской монархии, приехал Максим Суворов. Он положил начало развитию школьного образования у сербов.

А.С. Пушкин кратко и точно отразил культурную ситуацию у сербов в первой четверти XVIII в.: понимание сербским православным иерархом в австрийских пределах необходимости создания сербской школы, нехватку книг, отсутствие учителей и помощь России в образовательном деле. В насыщенной событиями петровской эпохе А.С. Пушкин заметил и выделил в рамках внешних отношений России ее контакты с сербским миром, назвал крупных деятелей его, упомянул о важных проявлениях русско-сербских связей.

В поле зрения А.С. Пушкина находились видные сербы, переехавшие на постоянное жительство в Россию и включившиеся в ее жизнь. Среди них был Савва Владиславич, получивший в России прибавление к фамилии - Рагузинский.

Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, уроженец Герцеговины, одно время жил в Дубровнике (Рагузе). С 1708 г. он постоянно поселился в Москве. Владиславич стал надворным, а затем и тайным советником, выдающимся российским дипломатом. Он занимался коммерцией, пользуясь жалованными грамотами, выданными ему в 1703 и 1705 гг. на право свобод-

ной торговли в Азове и Малой России. Владиславич сыграл важную роль в дипломатической жизни России, развитии ее отношений с балканскими народами в первой трети XVIII в.²⁹

А.С. Пушкин в связи с подготовкой Петра I к походу против Турции в 1711 г. писал: «Тогда явился к Петру некто Савва Владиславлевич, родом рагузинец; он был в Константинополе агентом Толстого (постоянного представителя России в Османской империи - И.Л.); Петр принял его милостиво; Рагузинский (так он стал называться) советовал сослаться с черногорцами и прочими славянскими племенами; Петр и отправил им грамоту, приглашая их на оттоманов» (Т.VIII. С. 191). На фоне событий 1712 г. вновь возникает фигура Рагузинского. Пушкин отмечал, что он совместно с голландским купцом основал в Архангельске купеческие конторы, «из коих Петр доставал на монетный двор медь etc., etc». Далее говорилось, что у Рагузинского был брат, который пострадал от турок, и потому Савва был «награжден поташом etc.» (Т.VIII. С. 216). В том же году, продолжал А.С. Пушкин, Петр I, находясь в Карлсбаде, писал в Сенат, «чтоб через Савву Рагузинского отправили к послам нашим в Константинополь лисьих, горностаевых и заячьих мехов на 3000 рублей etc.» (Т.VIII. С. 223). В последний раз имя Рагузинского всплывает в «Истории Петра I» в связи с событиями 1717 г. «6-го июня ст. ст., — сказано в ней, — Петр отправил в Италию рагузанца Савву Владиславлевича, дав ему вместо паспорта грамоту, в коей именовал его графом иллирийским» (Т.VIII. С. 278).

В описании деятельности Саввы Владиславича Рагузинского А.С. Пушкин использовал материалы Голикова. Последний, касаясь инициативы Рагузинского относительно российского обращения к черногорцам и другим славянам в 1711 г., ссылался на Орфелина³⁰.

А.С. Пушкин затронул разные стороны деятельности Рагузинского, отметив его роль в разработке плана совместных вооруженных акций России и балканских славян в войне с Турцией в 1711 г., участие в тонких дипломатических делах и связь его хозяйственной практики с нуждами двора. А.С. Пушкин, вскользь заметив о расположении Петра I к Рагузинскому, показал его как приближенного русского царя. В сочинении вырисовывался исторический портрет деятельного, много сделавшего для России серба Саввы Владиславича Рагузинского. Писатель упомянул его также в неоконченном романе «Арап Петра Великого».

А.С. Пушкин довольно подробно остановился на морском сражении при мысе Гангут. Он почерпнул сведения о нем в своде Голикова, который среди прочего ссылался на труд Орфелина³¹. А.С. Пушкин в числе отличившихся российских командиров назвал серба Змаевича, капитан-командора галерного флота (Т. VIII. С. 247).

А.С. Пушкин проявлял осведомленность о разных сторонах сербской истории и жизни. Его занимал еще один серб-переселенец в Россию - Семен Гаврилович Зорич.

Настоящая фамилия его была Симеон Неранджич (Неранчич, Наранчич). Он родился в 1745 г. в Сербии. Усыновленный двоюродным дядей М. Зоричем, переехавшим с семьей в Россию и дослужившимся здесь до генеральского чина, он принял его фамилию. Исключительной храбрости офицер С. Зорич отличился еще в годы Семилетней войны. Будучи энергичным талантливым командиром, он познал блестящие военные успехи в екатерининскую русско-турецкую войну. Но в результате тяжелых ранений Зорич попал в турецкий плен, и лишь в 1771 г. вернулся в Россию. За проявленные героизм и мужество серб-российский офицер был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

С. Зоричу было 30 лет, когда он стал адъютантом Г.А.Потемкина. В 1777 г. он был представлен Екатерине II. Прихотливой судьбе молодого, красивого и изящного полковника было угодно, чтобы он оказался в милости у нее. Вскоре Зорич стал флигель-адъютантом, получил чин генерал-майора и был осыпан щедрыми наградами. Основу его богатства, оценивавшегося более чем в 2 млн. руб., составили земельные пожалования, среди которых было местечко Шклов в Могилевской губернии, бывшее имение князей Чарторьских. С. Зорич получил известность за границей, стал кавалером шведского, мальтийского и польских орденов. Ему посвящались литературные произведения. Милости и почести придали фавориту излишнюю самоуверенность и пробудили дерзкие надежды на самостоятельность. Зорич не понял подлинной роли светлейшего при дворе. Не прошло и года, как он, столкнувшись с князем, « выбыл из случая».

Удаленный от двора Зорич отправился за границу. С 1778 г. бывший фаворит постоянно поселился в Шклове, превратив его в центр светской жизни на западе России. Желая придать своему имени блеск, Зорич купил в Петербурге солидную библиотеку, основал крепостной театр с драматической и балетной труппами, хором и оркестром. Великосветские любители ставили в Шклове французскую оперу, участвовали в постановках русских пьес. Зорич основал Шкловское благородное (фактически военное) училище с хорошо поставленной системой преподавания, в котором на хозяйском коште воспитывались 300 молодых дворян. Дважды в год в Шклове проходили ярмарки, собиравшие купцов из разных краев России.

Шкловский дворец, полный роскоши и великолепия, жил шумной безалаберной жизнью. Бесконечные развлечения, балы, зрелища, маскарады, театральные представления, охота, крупная карточная игра проходили при многолюдном съезде гостей. Шклов охотно посещали представители знати, в том числе из Петербурга и Москвы. В 1780 г. здесь дважды проездом по-

бывала Екатерина II. Зорич формально продолжал служить, командовал Лейб-гусарским эскадром и Лейб-казачьими командами. При этом Зорич поддерживал постоянные контакты с соплеменниками.

Но как ни велики были богатства Зорича, расточительный образ жизни привел его состояние к краху. Еще в 1784 г. он был уволен с военной службы в связи с аферой авантюристов из Далмации графов Зановичей, которые, будучи управляющими Шклова, наладили здесь выпуск фальшивых ассигнаций. И хотя следствие признало Зорича непричастным к делу, за ним был установлен негласный надзор.

В 1796 г. после смерти Екатерины Павел I вернул Зорича на службу, вверив ему гусарский полк и произведя в генерал-лейтенанты. Однако на этот раз Зорич, растратив казенные деньги и превысив власть над офицерами и нижними чинами, был привлечен к суду. В 1797 г. Павел уволил его с военной службы и повелел ему жить в Шклове. Разоренный и опозоренный Зорич умер в 1799 г. в кругу бедных родственников и прихлебателей. К этому времени шкловское имение пришло в полное расстройство и было отдано в управление. Училище перешло в государственные руки, было переведено в Москву и преобразовано в Первый кадетский корпус³².

А.С. Пушкин поместил о Зориче в «Table-Talk» («Застольные беседы») следующую заметку: «Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не беспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла в нем в опере «Annette et Lubin». Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда Annette взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку и etc.» (Т. VII. С. 182). Запись о Зориче относится к историческим анекдотам. В ней, как это свойственно портретным отрывкам, переданы отдельные характерные черты личности. В пушкинских зарисовках, окрашенных иронической интонацией, Зорич выглядит простодушным человеком, меломаном, способным в пылу чувств спутать сцену и жизнь.

А.С. Пушкин упоминает также имя Зорича в «Пиковой даме». Оно звучит в рассказе Томского о тайнах своей бабушки старой графини: «Но вот что мне рассказывал дядя, граф Иван Ильич, и в чем он меня уверял честно. Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы, однажды в молодости своей проиграл - помнится Зоричу - около трехсот тысяч. Он был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то сжалилась над Чаплицким. Она дала ему три карты, с тем, чтобы он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкий явился к своему побе-

дителю: они сели играть. Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе - и отыгрался и остался еще в выигрыше...» (Т.V. С. 198). А.С. Пушкин вплетает личность Зорича, реальное историческое лицо в художественную ткань «петербургской повести» как знаковую фигуру крупной азартной карточной игры. В данном случае использование знакомого читателю имени Зорича было изобразительным приемом.

Соприкосновение с миром сербов придало творчеству А.С. Пушкина особые черты, обогатив его философское наполнение, тематическое содержание и образный строй. Вместе с тем высказывания А.С. Пушкина о реальных сербских деятелях, художественное осмысление поэтом отдельных аспектов жизни сербов помогали и помогают исследователям более глубоко и всесторонне понять историю, характер и судьбы этого славянского народа.

Примечания

¹ Свиньин П. Письмо к брату из Хотина // *Сын Отечества*. 1816. № 30. С. 140. Известный литератор П.П. Свиньин встречался с Карагеоргием во время посещения Бессарабии с целью ознакомления по поручению правительства с областным управлением. «Письмо» было датировано мартом 1816 г., когда Карагеоргий находился в Петербурге. В 1818 г. Свиньин напечатал его также в своем журнале «Отечественные записки» (С.45-58).

² *Вестник Европы*. 1817. Ч.ХСV. № 20. С. 287. Статья представляла перевод из «Гамбургского политического журнала».

³ Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936. С. 212; Двойченко-Маркова Е.М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 6, 9 и сл., 71-73; Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С.34-35.

⁴ Пушкин А.С. Собр. соч. В 10-ти т. М., 1974. Т.I. С. 120. Далее ссылки на том и страницу приводятся в тексте.

⁵ Томашевский Б. Пушкин и вечный мир // Неизданные материалы о Пушкине. Звезда. 1930. № 7. С. 228 и сл.

⁶ Там же. С.229-230.

⁷ Липранди И.П. Указ. соч. С. 212, 213, 217; Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910. С. 261, 343.

⁸ Двойченко-Маркова Е.М. Указ.соч. С. 70-71.

⁹ Благой Д.Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном // *Славяне и Запад*. М., 1975. С. 28.

¹⁰ Цяловский М. Неизвестные воспоминания о Пушкине (Письмо М.В. Юзефовича к П.И.Бартеневу) // Неизданные материалы о Пушкине. С. 231.

¹¹ Пушкин А.С. Собр. соч. Т.II. Примечания. С. 604-605, 630, 632; Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей). СПб., 1997. С. 110.

¹² Пушкин А.С. Собр. соч. Т. VIII. С.21.

¹³ Житие и славные дела Петра Великого. СПб., 1774. Подробно по этому вопросу см.: Лециловская И.И. Сербская культура XVIII в. М., 1994. С. 123 и сл.

- ¹⁴ Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С.29, 40, 41, 186.
- ¹⁵ Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. М., 1976.
- ¹⁶ Голицов И.И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч.1. С. 165. Далее - Деяния.
- ¹⁷ Там же. Ч.1. С. 214.
- ¹⁸ Там же. Ч.II. С. 421.
- ¹⁹ Орфелин З. Житие... Ч. I. С. 342.
- ²⁰ Деяния. Ч. II. С. 444-445.
- ²¹ Там же. Ч. III. С. 45.
- ²² Там же. С. 152-153.
- ²³ Там же. Ч. IV. С. 359-360.
- ²⁴ Там же. Ч.V. С. 210.
- ²⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 29 и сл., 41-42.
- ²⁶ Там же. С. 51, 52, 53.
- ²⁷ Деяния. Ч.V. С. 45-47; Ч. XII. С.278-283.
- ²⁸ Там же. Ч. IX. С.110-111.
- ²⁹ О Владиславиче-Рагузинском см.: Лециловская И. И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006.
- ³⁰ Деяния. Ч. III. С. 315-316; Ч. IV. С. 97-98, 151-152; Ч. V. С.331.
- ³¹ Там же. Ч. IV. С. 351 и сл.
- ³² Подробнее о С.Зориче см.: Лециловская И.И. Сербский народ и Россия.

Еще раз об истоках болгарского церковного вопроса

Литература, посвященная болгарскому церковному вопросу, огромна. Однако наличие серьезных академических исследований отнюдь не мешает живучести в сознании широкой общественности (в том числе и научной) глубоко укоренившихся стереотипов, зачастую имеющих характер мифологем. Один из них до сих пор связан с трактовкой генезиса этого вопроса. Прежде всего, само начало конфликта имеет в литературе тенденцию необоснованно тяготеть к более ранней эпохе. Чаще всего речь идет как минимум о 20-30-х гг. XIX в., и даже о XVIII в. Это обстоятельство, в свою очередь, провоцирует попытки модернизации прошлого. Константинопольской патриархии обычно приписываются не существовавшие на тот период амбиции (националистические устремления и программа эллинизации славян), а болгарам подвиги на ниве еще не зародившегося национально-церковного движения.

Данная статья носит обобщающий характер. Ее цель, опираясь на доступный современному историку массив источников и литературы, подвести итог основным этапам зарождения и становления болгарского церковного движения (до Крымской войны), избегая, по возможности, как мифологем, так и национальной ангажированности. Особое внимание будет акцентировано на выявлении внешних и внутренних факторов, влиявших на этот процесс.

Формальное начало конфликта относится к 1840 году. Именно тогда старейшины православных общин шестнадцати основных епископальных центров Тырновской митрополии передали на имя султана официальное прошение с просьбой о низложении митрополита Панарета и возведении в этот сан болгарского архимандрита Неофита Хилендарского Бозвели. Внешне ординарный, этот шаг был революционным по своей сущности. Фактически Порте предлагалось создать прецедент и внести коррективы в веками отлаженную схему разделения полномочий между светской и духовной властью, т.е. поставить под сомнение функциональную жизнеспособность системы миллетов (конфессионально-юридической и церковно-административной автономии). Но и этим историческое значение данной инициативы не ограничивалось. Заурядная церковная склока, вспыхнувшая в одной из отдаленных провинций, довольно быстро переросла в проблему

регионального значения, затронувшую интересы великих держав и обогатившую извечный Восточный вопрос новой (болгарской) составляющей.

Предыстория конфликта была банальна. В июне 1838 г. в Тырново был назначен новый митрополит Панарет. Его отношения с прихожанами, которыми в подавляющем большинстве были болгары, не сложились с самого начала. Личные качества Панарета современники рисуют самыми черными красками. Как писал по этому поводу современник событий священник Аверкий Стоянов: «...его глаза как монеты и кроме денег ничего другого не видят».¹ Известный болгарский учитель и общественный деятель П. Славейков, который спустя десятилетия специально собирал информацию о «тырновских событиях», записал, что Панарет ради денег был способен на все. Ради них он легко забывал и о вере, и о законе, за деньги венчал родственников и разводил женатых, собирал для продажи по церквям и монастырям серебро, продал даже драгоценности с митрополичьего облачения.² Результат не заставил себя долго ждать. Уже в 1839 г. против митрополита консолидировано выступили старейшины общин, представлявшие основные епископальные центры митрополии.

Одновременно с обсуждением вопроса о низложении Панарета встала и проблема преемника. Единодушное одобрение вызвала кандидатура известного болгарского монаха и книжника Неофита Рильского, но он от предложения отказался. Тогда вспомнили об архимандрите Неофите Хилендарском Бозвели, зарекомендовавшем себя патриотическими проповедями и просветительской деятельностью. Однако с этой кандидатурой возникли сложности. Камнем преткновения стало известное пристрастие Бозвели к спиртным напиткам. Но в конечном итоге, судя по письму Аверкия Стоянова Неофиту Рильскому, большинство решило: «Пусть лучше пьяный, лишь бы не грек ... тем более, что и сам говорит: «я вижу свое недостойство ... если вы не вынесете, прогоните, когда захотите».³

Для выяснения вопроса о возможности смещении Панарета летом 1839 г. Бозвели был командирован соотечественниками в столицу. Но не для переговоров с курирующей данный вопрос патриаршей канцелярией, а для установления контактов с Портой. В османских правительственных кругах столь неординарный подход к решению кадрового внутрицерковного вопроса вызвал интерес. Возможность приобретения дополнительных рычагов влияния выглядела заманчиво, тем более что намечающийся конфликт сулил немалые политические выгоды. Он не только ослаблял авторитет патриархии, но был выгоден и для подрыва русского влияния на православном Востоке.

Вскоре на контакт с Бозвели вышел влиятельный сановник болгарского происхождения князь Стефан Богориди. В результате просьба тырновских прихожан была оперативно доведена до самого султана. В немалой степени

этому способствовали и личные связи Бозвели. Он действовал при дворе через двух любимых султанских конюших - болгар Илью и Тодора.⁴

Параллельно по официальной линии на имя султана было подано коллективное обращение в пользу кандидатуры Неофита Бозвели. Были выбраны и три представителя для его вручения, которые в начале 1840 г. прибыли в Стамбул. Однако патриархии удалось переиграть ситуацию. Она смогла оперативно договориться с прибывшими в столицу болгарскими представителями. Цена договоренности составляла (по некоторым сведениям) 15000 курушей каждому.⁵ Передав в министерство иностранных дел жалобу на митрополита Панарета, посланцы представили в качестве народного избранника действительно Неофита. Но в итоговом документе им оказался не Бозвели, а его греческий тезка - молодой (двадцатипятилетний) ставленник патриархии Неофит Византиос. Сам же Бозвели в мае 1840 г. был назначен протосингелом (помощником) тырновского митрополита с обещанием последующего назначения на должность епископа в Ловеч. Однако его карьера при Византиосе не сложилась. Вскоре он попал в опалу и оказался в заточении на Афоне.

На этом «тырновские события», строго говоря, и закончились. В болгарской историографии традиционно принято трактовать данный инцидент в качестве едва ли не апофеоза многовековой борьбы болгарского народа против фанариотского ига и денационализаторской политики Константинопольской патриархии. Однако капитальное исследование болгарского историка З. Марковой, специально посвященное данной проблематике, убедительно показывает, что это далеко не так.⁶

Прежде всего, вызывает сомнение общераспространенный тезис о широких антиболгарских акциях, якобы проводившихся патриархией со второй половины XVIII в. Касаясь этого вопроса, З. Маркова справедливо отмечает, что сторонники данного тезиса обычно игнорируют как проблему аутентичности источников, так и их интерпретации.⁷ Прежде всего, речь идет об истинной мотивировке тех мероприятий патриархии 20-30-х гг. XIX в., которые широкое общественное мнение вполне могло трактовать как антиболгарские (например, постановление об изъятии из употребления новоболгарского перевода Евангелия Неофита Рильского, выполненного по заказу Британского библейского общества). Между тем нацелены они были обычно не против болгар или иного этноса, а против экспансии протестантизма.

Начало активного проникновения протестантских идей на земли Османской империи относится к концу XVIII века. В первые десятилетия XIX в. процесс их распространения приобрел очертания хорошо организованной акции. Вместе с усилением в регионе позиций Великобритании оживилась и деятельность различных библейских обществ. Именно они стали высту-

пать инициаторами и спонсорами переводов Старого и Нового завета на разговорные языки народов империи. В частности, по заказу Смирненского библейского общества в 1818 г. будущий Тырновский митрополит Илларион Критский осуществил перевод священного писания на новогреческий язык. Ответ патриархии не заставил себя долго ждать. В 1819 г. была учреждена патриаршая цензура и издана энциклика патриарха Григория V, призывающая паству «не поддаваться вредным влияниям» и следовать «традиционной греческой образованности».⁸

Что же касается оценки конфликтов между греческим клиром и болгарской паствой, имевших место в 20-30-е гг., то З. Маркова считает возможным утверждать, что они носили эпизодический, локальный характер и не имели никакого отношения к «борьбе с фанариотским игом». Строго говоря, столкновений такого рода известно всего несколько. Первое из них произошло в начале 20-х гг. XIX в. В 1823 г. имела место ссора между врачанским епископом Мефодием и главой местной общины Димитраки Хаджитошевым. В основе ее лежали причины фискального характера, связанные с требованием уплаты общиной дополнительных платежей, необходимых для выплаты долга митрополии перед патриархией. Через несколько лет крайне обострились отношения между греческим митрополитом Ананием и населением скопской епархии, имевшей, в том числе, и многочисленную болгарскую паству. В 1827-1828 гг. прихожане отправили в патриархию жалобу по поводу недостойного поведения своего митрополита с просьбой заменить его «честным и непорочным» архиереем. Ананий был смещен, но предложение паствы назначить на освободившуюся должность уважаемого в округе священника Димитра («чист от старите българе българин») было патриархией отвергнуто. В 1829 г. население самоковской епархии безуспешно обращалось с просьбой поставить на вакантную епископскую кафедру Неофита Рильского. В 1836 г. безрезультатным оказалось и предложение представителей Казанлыкской, Старозагорской и Новозагорской каззы о назначении в качестве епископа архимандрита Онуфрия Поповича Хилендарского.

В контексте этих инцидентов «тырновские события» стоят явно особняком. И связано это даже не столько с масштабом конфликта, сколько с избранным методом его разрешения. Демонстративное игнорирование болгарскими патриархией, в непосредственной компетенции которой находились вопросы кадрового характера, свидетельствовало о начале качественных изменений в системе общественного сознания. С житейской непосредственностью и практичностью простой народ попытался отстоять свои интересы, опираясь не на традиции, а на политические реалии.

Строго говоря, спровоцировал болгар на активные действия сам султан Махмуд II. Летом 1837 г., т.е. всего лишь за год до появления в Тырново

митрополита Панарета, проезжая через болгарские земли, он публично пообещал местным христианам защиту их законных прав в случае всякого рода злоупотреблений. Обосновывая свою позицию, он четко сформулировал мысль о приоритете категории подданства над конфессиональной принадлежностью. В частности, он заявил: «Я различаю среди подданных мусульман только в мечети, христиан - в церкви, евреев – в синагоге; между ними нет другой разницы. Любовь и справедливость мои сильны для всех и все истинные мои сыновья»¹⁰. Тем самым, он провозгласил, по существу, основной постулат будущей доктрины османизма. Основой этой доктрины, окончательно оформившейся лишь после Крымской войны, стала идея о возможности формирования в Османской империи качественно нового социума, поликонфессионального по форме, но единого по своей гражданской сути.¹¹

Риторика подобного рода оказалась чрезвычайно привлекательна для многонациональной паствы Константинопольской патриархии. В случае возникновения конфликтной ситуации между приходскими общинами и курирующими их церковными структурами она открывала возможность для альтернативных, хотя и откровенно неканонических действий. Думается, именно эта схема и легла в основу «тырновских событий». Обнародование же в ноябре 1839 г. Гюльханейского хатта, официально продекларировавшего курс на достижение равенства всех подданных империи перед законом, окончательно выхолостило в глазах болгар неканоническую сущность избранной ими методики, придав действиям представителей епархиальных центров видимость легитимности.

Однако, говоря о провоцирующем влиянии идей Танзимата, необходимо все же иметь в виду, что в истории противостояния болгар с патриархией важную роль сыграли и другие факторы. Среди них стоит особо выделить процессы, происходившие внутри болгарских общин, в результате которых эти, некогда этнически обезличенные структуры местного самоуправления, постепенно трансформировались в центры этнической консолидации. Существенное влияние на этот процесс оказывала внешнеполитическая ситуация 20-30-х гг. XIX в., невольной способствовавшая политизации общественного сознания болгар.

Подъем национально-освободительного движения в соседней Греции, Дунайских княжествах и Сербии оказался тем постоянным политическим фоном, на котором проходила повседневная жизнь населения региона. Вряд ли можно с полным основанием утверждать, что это обстоятельство вело к распространению в болгарской среде новых идей, однако, будоража общественное мнение, опосредованное влияние все же оказывало. Тем более что представители болгарской диаспоры в национальных движениях соседей все же участвовали.

Современные исследователи считают, что хотя присутствие болгар в греческой тайной организации Филики этерия никак нельзя назвать массовым, однако сам факт присутствия бесспорен.¹² Прежде всего, речь идет о болгарских эмигрантах, проживавших на территории Молдавии и Валахии. Именно они оказались вовлечены в 1821 г. в восстание в Дунайских княжествах под руководством Т. Владимиреску и в ряды греческих повстанцев князя А. Ипсиланти. По мнению болгарских историков, их общее количество могло доходить до нескольких тысяч человек.¹³ Особую известность тогда приобрел Александр Некович. В случае распространения восстания на правобережье Дуная эмиграция пророчила ему даже роль болгарского князя. Однако быстрый разгром повстанцев помешал осуществлению этих планов.

Болгары оставили свой след и в истории восстания на территории самой Греции. Среди офицеров греческой повстанческой армии, чье болгарское происхождение не вызывает особых сомнений, можно перечислить имена генерала хаджи Христо Болгарина, а также офицеров А. Гацо, Кара Георги Болгарина, Стефана Болгарина и десятков других.¹⁴ Но для политической истории самого болгарского народа данный факт вряд ли имел особые последствия. Опасность репрессий ставила надежный заслон на пути возвращения участников боевых действий на родину.

В этом отношении гораздо более продуктивными стали мероприятия, связанные с подготовкой князем Милошем широкомасштабного восстания в восточных сербских землях (Неготинский, Зайчарский, Гургусовацкий районы). Под патронажем М. Радойковича, являвшегося доверенным лицом самого Милоша, в 1828-1833 гг. в этой пограничной зоне действовала многочисленная агентура, в задачу которой входило распространение слухов о готовности сербского правительства поддержать любые антиосманские выступления местных жителей. Отчасти деятельность сербских эмиссаров распространялась и на земли со значительным или даже преобладающим процентом болгарского населения – Видинский, Берковский и Белоградчикский районы.¹⁵

В этих районах провокационные призывы сербской пропаганды попадали на особенно благоприятную почву. Именно здесь ситуация в аграрном секторе находилась на грани социального взрыва. Засилье в местной системе землепользования одной из наиболее дискриминационных по отношению к непосредственному производителю форм ведения хозяйства - господарлыка, а также фактическая изоляция этих земель от проводившейся в стране аграрной реформы создавали исключительно благоприятную среду для роста недовольства. На всем протяжении 30-40-х гг. регион сотрясала бесконечная череда стихийных крестьянских бунтов, завершившихся в 1850 г. крупным Видинским восстанием. В этой ситуации запущенные когда-то в

оборот слухи явно не способствовали сохранению стабильности. Возможно, именно под их влиянием повстанцы каждый раз обращались к сербским властям с просьбой о помощи. Благодаря инициативе Милоша также началось и привлечение болгарской молодежи на учебу в княжество. Известно, в частности, что в период 30-50 гг. XIX в. в Сербии лишь по официальной линии получили образование около 70 болгарских подростков (в том числе университетское).¹⁶ Вместе с приобретением светских знаний болгары привозили на родину и идеи первых сербских просветителей – Й. Раича, Д. Обрадовича, В. Караджича, а также знакомство с произведениями антигреческой направленности (например, «Мать Сербия и сын Серб», послужившего позднее образцом для написания аналогичного сочинения Неофита Бозвели).

Среди факторов внешнеполитического плана особое место по степени своей значимости занимает русско-турецкая война (1828-1829). Масштабная по своему охвату (впервые в водоворот боевых действий оказались вовлечены жители не только Добруджи, Мизии, но и Фракии), она невольно выступила в роли внешнего катализатора, спровоцировав всплеск гражданской активности населения. Благодаря архивным изысканиям советского историка В.Д. Конобеева эпизоды, связанные с вовлечением болгар в это событие, хорошо исследованы и богато документированы.¹⁷

Еще до начала военных действий, а именно в феврале 1828 г., представители болгарской диаспоры Дунайских княжеств выступили с инициативой воссоздания отрядов волонтеров в составе русской армии по образцу действовавших в войне 1806-1812 гг. (так называемое Болгарское земское войско). Однако русское командование это предложение не поддержало. Более того, в специальном рескрипте императора Николая I главнокомандующему войсками П. Витгенштайну особо подчеркивалась необходимость сохранения среди местного населения «спокойствия».¹⁸ Лишь в апреле было дано разрешение на зачисление в русскую армию балканских добровольцев, но исключительно из числа жителей левобережья, без права создания отдельных вооруженных отрядов и при условии их выхода в отставку после окончания войны. Результатом этой политики стала относительно невысокая степень участия болгар на первом этапе боевых действий.

Параллельно война стимулировала политическую активность болгарской диаспоры в Княжествах. В июле 1828 г. в Главный штаб русских войск под Шуменом в качестве легитимного представителя болгарского народа прибыл глава болгарских эмигрантских кругов Александр Некович. От имени своих соотечественников он вручил главнокомандующему П. Витгенштайну меморандум на имя императора Николая I и пояснительную записку. Акцентируя внимание на культурно-религиозной близости двух православных народов, документ содержал в себе просьбу о принятии болгар

под высочайшее покровительство России и оказании им милостей, подобными тем, которыми удостоены «другие единоверцы, живущие в Молдавии, Валахии, Сербии и Греции».¹⁹ Другими словами, речь шла об автономии. Но хотя документы и были приняты благосклонно, дальнейшего хода они не получили.

Между тем, затянувшийся характер военных действий вынуждал командование к пересмотру установок, касающихся вооружения балканских волонтеров. В январе 1829 г. на базе действовавших в северной Болгарии дружин Г. Мамарчева, П. Фокияно, М. Петровича и Алексия для охраны коммуникаций в тылу был создан партизанский отряд под командованием полковника И. Липранди. Сохранилась информация, что к июлю 1829 г. в его состав входило 610 пеших и 147 конных добровольцев.²⁰ Учитывая местную специфику, командный состав отдельных отрядов было разрешено формировать на выборной основе. Однако по-прежнему сохранялся запрет на набор рекрутов из числа жителей правобережья и самостоятельность отрядов в вопросах стратегии и тактики. На практике оба эти условия были трудновыполнимы. Источники свидетельствуют, что отряд в составе около 1500 человек был сформирован не только исключительно быстро, но и при фактическом участии местных болгар.²¹ Сфера его деятельности в основном ограничивалась северо-восточными территориями, в первую очередь, горами Делиормана и районом Силистры-Разграда-Шумена.²²

Расширение в 1829 г. боевых действий на юг от Балканского хребта привело к фактическому отказу от последних ограничений. Такому повороту в немалой степени способствовал и чисто субъективный фактор. Во Фракии русские войска были впервые. Не соприкасавшееся ранее с единоверческой, но все же иноземной армией местное население было настроено исключительно дружелюбно. Так, например, главнокомандующий армией генерал И. Дибич к своему удивлению обнаружил, что в отличие от северян «местные христиане не только не оставили свои жилища, но везде встречают наши войска с радостью и выражают полную готовность оказывать нам помощь по мере возможности».²³ Участник похода дипломат Ф. Фонтон также писал, что неоднократно был свидетелем того, как жители Фракии встречали войска хлебом и солью, с крестами и священниками.²⁴

В практической сфере новый этап сотрудничества начался в феврале 1829 г. вместе с высадкой в районе Созополя русского десанта. Малочисленность десанта вынудила командующего Черноморским флотом А. Грейга санкционировать выдачу оружия добровольцам. Сначала жители ближайших окрестностей оказывали морякам посильную помощь в захвате города и обеспечении продуктами питания, затем из их числа был сформирован вооруженный отряд.²⁵ Некоторое время формальный запрет на самостоятельные действия волонтеров еще продолжал действовать, но начав-

шиеся в июле активные совместные действия сухопутной армии и флота отменили последние ограничения. Фактически командование настаивало теперь лишь на одном: при наборе ополченцев и выдаче им оружия настоятельно рекомендовалось ориентироваться на поручительство местных старейшин.²⁶ Так, общины санкционировали своим авторитетом выступление христиан на стороне русских войск и взяли на себя функцию их вооружения.

Результат не заставил себя ждать. Вовлечение жителей в боевые действия в районах Причерноморья и Балканского хребта приобрело широкий размах. И хотя популярный в болгарской историографии тезис о всеобщем народном восстании выглядит не слишком убедительно, тем не менее, наличие в этом районе многочисленных вооруженных отрядов, сформированных на базе местных общин, отрицать невозможно. В частности, дружины волонтеров действовали в окрестностях Анхиало, Несебра, Лозенграда, Айтоса, Карнобата, Визы, Люле Бургаса, Новой Загоры, Ямбола, Сливена и многих других населенных пунктов.²⁷ Эти отряды русское командование использовало в основном для патрулирования горных районов и в качестве вспомогательного контингента для охраны тылов. Но иногда они участвовали и в боевых операциях вместе с регулярными войсками. Сохранилась, например, информация об участии около 1000 болгарских партизан в рейде против турецкого гарнизона Малого Самокова.²⁸ В этом городке находилось военное предприятие, выпускавшее вооружение и боеприпасы для турецкой армии. Активная поддержка местных жителей помогла русскому гусарскому эскадрону и егерскому полку не только в обнаружении объекта, но и в его уничтожении.

Итоги войны, закрепленные в статьях Адрианопольского мирного договора, оказались для болгар крайне неблагоприятны. Хотя в период подготовки документа болгарская эмиграция и поднимала вопрос о создании в Добрудже вассального по отношению к Османской империи Болгарского княжества, в окончательном варианте проблема автономии даже не ставилась. Единственная мера, предусмотренная в договоре для защиты населения, участвовавшего в помощи русской армии, сводилась к предоставлении ему 18-ти месячной гарантии безопасности для подготовки к эмиграции. Эта мера оказалась не лишней. Опасаясь репрессий, из Фракии хлынул поток беженцев. Начало было положено уже в преддверье подписания мирного договора. Летом 1829 г. этот район покинуло около 1000 местных жителей.²⁹ А с сентября 1829 г. исход стал массовым. Только согласно статистике русского военного ведомства число зарегистрированных переселенцев из Восточной Румелии (нашедших приют в Валахии, Молдавии и южной России) составило за период с 16 сентября 1829 г. по 14 марта 1830 г. 86700 человек.³⁰

Прямым следствием неудовлетворенности болгар итогами мирного договора, а также внешним индикатором степени политизации сознания ополченцев стала попытка организации восстаний. Инициатором выступил герой болгарского добровольческого движения капитан Георгий Мамарчев, поддержанный командирами двух других дружин – Андреем и Петром. Восстание ожидалось летом 1830 г. Предполагалось, что первоначально центром повстанцев станет Котел, а в дальнейшем движение перекинется и на другие районы. В древней столице Болгарского царства Тырново планировалось торжественное провозглашение акта освобождения страны от завоевателей. Сохранилась информация, что в подготовке восстания принимали участие и состоящие в это время на русской военной службе польские офицеры, заинтересованные в нагнетании напряженности в районе дислокации южной группировки войск в преддверье восстания в Польше.³¹ Однако все попытки заговорщиков склонить к сотрудничеству население окрестностей Котела и Сливена оказались безуспешны. Несмотря на недавнюю войну, широкое общественное мнение не было готово к восприятию столь радикальных и откровенно политических акций. Поэтому когда в начале апреля Мамарчев вместе с 500-ми своих вооруженных сторонников объявился в окрестностях Котела, этот демарш ознаменовал собой одновременно начало и конец восстания. Местные старейшины оперативно сообщили генералу И. Дибичу о готовящейся акции. На место событий срочно прибыл казачий отряд. Было произведено расследование, в результате которого Г. Мамарчев был арестован и выслан в Валахию.

Неожиданным и запоздавшим эпилогом этих событий стала еще одна попытка организации тем же Мамарчевым нового восстания. Спровоцировано оно было излишне затянувшимся послевоенным присутствием русских войск в Силистре. В историю оно вошло под названием «Велчева завера» (заговор Велчо Атанасова). В первой половине 1835 г. сразу два города – Силистра и Тырново оказались в центре подготовки антитурецкого выступления. Заговорщики надеялись, что их выступление может спровоцировать вмешательство России и помочь в создании автономного болгарского княжества, но были опять выданы властям (на этот раз турецким). Как это не парадоксально звучит, но своим нежеланием участвовать в политических авантюрах болгарские общины в лице старейшин в очередной раз продемонстрировали политическую зрелость.

Подобного рода реакция была вполне объяснима. Общины только что прошли суровую школу выживания в кровавой мясорубке времен эпохи кырджалийства (последняя четверть XVIII в. – 1813 г.). Эта школа научила их ценить политическую стабильность и нехитрые радости мирной жизни. Параллельно она привела к дотоле беспрецедентному росту авторитета органов общинного самоуправления, как единственной структуры, эффектив-

но зарекомендовавшей себя в борьбе с бандитизмом тех времен. С наступлением эпохи Танзимата наметившаяся тенденция получила поддержку и со стороны правительства, инициировавшего принятие законов, нацеленных на укрепление статуса органов местного самоуправления. Благоприятствовала ей и этно-демографическая ситуация.

Разгул феодальной анархии и русско-турецкие войны конца XVIII – первой трети XIX вв. вызвали изменение этно-демографической карты региона, спровоцировав массовую волну миграции. В первую очередь подвержено ей оказалось население неукрепленных деревень. Обычно оно находило убежище за городскими стенами. В результате покинутыми оказались многие сельские районы не только Добруджи и Мизии, но и Фракии. Царившее в них запустение особенно бросалось в глаза иностранцам. Вот что, например, писал по этому поводу в середине 30-х гг. прусский офицер Г. Мольтке: «Пространство в 200 квадратных миль, лежащее между Черным морем и Дунаем, такая грустная пустыня, что трудно и описать ее; я думаю, что здесь не более 20 тыс. жителей ... нужно проехать несколько миль, чтобы наткнуться на какую-нибудь жалкую деревушку без сада и без реки ... Последняя война (1828-1829) оставила здесь страшные следы; треть деревень, по крайней мере, значащихся на карте, уже не существует».³²

Бегство крестьян с традиционных мест обитания привело к серьезным переменам в общей структуре расселения. В районах традиционного проживания болгарского этноса среди горожан резко возрос удельный вес собственно болгар. В этой связи профессор Хр. Гандев, считает даже возможным говорить о так называемой повторной «болгаризации» крупных городов Мизии и Фракии – Софии, Видина, Шумена, Пловдива, Сливена и многих других, откуда болгары в предшествующие столетия активно вытеснялись мусульманами, греками и евреями.³³ Что же касается небольших поселений в районе Балканского хребта (Копривштица, Габрово, Сопот, Тетевен, Калофер, Трявна, Котел, Елена, Панагюриште), они не только заметно выросли за счет волны сельской миграции, но и приобрели ярко выраженный болгарский этнический облик.

Принеся с собой сельские традиции, бытовые навыки и соответствующую ментальность, крестьяне способствовали возвращению в города национального колорита и перерождению космополитичных по своему духу церковных общин в национально ориентированные организации. Именно на базе обновленных общин и начал набирать силу тот процесс, который в историографии принято называть болгарским национальным возрождением. В практической сфере он выразился, прежде всего, в повышенном внимании этих органов самоуправления к организации образовательного процесса. Начиная приблизительно с 20-х гг. XIX в. это направление стало одним из важнейших в их деятельности.

В условиях относительной политической стабильности и экономического роста церковное (келийное) образование уже не могло удовлетворять жителей городов, занятых в ремесленно-торговой сфере. Коммерческая заинтересованность диктовала необходимость знания языков (как минимум греческого и турецкого), грамматики, арифметики, географии и элементов естествознания, т.е. перехода к образованию светскому. Церковное и светское образование, в принципе, не отрицали друг друга. Проблема лежала в социальной плоскости. В то время как первое из них традиционно было общедоступным и бесплатным, светское осуществлялось лишь в стенах греческих учебных заведений, т.е. было для болгар, по существу, элитарным. На протяжении почти всего XVIII в. и начала XIX в. в заведения такого рода имели возможность поступать в основном дети из богатых семей.

Приобщение к греческой образованности имело для болгарской этнической общности далеко неоднозначные последствия. Уже в XVIII в. его прямым результатом нередко оказывалась эллинизация самосознания учащихся, что вызывало вполне понятное возмущение со стороны патриотов (например, Паисия Хилендарского). В начале XIX в. ситуация еще более осложнилась.

Лидирующее положение греческих купцов и ремесленников во многих отраслях экономики (в условиях совместного проживания болгар и греков в большинстве городов Фракии и Причерноморья) предопределяло неизбежность укрепления в городах позиций греческого языка и культуры в целом. Сохранившаяся грекоязычная документация многих ремесленных цехов (в том числе и абаджийских) – яркое тому подтверждение. Вместе с тем, именно из стен греческих учебных заведений вышло практически все первое поколение болгарской интеллигенции, составившее цвет начального этапа национально-патриотического движения: Э. Васкидович, Р. Попович, Хр. Павлович, К. Фотинов, Неофит Рильский, Неофит Бозвели, Илларион Макариопольский, П. Берон, Ив. Селиминский, Ив. Найденов, Ив. Момчилов, Ст. Чомаков, Ив. Добровский, Ив. Богоров, Г. Раковский, братья Михайловы и Миладиновы и многие другие.

Чаще всего болгары получали образование в греческих гимназиях, расположенных на территории самой Восточной Румелии (Адрианополь, Пловдив и т.д.). Но было немало и таких, кто учился в Константинополе, Смирне, Афинах или на островах. Именно на их долю выпал жребий стать свидетелями раскола, произошедшего в греческом обществе в первые десятилетия XIX в.

Под влиянием европейского просветительства в греческой общественной мысли конца XVIII – начала XIX вв. окончательно оформился идеологический конфликт между кругами, группирующимися вокруг Константинопольской патриархии и приверженцами новых буржуазных ценностей.

Веками культивируемая фанариотским духовенством идея воссоздания на поствизантийском пространстве многонациональной и по своей сути космополитической христианской империи пришла на рубеже столетий в столкновение с патриотическими установками молодой греческой буржуазии, ориентирующейся на создание собственного национального государства. В ходе идейного противостояния в адрес Константинопольской патриархии начали звучать все более жесткие обвинения: начиная с общей критики духовенства (коррупция, невежество и т.д.) и кончая обличениями по поводу ее сотрудничества с османскими властями. Все громче звучали также требования перевода богослужебных книг на общедоступный разговорный язык. Наиболее последовательно идеи такого рода нашли отражение в творчестве Ад. Кораиса. После же освобождения Греции особую популярность начала приобретать идея церковной независимости. Одним из наиболее ярых сторонников разрыва с Константинопольской патриархией и создания самостоятельной греческой церкви стал Т. Формакидис. В своих полемических сочинениях он аргументированно доказывал право каждого народа на создание своей национальной церкви, подчиненной исключительно светской власти.

Полученный в стенах греческих учебных заведений урок не прошел для первого поколения болгарской интеллигенции бесследно, произведя в ее среде заметную переоценку ценностей. На место модного когда-то эллинофильства пришло увлечение модным теперь просветительством и патриотизмом. Были также хорошо усвоены уроки критики фанариотского духовенства и идея создания национальной церкви. Раньше всего и наиболее органично последствия приобщения к греческой образованности проявились в сфере образования.

Материальную базу для претворения в жизнь идеалов просветительства предоставили местные общины. Благодаря собираемым пожертвованиям, а также неустанной опеке и надзору со стороны выборных общинных структур с 20-х гг. XIX в. в болгарских землях стало набирать силу просветительское движение. Начало было положено открытием целого ряда светских греко-болгарских школ (в Сливене, Свиштове, Котеле, Карлово, Самокове и др.). Программа была ориентирована на изучение классического культурного наследия с использованием греческой учебной литературы. Но одновременно ученики изучали и родной язык. Кроме того, разговорный болгарский язык активно использовался учителями для более доходчивого объяснения сложных греческих текстов.

Важной вехой в истории развития новоболгарского образования стало издание в 1824 г. П. Бероном светского букваря на болгарском языке (так называемый «Рыбный букварь», получивший свое название благодаря силуэту дельфина на обложке). Являясь в значительной своей части перево-

дом аналогичного сочинения греческого педагога Дарвариса, это пособие, проникнутое духом просвещенческой идеологии, сыграло важную роль в распространении среди болгар передовой по тем временам английской учебной методики – так называемой «ланкастерской» системы взаимного обучения. Суть ее сводилась к тому, что наиболее продвинутые ученики активно занимались под руководством учителя со своими отстающими товарищами.

Нововведение быстро прижилось. Всего за десятилетие в Северной Болгарии и районах, прилегающих к Балканскому хребту, открылось около 50 так называемых «взаимных» училищ. В этот же период были созданы и первые школы для девочек. Среди новых центров особенно выделялись своей активностью школы в Копривштице, Тырново, Котеле, Самокове, Сопоте, Трявне, Панагюрище. В западных и юго-западных землях, а также в Восточной Фракии, где для местных общин не был характерен монолитный этнический состав, процесс шел более медленными темпами.³⁴

Говоря о развитии новоболгарского образования, необходимо особо подчеркнуть незыблемость демократического принципа, изначально заложенного в его основу. Уже сам факт появления училищ нового типа был, по существу, народной инициативой, за которой стояли местные общинные структуры. Поэтому возникали они спонтанно и децентрализованно, никогда не знали сословного принципа, были общедоступны и бесплатны. Эта их особенность имела большое воспитательное значение и оказала впоследствии (вместе с другими факторами) серьезное влияние на формирование национальной болгарской ментальности.

Говоря о деятельности общин в сфере развития народного образования, необходимо особо отметить, что до середины 40-х гг. XIX в. она не встречала, по всей видимости, организованных форм противодействия со стороны патриархии. По мнению З. Марковой, все определялось личными качествами того или иного иерарха, а также случайным стечением обстоятельств.³⁵ Более того, судя по имеющемуся в ее распоряжении материалу, усилия болгар на просветительском поприще обычно встречали со стороны духовных властей, по меньшей мере, понимание и поддержку.³⁶

Например, открытие в 1835 г. светского училища в Габрово происходило с одобрения тырновского митрополита Иллариона Критского. По свидетельству В. Априлова, митрополит собственноручно заложил в его основание первый камень, освятил строительство и пожертвовал в благотворительный фонд значительную сумму.³⁷ А скандально знаменитый (своим запрещением) новоболгарский перевод Нового Завета, выполненный Неофитом Рильским для преподавания в этом училище, был осуществлен по прямому поручению того же Иллариона Критского (заказ Британского библейского общества).

Аналогичной была позиция и пловдивского митрополита Никифора. В частности, в 1838 г. он благословил открытие первого болгарского училища в Сопоте, пообещав ему материальную поддержку. Он же помогал организации школьного дела в Хасково и Чирпане. При прямом участии врачанского епископа Агапия в 1841-1843 гг. были открыты женские училища в Плевне и во Враце. Содействовал он также и распространению новоболгарских книг. В Софии, действовавшее с 1839 г. болгарское училище, пользовалось покровительством и материальной поддержкой греческого митрополита Мелетия.

Даже само издание книг на болгарском языке на землях империи стало возможно не вопреки, а благодаря позиции высокопоставленных греческих иерархов. По данным З. Марковой, их участие в данном процессе было весьма значительным.³⁸ В частности, открытие в Солониках болгарской типографии состоялось благодаря содействию местного митрополита Мелетия, а перепечатка славянских богослужебных книг была одним из традиционных направлений в издательской деятельности патриаршей типографии Константинополя. Например, среди спонсоров Осмогласника, изданного в столице в 1843 г., значился сам патриарх Герман. Известно также, что до середины 40-х гг. XIX в. имена многих греческих владык часто встречались в перечне владельцев славянских книг.

Для того, чтобы перелом в отношении греческого клира к нуждам своей болгарской паствы состоялся, понадобилось стечение сразу многих, мало зависящих друг от друга обстоятельств. О качественных переменах внутри болгарского социума и о провокационном поведении Порты речь уже шла. К середине 40-х гг. к ним добавились сразу два новых фактора: вмешательство так называемой третьей силы (в лице эмиссаров польской политической эмиграции) и рост популярности в греческой среде идей панэллинизма.

В 40-е гг. XIX в. конфликт между греческими буржуазными кругами и патриархией, завершившийся полным разрывом и созданием независимой от Константинополя национальной греческой церкви (1833), начал постепенно терять свою остроту. При этом концепция панэллинизма (Мегали идея), органически включавшая в себя установку на возрождение Великой Греции и собиравшая воедино всех этнических греческих земель, завоевывала все больше сторонников. В данном контексте задача урегулирования отношений с патриархией (как потенциальным союзником панэллинистов внутри Османской империи) приобретала для патриотов новой Греции особую актуальность. Реализация этой задачи облегчалась благодаря сразу нескольким обстоятельствам. Во-первых, на землях самой империи не только греческая буржуазия, но и многие представители духовенства уже начали смотреть на свободную Грецию как на естественное объединительное ядро

нации. Во-вторых, на фоне подъема национально-освободительных движений упорная приверженность Константинополя идее единства православно-го мира начинала выглядеть все большим анахронизмом. Особенно, учитывая, что реальная власть патриархии в районах ее традиционной юрисдикции все более ослабевала. В Сербии патриархия была вынуждена признать сначала церковное самоуправление, а затем издать синодальное определение об автономии. В Дунайских княжествах ее позиции также сильно пошатнулись. Здесь стартовал процесс постепенной, но активной замены греческого клира местными национальными кадрами. Когда же начали поднимать голову и болгары, пытаясь, к тому же, вмешаться в конфликт Порту, терпению греческого духовенства пришел, по-видимому, конец. Тем более что в данном случае речь шла не об отдаленных задунайских или сербских территориях, а о районах, включавших в себя Фракию, Причерноморье и Македонию, т.е. потенциальные земли Великой Греции.

Резкое обострение отношений между болгарами и Константинопольской патриархией произошло в 1844-1845 гг. В эти годы конфликт, с таким трудом улаженный в 1840 г., вспыхнул вновь, получив, благодаря вмешательству польских эмиссаров, не только более широкий размах, но и качественно новое звучание.

В 1844 г. в Константинополь вернулся с Афона опальный болгарский архимандрит Неофит Бозвели. Само по себе это событие вряд ли осталось бы в истории. Однако за прошедшие годы расклад политических сил в столице существенным образом изменился. Резко активизировали свое вмешательство во внутренние дела империи иностранные дипломатические миссии. Кроме того, на политической арене появилась новая сила, ориентированная на разыгрывание именно славянской карты. В этом качестве выступили польские политические эмигранты. Не в последнюю очередь благодаря именно их самоотверженным усилиям старый конфликт болгар с патриархией был не только реанимирован, но и получил неожиданную остроту, превратившись в конечном итоге в новую политическую составляющую Восточного вопроса.

Представители польской эмиграции обосновались в Стамбуле в период заточения Неофита. Центром их движения после подавления польского восстания 1830-1831 гг. был Париж. Во французской столице князем Адамом Чарторыйским, являвшимся идейным вдохновителем и организатором польского сопротивления за рубежом, была создана достаточно эффективная и влиятельная политическая организация. Главной целью ее деятельности было освобождение Польши, однако принятая на вооружение доктрина предусматривала организацию совместных действий против России как можно большего количества поработенных (желательно славянских) народов. Антирусская в своей основе, деятельность князя Чарторыйского была

естественным образом ориентирована на поиск союзников в стане врагов России. В 1840 г. Чарторыйский наладил политическое сотрудничество с французским правительством и с его помощью начал устанавливать связи в столице Османской империи.

Основой франко-польского сотрудничества стал его четкий антирусский политический вектор и ясное понимание, что преждевременный распад Османской империи на практике означает усиление позиций России. Однако политика министра иностранных дел Франции Ф. Гизо и планы князя Чарторыйского совпадали лишь в общих чертах. Проблема освобождения славянских народов, в том числе и Польши, в тот период мало интересовала Францию. Однако тактические задачи – ослабление влияния России на Балканах и на православном Востоке в целом – у Гизо и Чарторыйского полностью совпадали. Совпадало также и понимание необходимости привлечения в качестве политического союзника папской курии. Работа католических миссий на землях Османской империи не только способствовала бы усилению французского влияния в ущерб русскому, но и служила бы надежным прикрытием для деятельности французской и польской агентуры.

Первоначально замыслы Чарторыйского подразумевали развертывание активной деятельности лишь на территории Дунайских княжеств и Сербии. Именно эти земли рассматривались им в качестве стратегического плацдарма для вторжения отрядов славянских добровольцев в случае гипотетического восстания в Польше. Однако постепенно планы эмиграции приобрели более широкие очертания, включив в себя и курирование так называемого болгарского церковного вопроса. Инициатива в данном случае исходила не из Парижа, а принадлежала главе польской агентуры в Стамбуле Михаилу Чайковскому.

Решающую роль в повороте основного вектора работы польской агентуры с болгарями сыграло знакомство Чайковского с Илларионом Михайловским (Макариопольским) и Неофитом Бозвели. Первоначально основную ставку поляки планировали делать на Иллариона, но вскоре Неофит был признан более перспективной фигурой. Знакомство Чайковского с Бозвели состоялось в сентябре 1844 г. практически сразу после возвращения последнего с Афона. Посредником выступил личный друг Неофита и сотрудник Чайковского (ответственный за связи с болгарями) серб Константин Огнянович. Благодаря именно его стараниям Бозвели по прибытии в столицу был поселен у лазаристов в монастыре Сан-Бенедито. Вскоре Чайковский смог организовать аудиенцию Бозвели у великого везира Мехмеда Али паши, в ходе которой были красочно описаны все злоключения Неофита на Афоне и еще раз озвучены претензии болгар к патриархии. С этого

момента и ведет свое начало новый этап противостояния болгар с Константинопольской патриархией и сотрудничества с Портой.

Благодаря опубликованной В. Смоховской-Петровой объемной подборке документов из архива князя А. Чарторыйского этот этап болгарского церковного движения очень подробно документирован.³⁹ Однако именно эти документы неопровержимо доказывают, что процесс качественно нового витка болгаро-греческого противостояния провоцировался искусственно и проходил под непосредственным патронажем польской агентуры.

Как следует из писем Чайковского, болгарский церковный вопрос не являлся для польских эмигрантов самостоятельной проблемой. Он интересовал их лишь как рычаг для раскола православия с целью ослабления позиций России и изменения сложившейся системы международных отношений. Польские эмигранты полагали, что поддержка болгарских требований вполне соответствует политике Франции и Англии, поскольку их удовлетворение противоречит интересам России. Зная о враждебном отношении Великобритании к планам активизации католической пропаганды, они, тем не менее, полагали, что в сложившейся ситуации английские дипломаты предпочтут позицию нейтралитета, поскольку связь болгар с Римом для них предпочтительнее религиозного единства с Россией.

Репорты Чайковского в Париж раскрывают поэтапный механизм, с помощью которого агентура намеревалась добиваться осуществления своих далеко идущих планов. Первым шагом на пути их реализации должно было стать требование о народных владыках и рукоположение в сан сначала двух-трех болгарских архиереев. Под давлением Порты патриархию необходимо было вынудить пойти на этот шаг добровольно, поскольку любые преждевременные обвинения в схизме неминуемо настроили бы общественное мнение против раскольников. Вторым шагом должно было стать легитимное, т.е. добровольное и одобренное Портой создание автономной болгарской церкви. И лишь в качестве последнего заключительного шага планировалась уния новой национальной церкви с Римом (осуществленная через польских ставленников).

Твердый курс Чайковского на поддержку болгар и тактика поиска союзников в лице Порты нашли полное понимание у Неофита Бозвели. Вероятно, не без помощи польской агентуры Бозвели в рекордно сжатые сроки подготовил обширный меморандум, в котором изложил свое видение болгарской проблемы. Благодаря предоставленным Чайковским каналам этот документ был уже в сентябре 1844 г. представлен на рассмотрение великому везиру Али паше. В том же месяце аналогичный документ был составлен и Илларионом Макариопольским. Эти два меморандума стали основными документами и одновременно программой первого этапа болгарского церковного движения. Благодаря В. Смоховской-Петровой, современная

историческая наука обладает текстом меморандума Бозвели, который считался ранее утерянным.⁴⁰

Обращение начиналось решительным и программным заявлением: «Наши деды, которые жили под мирным оттоманским господством, всегда были жертвами греческой и русской политики». Основной вектор этой политики всегда лежал, по мнению автора, в сфере взаимодействия России с Константинопольской патриархией, а целью этой политики был подрыв устоев Османской империи. Описывая подрывную деятельность агентов патриархии (в лице греческих владык) и России (в лице торговцев, политиков, путешественников), Неофит особо подчеркивал, что под ударом этого злонамеренного союза оказалось не только османское государство, но и болгарский народ. Многочисленные русско-турецкие войны принесли болгарам, по его мнению, исключительно беды и страдания. После же того, как иллюзии относительно скорого освобождения рассеялись, начались пагубные для самих болгар, но выгодные для России массовые переселения за Дунай. Далее автор подробно останавливается на описании беззаконий греческих владык, особо отмечая их коррумпированность, алчность, противодействие развитию образования и просвещения.

Неофит также не забыл уверить Порту, что деятельность русских агентов и их греческих приспешников не находит поддержки у его соотечественников, что болгарский народ переполнен верноподданническими чувствами. Поэтому от лица всех болгар автор обращается к своему правительству с нижайшей просьбой. Далее идет изложение просьбы (общей в меморандумах Бозвели и Иллариона Макариопольского), которая сводится к нескольким пунктам.

1. Желание болгар иметь архиереев своей народности и избирать их в своих епархиях;
2. Право открывать свои народные училища;
3. Право свободно издавать книги и газеты на родном языке;
4. Право иметь свою церковь в столице;
5. Право создавать в городах суды (из болгар и мусульман) для защиты от происков греческих архиереев;
6. Право формировать независимые от патриархии делегации для подачи прошений непосредственно в руки Порты.

Верноподданническая тактика и энергичная поддержка польских агентов быстро принесли успех. Меморандум Бозвели, в отличие от более взвешенного и менее антироссийского документа Иллариона, был благосклонно принят Портой. Сам же Неофит, как сообщал М.Чайковский, смог добиться доверия турецких чиновников. В частности, о нем были наведены справки, и власти пришли к выводу, что Бозвели всегда отличался благонадежностью – «с самого начала, когда принял духовный сан, и до сего дня всячески противостоял действиям России и Греции и способствовал лояльности болгар Порте».⁴¹

В начале 1845 г. дела по продвижению меморандумов приняли благоприятный оборот. В конце января Бозвели был принят министром иностранных дел Шекибом Мехмед пашой, который заверил Неофита в выполнимости болгарских прошений. Вскоре это подтвердил и Мехмед Али паша. В начале марта М.Чайковский удовлетворенно сообщал в Париж, что дело болгар продвигается весьма успешно. Определенный оптимизм вызывал и планируемый Портой созыв в столице Народного собрания. Считалось, что съезд депутатов от провинций поможет правительству напрямую выяснить истинные нужды населения.

В середине апреля в Стамбул начали пребывать болгарские представители. При содействии Али пашы Чайковскому удалось организовать их расселение в доме знакомого армянина-католика и ознакомить с текстом меморандумов. Депутатам пытались внушить, что и их прошения к Порте должны быть составлены в том же духе. Однако все старания оказались тщетны. Лишь представители Шумена, Русе, Ниша и Самокова были склонны внимать советам извне. От Свиштова, несмотря на все старания Бозвели, представители вообще не прибыли. Депутаты от Видина остались равнодушны, а от Тырнова и Пловдива заняли сторону патриархии. 7 мая собрание было закрыто без реальной пользы для решения болгарского церковного вопроса. Оценивая причины поражения, разочарованный М.Чайковский писал по этому поводу: «Депутаты продемонстрировали полную неспособность и трусость – обычное следствие долгого рабства».⁴²

Не последнюю роль в фактическом провале польских инициатив сыграло, возможно, и распространение слухов о переходе Неофита и Иллариона в католичество. Спустя многие годы, касаясь в своих мемуарах данного эпизода, М. Чайковский прямо признал допущенные ошибки. Вот, что он написал по этому поводу: «Я посоветовался с Мехмед Али пашой и скрыл отца Неофита и Иллариона в монастыре лазаристов... Патер Лельо и г. де Буркне (французский посланник) совсем и не думали о какой-либо религиозной пропаганде; они полагали, что время само повлияет на религиозное чувство двух болгарских духовников. Но патер Боре, который совсем недавно облачился в рясу, как более ревностный и энергичный, попытался обратить их в католичество. Эти попытки только еще больше их испугали, т.к. Неофит и Илларион были убеждены, что последователей среди соотечественников не найдется, а сами они будут отвергнуты. Они считали, что гораздо рациональней и практичней добиться религиозной автономии, и тогда, может быть, станет возможно сближение с Римом. Однако патер Боре не отступил и продолжил свои попытки. ...он распространил слух, что болгарские духовники наполовину перешли в католичество, полагая, что это будет способствовать ... популярности католичества. Случилось, ко-

нечно, совсем наоборот: болгарское население начало смотреть косо .... Патриархия же воспользовалась недоразумением...».⁴³

Между тем, несмотря на явный провал в Народном собрании, в мае того же 1845 г. выдвинутые с подачи польской агентуры инициативы получили поддержку Порты. В немалой степени этому способствовала жесткая позиция русской миссии. Ее заявления по поводу подрывной деятельности польских агентов и их болгарских ставленников (обвинения в бунте и антигосударственной пропаганде) лишний раз убедили турецкого министра иностранных дел в выгоде деятельности Неофита и Иллариона для интересов османского правительства. В ответ на демарш России он посоветовал патриархии не обострять отношений с Бозвели. В результате Неофиту было сделано неожиданное предложение – переселиться на территорию патриархии.

Однако заключенное с таким трудом перемирие было сорвано практически сразу. Ободренные откровенным покровительством Порты и бессилием русских дипломатов, болгары подали в патриархию прошение о создании в столице болгарской церкви. Подобную просьбу не без оснований можно было трактовать в качестве первого шага по отложению от Константинопольской патриархии. Не менее провокационно вел себя и непосредственно сам Неофит. Он хотя и переселился на территорию патриархии, однако не перестал встречаться с Чайковским и посещать лазаристов. Одновременно в столице прошел слух, что столичные болгары, поддерживаемые Чайковским, уже начали сбор денежных средств, предназначенных для покупки Неофиту места тырновского митрополита. Не желая дальнейшей эскалации конфликта, патриархия в конце июня приняла неожиданное решение: Неофиту был предложен пост митрополита Трапезунда. Однако Бозвели ответил резким отказом, заявив, к тому же, что его приглашает к себе паства Свиштова, которая якобы заявляет, что если ему не дадут кафедру, то прихожане покинут лоно православной церкви.⁴⁴ Новое обострение отношений не заставило себя долго ждать. Именно в это время Чайковский докладывал в Париж: «Благодаря нашему вмешательству ... через Шекиба и Мехмеда Али ... Неофит не будет отправлен в Трапезунд и остается здесь. ... мы продолжаем действовать, чтобы он был назначен архиереем где-нибудь в Болгарии».⁴⁵

Уже 25 июня, вероятно, также не без участия Чайковского, от лица болгарских ремесленников Стамбула был организован документ, наделяющий Бозвели и Иллариона правом представлять интересы не только ремесленных корпораций столицы, но и всего болгарского народа. Скреплен этот важнейший документ был печатью абаджийского эснафа в Галате. Почти сразу после его появления Бозвели подал Порте обширный доклад о положении болгар и пагубной роли греческого духовенства. В основных своих

чертах этот документ повторял содержание его сентябрьского меморандума.

Провокационное поведение Бозвели, напрямую инспирируемое польской агентурой, не могло не вызывать возмущения патриархии и русской миссии. По информации Чайковского, отношение русских дипломатов было к нему самое негативное - «ни против кого Россия не была возмущена столь сильно, как против него».⁴⁶ Важно при этом отметить, что, судя по материалам дипломатической переписки тех лет, самого Неофита в русской миссии не считали фигурой самостоятельной. С точки зрения дипломатов, он являлся всего лишь марионеткой в руках поляков, а раздуваемый им церковный вопрос был проблемой надуманной и провокационной.

Позицию русских дипломатов вполне можно было понять. Появление болгарской темы оказалось для них полной неожиданностью. В докладах русского вице-консула в Адрианополе Л. Фонтоня за период 1840-1844 гг. не содержалось и намека на существование каких-либо противоречий между болгарскими и греками по церковному вопросу.⁴⁷ Поэтому когда в 1844-1845 гг. эта проблема вдруг неожиданно всплыла на самом высоком уровне, консул в Адрианополе Ващенко прямо указал на Чайковского как на автора болгарского меморандума, а также инициатора и идейного вдохновителя созыва Народного собрания.⁴⁸ Ему же, по сведениям русского дипломата, принадлежала идея замены греческого клира болгарским и создания независимой, но дружественной Ватикану болгарской церкви.

Подобный взгляд на болгарский вопрос полностью разделял и глава русской дипломатической миссии в Стамбуле В. Титов. Крайне подозрительно относясь к любым инициативам, так или иначе связанным с польской эмиграцией и католическими миссионерами, он автоматически переносил свое негативное отношение и на всех их протее. Русские дипломаты не раз заявляли протест в связи с действиями Неофита и Иллариона, пытаясь различными способами нейтрализовать их разрушительные для единства православия инициативы. Чайковский предполагал, что идея назначения Бозвели митрополитом в Трапезунд, возможно, также принадлежит русской миссии. Летом 1845 г. болгарская проблема приобрела для русских дипломатов особую остроту в связи с ожидавшимся прибытием в турецкую столицу великого князя Константина. На фоне высокого визита польско-французские интриги вокруг вселенского престола выглядели в глазах чиновников особенно неуместно.

По информации Чайковского, именно очередной демарш России оказался фатален для судьбы двух его протее. Сыграв на резком осложнении ситуации в придворных кругах накануне отставки Риза паши, патриархии удалось запугать министра иностранных дел Шекиба неминуемым осложнением отношений с Россией и добиться разрешения на наказание болгар-

ских схизматиков исключительно по церковной, т.е. не требующей вмешательства Порты линии. 29 июля 1845 г. Неофит и Илларион были арестованы в здании патриархии, а затем отправлены в заточение на Афон. Организовано это было без формального разрешения турецкого правительства, но с согласия русской миссии и ее посланника В.П. Титова.

Ясно понимая последствия изоляции обоих болгарских церковных лидеров для политического будущего польской миссии, Чайковский попытался задействовать французские и английские дипломатические круги. Однако его надежды не оправдались. Сначала французское посольство проявило некоторую заинтересованность. Однако последовавшие вскоре перестановки в составе турецкого правительства и резкое заявление английского посланника, обвинившего католических миссионеров в попытках нарушения политической стабильности, отбили желание французских дипломатов вмешиваться в этот непростой вопрос. Чайковскому оставалось лишь с болью констатировать, что ни одно из посольств не изъявило «даже желания» поддержать Турцию в ее противостоянии с Россией.

Так национально-церковное движение болгар оказалось безнадежно обезглавлено. По единодушному мнению историков, с арестом Неофита и Иллариона завершился первый этап борьбы болгар за создание независимой национальной церкви. Но не завершилось некогда спровоцированное Портой, а впоследствии искусственно обостренное и политизированное противостояние болгар с патриархией. Скорее наоборот, оно только начало набирать обороты. На этот раз виновницей раздувания конфликта, постепенно приобретающего черты межэтнического, стала сама Константинопольская патриархия. Угроза потери многочисленной болгарской паствы и повторения сербского и задунайского сценариев привела к всплеску националистических настроений в среде фанариотского духовенства, вызвав с его стороны череду откровенно антиболгарских акций.

Уже в том же 1845 г. патриархия издала окружное послание, согласно которому училища переводились из ведения общин под власть местных владык. Отныне только они могли менять и назначать преподавателей и попечителей учебных заведений. На практике это привело к началу гонений на патриотически настроенных учителей-болгар.

Из длинного перечня примеров подобного рода можно привести лишь несколько.⁴⁹ Например, интриги местного владыки вынудили покинуть Провадию учителя Р. Блыскова, а Шумен Н. Рускова. Преследования со стороны Неофита Византиоса испытал на себе П. Славейков, который, несмотря на поддержку местных общин, не мог долго удержаться ни в одном училище, расположенном на территории Тырновской митрополии. Были уволены и пострадали учителя З. Круша, Н. Тонджаров, Ат. Чолаков и многие другие.

Одновременно стартовала и массовая компания по изгнанию славянского языка из богослужбной практики. Участились спорадические ранее случаи уничтожения болгарских книг и старославянских рукописей. Коснулось это, прежде всего, тех районов, где греческий этнический субстрат традиционно занимал наиболее сильные позиции (Причерноморье, Фракия, Македония).⁵⁰ Например, широкомасштабные гонения против болгарских священников и славянского языка предпринял варненский митрополит Порфирий. В частности, в Балчике подвергся изгнанию болгарский епископ, а место церковно-славянских богослужбных книг заняли греческие. В варненской церкви «Св. Николая», где богослужение традиционно велось на церковно-славянском языке, по его же распоряжению священники были вынуждены перейти с 1846 г. на греческий. В Пловдиве митрополит Хрисант запретил церковно-славянский язык по всем церквям кроме храма «Св. Петки». А по Македонии прокатилась настоящая волна по изъятию и уничтожению церковно-славянских рукописей (Скопье, Велес, Битоля).

Даже в землях с преобладающим болгарским населением отмечались попытки насаждения греческого языка там, где он никогда не использовался. Например, вполне благосклонный ранее к церковно-славянским богослужбным книгам греческий епископ Дионисий (г. Ловеч), распорядился в 1845 г. заменить их греческими. Сохранилась информация, что в период с середины 40-х до середины 50-х гг. славянские книги активно уничтожались в Старозагорской и Шуменской епархиях.

Постыдное поветрие приняло столь широкий масштаб, что захватило даже Афон. Посетивший его в 1844-1845 гг. русский славист В. Григорович обнаружил, что славянскими рукописями в Ватопеде растапливали на монастырской кухне печь, а в Ксенофонте их просто сбросили в море.⁵¹

Столь откровенной дискриминации и бесцеремонного вмешательства в сферу своей традиционной компетенции болгарские общины, давно окрепшие и привыкшие к самостоятельности, спокойно вынести не могли. Тем более что благодаря стараниям польских эмиссаров отныне они были хорошо вооружены эффективной тактикой борьбы с патриархией и имели в своем арсенале целый пакет заранее готовых «народных» требований. Начались бесконечные конфликты, принимавшие с течением времени все более ожесточенный характер. В епархиях чаще всего они выливались в жесткое коллективное противостояние с местными владыками.

Лидером вновь оказалась Тырновская митрополия, где заново обострился конфликт вокруг митрополичьей кафедры. Летом 1846 г., пользуясь прибытием в Тырново султана Абдул Меджида, старейшины подали жалобу на митрополита Неофита Византиоса, требуя его замены на болгарского владыку. А через две недели в столицу с соответствующим требованием прибыла и официальная делегация. Под давлением Порты патриархия была

вынуждена убрать Византиоса, однако заменила его не болгаринном, а бывшим сярским митрополитом греком Афанасием. Фигура нового митрополита вызвала раскол внутри общины. Результатом затяжной интриги явилось возвращение Византиоса на митрополичью кафедру (1848), а противоборство между общинниками затянулось еще почти на десять лет.

Во Враце попытки епископа Агапия вмешаться в компетенцию общинного самоуправления и взять под свой контроль образовательный процесс встретили жесточайшее сопротивление. Настрой старейшин и попечителей был столь решителен, что лишь неожиданная смерть спасла Агапия от отставки. Пришедший ему на смену в 1849 г. греческий епископ Парфений недолго задержался на местной кафедре. Обвиненный руководством общины в злоупотреблениях, он был вскоре смещен, а освободившуюся кафедру занял местный болгарин Дорофей. В Ловчанской епархии противостояние между паствой и владыками, принявшее чрезвычайно резкие формы, длилось почти всю вторую половину 40-х – начало 50-х гг.. Завершилось оно также полной победой болгар. Общинниками был выставлен ультиматум: уплата церковных податей лишь в обмен на изучение владыкой болгарского языка. В конечном итоге на епископскую кафедру был назначен болгарин Илларион (1852).

Резко активизировалась и болгарская община Константинополя. В 1847 г. ею была вновь реанимирована идея создания в столице болгарской церкви. На этот раз инициатором выступил недавно вернувшийся после обучения в Европе Александр Экзарх. Следуя хорошо зарекомендовавшей себя тактике, он вышел с прошением непосредственно на великого везира. Порта это начинание поддержала. В начале 1848 г. делегация, уполномоченная всеми болгарскими ремесленными цехами столицы, вручила соответствующее прошение на имя патриарха. Начались трудные переговоры, тянувшиеся около года. С мертвой точки их удалось сдвинуть лишь после прямого вмешательства османских властей в лице князя Стефана Богориди. При его содействии летом 1849 г. в свет вышел султанский ферман, разрешающий постройку болгарской церкви на подаренном тем же Богориди участке земли. Открытие в столице храма «Св. Стефана» и торжественное рукоположение в 1851 г. его архиерея в лице Стефана Ковачевича имело важные последствия для дальнейшего развития болгарского церковного вопроса. Именно общине, группировавшейся вокруг этой церкви, было суждено взять на себя функцию руководящего центра всего движения. Однако в полной мере это произошло лишь после Крымской войны, когда конфликт с патриархией вышел на качественно новый уровень. Изящная и элитарная по своей сути интрига, некогда разыгранная при поддержке Франции польскими политическими эмиссарами, «стараниями» Константинопольской патриархии постепенно превратилась действительно во всена-

родное движение, конечной целью которого стало церковное обособление от греков, а фактически – борьба за создание собственного болгаро-православного миллета. В условиях османских реалий (когда понятия миллет и нация были полностью синонимичны) достижение этой цели было равносильно официальному признанию государством болгар в качестве состоявшейся нации, чей статус институционно оформлен, а легитимность не вызывает сомнений.

Примечания

- ¹ *Маркова З.* Болгарското национално-църковно движение до Кримската война. София, 1976. С.103.
- ² *Арnaudов М.* Неофит Хилендарски Бозвели. Живот, дело, епоха. Т.1. София, 1971. С.430-431.
- ³ *Маркова З.* Болгарското ... С.103.
- ⁴ *Арnaudов М.* Неофит ... Т.1. С.466.
- ⁵ Там же, С.487.
- ⁶ *Маркова З.* Болгарското национално-църковно движение до Кримската война. София, 1976.
- ⁷ *Гандев Хр.* Фактори на българското възраждане. 1600-1830. София, 1943. С.130-131; *Маркова З.* Болгарското ... С.55.
- ⁸ *Маркова З.* Болгарското ... С.55-56.
- ⁹ Там же. С.99.
- ¹⁰ *Тодорова М.* Англия, Русия и Танзиматът. София, 1980. С.46.
- ¹¹ *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм). XIX – начало XX в. М., 1985. С.23-96.
- ¹² *Тодоров Н.* Филки етерия и българите. София, 1965.
- ¹³ *Тодоров Н., Трайков В.* Гръското въстание от 1821-1829 г. и българите // Исторически преглед. 1971. №2. 33-34; См. также гл. «Восстание Т. Владимиреску и поход А. Ипсиланти».
- ¹⁴ *Тодоров Н., Трайков В.* Българи – участници в борбите за освобождение на Гърция (1821-1828). София, 1971.
- ¹⁵ *Стојанчевић Вл.* Кнез Милош и Источна Србија //Посебна издања Српске Академије наука. 297, 1957. С. 27-30.
- ¹⁶ *Бойчева В.* Книгообмен между Болгарией и Сербией в области просвещения и учебного дела в первой половине XIX в. //Etudes balkaniques. 1973. №4. С. 32.
- ¹⁷ *Конобеев В.Д.* Болгарското националноосвободително движение. /Идеология, програма, развитие. София, 1972.
- ¹⁸ Там же. С.192.
- ¹⁹ Там же. С.223-224.
- ²⁰ Там же. С.231.
- ²¹ *Боев Р.* Българският доброволчески корпус в руската армия от 1829 г. // Военно-исторически сборник. 1978. №4. С. 85.
- ²² *Б. Кюмуджиев.* Участието на българите в руско-турската война от 1828-1829 г. // Известия на Военноисторическото дружество. 1967. №4. С. 103.
- ²³ *Конобеев В.Д.* Болгарското ... С. 250.

- ²⁴ *Фонто* В.П. Хумористични, политически и военни писма из Главната квартира на Дунавската армия в 1828 и 1829 година // Българска историческа библиотека. 4. 1931/1932. №2-3. С. 249, 252-253, 258.
- ²⁵ *Боев* Р. Антитурското движение на населението от българското черноморско крайбрежие през русско-турската война 1828-1829 г. // Военно-исторически сборник. 1970. №5.С. 25-32.
- ²⁶ *Конабеев* В.Д. Българското .... С. 252.
- ²⁷ Там же. С. 257.
- ²⁸ Там же. С. 256.
- ²⁹ *Бернштейн* С.Б. Страници из истории болгарской эмиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. I. 1949. С. 327-341.
- ³⁰ *Мецгерюк* И.И. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828-1834 гг. //Из истории развития русско-болгарских дружеских связей/. Кишинев, 1965. С. 93-94.
- ³¹ *Селимински* Ив. Библиотека «Д-р Ив. Селимински». 9. София, 1928. С.76.
- ³² *Молтке* Г. Письма о Турции // Военный сборник. СПб, 1877. № 9, С.335.
- ³³ *Гандев* Хр. Фактори .... С.147.
- ³⁴ *Гечев* М. Взаимните училища в България // Известия на Института по педагогия. №9. 1960. С.5-57.
- ³⁵ *Маркова* З. Българското ... С.55.
- ³⁶ Там же. С.56-59.
- ³⁷ *Априлов* В. Съчинения. София, 1968. С.42-43.
- ³⁸ *Маркова* З. Българското ... С.58.
- ³⁹ *Смоховска-Петрова* В. Неофит Бозвели и българският църковен въпрос (Нови данни из архива на А.Чарторийски). София,1964. С.118-158.
- ⁴⁰ Там же. С.159-175.
- ⁴¹ Там же. С.125.
- ⁴² Там же. С.139.
- ⁴³ *Арнаудов* М. Неофит ... Т.2, С.161.
- ⁴⁴ *Смоховска-Петрова* В. Неофит ... С.147.
- ⁴⁵ Там же. С.142.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Маркова* З. Българското ... С.184.
- ⁴⁸ Там же. С.184-185.
- ⁴⁹ Там же. С.63-67.
- ⁵⁰ Там же. С.60-70.
- ⁵¹ *Григорович* В. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877. С.83.

**К вопросу о деятельности дипломатических
представительств России в болгарских землях
Османской империи и их деятельность в период
с 1856 по 1866 гг.**

Внешняя политика России на Балканах во второй половине XIX в. - тема далеко не новая, однако в историографии деятельность российских консульств и вице-консульств в болгарских землях Османской империи рассматривается, как правило, достаточно общо. Многотомная публикация «Русия и българското национално-освободително движение. 1856-1876 гг.», в которую вошел значительный пласт документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, предоставляет богатейший материал, позволяющий создать более полное представление об учреждении в землях Османской империи с болгарским населением российских дипломатических представительств, а также выявить и проанализировать основные направления в деятельности российских дипломатов в первое десятилетие после Крымской войны - с 1856 по 1866 гг.

Парижский конгресс вновь убедительно продемонстрировал, что страны-победительницы в Крымской войне и Австрия очень желали вытеснить Россию с Балкан и похоронить все те преимущества, которые она достигла в своих отношениях с Османской империей благодаря искусству своего оружия и дипломатии начиная со времен Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. В первую очередь это относилось к ее особому праву на покровительство христианским народам Турции, которое теперь в мирном договоре было заменено коллективной гарантией шести стран, участниц конгресса. Балканы еще больше наводнились миссионерами католицизма и протестантизма, а их напористости в пропаганде весьма способствовала болгаро-греческая церковная распря. Поражение России в Крымской войне внесло существенные коррективы в умонастроения болгар, прежде не без основания надевшихся с очередным русским триумфом обрести свою государственность, а вместе с ней и церковную самостоятельность по примеру соседних Сербии, Дунайских княжеств, Греции. На политической сцене появились новые люди, обучавшиеся в странах Западной Европы, что также содействовало переориентации константинопольских болгар, возглавлявших борьбу против Константинопольской патриархии, на западноевропейских покровителей и

на саму Высокую Порту, которая провозгласила необходимость реформ. Благодаря хатт-и хумаюну 1856 г., в котором выражалась решимость «воспользоваться науками, искусствами и капиталами Европы, применить их к делу», иностранцы еще более расширили сферы своей деятельности в стране и возможности экономической экспансии, получив даже право владения в Турции недвижимостью, в том числе и землей. На Балканы хлынули западноевропейские товары и предложения услуг, заметно активизировалась практика выдачи местному купечеству иностранных паспортов, что способствовало появлению и упрочению определенного социального слоя, служившего проводником политики и торгово-экономических интересов Запада. Усилия европейской дипломатии, направленные на создание в Османской империи «компрадорской бюрократии», были столь же эффективны, и управление в государстве через посредство таких турецких сановников, как Решид-паша или Аали-паша, зависимых от европейских дипломатов, переходило соответственно к Англии или Франции¹.

В столь неблагоприятных обстоятельствах русской дипломатии надлежало изыскать верные способы восстановления престижа России на Востоке и возвращения своего влияния на христианские и, в первую очередь, славянские народы Османской империи. Трудную миссию возобновления дипломатических отношений с Османской империей Министерство иностранных дел возложило на опытного дипломата А.П. Бутенева (1787-1866), хорошо знавшего особенности этой восточной страны, поскольку он был здесь посланником с 1830 по 1843 гг. В Константинополе русского дипломата встретили враждебность и подозрительность Высокой Порты, холодность греческого патриарха Кирилла (1855-1860), отчужденность со стороны болгар, которые теперь избегали всякого обращения в русское представительство будь-то за помощью или советом². Бутеневу волей-неволей пришлось занять позицию «дальновидного ожидания», как и предвидело Министерство иностранных дел. Однако Россия вовсе не желала, чтобы «христианский и православный элемент на Востоке ослаб либо под турецким гнетом, либо из-за вторжения прозелитизма Запада», поэтому «при большой сдержанности, что, впрочем, не означало пассивности», Бутеневу рекомендовалось поддерживать церковь и христианское население в Турции, способствовать претворению в жизнь провозглашенных хатт-и хумаюном реформ и принципов и сообщать об их нарушениях³.

Проведение новой линии в балканской политике настоятельно требовало существенного увеличения числа российских представительств. Их желательно было открыть в тех городах, где уже действовали консульства других государств, прежде всего Франции, Англии и Австрии. Однако при финансовом дефиците, какой сложился в стране по окончании Крымской войны, Министерство иностранных дел России не имело возможности основатель-

но увеличить свой бюджет, чтобы «умножить свои средства для действий на Востоке». Тем паче, что следовало учитывать и ту немаловажную особенность восточного менталитета, согласно которому «размер нравственного влияния в народе приобретает наружным видом»⁴. Стесненность в средствах обуславливала предпочтение в выборе тех городов, где «столкновения и неприязнь различных вероисповеданий доведены» были «до высшего раздражения».

Планируемые еще с середины 1856 г. российские представительства появились в болгарских землях в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в.. В конце 1856 г. было учреждено вице-консульство в Пловдиве, весной 1857 г. русский консульский флаг был поднят в Видине, с февраля 1860 г. он стал развеваться в Варне, с августа 1862 г. - в Тырнове. Хотя поступали настоятельные рекомендации создать консульства еще в Софии, Тульче, Русчуке, Сливне, Охриде, вице-консульства в Свиштове, Силистрии, Бургасе, Рильском монастыре, Сопоте, Разлоге и других городах. «Иначе, - как предупреждал в январе 1857 г. А.М. Горчакова М.Р. Милошевич, русский консул в Белграде, - мы рискуем, что столь важное для нас население от нас отдалится»⁵. Представлять Россию болгарскому народу было поручено замечательным дипломатам: И.Д. Ступину (1856-1861) и М.И. Золотареву (1862-1868) в Адрианополе, А.В. Рачинскому (1860-1862), А.А. Ольхину (1862-1865) и В.И. Нягину (1865-1871) в Варне, К.А. Соколову (1857-1859) и М.А. Байкову (1860-1867) в Видине, Н.Герову (1857-1877) в Пловдиве, В.Ф. Кожевникову в Тырново, а затем (1865-1877) в Рушукe (Русе), ставшим административным центром Дунайского вилайета.

«Некоторая медлительность» в открытии консульств на Балканах, указывал в сентябре 1859 г. директор Азиатского департамента МИДа Е.П. Ковалевский (1856-1861), вызывалась недостатком не только денежных средств, но и «способных для столь важных поручений людей»⁶. Следует отметить, что МИДу России приходилось быть весьма осмотрительным в назначении консулов на такие отдаленные, но очень важные посты. Российским дипломатам предстояло не только оказывать «нужное и деятельное покровительство и защиту тем российским подданным, которые по торговым и тяжёлым делам» находились в месте пребывания российского консула, что предписывалось по должности, но и «с прозорливым вниманием и усердием», поддерживать православную церковь, а также содействовать «к постепенному развитию нравственно-духовного образования» православно-народонаселения «при сохранении доброго согласия как с местными турецкими властями и греческим духовенством, так равно и с агентами других иностранных держав». Однако поначалу следовало очень тщательно вуалировать политическое значение российского дипломатического поста⁷. Консулы должны были пользоваться полным доверием не только МИДа, но и

самого императора Александра II; с их стороны требовался высокий профессионализм, большое благоразумие, а также осторожность, умение руководствоваться собственной оценкой, поскольку в Петербурге невозможно было все предвидеть, из-за дальности расстояния было очень сложно немедленно отправить указания консулу.

Кроме того, еще одно немаловажное обстоятельство вызвало заведомый дефицит кадров. Горький опыт поражения в Крымской войне и новые задачи, поставленные А.М. Горчаковым перед российской дипломатией на Балканах, обусловили неприемлемость прежней практики подбора кандидатов на консульские и вице-консульские должности. Как известно, в Министерстве иностранных дел при министре К.В. Нессельроде (1816-1856) все влиятельнейшие места «были отданы чужеземцам: на западе – немцам, а грекам и левантийцам на Востоке». Причем, они «часто роднились между собой, составляя как бы одну обширную семью». Еще в 1815 г. это явление отметил адъютант Александра I А.И. Михайловский-Данилевский, впоследствии военный историк: «Россия являет единственный пример в мире, что дипломатический корпус ее состоит большею частью из иностранцев. Не всем им известен наш язык и немногие из них бывали в России далее Петербурга... Они много знают, но ничего не чувствуют к России. Ум их и память обогащены познаниями, но душа их и сердце не напитаны истинною любовью к отечеству, привязанностью к престолу и уважением к русским нравам и обычаям». Однако в период правления Николая I количество иноземцев в МИДе несравненно увеличилось. Например, в 1854 г. на российской службе за границей работало 163 дипломата из иностранцев и только 38 дипломатов, русских по происхождению⁸, подчеркивал историк С.С. Татищев. Впрочем, миссию России в Константинополе возглавляли А.П. Бутенев, а затем В.П. Титов (1840-1855). Но, несмотря на свои русские фамилии, они являлись неотъемлемой частью указанного «дипломатического семейства», так как находились в свойстве с министром иностранных дел Нессельроде: оба были женаты на сестрах графа Хрептовича, мужа одной из дочерей графа Нессельроде⁹.

Новый министр иностранных дел А.М. Горчаков теперь исходил из того, что надежность в исполнении указаний министерства могла быть обеспечена не только «умственными способностями и нравственными качествами» дипломатов, но, как особо подчеркивалось, «по происхождению и религии»¹⁰. Начало такой кадровой политики было положено в июне 1854 г. самим императором Николаем I, когда он вместо барона Мейендорфа, связанного близким родством с австрийским министром графом Буолем, назначил на должность временно управляющего российским посольством в Вене, т.е. на ответственный дипломатический пост, в напряженный момент Восточного кризиса во время Крымской войны, А.М. Горчакова. А на все

возражения Нессельроде, который, в частности, мотивировал свое несогласие якобы некомпетентностью Горчакова, государь отвечал: «Я назначил его потому, что он русский»¹¹. И отнюдь не случайно, что инструкция МИДа от 1856 г., данная Бутеневу при назначении его посланником в Османскую империю, формулировавшая основные принципы новой политики России на Балканах, заканчивалась многозначительной фразой, в которой при перечислении достоинств (обладание тактом и просвещенность), благодаря которым как рассчитывали в Петербурге, ему удастся справиться со всеми трудностями, упор делался на его национальное чувство¹².

Непростую ситуацию на Балканах существенно осложняла болгаро-греческая церковная распря, и при направленности русской политики на поддержку православной церкви и покровительство славянским народам российские дипломаты оказались в очень трудном и щепетильном положении. Директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский высказал надежду на то, что русский посланник А.П. Бутенев станет «посредником между патриархом и болгарами, чего, конечно, пожелают последние», сможет примирить враждебные стороны, и «тем оказать важную услугу церкви»¹³. Однако этого не случилось. И греки, и болгары всячески сторонились Бутенева. Он узнавал о событиях только по их происшествии, как, например, о подаче 11 марта 1857 г. султану новой петиции, в которой настаивалось на предоставлении болгарскому народу прав, предусмотренных хатт-и хумаюном. А.П. Бутенев охарактеризовал это обращение болгар «как ...отважный шаг к гражданской самостоятельности».

Болгары, боясь, по словам Бутенева, Порты, подозрительно наблюдавшей за всеми их действиями в Константинополе, не без основания опасались, что сношения с русской миссией повредят их делу. И действительно, их акции в глазах турецкого правительства выставлялись Патриархией, а также и недоброжелателями России «как возобновленные стремления к панславизму, не вполне будто чуждые внушениям России». Кроме того, недоверие к императорской миссии возникало у константинопольских болгар еще и по той причине, что первым драгоманом в ней был Э.Я. Аргиропуло (1856-1863), грек, из фанариотов, служивший первым драгоманом в миссии еще до Крымской войны. Понятно, что он отнюдь не благоволил домогательствам болгар в церковном споре, стараясь выставлять их требования в неблагоприятном свете¹⁴. Так точно и настоятель церкви при русской миссии архимандрит Петр (Троицкий), установивший тесные отношения с Патриархией, был достаточно сдержан в поддержке болгарского церковного вопроса.

Следует отметить, что и Константинопольская патриархия изменила свое отношение к России. Восприняв греческую «Мегали идею» и лелея мечту о восстановлении Византийской империи, Константинопольская пат-

риархия разделяла опасения турок, что придет день, когда Константинополь попадет под власть русских, и ее ждет судьба славянских церквей, которые были ею в свое время поглощены. И религиозный вопрос стал для нее политическим. Бутеневу поэтому приходилось действовать со столь величайшей осторожностью и осмотрительностью, что он неминуемо оказался вне всякого непосредственного участия в греко-болгарской распре. Впрочем, двуличное поведение патриарха Кирилла и константинопольского духовенства также не способствовало сближению, и вскоре российский посланник и патриарх Кирилл перестали даже встречаться.

Более результативна в болгарских делах была деятельность заступившего на должность русского посланника после Бутенева 35-летнего князя Лобанова-Ростовского (1859-1863). Несмотря на молодость, его отличали необычайный такт, осторожность и большие познания в богословии. Ему периодически удавалось отстаивать в Патриархии многие справедливые требования болгар. Например, благодаря его настойчивым и умелым ходатайствам вселенский патриарх вынужден был согласиться назначить в Полянскую епархию болгарского архимандрита Парфения, тем самым успешно решить двойную задачу – отвратить жителей Кукуша от унии, возвращая их в лоно православной церкви, и заполучить прецедент назначения в болгарскую епархию болгарского владыки, причем закончившего Московскую духовную академию. Но как показали события, развернувшиеся в связи с самочинным провозглашением отделения болгарской церкви от Константинопольской патриархии 3 апреля 1860 г., Лобанов-Ростовский все же не смог овладеть ситуацией. Ему не удалось достичь доверительности в отношениях с константинопольскими болгарам. Они, по словам секретаря посольства Е.П. Новикова (1856-1862), все также продолжали считать работников императорской миссии «людьми запоздалыми, жертвами обольщения ненавистного им Фанара»¹⁵.

Меры церковной строгости в отношении стропливой болгарской паствы, предпринятые вселенским патриархом Иоакимом II (1860-1863), не пожелавшим прислушиваться к совету митрополита Московского Филарета дать церковную автономию в виде болгарской митрополии, привели к нешуточному разгулу страстей в болгарских епархиях. Новый патриарх Софроний III (1863-1866) был вынужден сам пойти на некоторые уступки в болгарском вопросе и на сотрудничество с Е.П. Новиковым (1862-1864), временно исполнявшим должность русского посланника. Но он оказался бессилён изменить что-либо в церковном законодательном устройстве. Болгары, ведомые Ст.Чомаковым, возглавившим борьбу константинопольских болгар, ободрялись надеждой, что Порта, наконец, признает разделение церквей, и держались чрезвычайно осторожно в отношении русской миссии. Впрочем, они вообще отвергали всякое постороннее вмешательство даже

сербского дипломата, который «сделал в их пользу некоторые попытки в Патриархии»¹⁶. Видя непоколебимую несговорчивость обеих сторон, Е.П. Новиков пришел к выводу, что только решительное вмешательство Порты в состоянии окончить беспристрастно этот спор¹⁷.

С подобным мнением не был согласен Н.П. Игнатъев (1864-1877), который прибыл в Константинополь в качестве посланника в сентябре 1864 г. Он был уверен, что и без привлечения Порты можно будет достичь соглашения в болгаро-греческом споре исключительно посредством взаимных уступок без нарушения единства православия в Османской империи. Правда, полное примирение, по суждению Игнатъева, будет делом времени, но его следует подготавливать с настоящей поры через совершение исправлений в церковном уложении. Благодаря энергии, обаянию, высокому профессионализму Игнатъева болгаро-греческое замирение на уровне Вселенской патриархии стало казаться возможным. Так, патриарх Софроний III по настоянию Игнатъева начал смещать скомпрометировавших себя греческих владык болгарскими, а на освободившиеся вакансии в болгарских епархиях назначать священнослужителей-болгар. Патриарх в отличие от своих предшественников давал болгарам полную свободу действия, не призывая Порту к мерам строгости против упорных, не предавая никого анафеме. Впрочем, деятельность учрежденных им комиссий не дала результатов. Но Игнатъев не терял надежду. И действительно Критское восстание (сентябрь 1866 г.) дало церковному вопросу новый оборот, серьезно изменив настроения спорящих сторон в пользу мира.

Разнообразие условий в разных частях Балканского полуострова обуславливало неодинаковую остроту церковного конфликта, который приобрел особенную силу в Румелии и восточной Болгарии. Российским консулам было предписано действовать на местах в примирительном духе, «не увлекаясь чрез меру национальной исключительностью в пользу болгар». Определенный оптимизм в возможности разрешения болгарского вопроса при сохранении единства православной церкви поддерживался сведениями, поступавшими из Адрианополя. Русский консул Н.Д. Ступин, возвратившийся в конце 1856 г. после своего трехлетнего отсутствия, в отличие от Бутенева был принят местными властями «как нельзя лучше; что касается до народа, то турки, болгаре и греки от старшины и бея до простолюдина изъявляют свое дружелюбие»¹⁸. В Адрианополе Ступин нашел, что за это время «несогласия между болгарами и греками» так же, как и в Константинополе, возросли «до опасных размеров». Болгары отказались платить обычный сбор в пользу общественных училищ, прекратили преподавать греческий язык в славянской школе. А греки начали преследовать народных учителей и «подвигли высшее греческое духовенство к воспрещению чтения по-славянски в церквах, где прежде таковое было дозволяемо или по временам, или всегда

наполовину с греческим языком». Турецкие власти сознавали свои выгоды в разделении православных на две враждебные партии. С одной стороны, они ничего не предпринимали к ограждению прав болгар от притеснений начальствующего греческого духовенства, препровождая в патриархию все их жалобы. А с другой стороны, турки всячески подстрекали самолюбие болгар, оказывая им «в политическом отношении явное покровительство особенной их народности, даже до предпочтения», например, предписывая, чтобы болгарские депутаты в меджлис были избираемы особо от греческих.

Однако большинство старшин греческой общины Адрианополя, да и само духовенство в лице митрополита Кирилла и епископа Хрисанта оказались готовы к компромиссам. Ступин сумел их склонить сделать первый шаг к сближению, а именно, ввести с нового 1857 г. в высшей греческой школе болгарский язык наряду с идущим уже преподаванием французского и турецкого языков, а также начать вести службу на славянском языке в одной из церквей города. К сожалению, эти благие начинания не были разрешены в Патриархии. Она же сделала строгий выговор адрианопольскому митрополиту Кириллу, хорошо знавшему болгарский язык, за употребление на некоторых своих службах славянского языка в целях сближения «разнородцев силою единства веры»¹⁹. Впрочем, для проведения богослужения специально для семейства Ступина на славянском языке, куда приглашались и болгары, не возводилось никаких препятствий. И первая литургия состоялась 14 декабря 1856 г.

Образование адрианопольского тайного болгаро-греческого общества в 1859 г. наглядно демонстрировало, что противоречия между двумя народами все еще вполне преодолимы. В ожидании исхода Итальянской войны, с чем связывалось и будущее Балкан, члены общества сначала намеревались «стараться о потушении болгаро-греческого раздора за преимущество церковных прав». Общество также поставило себе цель - способствовать развитию народного просвещения обоих православных народов и «стараться к возвеличению упавшей нравственности», в чем их всецело поддерживал Ступин, обещая содействие в Патриархии со стороны императорской миссии²⁰. Но противоборство в Константинополе, имевшее решающее значение для развития греко-болгарского спора, каждый раз взламывало примирение в Адрианополе. Критское восстание 1866 г. вновь обнаружило в Адрианополе и Пловдиве достижимость сближения между греками и болгарам для решения церковных дел помимо Порты.

Однако в отличие от Адрианополя, в других балканских городах Османской империи, где основывались российские представительства, русским дипломатам, как правило, не был уготован радушный прием. Понятно, что турецкие власти, опасавшиеся «успехов русского влияния», окружали российские консульства особой подозрительностью. Но и со стороны греческо-

го духовенства, и со стороны болгарских старейшин-чорбаджиев, вопреки ожиданиям, зачастую не наблюдались искренность и желание сотрудничать. В Видине, например, русский консул К.А. Соколов, имевший опыт службы в Валахии и Молдове, а также в Белграде, сетовал на отсутствие такого «чистосердечия», поэтому ему приходилось постоянно перепроверять информацию, получаемую от видинского митрополита Паисия и чорбаджиев, отчего консульство не могло составить верную картину происходивших в крае событий²¹.

Заступившему в 1860 г. вместо Соколова М.А. Байкову, прежде бывшему драгоманом при Азиатском департаменте, вначале не хватало опытности в проведении той «благоразумной настойчивости, какая требуется от каждого политического агента в сношениях с местными властями Турции», чтобы нейтрализовать выпады открытой враждебности митрополита Паисия. Байков поэтому не умел даже защитить тех немногих болгар, которые, проявляя симпатии к российскому представителю, посещали консульство. Так, при бездействии консула был выслан из Видина без суда и следствия хилендарский монах Исая, пользовавшийся заслуженным уважением среди местного населения. Директор Азиатского департамента Ковалевский, понимая сложность положения Байкова и не желая делать ему официального замечания на первых порах его консульской деятельности, в октябре 1860 г. обратился к посланнику в Константинополе князю Лобанову-Ростовскому с просьбой не только поддержать Байкова тактичными наставлениями и внушениями, но и представить в Константинопольскую патриархию сведения о предосудительных действиях видинского митрополита. Ковалевский советовал особо походатайствовать об удалении митрополита Паисия, выказывавшего постоянную вражду к своей болгарской пастве. Такая мера значительно облегчила бы положение и российского консула²². Однако этого было нелегко достигнуть, поэтому просьба о замене Паисия более достойным человеком повторилась в 1861 г., но и в 1866 г. он по-прежнему интриговал против русского консула.

Непросто пришлось вице-консулу в Варне А.В. Рачинскому, который, впрочем, сразу стал действовать очень энергично в пользу болгарского населения. Его уже в мае 1860 г., т.е. спустя несколько месяцев после открытия российского представительства, стали обвинять в том, что именно он возбуждает раздор между греческим и болгарским населением Варненской области. А первое богослужение на славянском языке в церкви Св.Георгия за упокой павших под Варной русских воинов в 1828 г., которое совершилось 12 марта, хотя Рачинский получил на него разрешение от варненского владыки архиепископа Порфирия ради великого поста еще 17 февраля, сразу же обратило на себя «ревнивое внимание английского консула Сутера». Он совершенно верно оценил его как первый шаг к духовному общению

русского вице-консула с болгарами и как нешуточную угрозу ограничения английского влияния, которое он прежде распространял через чорбаджиев, вовлеченных в промышленную и торговую деятельность, им курируемую (например, строительство Кюстенжи-Богаз-Киойской железной дороги²³). Сутер немедленно привлек прессу, и в мартовской статье в "Morning Advertiser" Рачинского назвали «орудием русского панславизма». И как следствие, «из страха доноса» на них туркам, болгары прекратили почти свои сношения с российским вице-консулом²⁴. Но Рачинский, сумев оправдаться перед российской миссией в Константинополе, не опустил руки, и уже в августе 1860 г. варненские болгары, которые очень боялись повредить своим торговым отношениям с греками, державшими всю торговлю, все же преодолели свои колебания и решились начать в Варне «движение в пользу славянского богослужения и болгарского училища»²⁵.

Неудовольствием болгар на высшее греческое духовенство умело пользовались миссионеры католики и протестанты. С особенным размахом действовали эмиссары, агитировавшие за переход под власть Римского папы. Они убеждали славян в том, что цель унии состояла в доставлении болгарам независимой иерархии и избавлении их от притеснений греческого духовенства, и при этом не нарушались догматы церкви, и православная вера не подвергалась никаким бедствиям. Они обещали погашение долгов прозелитов турецкому правительству, а также покровительство Франции, которая исходатайствует для них общее уменьшение платежей. «Ничто не может так сильно соблазнить христиан в Турции, как обещание облегчить их долю и оградить от притеснений мусульман. Материальные выгоды есть одно из главных и верных орудий пропаганды». Местные власти, как правило, смотрели на раздор между греками и болгарами весьма равнодушно, но, зная, что католическая пропаганда может нанести удар русскому влиянию, турки все же старались покровительствовать униатскому движению.

Константинопольская патриархия была столь озабочена и поглощена своей борьбой за сохранение болгарских епархий, что не уделяла должного внимания иноверческой пропаганде. Противдействие униатскому движению она фактически предоставила российским дипломатам. В связи с объявленной константинопольскими болгарами унии А.М. Горчаков подчеркивал, что «отказ болгар от православия будет не только раной для нашей церкви и нашей совести, но еще означает, что влияние, которое мы имели на наших единоверцев на Востоке, будет заменено иностранным влиянием – печальный факт с духовной и политической точки зрения». Блестящая акция по вывозу в Одессу главы болгарской униатской церкви архимандрита Иосифа Сокольского, который был рукоположен Римским папой в марте 1861 г. архиепископом, обезглавила движение, приглушив на время унию.

Против унии, опасной для единства болгарского народа, решительно выступила болгарская эмиграция и часть константинопольских болгар. Быстрое возвращение болгар униатов в православие убедило Вселенскую патриархию в том, что уния для нее не так опасна и что болгары используют ее как средство шантажа или «пугала», по определению вице-консула в Варне А.А. Ольхина. Попытки Лобанова-Ростовского подвигнуть патриарха к компромиссу в болгарском вопросе, указывая на латинскую пропаганду и сохранявшуюся опасность унии, были напрасны. Вселенский патриарх Иоаким II твердо стоял на том, что болгарский народ в своей массе предан православной церкви, чтобы отречься от веры своих предков, и что недавние волнения болгар – это дело нескольких подстрекателей, а пропаганда всегда действовала, но безуспешно. «Впрочем, добавил патриарх, даже если бы и все болгары перешли в католицизм, я бы предпочел этот результат, нежели что-либо изменять в вековых традициях церкви»²⁶.

Успокоенность вселенского патриарха отнюдь не разделяли в Петербурге, откуда постоянно поступали указания российским дипломатам противодействовать всеми силами западной пропаганде на Балканах, которой в то время нужны были «имя и цифра», а не чистосердечное религиозное обращение. Донесения русских консулов красноречиво свидетельствуют, что и в дальнейшем реальное противостояние деятельности западных миссионеров оказывали в основном русские дипломаты.

Из Салоник вице-консул А.Е. Лаговский (1861-1863) сообщал о том, что в Иенидже в 1863 г. насчитывалось 35 или 40 прозелитов, причем все они происходили из беднейшего класса и получали «жалованье из сумм пропаганды». И лишь некоторые присоединились к унии из личной ненависти к греческому духовенству. Набор средств для прекращения унии был уже хорошо знаком: следовало привлечь к православию велеречивого главу местных униатов папу Димо, столь успешно агитировавшего за унию с Римом и за покровительство Франции. Надлежало пообещать ему защиту от злобы воденского митрополита и выплату денежного пособия. Кроме того, нужно было удалить из Иениджа мудира, который, будучи подкупленный католиками, оправдывал «заманчивые обещания райе разными льготами» и вообще покровительствовал униатам. А главное, требовалось обратить внимание патриарха, что местное греческое духовенство давало повод христианам искать защиты и покровительства от их гонений у католиков²⁷.

В Адрианополе борьба с латинской пропагандой была также предоставлена заботам и трудам русского консульства, так как преосвященный Кирилл, опасаясь и турок, и козней Патриархии, действовал против унии слабо. В январе 1865 г. стараниями французского консула и католических миссионеров в униатской церкви в предместье Киреч-Хане торжественно был повешен колокол. Золотарев немедленно организовал подписку среди пра-

вославных жителей Адрианополя, чтобы собрать деньги на 1 большой и 2 малых колокола для православной церкви в этом же предместье. Кроме того, он поставил вопрос о строительстве колокольни. Чтобы поощрить к щедрости греческих и болгарских старшин, Золотарев подписался на сумму в 1500 пиастров²⁸. В 1866 г. Золотареву удалось возвратиться в православие 2 молодых болгар, обучавшихся в католической школе Св.Бенеддето, правда, при этом ему пришлось заплатить 300 пиастров, которые в свое время в качестве податей были уплачены турецкому правительству польским пропагандистом и теперь были взысканы обратно в наказание за переход в православие. Русский консул просил Петербург выделить ему еще 3000 пиастров, чтобы униатов Киреч-Хана, людей бедных, окончательно отвратить от Рима²⁹.

Появление русского консульства в Тырново и действия Кожевникова уже в 1863 г. лишили протестантского миссионера Лонга большинства болгарских слушателей, которые в прежние годы по воскресениям наполняли его студию для внимания проповедям. Уния в этом крае также потеряла свое значение, поскольку прекратился не без содействия русской миссии выпуск газеты Д.Цанкова «България»³⁰, статьи для которой писались католическими миссионерами на французском языке, в частности известным иезуитом Е.Боре, главой ордена Св. Лазаря в Османской империи, а затем переводились на болгарский³¹.

Впрочем, католические и протестантские миссионеры вполне сориентировались и усилили свое воздействие на православных славян через устройство бесплатных школ на родном языке. И эта пропаганда тем более была опасна, подчеркивал Бутенев, что «действует не открытою силою, а под личиною мирного образования и человеколюбивых учреждений Запада». Недостаток православных школ, а также сопротивление греков вводить в преподавание болгарский язык заставляли родителей отдавать своих детей в эти заведения, которые к тому же были гораздо лучше устроены и обеспечены учебными пособиями на болгарском языке. И здесь российские консулы пытались противодействовать, помогая учреждению новых школ или поддерживая уже существующие. Так, открытие в Константинополе по ходатайству Бутенева бесплатной православной школы заметно сократило количество учащихся в католической школе Е.Боре в Бебеке. С 1858 г. в течение 20 лет она получала ежегодное пособие в 25 тыс. пиастров (1200 руб. сер.). Для школы в Кукуше было собрано в России 2750 руб. сер., а затем денежные пожертвования (по 100 червонцев в год) выделяла в течение 5 лет сама императрица Мария Александровна. Русский консул в Адрианополе также успешно сдерживал усилия католиков, организовавших в 1864 г. в предместье Киреч-Хана свою школу с польским священником в качестве учителя.

Болгарское православное училище в том же предместье Киреч-Хана в 1865 г. уже имело до 60 православных учеников.

Проводниками иноземных влияний становились и многие болгарские уроженцы, получившие образование за границей. Они распространяли о России неверные сведения, тем самым «мало-помалу подкапывали доверие и тяготение к нам наших единоверцев». Несмотря на серьезные финансовые трудности, Россия изыскала возможности и значительно увеличила число стипендий для славянских выходцев из Османской империи. Подбор болгарских воспитанников для российских учебных заведений, снабжение их вспомоществованием на путевые расходы и другие хлопоты были возложены на консулов. Хорошим подспорьем явилось существенное упрощение в оформлении необходимых бумаг.

Русские консулы относились к этому направлению в своей деятельности, т.е. фактически к определению будущего многих и многих славянских юношей и девушек, с особенным чувством ответственности. В этом плане весьма показательно прошение от 31 мая 1866 г. второго секретаря в русском посольстве в Константинополе М.А. Хитрово (1865-1867), прежде бывшего консулом в Битоли (1861-1864). Он писал директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову (1864-1875) о том, что по недоразумению в его отсутствие из Битоли в Николаевскую гимназию вместо А.Богданова, болгарина из Велеса, был отправлен совсем другой человек. Прослужив несколько лет на Востоке, Михаил Александрович «поневоле сжился с интересами здешних людей, как со своими собственными», и потому, неудивительно, подчеркивал он, что принимал их горячо к сердцу. Русский консул не только отправил Богданова в Россию за свой счет, но и взял на себя его содержание в Николаеве, что составляло ежегодно 180 руб. Для Хитрово трата была и тягостна, и обременительна, но он сделал это «во внимание к особенной ревности к образованию, оказанной Богдановым». И только тогда, когда Хитрово получил известие об отличном поведении и успехах А.Богданова, он попросил Стремоухова принять болгарского юношу на казенный счет³².

Раскрыв двери российских университетов и семинарий для славянской молодежи, русские дипломаты предполагали создать себе надежную опору, прежде всего в грамотных учителях и священниках, которые, возвратившись на родину, смогут раскрыть всю лживость западной пропаганды и «необходимость держаться только России и в ней одной искать себе верного защитника»³³. Вице-консул в Варне Нягин подчеркивал, что предоставлением хорошего образования в России «мы сможем усилить кровное родство русских с болгарамы одною степенью больше, (а родство умственное и нравственное сильнее, выше и прочнее родства кровного)».

Однако на деле вышло не совсем так. Уже в начале 1859 г. Ступин указывал, что в Болгарию возвращаются очень немногие из тех, кто получил образование в России и действительно достоин звания учителя. Турецкие власти и греческое духовенство видели в них непосредственных агентов России, и хорошо, если только создавали массу препятствий в их деятельности, а не подвергали жесточайшим гонениям. Кроме того, болгарские воспитанники в русских учебных заведениях, сближаясь с молодыми нигилистами, напитывались таким ядом против бога, против России, что делало их возвращение в Болгарию на порядок опаснее прямой латинской пропаганды.

В 1864 г. российские консулы Н.Геров и М.И. Золотарев, указывая на незначительность для болгар, проживавших в Османской империи, результатов усилий к образованию молодежи в России, на неощутительность для болгарского народа тех в принципе незначительных пособий, делаемых в различные школы в Турции, настойчиво предлагали учредить хотя бы одно центральное училище (поскольку чрезвычайно трудно было получить от турецких властей разрешение на открытие школы под патронажем России). И тогда бы сконцентрированные денежные средства действительно принесли реальную пользу. Еще в 1859 г. родилась идея устроить в Адрианополе высшее центральное училище, для которого требовалось 5000 руб. сер., т.е. фактически сумма, которая выделялась российским правительством на образование славянской молодежи в России. В 1864 г. болгары и греки составили проект такого училища, и Золотарев, чтобы поддержать полезную инициативу, подписался на ежегодный взнос в 1000 пиастров³⁴.

К.Н. Леонтьев, временно исполнявший обязанности консула в Адрианополе, в октябре 1865 г. советовал преобразовать в центральное высшее училище болгарское училище «Кирилла и Мефодия» в Пловдиве, поскольку оно было лучше устроено, чем в Адрианополе, и поэтому развить его было легче. К тому же влиятельные лица в Пловдиве были деятельнее, просвещеннее и богаче, некоторые из учителей были уже хорошо знакомы с русским языком. «За 3-4 года можно было достичь немалых результатов, если давать образование хоть и не систематически, но довольно серьезно 5-6 даровитым юношам на целую провинцию, то и это уже очень хорошо». Леонтьев раскрывал необходимость присылать в училище русские книги, журналы, не скупясь, употребляя в год рублей 200, как это, например, делал греческий консул в Адрианополе г-н Доско, снабжая в изобилии греческими книгами библиотеки школ³⁵.

Однако, как показывал опыт, распространению русских книг, даже богослужебных, расставлялись бесконечные препоны, а лица, торговавшие ими или ввозившие их, а также приобретающие их, подвергались преследованиям, в том числе и тюремному заключению. Причем, здесь старались не столько турки, сколько греческие священнослужители. Примеров бесконеч-

но много. А.А. Ольхин из Варны в марте 1863 г. доносил, что у престарелого иеромонаха из монастыря Св.Димитрия, родом болгарина, который хоть и служил по-гречески, но желал для себя иметь выписанный из Киева полный круг церковнославянских книг, книги были отобраны греческими чорбаджиями из Варны под предлогом, что вносить в монастырь славянские книги, – значит, распространять болгарскую пропаганду³⁶. В 1863 г. церковнославянские книги русской печати, присланные из русской миссии в Константинополе, были изъяты у учителя Мустрева из Охрида, запечатаны и сложены в митрополии. Охридский митрополит Мелетий нашел, что, так как в Охриде и его окрестностях богослужение совершается на греческом языке, то и надобности в славянских книгах не встречается. М.А. Хитрово, сообщая о том, прибавлял, что «при таких условиях трудно ожидать, чтобы помощь, посылаемая из России, шла на пользу здешних нуждающихся христианских населений»³⁷.

В Западной Болгарии, где греческое население практически отсутствовало или было совсем незначительно, церковный вопрос имел слабый отголосок. Неисчислимы бедствия болгарам Видинского пашалыка принесло переселение черкес и татар из Крыма и Ногайских степей в 1859-1860 г. Местные жители принуждены были отдать не только часть своих земель, но и обрабатывать их для переселенцев, строить для них дома, предоставлять пищу, соль, дрова, постели, одеяла (4 семьи болгар обеспечивали одну семью татар или черкесов). Черкесы, не довольствуясь этим, силой отбирали у болгар понравившиеся им земли, а необузданный их нрав выливался в бесконечные бесчинства и драки даже между собой. Спасая свою жизнь, болгары бросали землю и имущество и пытались бежать со своими семьями в соседние Сербию и Валахию. Туркам, чтобы остановить эту несанкционированную и нарастающую эмиграцию, пришлось даже увеличить пограничные посты на границе с Сербией и расположить в большинстве болгарских селений свои военные подразделения.

С 1858 г. поток прошений болгар о позволении им переселиться в родственную им Россию непрестанно возрастал. Донесения консулов, подтверждавшие плач прошений болгар и дополнявшие его душераздирающими подробностями, заставили императора Александра II и Министерство иностранных дел обратиться к турецкому правительству разрешить свободный выезд славян в Россию. Русские дипломаты добились заверений, что Высокой Портой будут сделаны соответствующие распоряжения к облегчению выезда тех болгар, которые получают от консульств разрешение. Движение к переселению сразу приняло обширные размеры. Согласно сообщениям видинского консула Байкова целые деревни были готовы двинуться в Россию. В начале мая 1861 г. насчитывалось уже до 3000 семейств. Из Адрианополя также поступали сообщения, что болгары Адрианопольского пашалыка,

«обремененные налогами и разными поборами от правительства, не имея никаких обеспечений ни личности, ни имуществ, не защищенные никакими мерами от дневных нападений разбойников, которых число все возрастает»³⁸, являлись к консулу с просьбой помочь им выселиться в Россию.

Местные турецкие власти вопреки распоряжениям из Порты чинили множество препятствий на пути к переселению. Распродавая свое имущество, болгарские семейства старались сохранить свои стада, которые следовало переправить в Россию без серьезных потерь. Отpravку переселенцев, которая началась только в июле и закончилась 3 октября 1861 г., сдерживали также необычайно низкий уровень воды в Дунае, нехватка судов и шлепов, всякое отсутствие в Видине «удобств для отправки переселенцев». В целях обеспечения надлежащей организации Байкову приходилось уговаривать болгар задержаться, что значительно сокращало цифру переселения. И, тем не менее, она была внушительной: в 1861 г. уехало 10990 человек или 1560 семей.

Масштаб переселения взволновал лидеров болгарского национально-освободительного движения. Константинопольские болгары во главе с Ст.Чомаковым, В.Пановым обратились к своим соотечественникам с призывом остановить переселение, поскольку оно пагубно как для самих переселенцев, так и «народоубийственно вообще для Болгарии»³⁹. Г.С. Раковский, проживавший вне пределов Османской империи, издал в Бухаресте брошюру «Переселение в Россию», написанную в гневной и резкой манере. Беспощадный автор намеренно сгущал краски, извращал реальность, яро нападая на Россию, чтобы отвратить болгар от этого шага, пагубного для развития освободительного движения в Болгарии, «обессиливающего христиан в Турции», уменьшая их количественно. Двойную мораль со своей стороны по отношению к несчастным соотечественникам в Турции не замечали ни Раковский, ни безоговорочно поддерживавшая его болгарская эмиграция, которая, в свое время спасшись бегством от насильий турок, вовсе не думала возвращаться в пределы турецкого произвола.

Министерству иностранных дел России, пожелавшему «открыть гонимым, терзаемым, неприютным единоверцам нашим убежище в родственной им России», пришлось оправдываться, доказывая, что оно никогда не имело намерения вызвать массовую эмиграцию болгар из Турции, что именно человеческое сочувствие, отклик на стоны болгар, а не собственные политические и экономические выгоды (заселение пустынных земель Новороссийского края трудолюбивыми болгарскими в ущерб славянского элемента в Турции и т.п.) лежали в основе этого решения. Пришлось объяснить, что казенные земли в Новороссии также не безграничны. К тому же выяснилось, что эти безлесные, степные земли, где были редки источники воды, которую добывали из глубоких колодцев, мало нравились болгарам Видинского па-

шалыка, привыкшим к другой местности. В 1862 г. российским консулам даже вменялось в обязанность предупреждать об особенностях земель в России, а также уже не оформлять выездных документов вновь пришедшим болгарам, желавшим переселиться. В 1862 г. уехали из Турции только те болгарские семейства, которые, получив разрешение на выезд, не успели это сделать в 1861 г.

Однако в 1865 г., когда вновь увеличились налоги и поборы, болгарское население опять бросилось искать спасение в России, но теперь российские консулы отвечали, что это невозможно, что нужно терпеть, что Порта дала им новое устройство в управлении, которое облегчит впоследствии их участь. Таким образом, желание МИДа России составить «благо единовременных братьев, ищущих в ней убежище», принесло не укрепление авторитета России среди славянского населения Османской империи, а горькие плоды ложных обвинений и несправедливых порицаний со стороны общественного мнения, выраженного лидерами болгарского национально-освободительного движения. К сожалению, это неверное утверждение, что Россия в 1861 г. сознательно, исходя из своих экономических интересов, поощряла переселение трудолюбивого болгарского населения в свои пустынные земли, а взамен позволила местным татарам и черкесам уехать в Турцию, прочно вошло в историографию⁴⁰.

Провозглашенные хатт-и хумаюном 1856 г. реформы обернулись для славянского населения новым увеличением налогов, возбуждением фанатизма турок и в целом серьезным ухудшением условий жизни. Немало болгар прибегало к посредничеству русских консулов для доставления правосудия в их частных делах. Своевременно сигнализируя в Константинополь, в российскую миссию о превышении власти в том или ином городе, консулы добивались не только пересмотра многих частных дел в пользу болгар, но даже и смены турецкого руководства. Так, в Тырнове за несколько лет не без подачи русского консула В.Ф. Кожевникова сменилось три паши и один кадий.

Борьбу за славянское население русская дипломатия строила исходя «из религиозного и политического влияний». А «Запад, разнородный по религиям и политическим интересам», как очень тонко и точно заметил К.Н. Леонтьев, боролся «сверх всего одной общей силой – европеизмом, промышленностью, книгами, модами, обычаями, вкусами и т.п.». Россия не могла поддержать труды своих дипломатов на Балканах экономической устремленностью российского капитала в этот регион. Кроме того, «такого избытка плохих докторов, торговцев, наставников, которых», по наблюдениям Леонтьева, извергало «из себя ежегодно западное общество», Россия из себя не исторгала. Русский дипломат предлагал противопоставить европеизму не только упомянутые два влияния – политическое и религиозное, но и еще

одно, заключавшееся в широкой популяризации русской культуры - литературы, науки, в первую очередь, исторической, искусства. В противном случае, подчеркивал он, Россия так и останется для славян только как надежда «для тяжелых минут политической жизни»⁴¹.

Последствия Крымской войны и длительное отсутствие русских дипломатов на Балканах заметно ослабили симпатии болгар к России, что отмечали практически все консулы при учреждении императорских представительств. Их донесения серьезно корректируют установление, утвердившееся в историографии, о традиционной приверженности болгарского народа к России. Молодое поколение, как подчеркивали русские дипломаты, было значительно равнодушнее и холоднее к России, чем «люди прежних времен», помнившие еще русских воинов с предыдущей русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Теплое чувство надежды на Россию сохраняли в большинстве своем болгарские крестьяне, в которых «вкоренилась мысль» об избавлении их от турецкого ига только благодаря оружию России.

Впрочем, каждое обострение международной обстановки весьма взбодрило болгарское население. В 1859 г. адрианопольское тайное болгаро-греческое дружество строило планы восстания всей Болгарии, в основе своей фантастичные. Но даже русский консул Ступин поддался обаянию идеи освобождения и считал план вполне исполнимым при осуществлении тайного народного займа от 6 до 8 млн. руб. сер. Его активность была вполне оценена турецкими властями, и Ступина пришлось отстранить от должности.

Каждую весну Байков из Видина слал шифрованные депеши о том, что в Болгарии готовится восстание. Остальные консулы не подтверждали подобную информацию. В 1860 г. Н.П. Шишкин, проехавший по Западной Болгарии, сообщал, что он нигде не встречал не только каких-либо приготовлений к скорому восстанию, но даже веры в возможность без постороннего вмешательства привести подобный замысел в исполнение⁴². В 1860 г. Новиков на основании докладов консулов делал общий вывод о том, что «христиане при всем своем численном перевесе слишком разрозненны, слишком забиты и безоружны, чтобы помышлять о всеобщем восстании». Болгарское население, писал он, «далеко еще не выработало в себе сознания народного единства, и если это чувство и начинает в нем пробуждаться, то лишь в виде противодействия греческому духовенству, на которое оно более жалуется, чем на притеснения турок. Все, что есть в нем нравственной силы, уходит пока на эту борьбу, в которой оно опирается на помощь султана и Порты.... А частные движения и мятежи будут быстро подавляемы турками»⁴³.

И через 5 лет, в 1865 г., это же мнение прозвучало в донесении у Кожевникова: «Я положительно убежден, что восстание в Болгарии в настоящее время быть не может, ибо при существующем раздоре между общинами, народом, городскими сословиями и духовенством и при всяком отступлении

как материальных, так и нравственных средств, христиане не могут помыслить о вооруженном сопротивлении туркам». «Отдельные движения против турок, подобно балканскому делу (1862) без всякой определенной цели и при совершенном отсутствии материальных средств не опасны для османского владычества, ибо местные начальства с помощью военных сил всегда успеют подавить малейшее покушение против власти султана»⁴⁴, – с уверенностью добавлял он.

В 1866 г. Игнатъев допускал возможность восстания только в случае войны между сербами и турками⁴⁵. Однако он не желал никакого восстания до тех пор, пока не будет построена железная дорога от Москвы до Одессы и не будут приведены в некоторый порядок расстроены финансы России. «Если движение, неодолимое на первых порах, начнется, мы будем вовлечены в события волею и неволею. Молча предоставить единоверцев наших избиению хорошо вооруженного турецкого войска или хладнокровно смотреть на вмешательство Франции и Австрии – едва ли возможно», – считал русский дипломат.

«Сила, деньги, уверенность в готовности существенного действия (не на словах и бумаге) – единственные основания преобладающего влияния»⁴⁶, – писал Игнатъев. Но Россия в то время этим отнюдь не обладала, поэтому и деятельность русской дипломатии на Балканах за 10 лет с момента восстановления отношений с Османской империей после Крымской войны принесла не столь обильные плоды, как желалось бы. Ограниченность ее влияния на Порту и Патриархию была очевидна, и это не позволило достичь реальных положительных результатов в церковном болгаро-греческом вопросе. Выбранная позиция на примирение сторон возбуждала и в греках, и в болгарях явную подозрительность и недоверие, и низводила роль русских дипломатов до минимума. И только Игнатъеву удалось несколько изменить это положение. В этом ему также способствовали качественные изменения в кадровом составе императорской миссии. На смену дипломатам из генерации Нессельроде пришли новые люди, и, в частности, должность первого драгомана вместо Э.Я. Аргиропуло, однозно-го для болгар, занял полковник Д.Н. Богуславский (1863-1870).

В противостоянии России и иноверческой пропаганды русским дипломатам также пришлось занимать оборону, наступательных действий было немного. Влияние России на умы и сердца болгар через русскую литературу, посылаемую на Балканы, а также через болгарских воспитанников, получивших образование в России, оказалось не столь широким, как предполагалось. Материальная помощь, которую могла Россия, недавно выдержавшая войну и вступившая в период внутренних реформ, выделить болгарским церквям, школам, отдельным семьям и людям, уступала денежным вливаниям Западной Европы.

Но само присутствие русских дипломатов во многих болгарских городах значительно сдерживало произвол местных турецких властей, козни греческого духовенства и натиск иноверческой пропаганды. Деятельность русских консульств в совокупности с известными изменениями на международной арене вновь повернули вектор ожидания военной помощи в деле освобождения от турецкого ига не столько от Сербии и Западной Европы, сколько от России. Очередной виток Восточного кризиса, вызванный Критским восстанием, это убедительно доказывал.

Примечания

- ¹ Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII-начало XX в.). М., 1989. С. 82.
- ² Русия и българското национално-освободително движение. 1856-1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 1. № 51. С. 134.
- ³ Там же. № 15. С. 55-56.
- ⁴ Там же. № 36. С. 97.
- ⁵ Там же. № 45. С. 117.
- ⁶ Там же. № 148. С. 318.
- ⁷ Там же. № 25. С. 75-76.
- ⁸ *Татицев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. XVII, XX.
- ⁹ *Татицев С.С.* Русская дипломатия старая и новая. //Русский вестник. 1887. № 1. С. 326.
- ¹⁰ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 41. С. 110.
- ¹¹ *Высочков Л. В.* Николай I. М., 2006. С. 410.
- ¹² Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 15. С. 56.
- ¹³ Там же. № 20. С. 65.
- ¹⁴ Там же. № 53. С. 138.
- ¹⁵ Там же. № 193. С. 390.
- ¹⁶ *Кирил, патриарх български.* Граф Н.П. Игнатиев и българският църковен въпрос. София, 1958. № 1. С. 201.
- ¹⁷ Там же. № 3. С. 206.
- ¹⁸ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 36. С. 95-96.
- ¹⁹ Там же. № 36. С. 96-98.
- ²⁰ Там же. № 131. С. 294; № 133. С. 296; № 135. С. 298.
- ²¹ Там же. № 65. С. 162.
- ²² Там же. № 214. С. 461-462.
- ²³ Железная дорога от г. Черна Вода до Кюстенджи (Констанца) была построена в 1860 г.
- ²⁴ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 197. С. 401.
- ²⁵ Там же. № 208. С. 439.
- ²⁶ Русия и българското национално-освободително движение. 1856-1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 2. № 304. С. 145.
- ²⁷ Там же. № 388. С. 343-344.
- ²⁸ Русия и българското национално-освободително движение. 1856-1876. София, 1990. Т. 2. № 93. С. 193.

- ²⁹ Там же. № 184.
- ³⁰ Там же. № 391. С. 351.
- ³¹ *Дамянов С.* Франция и българската национална революция. София, 1968. С. 107.
- ³² Русия и българското национално-освободително движение. Т. 2. № 157. С. 292.
- ³³ Там же. № 147. С. 274.
- ³⁴ Там же. № 41. С. 99.
- ³⁵ Там же. № 102. С. 213.
- ³⁶ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 2. № 386. С.335-338.
- ³⁷ Там же. Т. 2. № 35. С. 77-78.
- ³⁸ Там же. Т.1. Ч. 2. № 290. С. 121.
- ³⁹ Там же. № 315. С. 175.
- ⁴⁰ История на България. София. 1987. Т. 6. С. 78.
- ⁴¹ Русия и българското национално-освободително движение. Т. 2. № 102. С. 210.
- ⁴² Там же. Т. 1. Ч. 1. № 198. С. 403.
- ⁴³ Там же. С. 415.
- ⁴⁴ Там же. Т. 2. № 66. С. 149.
- ⁴⁵ Там же. № 134. С. 259.
- ⁴⁶ Там же. № 110. С. 231-232.

Сербская национальная идея и внешняя политика Сербии в 60-х – 70-х гг. XIX века.

Парижский мирный договор 1856 г., юридически оформивший итоги Крымской войны, внес существенные изменения в международно-правовой статус Сербского княжества. Оно оставалось «как прежде, под верховной властью Блистательной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оно-го», но не при российском только, как раньше, а «общем совокупном ручательстве договаривающихся держав», т.е. Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и России. Порта сохраняла право иметь свои гарнизоны в крепостях на территории Сербии, однако без предварительного соглашения между державами, поставившими свои подписи под Парижским мирным договором, не могло быть "допущено никакое вооруженное в Сербии вмешательство"¹.

По мысли творцов Парижского трактата коллективные гарантии держав должны были помешать установлению в Сербском княжестве преобладающего влияния одной из них. На практике же оказалось, что австрийское влияние в Сербии вскоре после окончания Крымской войны стало господствующим. Используя свое географическое положение, а также ослабление позиций России в княжестве, Австрия, опираясь на австрофильскую политику князя Александра Карагеоргиевича, стремилась подчинить Сербию себе. Франция и Англия, заинтересованные в первую очередь в ослаблении влияния России на Балканах, не препятствовали австрийским притязаниям.

После Крымской войны, внутривосточная ситуация в Сербии становилась все более напряженной, приобретая взрывоопасный характер. Ясно обозначился глубокий политический кризис олигархического режима уставобранителей, ярким проявлением которого явилась борьба между сербским князем и Советом - главным органом уставобранительского режима - за политическое преобладание. Князь, не имея опоры внутри страны, стремился найти поддержку вовне. Австрийский консул Р.Радославлевич добился назначения проавстрийски настроенных министров. Во внешней политике князь Александр во всем следовал советам австрийской дипломатии. Среди политических деятелей Сербии конца 50-х гг. не было, да и не могло быть единства взглядов по вопросам внешнеполитической ориентации княжества. Наиболее дальновидный деятель уставобранительского ре-

жима Илия Гарашанин (1812–1874) считал, что Австрия является непримиримым врагом Сербии, выступая против австрофильского курса князя, он предлагал опираться на Францию. Часть уставобранительских лидеров симпатизировало России, большинство же в борьбе с князем опиралось на Турцию.

Ростом недовольства политикой Александра Карагеоргиевича воспользовались сторонники династии Обреновичей, активизировавшие свою деятельность. Наиболее последовательными борцами против режима уставобранителей были сербские либералы – Е.Груйич, М.Янкович, Р.Алимпич и др., – стремившиеся перенести идеи буржуазной государственности, заимствованные ими в Западной Европе, на сербскую почву. Против князя объединились представители различных политических группировок, в том числе многие видные деятели уставобранительского режима – И.Гарашанин, Т.Вучич и др.

После ряда неудавшихся попыток свергнуть Александра Карагеоргиевича широкая оппозиция его правлению по совету министра внутренних дел И.Гарашанина решила использовать в качестве средства свержения князя народную скупщину.

Начавшаяся в конце ноября 1858 г. Свято-Андреевская скупщина стала крупнейшим событием в истории Сербии этого времени. По ее решению был смещен Александр Карагеоргиевич и на сербский престол вновь избран Милош Обренович. Важнейшим результатом скупщины явилась ликвидация олигархического режима уставобранителей².

В 1860 г. старый князь скончался и на княжеский престол вступил его сын – Михаил. Порты, стремясь избежать новых осложнений в Сербии, была вынуждена согласиться с его кандидатурой.

Михаил Обренович был европейски образованный человек. Он взшел на престол с широкой и претенциозной программой внутри – и внешнеполитического развития Сербии. Приблизив к себе самого способного представителя консерваторов – И.Гарашанина, Михаил вскоре назначил его министром иностранных дел, а затем – премьер-министром. Русский консул в Белграде Влангали в связи с этим в одном из своих донесений отмечал, что «И.Гарашанин чуть ли не единственный, кто понимает положение дел в стране». Сербский князь разделял национальную внешнеполитическую программу, составленную И.Гарашаниным в 1844 году и известную под названием «Начертание». В 50-х и 60-х гг. она получила свое дальнейшее развитие. В соответствии с внешнеполитической программой Михаила – Гарашанина автономное Сербское княжество во главе с династией Обреновичей должно было возглавить борьбу против Османской империи с целью создания нового государства, в состав которого должны были войти земли, населенные не только сербами, но и другими югославянскими народами, –

Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, Хорватия, последняя – в случае распада Австрии. Князь Михаил и И.Гарашанин понимали, что без объединения всех сил балканских народов и использования благоприятной международной обстановки – без поддержки одной из великих держав, невозможно одолеть столь сильного противника, как Османская империя. Так появилась идея создания Балканского союза. Главной и основной силой этого союза, по мысли его создателей и идеологов, должна была стать Сербия, так как только в этом случае можно было рассчитывать на претворение в жизнь национальной программы. Гарашанин считал, что прежде всего необходимо создать расширенное сербское государство во главе с сербской династией. Князь и его премьер-министр разработали и осуществили целый ряд реформ, чтобы подготовить страну к предстоящей войне с Османской империей.

Так выдающийся сербский политический деятель и национальный идеолог Илия Гарашанин во второй раз (после 40-х гг.) приступил к реализации своих планов, поддержанных князем Михаилом. В области внутренней политики князь Михаил и его премьер-министр, убежденный сторонник принципа монархизма, прежде всего стремились укрепить личный режим князя. Главным препятствием на этом пути являлась конституция 1838 г. (так называемая Турецкая конституция, сильно ограничивавшая права князя). Михаил Обренович и И.Гарашанин решили выяснить мнение европейских правительств относительно возможности отмены старой конституции и замены ее новой. В Петербурге им был дан совет, не отменяя формально конституцию 1838 г., свести ее на нет принятием ряда новых законов³.

В начале 60-х гг. в Сербии были изданы законы, обеспечившие укрепление власти князя и установление автократического режима князя Михаила. Одной из важнейших стала военная реформа: было создано так называемое народное войско и введена всеобщая воинская повинность. Это позволяло княжеству иметь значительную армию, что князь Михаил и его премьер-министр считали важнейшей предпосылкой выполнения своих внешнеполитических планов.

Принятие новых законов и активизация внешней политики княжества привели к резкому обострению сербско-турецких отношений.

В ходе белградского кризиса 1862-1863 гг. сербское правительство убедилось еще раз в необходимости объединения усилий балканских народов для успешной борьбы с Портой. Илия Гарашанин в начале 60-х гг. сделал первые попытки начать переговоры о возможном союзе против Османской империи с Черногорией и Грецией. Однако эти переговоры не принесли позитивных результатов, что в значительной мере было обусловлено про-

тиворечиями между самими балканскими государствами, усугублявшимися вмешательством великих держав.

Австро-прусская война 1866 г. и поражение Австрии, главного противника осуществления сербских планов на Балканах, создавали, по мнению князя Михаила и Гарашанина, благоприятную обстановку для активизации действий Сербии по созданию Балканского союза. На заседании совета министров Сербии в июле 1866 г. было принято решение ускорить военную подготовку страны, активизируя одновременно переговоры по созданию Балканского союза⁴.

Князь Михаил и Гарашанин считали его создание важнейшим условием для начала вооруженной борьбы с Османской империей. Они понимали, что силы отдельных балканских государств слишком слабы, чтобы нанести поражение такому сильному противнику. При помощи двусторонних переговоров с балканскими странами и представителями освободительных движений сербское правительство рассчитывало избежать противоречий (или, по крайней мере, смягчить их) по территориальным вопросам, обнаружившихся уже на начальной стадии переговоров в первой половине 60-х гг.

И. Гарашанин рассматривал союз с Черногорией как краеугольный камень создаваемого Балканского союза.

Провозглашение Черногории светским княжеством способствовало консолидации разрозненных племен и упрочению государственности. После прихода в 1860 г. к власти князя Николая (1860 – 1913) несколько улучшилось экономическое и политическое положение страны. Ведя непрерывную борьбу с Турцией (в 1862 году было отражено очередное нашествие турецких армий, угрожавших Цетинью), князь Николай был заинтересован в сближении с Сербией.

Опираясь на ежегодные русские субсидии, а также на дипломатическую помощь и защиту России, Черногория добилась к середине 60-х г. укрепления своего внутреннего положения, роста авторитета и влияния среди других балканских народов, особенно в Герцеговине.

Исторически так сложилось, что за право играть ведущую роль в национально-освободительном движении сербского народа соперничали два государства, два княжества - Сербия и Черногория. Князь Николай вполне разделял «заветную мысль» князя Михаила и Гарашанина о необходимости объединения и освобождения сербского народа, но если последние видели результатом этого процесса создание «великой Сербии» во главе с династией Обреновичей, то князь Николай хотел, чтобы это новое государство возглавляла династия Петровичей-Негошей. Эти династические разногласия порождали взаимное недоверие сербского и черногорского князей, они постоянно соперничали и домогались руководящей роли в национально-освободительном движении (особенно в Боснии и Герцеговине). Но и тот, и

другой ощущали настоятельную необходимость взаимного сотрудничества. Распыление и без того ограниченных сил княжеств вело лишь к поражениям.

С мая 1866 г. возобновились сербско-черногорские переговоры. Каждая сторона разработала свой проект соглашения. Сами переговоры проходили в очень сложной обстановке. Князь Николай не желал смириться с ведущим положением Сербии в союзе. Однако он не мог не считаться с общественным мнением черногорского и сербского народов в пользу объединения усилий двух княжеств для борьбы с Османской империей. Отказ от подписания договора неминуемо привел бы к умалению роли Черногории в национально-освободительном движении на Балканах. Поэтому князю Николаю пришлось пойти на определенные уступки. 23 сентября (5 октября) 1866 г. договор был подписан в Цетинье. Обмен ратификационными экземплярами состоялся в Белграде 14(26) октября 1866 г.

Согласно тексту подписанного договора³, состоявшего из 12 статей, основной целью сербо-черногорского союза была совместная деятельность княжеств «по скорейшей подготовке восстания против Османской империи для освобождения всего сербского народа в Турции от турецкого ига и соединения его в едином сербском государстве». В случае успеха этого предприятия князь Николай обещал присоединить Черногорию к новому государству во главе с Михаилом Обреновичем, который со своей стороны брал на себя обязательство обеспечить в новом государстве князю Николаю ранг принца правящей династии и ежегодное содержание в размере 20 тыс. дукатов, а также право первенства в наследовании сербского престола перед всеми после князя Михаила, его сына или законного наследника, если таковой будет. Из уважения к заслугам черногорцев сербский князь должен был проявлять всяческое снисхождение при распределении налогов в новом объединенном государстве. Поскольку в Черногории не было обязательной воинской повинности, черногорцы на 25 лет освобождались от рекрутских наборов, но могли вступать в армию как добровольцы.

Ряд статей договора был посвящен конкретизации обязательств сторон по подготовке к войне с Портой. Оба князя согласились, каждый в границах своих возможностей, привлекать союзников, вести подготовку к восстанию среди подвластных Османской империи народов и добиваться поддержки их планов со стороны великих держав. Черногорский князь должен был начать войну вместе с Сербией всеми наличными силами. Черногория должна была во всем следовать выработанному совместно военному плану. Сам договор сохранялся в строжайшей тайне.

Заключение союзного договора между Сербией и Черногорией было важным шагом на пути претворения в жизнь планов Гарашанина и князя Михаила в деле создания Балканского союза, его становым хребтом.

Идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против Османской империи была в тот период чрезвычайно популярна как в кругах сербской интеллигенции, так и среди широких народных масс обоих княжеств.

Значение договора трудно переоценить. Впервые после Первого сербского восстания 1804-1813 гг. идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против османских угнетателей получила свое материальное воплощение. Он отражал объективно назревшую необходимость сплочения сил княжеств для решения стоявшей перед ними главной исторической задачи - освобождения и объединения сербского народа. Вместе с тем нельзя не отметить, что в договоре получила свое воплощение концепция создания «великой Сербии», заключающаяся в присоединении новых территорий к Сербии или, как писал С.Маркович, в увеличении числа подданных «великих Обреновичей». Правящие круги сербского княжества хотели закрепить главенствующую роль Сербии в национально-освободительной борьбе сербского народа.

Черногорский князь вынужден был согласиться с гегемонией Сербии, позиции которой были усилены поддержкой России. Однако взаимное соперничество и недоверие династий Петровичей и Обреновичей не исчезло в результате подписания союзного договора 1866 г. Это отразилось на дальнейшем развитии сербско-черногорских отношений. Руководители Сербского княжества делали все возможное для удержания Черногории в фарватере внешней политики Сербии, в то время как князь Николай стремился укрепить авторитет и влияние Черногории в Герцеговине, при этом часто действуя вопреки договору о союзе.

Важное значение для готовившегося столкновения с Османской империей имело и соглашение с Грецией – единственным в это время независимым государством на Балканском полуострове. Переговоры с греками вел сербский представитель в Стамбуле Йован Ристич. Но сначала успеха в ходе переговоров добиться не удалось. Только после прихода к власти в Афинах в 1866 г. группировки А. Кумундурса дело сдвинулось с мертвой точки. После долгих переговоров союзный договор был подписан в августе 1867 г. В договоре,⁶ в частности, указывалось, что после объявления войны Османской империи обе стороны обязывались вести борьбу до полного освобождения всех христианских народов в Европейской Турции и на островах Архипелага. В случае невозможности осуществления этой конечной цели, союзники давали друг другу обязательство обеспечить присоединение следующих территорий: к Греции – Эпира и Фессалии, к Сербии – Боснии и Герцеговины. Союзники обязывались уважать волю народов, которые присоединятся к общей борьбе. Всем им обеспечивалась возможность либо присоединиться к одной из договаривающихся сторон, либо создать собст-

венные государства, входящие в совместную с Сербией и Грецией конфедерацию.

Договор вступал в силу после ратификации его греческим королем и князем Сербии.

Ход сербо-греческих переговоров выявил значительные противоречия между двумя сторонами, прежде всего по вопросу о разделе подлежащих освобождению территорий Европейской Турции. Противоборство двух национальных программ – панэллинской и великосербской стало главным препятствием на пути объединения их усилий в борьбе против Османской империи. Сербо-греческое соглашение представляло собой компромисс, не дававший значительных преимуществ ни одной из сторон. Туманные упоминания о возможности создания конфедерации дальнейшего развития не получили.

Сербскому княжеству также удалось достигнуть соглашения о дружбе с Румынией, правда, не предусматривавшее военный союз, но и в таком ограниченном виде оно было очень важным для Сербии, так как обеспечивало ее коммуникации с Россией, которая оказывала поддержку Сербии в ее планах⁷. Наряду с заключением договоров и соглашений с независимыми и полунезависимыми балканскими государствами И. Гарашанин в своих планах большое значение придавал вовлечению в борьбу с Османской империей народов, лишенных своей государственности. Здесь Сербия стремилась опереться на политические организации и группы, готовые к сотрудничеству с ней. Так И. Гарашанин, в соответствии со своей внешнеполитической программой, рассчитывал привлечь лидеров хорватских буржуазных партий к сотрудничеству с Сербией. Он поддерживал личные контакты с главой хорватской Национально-либеральной партии (народняков) епископом Й.Штросмайером. Политическая программа народняков не исключала возможности достижения соглашения с Сербией. Народняки допускали, что Сербия может стать центром объединения южных славян, и приветствовали внутреннюю стабилизацию Сербского княжества и его внешнеполитические успехи. Их югославизм получил свое выражение в определении конечной цели партии, заключавшейся в государственном объединении всех южных славян. Однако югославизм в идеологии народняков сочетался с австрославизмом, т.е. стремлением добиться равноправия славян с помощью федерализации Австрийской империи.

До 1866 г. контакты Гарашанина со Штросмайером сводились в основном к обмену мнениями по различным политическим вопросам. После австро-прусской войны народнякам и сербскому правительству стало ясно, что поражение Австрии неизбежно должно повлечь за собой серьезные перемены в империи. Не исключалась даже возможность ее распада. В этих условиях вопрос о создании югославянского государства приобретал ре-

альные очертания. Гарашанин полагал, что распад Австрийской империи дело – недалекого будущего, что на месте империи может возникнуть конфедерация из трех независимых государств, созданных чехами, венграми и южными славянами. В июне 1866 г. он решил начать непосредственные переговоры с Й.Штросмайером. Однако лидеры партии народняков после поражения Австрии в войне с Пруссией еще надеялись добиться федералистского переустройства империи в духе идей австрославизма. Поэтому зондаж Гарашанина не принес практических результатов⁸. Но уже осенью 1866 г., когда все больше стала вырисовываться перспектива оформления австро-венгерского дуализма, лидеры народняков в своей внешнеполитической деятельности начинают проявлять стремление к сближению с Сербией. В сентябре 1866 г. Штросмайер сообщил Гарашанину о согласии сотрудничать во имя создания единого югославянского государства. В марте 1867 г. Анте Орешкович, бывший капитан австрийской армии, дезертировавший в Сербию в 1862 г. и ставший доверенным лицом Гарашанина, составил проект программы югославянской политики Сербии, который был отредактирован Гарашанином и отослан Штросмайеру. Хотя никакого документа в этой связи не было подписано и, следовательно, юридически соглашение осталось неоформленным, Штросмайер и руководство народняков согласились с основными принципами, изложенными в проекте, о чем уведомили Гарашанина.⁹ Отсутствие формального договора, по всей видимости, объяснялось позицией сербского правительства, не желавшего заключать международные акты с теми, кто не имел на это права с точки зрения государственных юридических норм, и опасавшегося компрометации Сербии.

«Неизменной и вечной» целью сербов и хорватов в проекте программы объявлялось освобождение христиан, изнывавших под гнетом Османской империи и создание условий для образования объединенного союзного югославянского государства, политическое устройство которого определяют объединившиеся в нем народы. Достичь этой цели предполагалось постепенно, поэтапно. Ближайшей задачей программы, ее первым этапом было освобождение и присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины. Возглавить борьбу за их освобождение должны были «два столпа югославянского дела» – Белград и Загреб. Основой будущего единого государства признавался национальный принцип. Освобождение Боснии и Герцеговины являлось первой ступенью к достижению «великой цели». Хорватия со своей стороны также должна была готовиться к ее осуществлению, избегая усиления зависимости от Вены и Будапешта. Программа предусматривала целый ряд конкретных мер по организации восстания в Боснии и Герцеговине, которое должно было начаться «еще в этом году». При этом предусматривалось перебросить в Боснию и Герцеговину ряд чет, которые затем ста-

ли бы ядром повстанческой армии. Четы должны были формироваться и получать снабжение из Сербии, Черногории, Хорватии и Военной границы. Для координации четнической деятельности предполагалось создать специальные комитеты в Белграде и Загребе. Важным условием успеха восстания, по мысли авторов программы, являлось обеспечение невмешательства великих держав. Для этого нужно было представить дело так, чтобы восстание выглядело как спонтанное движение народов Боснии и Герцеговины. После освобождения значительной части их территории должно быть основано правительство, которое провозгласило бы объединение этих областей с Сербией при сохранении вассальных отношений с Портой. Расчет делался на то, что Османская империя не сможет собственными силами подавить восстание, а великие державы, как и в случае с Критом, не решатся на прямое вмешательство. Однако в данном случае договаривающиеся стороны ошибались. Австро-Венгрия не исключала возможности вторжения Сербии в Боснию. В декабре 1867 г. Андраши говорил австро-венгерскому послу в Константинополе А.Прокешу-Остену, что в таком случае «монархия немедленно оккупирует Сербию»¹⁰.

Ясно прослеживается главная цель сербской стороны при создании программы – обеспечить содействие хорватской Народной партии в деле присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии. В обмен на это содействие давались туманные обещания о создании в будущем объединенного югославянского государства.

Народняки соглашались с планами Гарашанина – Орешковича, рассчитывая на поддержку Сербии в их борьбе за права хорватского народа. Уже в мае 1867 г. был создан Главный комитет в Загребе. Близкий соратник Штросмайера М.Мразович, приехав в Белград в апреле 1867 г., сообщил Гарашанину, что несмотря на неблагоприятное впечатление, произведенное на руководство Народной партии поездкой князя Михаила в Константинополь, оно не отказывается от сотрудничества и согласно, в случае необходимости, ожидать нового срока начала совместных действий. Гарашанин заверил Мразовича в искренности намерений Сербии и, по сообщению российского консула в Белграде Н.П. Шишкина, просил передать лидерам Народной партии, что пока следует «содействовать приготовлению по знаку Сербии восстания в Боснии; когда же настанет час действия, помочь княжеству присылкою офицеров, волонтеров и всяких средств для поддержания движения»¹¹. Мразович заявил, что в случае восстания, хорваты готовы выйти из состава Австрии и присоединиться к Сербии.

Перемена международной обстановки и изменение внешнеполитического курса Сербии в конце 1867 г., когда князь Михаил пытался присоединить Боснию и Герцеговину при содействии Австро-Венгрии, привели к тому, что контакты сербского правительства с хорватской Народной парти-

ей не получили дальнейшего развития. Тем не менее рассмотренная выше программа явилась важным шагом на пути объединения сил балканских народов в их борьбе за национальное освобождение.

Сербское правительство вело также переговоры о возможном участии в совместном антиосманском выступлении и с Добродетельной дружиной, объединявшей представителей крупной болгарской эмигрантской буржуазии.¹² Сербское правительство при этом стремилось установить контроль над действиями болгарского освободительного движения, рассчитывая использовать восстание болгар прежде всего для реализации собственной внешнеполитической программы.

До заключения формального соглашения дело не дошло, хотя представители Добродетельной дружины предлагали проекты соглашения, предусматривавшие создание объединенного сербско-болгарского государства. Очевидно, И. Гарашанин не хотел связывать себя слишком серьезными обещаниями на будущее, не доверяя своим болгарским партнерам.

Еще одним неотъемлемым элементом планов сербского премьер-министра была организация сербской политической пропаганды в пограничных с Сербией областях Османской империи и подготовка там восстания. По его мысли, одновременно с выступлением участников Балканского союза должно было начаться восстание в Боснии и Герцеговине, на Косово и в Албании. Самым важным сербский министр считал создание хорошо организованной сети тайных агентов в турецких областях из местных жителей. «Если послать человека из Сербии, – писал И. Гарашанин Й. Мариновичу, – то в таком случае это расценивалось бы уже не как внутреннее дело угнетенного народа, а как эгоистические устремления Сербии. В этом случае предприятие не имело бы никакого смысла, а Сербия подвергалась бесполезной компрометации»¹³.

В 1862 г. был создан специальный комитет, задачей которого было руководство и координация всей деятельности по организации сербской пропаганды за пределами княжества и подготовка восстания. Комитет составляли: председатель – государственный советник Л.Арсениевич-Баталака и два члена: полковник Ф.Зах – начальник артиллерийской школы и А.Николич, выполнявший обязанности секретаря. Деятельностью комитета непосредственно руководил сам И.Гарашанин. Ему передавались все донесения агентов, содержание которых сообщалось и князю Михаилу. Технической стороной дела ведал А.Николич. Он знал подлинные имена агентов и их псевдонимы, высылал им деньги¹⁴.

Практический результат работы агентов И.Гарашанина состоял в сборе информации о положении дел в Европейской Турции и распространении там влияния сербского правительства. Однако сфера деятельности и влияние малочисленных агентов были очень ограниченными. После отставки

И.Гарашанина с поста премьер-министра в конце 1867 г. подготовка княжеством вооруженного выступления против Османской империи прекратилась.

Ошибочным было представление сербских государственных деятелей, что в любом районе Европейской Турции можно вызвать восстание в нужный момент, благоприятный с точки зрения международной обстановки в Европе, используя для организации его своих доверенных лиц. Сербские политики недоучитывали тот факт, что у крестьянского населения Боснии, Герцеговины и других, сопредельных с Сербией областей Османской империи, на первом месте стояли социальные противоречия, усугубленные непомерным гнетом феодальной Османской империи.

Для И.Гарашанина и его соратников подготовка восстания в Европейской Турции всегда была вспомогательным средством в реализации сербской внешнеполитической программы. Они хотели организовать такое движение, которое с самого начала было бы ограничено строгими рамками и не выходило из-под контроля. Это заранее обрекало подобную акцию на неудачу.

С формальной точки зрения к маю 1868 г. сербскому правительству удалось добиться максимальных результатов в деле создания Балканского союза. Было достигнуто соглашение с Черногорией, заключен союзный договор с Грецией. В начале 1868 г. была подписана сербо-греческая военная конвенция, ратифицированная в мае, а также заключен договор о дружбе с Румынией. В сербо-греческой военной конвенции была даже намечена дата совместного выступления против Порты – сентябрь 1868 г. С большим или меньшим успехом сербское правительство вело переговоры о сотрудничестве с хорватами, болгарами и албанцами. Правительству удалось добиться в 1867 г. вывода турецких гарнизонов из всех крепостей, расположенных на территории Сербского княжества.

Но Балканский союз так и не проявил себя в действии. В ноябре 1867 г. князь Михаил неожиданно уволил в отставку И.Гарашанина, а в мае 1868 г. сам был убит заговорщиками. После этого практическая деятельность по реализации идей Балканского союза прекратилась. Однако причины неудачи союза нельзя сводить только к гибели князя Михаила и смене его политических симпатий.

Одной из главных причин отказа от осуществления этих планов была военная слабость всех союзников и прежде всего Сербии, что не могло не отражаться на политике князя Михаила, понимавшего огромную степень риска для Сербии. Это обстоятельство сыграло важную роль в том, что Михаил начал весьма сложную игру с графом Андраши, обещавшим ему получение Боснии и Герцеговины мирным путем, без войны¹⁵.

После установления дуализма в Габсбургской империи 1867 г., внешне-политическая роль венгров значительно усилилась. И австрийские, и венгерские политики империи стремились установить контроль над Сербией. Но для этого сначала надо было уменьшить, а еще лучше, ликвидировать русское влияние в княжестве. Венгерские политики хорошо знали, что главное место во внешнеполитических планах Сербии занимала Босния и Герцеговина. Поэтому появились планы использовать именно эту карту для ликвидации русского влияния в Сербии и вовлечения княжества в сферу влияния монархии. Венгерские политики таким шагом преследовали еще одну цель: посеять вражду между Сербией и хорватами (так как последние также имели виды на Боснию и Герцеговину). Это было очень важно для венгров, ибо во внутривластной борьбе в венгерской части монархии хорваты использовали угрозу осуществления югославянской идеи.

На деле это была лишь хитрая приманка для Сербии. Австро-Венгрия сама имела притязания на Боснию и Герцеговину, но в это время стремилась не допустить каких-либо обострений на Балканах, поэтому оказала большое давление и на Порту, чтобы та согласилась передать оставшиеся крепости на сербской территории сербскому князю.

Еще одной важной причиной неудачи союза были резкие противоречия между участниками, прежде всего по территориальным вопросам. Если понимание необходимости объединения усилий для освобождения от власти Порты присутствовало у всех, то перспективы дальнейшего развития событий в случае победы все видели по-разному.

Наконец, свой вклад внесли и противоречия великих держав на Балканах. Еще очень слабые в тот период балканские государства не могли обойтись без помощи извне. Гарашанин всячески стремился обеспечить для Сербии поддержку нескольких великих держав, но на практике лишь Россия, заинтересованная в восстановлении своего влияния на Балканах после Крымской войны, оказала Сербии значительную дипломатическую, материальную и военную поддержку¹⁶. Остальные великие державы занимали или открыто враждебную позицию, или не оказали никакой помощи.

Но несмотря на неудачу Балканского союза 60-х гг., сама идея объединения усилий балканских стран и народов в борьбе за освобождение не была дискредитирована.

Консервативные взгляды князя Михаила и И.Гарашанина и способы и методы реализации национальных сербских идей отнюдь не исчерпывали весь спектр сербского идейного наследия 60-х гг. XIX в.

Либеральное направление было представлено движением Омладины сербской молодежи, центр которого находился в Воеводине. Омладина объединяла различные по своему характеру группы и организации: литературные кружки, политические союзы, студенческие общества. Основное

направление ее деятельности было культурно-просветительное. Главной своей задачей Омладина и ее идеологи Владимир Йованович и Светозар Милетич считали создание политического единства всех сербских земель. Таким образом, если понимание необходимости освобождения и объединения сербского народа как важнейшей задачи присутствовало как у консерваторов, так и у либералов, то в отношении средств достижения этой цели и форм ее реализации единства не было.

Гарашанин и князь Михаил пытались привлечь на свою сторону Омладину и воеводинских либералов, но из этого ничего не получилось. Либералы были недовольны авторитарным режимом, установленным князем Михаилом в Сербии. На Белградском съезде Омладины дело дошло до ее полного разрыва с сербским правительством.

Главным идеологом революционно-демократического направления сербской общественной мысли был Светозар Маркович, который выступал за ликвидацию монархии и установление демократической республики. Внешнеполитическая часть его программы включала в себя освобождение и объединение всех составных частей сербского народа, посредством национально-освободительной революции южнославянских народов, в результате которой был бы создан союз (федерация) свободных и равноправных народных республик.

После смерти князя Михаила сербский престол остался без прямого наследника. Князем был провозглашен малолетний Милан Обренович, племянник князя Михаила. До его совершеннолетия власть в стране переходила в руки трех регентов - Н.Блазнавца, Й.Ристича и Й.Гавриловича. Главным идеологом регентства был умеренный либерал Йован Ристич. На словах он никогда не отказывался от продолжения прежнего направления внешней политики княжества, разработанного И.Гарашаниным, подготовка Балканского союза, но на деле наместники не вели какую-либо подготовку вооруженного выступления против Османской империи. Ристич считал, что Сербия сможет получить территориальные приращения и осуществить свою главную цель – завоевание независимости – с помощью дипломатических комбинаций при опоре на державы.

В 1875 г. вспыхнуло восстание христианского населения в Боснии и Герцеговине, вызвав небывалый национальный подъем в Сербии и Черногории. Общественность требовала оказания помощи сербским братьям, добровольцы отправлялись сражаться за "сербское дело".

Правительство княжества было застигнуто врасплох.

В этой обстановке была предпринята попытка возобновить союзные договоры, заключенные князем Михаилом и И.Гарашаниным. Однако переговоры с Румынией и Грецией закончились ничем. Удалось договориться только с Черногорией, но князь Николай не захотел возобновлять прежний

договор 1866 г. Он согласился выступить против Порты заодно с Сербией, однако при этом отказался от заключения военной конвенции и потребовал сохранения за ним права командования черногорской армией. Договорились лишь о разработке общего плана военных действий¹⁷. Снова разгорелось прежнее соперничество между Сербией и Черногорией за руководство повстанческим движением в Боснии и Герцеговине. Черногория доминировала в Герцеговине, а сербское влияние было преобладающим среди боснийских сербов. Все это не способствовало успеху боснийско-герцеговинского восстания.

В июне 1876 г. началась сербо-черногоро-турецкая война. На помощь Сербии направились добровольцы из России. Командующим сербской армией стал генерал М.Г.Черняев. Но если черногорцы успешно действовали в горах Герцеговины, то Сербия оказалась гораздо уязвимей. Турецкая армия, сосредоточенная против Сербии, которую Порта справедливо считала главным противником, перешла в наступление. Несмотря на героическое сопротивление сербского народного войска турки прорвали фронт и под Джунисом и по долине Моравы двинулись на Белград. России удалось остановить турецкие войска своим ультиматумом. Но Сербии пришлось выйти из войны. Продолжала сражаться лишь Черногория.

В 1877 г. началась русско-турецкая война. После долгих уговоров и колебаний князь Милан присоединился к России и снова вступил в войну с Османской империей, однако продвижение сербских войска на южном фронте было остановлено перемирием, заключенным между Россией и Турцией. Сербским войскам удалось освободить ряд районов на юге (Пирот, Вранье).

Как известно, драматические события Восточного кризиса 70-х гг. завершились Берлинским конгрессом. По его решению Сербия и Черногория добились признания своей независимости. Оба княжества получили и территориальные приращения: к Сербии были присоединены 4 новых округа площадью 11 тыс. кв. км. Черногория также в 2 раза увеличила свою территорию, получив ряд плодородных земель с городами Подгорица, Ульцин и др. Завоевание независимости явилось результатом длительной и героической борьбы Сербии и Черногории.

Эти итоги были весьма неплохи для Сербского княжества, особенно учитывая первую неудачную для него войну с Турцией. Но решением Берлинского конгресса Австро-Венгрия получила право на бессрочную оккупацию Боснии и Герцеговины, занимавшей центральное место во внешнеполитических планах Сербии и ставшей причиной вступления княжества в войну. Теперь на пути сербских планов в Боснии и Герцеговине встало непреодолимое препятствие: сражаться с Австро-Венгрией ей было не под силу¹⁸.

Результатом оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины стал в дальнейшем перенос внешнеполитической активности сербского княжества на юг, где вокруг Македонии, оставшейся в составе Османской империи, возник новый узел напряженности.

Примечания

1. Сборник договоров России с другими государствами, 1856-1917 гг. М., 1952. С.31.
2. *Ловановић С.* Уставобранители и њихова влада. Београд, 1933. С. 243,244,367.
3. АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1860 г. Л. 229, 229 об.
4. *Шкеровић Н.П.* Записници седница Министарског Савета Србије 1862-1898гг. Београд, 1952. С.37-38.
5. Текст договора см.: *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез) // Прилог, 5. Београд, 1963. С.486-489.
6. *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез) // Прилог, 14. Београд, 1963. С. 510-514. *Терзић Славенко.* Србија и Грчка. (1856-1903) Борба за Балкан. Београд, 1992. С. 128-138.
7. *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... С.519-521.
8. *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба 1868 г. Београд, 1969. С.233-234, 349.
9. *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез... с. 362. *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покраинама Хабсбуршке монархије. 1859-1874. Београд, 1965. С. 281-283.
10. *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... с. 398. *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба. С. 367-368.
11. АВПРИ. Ф. ГА УА₂. Д. 252. Л.59-60.
12. *Косев Д.* Русија, Франција и българското освободително движење 1860-1869.Софија, 1878. Док. 28. С. 183-184; *Пирочанац М.* Кнез Михаило и заједничка радња балканских народа. Београд, 1895. С.36-37.
13. И.Гарашанин – Ј.Мариновићу 6(18) мая 1861 г. // Писма И.Гарашанина Ј.Мариновићу. Књ.2 (1851-1874). Београд, 1939. Док. 176. С.88-89.
- 14.Николић А. Опис радње по предмету општег споразумљена за устанак и уједињење. // Мешовита грађа. Књ. VII. Београд. 1979. С 164.
- 15.Крестић В. Хрватско-угарска нагодба... С. 366-369.
- 16.Србија и Балкански союз. // Международные отношения на Балканах. 1856-1878 гг. М., 1986. С. 176-177.
- 17.Историја српског народа. Књ. V₁ Т.Београд, 1981. С 380.
- 18.*Мандић Петар.* Југославија: илузија или визија. Београд, 2002. С. 148.

Когда говорят документы

Отсутствие документов о каких-либо исторических событиях, как правило, восполняется домыслами и предположениями. И передаются из поколения в поколение легенды, выдаваемые за действительные события; оценки личностей, данные каким-либо автором на основании слухов или высказываний современников, становятся непреложной истиной, считающейся тем более достоверной, чем непререкаемое авторитет автора. Настоящей удачей является находка подлинных документов того времени, позволяющих подтвердить или опровергнуть сложившийся в исторической литературе стереотип о каком-либо событии или человеке.

Так произошло и в случае обнаружения нами в Архиве внешней политики Российской империи бумаг первого российского консульства в болгарских землях, в Сливене (прежнее название – Селимно). Дипломатические документы имеют важное значение для изучения стран и народов. Среди них особое место занимают материалы иностранных консульств, находившихся в данной стране. Ведь донесения консулов подробно передают обстановку в стране пребывания, быт и нравы его народа. Что касается истории болгарских земель до конца 30-х годов XIX столетия, то исследователи такими материалами не располагали, так как консульств в собственно болгарских землях не было.

Начало создания консульской службы России в Османской империи относится к последней четверти XVIII в. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Россия получила право, каким уже пользовались другие европейские державы – послать консулов и вице-консулов в те места, «где они признаны будут надобными...»¹. В 80-х гг. XVIII в. были открыты русские консульские посты во многих пунктах азиатских и европейских владений Османской империи, но все они находились далеко от территорий, заселенных болгарами. И вот в 1784 г. Россия ставит вопрос об учреждении консульства в Варне. Порты и прежде пыталась противодействовать расширению русской консульской сети, понимая, что это укрепляет позиции российского государства на Востоке, и в вопросе об открытии русского консульства в Варне заняло непримиримую позицию, вполне сознавая военно-стратегическое назначение крепости на Черном море. Кроме того, особую настороженность Порты вызывало усиление русского влияния именно в районах с христианским населением. Несмотря на то, что императорским

указом уже был назначен консул в Варну, султан так и не дал разрешения на открытие этого консульства. В 1787 г. Россия возобновила попытку, но вновь безрезультатно.² Предстояли еще три русско-турецкие войны, длительная эволюция балканской политики России, усиление интереса к болгарам, подъем их национально-освободительного движения, пока у российской дипломатии появилась возможность беспрепятственно реализовывать право, полученное в 1774 г.

Исключение составляло российское консульство в Сливене, открытое в 1830 г. по многочисленным просьбам болгарского населения после окончания русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Но на протяжении длительного времени – более 150 лет – его материалы не были известны исследователям, как и история его учреждения и деятельность первого российского консула в болгарских землях Герасима Васильевича Ващенко.

История российского консульства в Сливене не только не изучена, но и вообще была не известна историкам. В литературе о существовании этого консульства были только упоминания.³ Несколько подробнее писал о сливенском консульстве С. Табаков. Он отмечал, что по окончании русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Россия прислала в Сливен своего консула для защиты болгарского населения от мести турок. Однако болгарский историк полагал, что никаких других дипломатических поручений консул не имел и поэтому считал бесполезным искать в архивах его донесения.⁴

Но когда нам удалось найти материалы сливенского консульства, мы увидели, что предположение С. Табакова было неверным, – столь многообразны по своему содержанию довольно многочисленные документы. Это инструкции российскому консулу об образе действий, его подробные и регулярные донесения командующему русской армией на Балканах И.И. Дибичу, посланникам в Константинополе А.И. Рибопьеру и А.П. Бутеневу, его записки и обзоры состояния болгарских земель. Эти материалы свидетельствуют о том, что первый российский консул, назначенный в Сливен как главный город тех районов, которые были театром военных действий в недавно закончившейся войне, Герасим Васильевич Ващенко, имел при своем назначении четкие инструкции, предписывавшие ему в качестве основной задачи осуществление контроля за выполнением статей Адрианопольского мирного договора и, в первую очередь, статьи XIII (о праве болгар, принимавших участие в военных действиях на стороне русских войск, эмигрировать в любую страну, выбранную ими по собственному желанию), а также наблюдать за делами, сообщать о хозяйственном развитии и торговле, о настроениях жителей, действиях правительства, появлении заразных болезней и т.п. За неполные четыре года своего пребывания в Сливене Ващенко собрал ценную информацию о болгарских землях, входивших в Силистрийский и Видинский санджаки Османской империи: статистические и

демографические данные, сведения о социально-экономическом и политическом положении болгар, о национально-освободительной борьбе болгарского народа.⁵ Большинство документов – подлинники, написанные на французском и русском языках.

Обнаруженные документы оказались богаты новыми данными об этом слабо изученном периоде болгарской истории и часто идут вразрез с некоторыми общепринятыми положениями. Они позволили по-новому взглянуть на многие аспекты болгарской истории этого периода, а также объективно оценить деятельность Г.В.Ващенко на его посту консула в Сливене.

На базе обнаруженных нами документов уже опубликован ряд статей, посвященных тем или иным аспектам истории Болгарии в свете новых подлинных документов.⁶

В этой статье мы рассмотрим лишь два вопроса из истории русско-болгарских связей, но это два принципиально важных вопроса, ответ на которые смогли дать только обнаруженные материалы. Именно новые документы, не допускающие возможности искажения исторической правды, позволили поставить точки над *i* в некоторых болезненных для болгарских историков вопросах.

Первый и узловый вопрос – позиция и политика царского правительства по отношению к массовой эмиграции болгарского населения в 1830-е годы.

Массовое переселение болгар из Османской империи после окончания русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг., достигшее, по некоторым данным, более 130 тыс. человек,⁷ с давних пор привлекало внимание русских, советских, румынских, болгарских историков. Однако специальных исследований о переселении болгар в 1830 г. сравнительно немного.⁸ Но эта проблема рассматривается во многих работах о болгарских переселенцах XVIII – XIX вв. и по истории Болгарии.⁹

Не ставя своей задачей включение в статью полного историографического обзора, остановимся лишь на узловом вопросе этой проблемы. Речь идет о позиции и политике царского правительства по отношению к этому конкретному этапу болгарской эмиграции.

В историографии этой проблемы (особенно болгарской) существует мнение, что петербургский кабинет был заинтересован в привлечении рабочей силы для освоения целинных южнорусских земель и с этой целью не только побуждал болгар к переселению в Россию, но во время военных кампаний с Турцией проводил организованную эмиграцию болгарского населения в Российскую империю.¹⁰

Еще в 1857 г. С.Раковский опубликовал статью «Убийственная политика царского правительства по отношению к болгарам». В ней он обвинял российское правительство в том, что оно, пользуясь бедственным положением болгарского народа, остававшегося после русско-турецких войн без защиты,

организовывало его эмиграцию в Россию, где использовало трудолюбивых болгар для освоения южнорусских земель. Отток огромного числа болгар из собственных земель, организованный царским правительством в своих корыстных целях, нанес страшный вред болгарскому народу, т. к. затормозил его историческое развитие и ослабил национально-освободительное движение.¹¹

Эта точка зрения с разной степенью заостренности стала основной в болгарской историографии. Они не замечали изменений российской политики в решении проблемы болгарской эмиграции на разных этапах.

Ряд советских историков отмечали изменения позиции петербургского кабинета в решении этой проблемы, но они не располагали материалами, неоспоримо подтверждающими их точку зрения.¹²

И только материалы Сливенского консульства позволили убедительно доказать их правоту. Эти документы трудно опровергнуть, ибо почти ежедневные донесения первого российского консула в болгарских землях, из самой гущи событий болгарского эмиграционного движения 1830 года, свидетельствуют о том, как все происходило на самом деле.

Напомним историю открытия российского консульства в Сливене.

Вопрос о его учреждении возник в ходе русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. По мере свертывания боевых действий и приближения мира перед командованием и дипломатией России все отчетливее и тревожнее вставала болгарская проблема – что будет с населением после ухода русской армии? Во время войны болгары оказали действительную помощь войскам, радушно встречая русских как освободителей; в юго-восточных районах болгары готовили восстание; вооружалось все мужское население: некоторые для защиты только своей семьи, но многие вступали в волонтерские отряды, сражались вместе с русской армией, а нередко действовали самостоятельно и без всяких санкций русского командования расправлялись с турецкими притеснителями.

В ходе войны стало ясно, что проблема болгар, взявшихся за оружие, неизбежно обострится. Политические и военные планы России не предусматривали ни территориальных, ни иных изменений в европейской части Османской империи,¹³ следовательно, высшим дипломатическим и военным кругам было известно заранее, что болгарский народ останется под властью Порты. Поэтому командование испытывало тревогу, видя порыв народа к освобождению, самочинные расправы с турками, стремление активно участвовать в боевых действиях вместе с русской армией. Офицер русской армии А.О.Дюгамель вспоминал, как трудно было удерживать болгар в спокойствии, подавлять взрывы ненависти их к угнетателям-мусульманам. Уже во время войны многие намеревались последовать за русской армией и переселиться в Россию.¹⁴

Предложение о переселении некоторого количества болгар в Россию было высказано накануне войны самим царем. Сформирование болгарского отряда в составе русских войск Николай I разрешал лишь в том случае, если добровольцы “согласятся и обяжутся по заключении мира с Османской Портою переселиться в Россию”, чтобы избежать расправы со стороны турецких властей.¹⁵

По мере приближения конца войны в переписке И.И.Дибича с императором все чаще встает вопрос о судьбе болгар, в той или иной форме участвовавших в борьбе с османами. Командование вполне осознавало моральную ответственность за судьбы людей, так или иначе вовлеченных в военные действия. Задача сохранения политического влияния среди болгар требовала позаботиться о тех, кто во время войны открыто проявил приверженность к России и ненависть к османским властям. Легко было предположить, что не только взявшиеся за оружие, но и все мирное болгарское население по уходе русской армии станут жертвой массовых репрессий. Осознавая эту опасность и желая предотвратить возможную трагедию, российская дипломатия включила в Адрианопольский мирный договор, подписанный 2 (14) сентября 1829 г. и возвращавший все болгарские территории под власть султана, не только статью XIII о полной амнистии тем, кто выступал на стороне какой-либо из договаривающихся сторон, гарантировавшую личную безопасность и неприкосновенность имущества, но и усилила ее рядом оговорок, которые разрешали всем желающим болгарам, не опасаясь никаких притеснений, на протяжении 18-и месяцев после заключения мирного договора продажу имущества и беспрепятственное переселение со своими семьями в другую страну, избранную по их усмотрению. Так открывалась легальная возможность эмиграции болгарского населения из Османской империи. Опираясь на положения статьи XIII, уже с 16 сентября 1829 по 13 марта 1830 г. в Россию отправились около 280 семей.¹⁶ Однако основная масса болгар еще надеялась на улучшение положения дел на родине. Популярной оставалась идея восстания до отхода русских войск. Такое выступление готовил Г. Мамарчев. Но обе попытки поднять восстание, предпринятые им, окончились неудачей.¹⁷

Еще до ухода русских войск из Болгарии вооруженные разбойничьи шайки османов стали чинить насилия над христианами.¹⁸ Особенно тяжело пострадали болгары Сливена и его окрестностей, которые были особенно активны во время только что закончившейся войны.¹⁹ Как писал об обстановке того времени Г.С.Раковский, “леса Балканского хребта кишели вооруженными османами, готовыми расправиться с беззащитными болгарами, как только русские войска уйдут в Россию, и положение болгарского населения было столь трагичным, что иного выхода, как переселение, оно не видело”.²⁰

Нелегко далось болгарам решение об эмиграции. По вопросу, какой путь избрать, - остаться или переселиться – разгорелась ожесточенная борьба среди населения Сливена и близлежащих городов.²¹

В Сливене находилась главная квартира русской армии. Болгары неоднократно обращались к русскому командованию с жалобами на свое положение и с просьбами помочь им переселиться из Османской империи в Россию. Они направили в начале 1830 г. в штаб-квартиру русских войск представительную депутацию. В ее состав вошли «жители Сливена, Ямбола, Неры, Казана, Башкиой и Карнобата, ... чтобы получить разрешение на массовую эмиграцию и помощь в их переселении.²² Они представили списки тех, кто желал эмигрировать в Россию.²³ Депутация была принята И.И.Дибичем. Он ознакомил болгар с фирманом об амнистии, опубликованным в ноябре 1829 г., заверив при этом, что «турецкое правительство приняло эффективные меры к осуществлению этого акта», и рекомендовал им «доверие и покорность по отношению к турецкому правительству»²⁴

Реакцию болгар на это заявление Дибича передал Раковский: «О какой амнистии вы говорите? Турки не слушают своего султана!»²⁵ В ходе беседы с русским главнокомандующим представители болгарского населения изъявили твердое намерение переселиться, а также выразили желание иметь в этом районе русского консула, присутствие которого будет гарантией постоянного покровительства российского двора.²⁶ Желание большого числа христиан переселиться в Россию (как указывал Дибич в своем донесении К.В.Нессельроде, – от 30 до 40 тыс. человек, в основном, болгар)²⁷ и их настойчивость заставили главнокомандующего обратиться за соответствующими инструкциями к своему правительству. В письме к А.И.Чернышеву от 13 января 1830 г. он высказался против их массовой эмиграции, считая «полезнейшим не ослаблять в краю том христианского населения».²⁸ Такое отношение к переселению болгар встретило одобрение Николая I, разделявшего мнение Дибича по политическим и экономическим соображениям. Отток большой массы христианского населения из этого региона Балкан ослабил бы позиции царизма как покровителя христиан Османской империи и создавал бы трудности для проведения его политики в дальнейшем. Учитывая, что свободных земель на юге России оставалось мало и в основном это были малопригодные для земледелия участки, что создавало трудности для устройства большого числа переселенцев и потребовало бы значительных расходов правительства, царь считал необходимым ограничить эмиграцию болгарского населения в Россию. Он предписал Дибичу разрешать воспользоваться правом переселения «только тем жителям Болгарии и Румелии, которые непосредственно или косвенно принимали участие в военных действиях против турок». Таким лицам разрешалось оказывать помощь при переезде в Россию. Прочим же было предписано ограничить выдачу паспортов,

правда, с оговоркой, – насколько это представится возможным без нарушения ст. XIII. Это повеление царя было направлено Дибичу 5 (17) февраля 1830 г.²⁹ Таким образом, в условиях стихийно формировавшейся болгарской эмиграции царское правительство вынуждено было либо оказать помощь болгарам в их решении покинуть свою родину из страха перед репрессиями со стороны османов, либо утратить свой авторитет среди них. На последнее Россия пойти не могла, так как это означало изменить своей политике покровительства христианскому населению Османской империи и потерять свое влияние на Балканах. Однако, оказывая помощь болгарам в переселении, петербургский кабинет приложил максимум усилий, чтобы остановить их массовую эмиграцию.

Он принимал все меры, чтобы обеспечить соблюдение ст. XIII Адрианопольского мира. Специальный посланник царя в Константинополе А.Ф.Орлов получил указание обратить внимание Порты на выполнение обязательств по этой статье.³⁰ Российскому посланнику в Константинополе А.И.Рибопьеру были даны указания “потребовать от Порты направить местным властям самые точные приказы, обеспечивающие строгое проведение фирмана об амнистии”.³¹ И.И.Дибичу была направлена инструкция, в которой от имени императора предписывалось принять все меры убеждения, чтобы «успокоить волнение, охватившее христианское население Румелии, и остановить тенденцию, которую оно проявляет к эмиграции».³² И.И.Дибич, пригласив спустя 40 дней болгарскую депутацию, дал ей ответ в соответствии с инструкциями, полученными от своего правительства. Он сообщил депутатам, что его правительство предоставляет возможность переселиться в Россию и обязуется оказать помощь им в этом переселении. Но при этом он подчеркнул, что предоставляя болгарам право переселения на основании ст. XIII Адрианопольского мирного договора, оно “нисколько к тому их не приглашает”.³³ Члены депутации передали слова Дибича жителям пославших их городов. Сливенцы стали организаторами переселенческого движения, во главе которого встал Иван Селиминский, врач и известный общественный деятель.

В начале апреля, после очередной неудачной попытки Г.Мамарчева поднять восстание, определился основной контингент желающих эмигрировать. Победила партия сторонников переселения, которое было назначено на середину апреля 1830 г., до окончательного ухода русских войск, начавшегося 25 апреля (7 мая).³⁴ 13 (25) апреля на Айтоском поле, месте встречи всех готовых к переселению, собралось около 100 тыс. человек, главным образом из Сливена, Ямбола, Варны, Стара-Загоры и их окрестностей.³⁵ Русские военные власти оказывали помощь в подготовке и отправлении тех, кто изъявил желание эмигрировать в Россию. Они занимались составлением списков для обеспечения каждой семьи паспортами и проездными билета-

ми.³⁶ Интендантство армии принимало меры к снабжению нуждавшихся продовольствием на все время пребывания в пути.³⁷ Тем же, кто желал остаться на родине, оказывалась помощь семенами, необходимыми для сева.³⁸ Было удовлетворено и другое пожелание болгар: в Сливене было учреждено российское консульство.³⁹ Для осуществления контроля за исполнением ст. XIII и для защиты интересов оставшихся жителей в Сливен был назначен российский консул. Намерение значительной части болгарского населения юго-восточных районов страны покинуть свою родину стало непосредственным побудительным толчком, заставившим ускорить прибытие официального представителя России в Сливен.

Первым консулом России в болгарских землях был назначен сотрудник российской миссии в Константинополе коллежский асессор Г.В.Вашенко, ранее участвовавший в переговорах в Аккермане. Согласие Порты на это было поручено в ходе переговоров в Константинополе посланника царя А.Ф.Орлова с турецким министром иностранных дел. Как сообщал А.Ф.Орлов в Петербург, берат (патент) был выдан Портой после многих затруднений и сопротивления.⁴⁰ Эта информация противоречит высказанному ранее в литературе утверждению о том, что на учреждение консульства в Сливене «Порта согласилась сравнительно легко».⁴¹ Патент на звание консула в Сливене и берат от Порты, признававший его назначение, были вручены Г.В.Вашенко 4 (16) апреля 1830 г. На место своего назначения консул прибыл 20 апреля (2 мая) того же года⁴² и пробыл здесь до конца 1833 г. Направление Вашенко в болгарские земли преследовало и другую цель. В инструкции ему И.И.Дибич подчеркивал, что основная цель его деятельности – остановить эмиграцию болгар, «которая весьма мало соответствует интересам России и будет гибельна для Оттоманской империи». Поэтому во всех населенных пунктах, которые консул будет посещать, ему предписывалось «возобновить перед болгарам заверения, что амнистия будет строго выполняться».⁴³ Назначение российского консула во внутренние болгарские земли, не предусмотренное постановлениями мирного договора, вызвало осложнения в отношениях между Россией и Турцией. Порта расценила это назначение как стремление царского правительства побудить болгар к переселению. Узнав о том, что большое число болгар подготовилось к эмиграции, турецкое правительство обратилось с протестом к А.Ф.Орлову, считая, что она вызвана деятельностью русских агентов. Великий визирь написал по этому поводу И.И.Дибичу. В своем ответе главнокомандующий объяснил, что Порта заблуждается на сей счет, и дал подробные разъяснения.⁴⁴ Графу Орлову были даны специальные инструкции, в которых предписывалось в его объяснениях с турецким министерством рассеять эти подозрения. Было подчеркнуто, что «назначение консула, присутствие которого должно способствовать тому, чтобы остановить поток

эмиграции, так же соответствует интересам Порты...⁴⁵ Такие же разъяснения были даны турецким представителям в Петербурге. В результате этих действий российской дипломатии назревавший конфликт был предотвращен.⁴⁶

Таким образом, обнаруженные нами документы являются, на наш взгляд, материалами принципиального характера. Они с очевидностью свидетельствуют, что эмиграционное движение болгарского населения, начавшееся по окончании русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. и достигшее кульминации весной – летом 1830 г., было вызвано стихийным побуждением народных масс к бегству из опасения жестоких репрессий со стороны османов.

Из этих документов явствует, что правительство Российской империи не только не являлось организатором этой эмиграции, но и предприняло все меры для того, чтобы остановить ее. Оно сдержанно относилось к массовой эмиграции в силу опасения осложнений международного характера в обстановке только что закончившейся войны.

Тактика Петербурга заключалась в контроле за строгим соблюдением Портой ст. XIII Адрианопольского мирного договора.

Россия, предоставляя болгарам, принимавшим участие в военных действиях на стороне русской армии, право переселения в любую страну по их выбору, не ожидала столь массового исхода болгарского населения. Поставленная перед дилеммой сохранить мир с Турцией и не потерять свой авторитет среди православного населения Османской империи, она, выполняя взятые на себя по Адрианопольскому миру обязательства, оказала помощь болгарам в их стихийно формировавшемся переселении, но одновременно, исходя из своих экономических и политических интересов, предприняла все меры к ограничению его.

История российского консульства в Сливене непосредственно связана с личностью Герасима Васильевича Ващенко, вся дипломатическая деятельность которого прошла на Балканах. Оценки деятельности и личности консула, встречавшиеся в литературе, давались поверхностно и были зачастую негативны. Так, Г.Раковский на основе воспоминаний людей старшего поколения утверждал, что у российского консула не сложилось добрых отношений с местным населением и русские власти отзывали его.⁴⁷ М.Арнаулов также привел крайне отрицательную оценку личности Г.В.Ващенко как неблагонадежного, сурового в обращении с людьми человека. Болгары, по его утверждению, в отчаянии направили жалобу российскому посланнику в Константинополь, в результате чего консул был перемещен в Сербию.⁴⁸ Более мягкую характеристику дал С.Табаков. По его мнению, у Г.Раковского не было точных сведений о поведении российского консула. Из рассказов старожилов этот историк выяснил, что несколько наиболее богатых жителей

Сливена написали российскому посланнику в Константинополь о том, что не желают присутствия Ващенко в городе, в результате чего тот и был отозван. При этом С. Табаков отдавал должное деятельности Г.В. Ващенко, признавая, что он, несомненно, действовал согласно инструкциям своего правительства и сумел защитить болгарское население от мести турок. А после его отъезда начались расправы над жителями города. Однако болгарский историк полагал, что никаких других дипломатических поручений, кроме защиты болгар от мести турок, сливенский консул не имел, и поэтому считал бесполезным искать в архивах его донесения, тем более могущие подтвердить или опровергнуть ситуацию с его отзывом.⁴⁹

Ни подтвердила, ни опровергла эти мнения болгарских историков Л.И. Степанова в статье, посвященной истории создания и основным аспектам деятельности российского консульства в Сливене. Говоря о причинах его закрытия, автор сочла, что “функции его были исчерпаны”, что и “привело к естественному затуханию его деятельности”, а свидетельств конфликта консула с болгарским населением и недовольства им она не обнаружила.⁵⁰

Однако нам удалось найти материалы, позволившие однозначно ответить и на этот вопрос.

Донесения Г.В. Ващенко, регулярные и подробные, касаются практически всех сторон жизни болгарского общества того времени. Их дополняют записки консула о состоянии хозяйства, развитии торговли и ремесел в болгарских землях в период его пребывания там, передающие реальную обстановку начала 30-х годов XIX в. Эти документы довольно подробно показывают условия жизни болгарского и турецкого населения в тот сложный период, а самое главное – позволяют характеризовать самого консула как человека, глубоко сочувствовавшего болгарам, равнодушного к их бедам, стремившегося активно помогать в решении возникавших проблем в пользу болгар.

Из документов видно, в каких чрезвычайно трудных условиях пришлось болгарам этих районов восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Главная трудность по-прежнему, несмотря на некоторые положительные моменты в политике османского правительства по отношению к немусульманскому населению, состояла в угнетении христианских подданных Порты. Консул в своих донесениях приводит многочисленные примеры притеснений болгар турками, которые старались отыграться за свои страхи и потери в только что окончившейся войне. Враждебность турецкого населения, помимо противостояния местных властей распоряжениям центральной власти, зачастую проявлялась и в открытой форме – в виде угроз, избиений и даже убийств христиан.⁵¹ Много жалоб и обращений к консулу со стороны болгар вызывали налоги. Султанское правительство, не желая мириться с

потерей доходов с Силистрийского санджака, бывшего до войны житницей Османской империи, часто вопреки своим же постановлениям и обещаниям послаблений в пользу райи продолжало взимать “такие налоги, что не только христиане, но даже турки говорят, что больше не могут терпеть”. Причем, местные власти старались переложить бóльшую часть налогового бремени на болгар.⁵²

Показательно, что со всеми своими невзгодами, в поисках справедливой решения своих проблем болгары шли к российскому консулу, видя в нем защитника. Как следует из документов, последний был в курсе всех забот, которые волновали болгар Сливена и окружающих городов и сел. В соответствии с предписанием “не вмешиваться в домашние дела”, Г.В.Ващенко должен был соблюдать осторожность, чтобы не вызвать нареканий со стороны Порты. Лишь в крайних случаях ему разрешалось прибегать к “официальным настояниям, используя внушения и советы”. По отношению к болгарскому населению консулу рекомендовалось успокаивать его.⁵³ Однако документы свидетельствуют, что Г.В.Ващенко занимал активную позицию в деле защиты интересов болгар. Так, когда при проведении очередной переписи населения в 1832 г. турецкие власти на местах старались переложить на болгар-бедняков бóльшую часть налогов, консул вступился “за беззащитных перед аяном (главой городской власти – О.М.) Сливена, и тот был вынужден отменить повышенные поборы с бедняков, возложив их на зажиточных болгар”.⁵⁴ Из документов видно, что он не только заступался перед местными турецкими властями за обиженных, не только давал им советы обращаться за помощью к высшей турецкой администрации, но и сам сообщал рушукскому паше и его каймакаму (наместнику) о нарушениях местными властями постановлений в отношении христиан. Следует отметить, что обращения Г.В.Ващенко зачастую встречали положительную реакцию у главы османской администрации края Гюссейн-паши Адрианопольского и наместника Гассан-бея. Так, по представлению консула верховный правитель Силистрии “наказал и сместил аянов ряда городов за злоупотребления против болгар”.⁵⁵

Естественно, эта деятельность Г.В.Ващенко вызывала недовольство турок. В одном из донесений он писал: “Турецкий народ,... видя своеволие свое несколько обузданным, приписывает сие действиям моим”. Однако сам он считал, что не столько его деятельность, сколько меры султанского правительства способствовали некоторому улучшению положения христианского населения в крае. Обозлившись на то, что возвращающимся болгарам отдают их дома, сады и все имущество, которое захватили местные турки, и решив, что это – результат вмешательства российского консула, турецкое население требовало его удаления.⁵⁶

Но почему в болгарской исторической литературе упоминается жалоба болгар на действия консула как на причину его отзыва из Сливена? Ведь из документов видно, что Г.В.Ващенко защищал интересы болгар и часто весьма успешно. Так была ли жалоба болгар на него или нет? И в чем причина ее появления, если она была? В документах сливенского консульства мы нашли ответ и на этот вопрос.

Да, действительно, конфликт имел место. И назрел он во взаимоотношениях консула с верхушкой болгарской общины (нотаблями, старейшинами, как он их называл в своих донесениях) Сливена и округи. О причинах возникновения и развития этого конфликта повествуют подробные донесения Г.В.Ващенко о ситуации, сложившейся в абаджийстве (сукноделии) – основном занятии жителей этого края. Сливен издавна славился тем, что здесь умели выделять отличного качества сукно. Спрос на сукно большой во всей Турции, сообщал консул, а после выселения из Сливенского края многих семей, цены на него резко возросли, почти все жители занялись этим ремеслом.⁵⁷ Сукно было необходимо в больших количествах армии.

Из донесений явствует, что в 1831 г. в Сливене и округе начались государственные поставки сукна (абы) для османской армии, когда казноу впервые было заказано 40 тыс. штук абы (в разные годы и в разных районах штука абы была разной длины – от 7 до 15 м и более).⁵⁸ В последующие годы заказы возрастали – до 50 тыс. штук в 1833 г. В этом же году были введены поставки сукна для флота – по 5 тыс. штук для Сливена и Котела. Естественно, заказы были значительным стимулом развития этого производства. Г.В.Ващенко отмечал, что поставки в таких количествах не были затруднительны для местного населения, так как только в Сливене ежегодно производилось более 100 тыс. штук абы.⁵⁹

Но донесения консула о ходе выполнения этих заказов позволяют на примере конкретной ситуации, сложившейся в крае в данной отрасли производства, увидеть, как происходил процесс первоначального накопления капитала, и те социальные явления, которые шли в болгарском обществе в данном обществе.

Хотя выполнение заказов на абу не вызывало, по словам консула, затруднений, оно привело к ухудшению положения простых ремесленников. Г.В.Ващенко видел причину этого в том, что в распределении поставок среди населения не было порядка и справедливости. Большой спрос на сукно способствовал обогащению болгарской верхушки, сращиванию ее с турецким чиновничьим аппаратом, ускорению расслоения болгарского общества. Болгарские старейшины, чорбаджии (торговцы шерстью) сделались монопольными поставщиками шерсти, а поставки сукна превратили в монополию и совместно с аяном, кади и воеводой (“надзиратель торговых сборов города”, как поясняет Ващенко) Сливена установили настоящий диктат в

сбыте этой продукции. Они подкупами и обманом получали специальные фирманы, позволявшие только им закупать шерсть в селах, продавать ее ремесленникам по установленным ими произвольно высоким ценам, а также скупать сукно по самым низким ценам, причем поставщики произвольно увеличили срок поставки, продлив ее на весь год, чтобы “сие время они одни только покупали абу, из которой самую низшую отправляли в Константинополь для войска, а лучшую продавали тайно высшими ценами посторонним покупателям, которые платили воеводе за позволение вывезти товар из города”.⁶⁰ По сообщениям консула, сливенский аян и его приспешники под предлогом образования товарищества по закупке шерсти пригласили 20 человек из абаджийского цеха и собрали с них от 5 до 10 тыс. пиастров в качестве взноса до получения денег из казны. И хотя позднее правительство выплатило всю сумму, цеховым денег не вернули. Аян же “удалил всех, цеховых от участия в торговле, определив для этого прежних поставщиков и несколько евреев”.⁶¹

В своих действиях аян и его приспешники не останавливались ни перед чем. Когда болгарским старейшинам Котела удалось принести жалобу на беззакония сливенского аяна своему соотечественнику, видному турецкому сановнику Г.Богориди, те “очернили старейшин перед правительством до того, что оно повелело фирманом пятерых из них сослать в ссылку”.⁶²

Г.В.Вашенко отмечал, что все это сливенский аян и воевода делают в согласии с богатыми болгарскими городами, “которые в силу личных интересов более турки, чем христиане”. Притеснения со стороны местных турецких властей часто совершаются “по согласию с болгарскими старейшинами и при деятельном их содействии”. Дружеский совет консула болгарским старейшинам не притеснять своих сограждан монополией на поставку сукна, а справедливо распределить поставки “не имел другого действия, кроме неудовольствия”.⁶³ Г.В. Вашенко располагал сведениями о “раздорах” между различными слоями болгарского населения и в других городах края.

Эти действия местных властей поставили жителей в полную зависимость от узкого круга лиц. Для бедняков продажа сукна оказалась даже убыточна, монополисты же “чувствительно” выгадали. Все это вызвало “всеобщий ропот” среди населения.⁶⁴ Болгары-ремесленники Сливена не раз обращались по этому поводу к консулу, который в подобных внутренних конфликтах старался быть очень осторожен, советуя жаловаться высшим властям. Осуждая несправедливые действия местных турецких властей и верхушки болгарского общества, Г.В.Вашенко, однако, не смог оставаться равнодушным и сам доводил до сведения высшей османской администрации края истинное положение дела. При встрече в Русуке (современный Русе) с каймакамом пашалыка он говорил, сколь тягостна для бедных жителей поставка сукна, монополизированная несколькими лицами. Гассан-бей обе-

шал ходатайствовать перед правительством о справедливом порядке выполнения государственных заказов на сукно. И в 1833 г. был издан фирман о праве жителей свободно покупать шерсть в соседних округах “по вольным ценам”. Однако в ход пошли взятки, и соответствующие документы на покупку шерсти вновь оказались у нескольких лиц. Жители снова вынуждены были покупать у них сырье по высоким ценам.⁶⁵

Беззакония, творимые аяном, воеводой и зажиточными болгарами, вызвали крайнее недовольство как болгарского, так и турецкого населения края и их совместные действия против притеснителей – была направлена общая жалоба на них рушукскому паше, что само по себе являлось невиданным и свидетельствует о крайней степени накала страстей. Г.В.Вашенко поддержал жалобу. По этой жалобе Гюсейн-паша прислал для проверки одного из своих людей. В результате проверки по повелению паши жителям Котела было отдано “в собственное их управление сбор городских доходов и выбор для этого начальника по усмотрению их, а селимскому аяну оставлено только сбор абы, и то без принуждения, но единственно купеческим образом”.⁶⁶

В Сливене же аян по подозрению в жалобе на него “арестовал человек двадцать цеховых, удалил всех цеховых от торговли на рынке сукна, запретил продажу шерсти по селениям под опасением жестокого наказания... Таким образом, – писал Г.В.Вашенко, – люди, не имея теперь шерсти, остаются без работы, и выделка абы может от того замедлиться”. Отношение сливенского аяна к российскому консулу стало открыто враждебным. Он запретил болгарам общаться с ним и “держит, как поднадзорного”. А богатые болгары, заинтересованные в сохранении своей монополии на поставку абы, подстрекали аяна на жестокое обращение с бедняками; на самого же консула подали жалобу сераскеру (главе военного ведомства), обвинив его в подстрекательстве болгар к неисполнению поставок “мятежным способом”. Одно из донесений Г.В.Вашенко содержит объяснения в связи с этой жалобой.⁶⁷

Итак, как видим, жалоба была. Но не от простых болгар, к которым российский консул, по словам М.Арнаудова, жестоко относился. Как свидетельствуют документы, в конфликте, возникшем в сливенском округе в связи с поставками, Г.В.Вашенко принял сторону “обижаемых” простых ремесленников, поддержал их жалобы верховным властям пашалыка, и это вызвало ответные действия тех, в чьих интересах было сохранение своей монополии в городе и кому мешали действия представителя России. Ими были болгарские “нотабли” – верхушка болгарского общества, из среды которых вышел Г.Раковский. Возможно, что именно от окружавших его в детстве и отрочестве людей он слышал негативные отзывы о личности российского консула, на основе которых сформировалась его оценка личности и деятель-

ности Г.В.Ващенко.⁶⁸ Тем более, что эта оценка вписывалась в общую концепцию Г.Раковского виновности царского правительства перед болгарями, о которой мы уже упоминали. И лишь через полтора века обнаруженные документы позволили установить подлинный ход развития события, причину, вызвавшую отзыв из Сливена первого российского консула в болгарских землях. Именно твердая позиция в защите интересов простых болгар-ремесленников стоила Г.В.Ващенко его отзыва из Сливена. Как видим, ближе к истине оказался в оценке деятельности консула С.Табаков.

Конечно, активная позиция консула в этом вопросе противоречила тем инструкциям об образе действий, которые он получил при своем назначении, это было вмешательство в сугубо внутренние дела местных жителей. Можно предположить, что царское правительство, придерживаясь своей политики поддержания дружественных отношений с Портой, не хотело обострять ситуацию (тем более, что основная цель учреждения консульства – остановить массовую эмиграцию болгарского населения – была выполнена) и отозвало Г.В.Ващенко.

Консул покинул Сливен в начале декабря 1833 г. Последнее его донесение из этого города датировано 9 (21) декабря. Он был отозван в Константинополь в качестве управляющего коммерческой канцелярией с сохранением звания и оклада консула. Ему было предписано при отъезде объявить местным властям и болгарским старейшинам, что “высочайший двор отнюдь не уничтожает в оном городе консульства”, что в случае необходимости Г.В.Ващенко будет наезжать в Сливен.⁶⁹ Однако документов о том, бывал ли он впоследствии в этом городе, не обнаружено. Возможно – пока.

Отзыв из Сливена не сказался отрицательно на дальнейшей карьере Г.В.Ващенко. Будучи уже надворным советником со старшинством (с 1831 г.), он перед своим отъездом был награжден Знаком отличия “Безупречность службы за XX лет”. Дальнейшая его дипломатическая деятельность связана с Балканами: консул в Галаце, Осове, генеральный консул в Сербии, а затем в Адрианополе. Закончил дипломатическую службу Г.В.Ващенко в чине статского советника со старшинством, имея несколько орденов, в том числе два ордена св. Анны 2-ой степени и орден св. Владимира с мечами.⁷⁰ Таким образом, обнаруженные нами документы являются, на наш взгляд, материалами принципиального характера, позволившими дать однозначный ответ на основные вопросы, касающиеся эмиграции болгарского населения Юго-Восточной и Восточной Болгарии и действий российской дипломатии по защите интересов болгарского населения в этом регионе Османской империи после окончания русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Дружинина Е.М.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 353.
- ² *Стоилова Т.* Първи опит за откриване на руско консулство в българските земи // Военноисторически сборник. 1983. № 2.
- ³ *Раковски Г.* Горски пътник. – Съчинения. Ред. проф. М. Арнаудов. София, 1922; *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878; *Табаков С.* История на град Сливен. Т. I. София, 1911; *Арнаудов М.* Селимински. Живот – дело – идеи (1799 – 1867). София, 1938; *Коновев В.Д.* Национално-освободително движение в България в 1828 – 1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М.; Л., 1960. Т. 20; *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975; *Кристанов Ц., Маслев С., Пенаков И.* Доктор Иван Селимински като учител, лекар и общественик. София, 1982; *Велики К.* Емигрирането на българите от Сливена във Влахия през 1830 година // Страници от миналото на българския народ. София, 1987; *Матеева М.* Чуждите консулства в българските земи през Освобождението // Международни отношения. 1976. № 1; *она же.* Консулските отношения на България 1879 – 1988. София, 1988; *Стоилова Т.* Указ. соч.
- ⁴ *Табаков С.* Указ. соч. Т. 2. С. 142.
- ⁵ Подробно см. *Медведева О.В.* Материалы российского консульства в Сливене как источник для изучения положения болгарского населения в 30-е годы XIX века // Славяноведение. 1995. № 5. С. 69 – 73.
- ⁶ *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России) // Советское славяноведение. 1988. № 4; *Медведева О.В.* Проблемът за българска емиграция в русия през 1830 г. в дейността на руската дипломатия // Известия за държавните архиви. София, 1989. Кн. 57; *Степанова Л.И.* Первое консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830 – 1833) // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989; *Медведева О.В.* Положение болгарских земель в 30-е годы XIX в. (По донесениям первого российского консула в Сливене Г.В.Вашенко). // Вестник Приднепровского университета. №1. 2005. С. 110 – 125.
- ⁷ *Дойнов С.* Преселнически движения от българските земи по време на руски-турските войни през първата половина на XIX в. – В сб.: Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 310.
- ⁸ *Кисимов П.* Бягство на сливенци подир руските войски на 1830 г. *Кисимов П.* Бягство на сливенци подир руските войски на 1830 г. – Българска сбирка, г. Х, кн. I. София, 1903; *Велики К.* Румыно-русска помощ, оказанна болгарам, емигрировавшим в румынские княжества вследствие войны 1828 – 1829 гг. // *Romanoslavica*, v. li. București, 1958; *Velichi C.* Așezăminele coloniștor bulgari din 1830 // *Romanoslavica*, v. III. București, 1958; *Velichi C.* Emigrări la Nord și la Sud de Dunăre în perioada 1828 – 1834. – *Romanoslavica*, v. XI. București, 1965; *Велики К.* Изселването от Карнабат във Влашко през 1830. – Известия на Институт за история. Т. 16 – 17. София, 1966; *Мещерюк И.И.* Переселение болгар в южную Бессарабию. 1828 – 1834 гг. Кишинев, 1965; *Velichi C.* Emigrarea bulgarilor din Sliven în Țara-Românească în anul 1830. // *Romanoslavica*, v. X. București, 1965; *Велики К., Трайков В.* Българската емиграция във Влашка след Руско-турската война 1828 – 1829 гг. Документи. София, 1980; *Трайков В.* Българска емиграция във Влашко след Руско-турската война от 1822 – 1829 г. – В сб.: Одринският мир от 1829 г. и балканските народи. София, 1981; *Trajkov V.* Les aspects socio-économiques de l'émigration bulgare en Valachie après la guerre Russo-turc de 1828 – 1829. // *Etudes balkaniques*, № 4, 1983.
- ⁹ Приведем лишь последние: *Дойнов С.* Указ. соч.; История на България в 14 томах. Т. V. София, 1985; *Трайков В., Жечев Н.* Българската емиграция в Румъния XIV в. – 1878 година и участието и в стопанския, обществено-политически и културния живот на румънския народ. София, 1986; *Хаджиниколова Е.* Българските преселници в Южните области на Русия 1856 – 1877. София, 1987.

- ¹⁰ Дойнов С. Указ. соч. С. 308–309; *Velichi C. Emigrarea bulgarilor...* С. 113; *Пастухов С.* Българска история. Т. II. София, 1943. С.659; *Кристанов Цв., Маслев С., Пенаков И.* Указ. соч. С.80; *Хаджиниколова Е.* Указ. соч. С. 26; *Трайков В.* Руски-турските войни през XVIII – XIX в. и преселнига на българни на север от Дунава. // Военноисторически сборник. София, 1986. № 3. С. 14 – 16.
- ¹¹ *Раковски Г.* Съчинения. Ред. проф. М.Арнаудов. София, 1922. С.57- 60. .
- ¹² *Бернштейн С.Б.* Страницы из истории болгарской эмиграции во время русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М. – Л., 1949. № 1. С.333 – 337; *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С. 81 – 83; *Грачев В.П.* К вопросу переселения болгар в Россию в начале XIX в. (1800 – 1806). – В сб.: Българското възраждане и Русия. София, 1981. С.284 – 285
- ¹³ *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. С. 198 – 199; *Конобеев В.Д.* Указ. соч. С. 252.
- ¹⁴ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. // Русский архив. 1885. № 2. С. 217.
- ¹⁵ *Конобеев В.Д.* Указ. соч. С. 232.
- ¹⁶ *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С. 87.
- ¹⁷ *Възвъзова-Каратеодорова К.* Капитан Георги Мамарчев. 1786 – 1846. София, 1986. С. 64 – 74.
- ¹⁸ *Дойнов С.* Указ. соч. С. 307.
- ¹⁹ *Табаков С.* Указ. соч. Т. 2. София, 1924. С. 142.
- ²⁰ *Раковски Г.* Горски пътник. – Съчинения. Ред. проф. М.Арнаудов. С. 106 – 107.
- ²¹ *Табаков С.* Указ. соч. Т. 2. С. 142 – 146.
- ²² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Фонд Посольство в Константинополе (далее – ф. ПК). Д. 812. Л. 61.
- ²³ АВПРИ, Ф. Канцелярия (далее – ф.К.). 1830. Д. 72. Л. 351.
- ²⁴ АВПРИ, Ф.ПК. 1830. Д. 812. Л. 7.
- ²⁵ *Раковски Г.* Горски пътник. С. 106.
- ²⁶ *Арнаудов М.* Селимински – живот - дело - идеи.(1799 – 1867). София, 1938. С.137; АВПРИ, ф.ПК. Д.812. Л.9.
- ²⁷ АВПРИ. Ф.К. Д. 72. Л. 230.
- ²⁸ *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С.81.
- ²⁹ *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С. 82.
- ³⁰ АВПРИ. Ф.К.1830. Д. 57. Л. 107.
- ³¹ АВПРИ.Ф. К.1830. Д. 60. Л. 95об.
- ³² АВПРИ. Ф.К. 1830. Д. 72. Лл. 234 – 236.
- ³³ *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С. 82.
- ³⁴ 34. Центральный государственный архив древних актов РФ (ЦГАДА РФ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 301, ч. 2. Л. 462.
- ³⁵ *Табаков С.* Указ. соч. Т. II.С. 145, 147; *Селимински И.* Народното братство в гр. Сливен и голямото народно преселение в 1830 г. – Библиотека «Д-р Ив. Селимински», кн. IX. София, 1928. С. 71 – 76.
- ³⁶ *Табаков С.* Указ. соч. Т.II. С. 140;
- ³⁷ *Мещерюк И.И.* Указ. соч. С. 90; АВПРИ. Ф.К. 1830. Д. 72. Л. 434.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. ПК. Д.812, Л.17.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Главный архив (далее – ГА). IV-2. 1829 – 1831. Д.1. Л.4, 11 – 12.
- ⁴⁰ Там же. Л. 39.
- ⁴¹ *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 170.
- ⁴² АВПРИ, Ф.ПК. 1830. Д. 812. Л. 5 – 5 об.; там же. 1830. Д. 813. Л.12.
- ⁴³ Там же.1830. Д. 813. Л. 6 – 7 об.
- ⁴⁴ Там же. 1830. Д. 812. Л. 9.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф.К. Д. 60. Л. 95; Д. 58. Л. 280 – 280 об.

- ⁴⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1830. Л.105.
- ⁴⁷ Раковски Г. Горски пътник. С. 122 – 127.
- ⁴⁸ Арnaudов М. Указ. соч.. С. 137.
- ⁴⁹ Табаков С. Указ. соч. Т. II. С. 166 – 168.
- ⁵⁰ Степанова Л.И. Указ. соч. С.176.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф.ПК. 1832. Д. 818. Л. 41 и др.
- ⁵² Там же. 1830. Д.813. Л. 75 об., 66, 183.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. Л. 16 – 21.
- ⁵⁴ АВПРИ. Ф.ПК. 1832. Д.818. Л.76 – 77.
- ⁵⁵ Там же. 1833. Д. 820. Л.41 об.
- ⁵⁶ Там же. 1831. Д. 817. Л. 17; 1832. Д. 818. Л.11 об. – 12.
- ⁵⁷ Там же. 1831. Д. 817. Л.55 об.
- ⁵⁸ Тодоров Н. Балканский город XV – XIX веков. М., 1976. С. 200, 456 – 457; АВПРИ. Ф.ПК. 1831. Д. 817. Л. 9.
- ⁵⁹ АВПРИ. Ф. ПК. 1833. Д. 819. Л. 45 об.; 1833. Д. 820. Л. 84.
- ⁶⁰ Там же. 1832. Д. 818. Л. 48 – 49; 1833. Д. 820. Л. 58 – 61 об., 66 – 67.
- ⁶¹ Там же. 1833. Д. 820. Л. 85.
- ⁶² Там же. Л. 46.
- ⁶³ Там же. 1832. Д.818. Л.49 об., 68; 1833. Д. 819. Л. 148.
- ⁶⁴ Там же. Д.818. Л. 85 – 85 об.; Д. 819. Л. 106 – 108.
- ⁶⁵ Там же. Д. 818. Л.49, 85 об.; Д.819. Л. 108 об.; Д.819. Л. 148 – 149.
- ⁶⁶ Там же. 1833. Д. 820. Л. 21, 84.
- ⁶⁷ Там же. Л. 47 – 48; 58 – 67.
- ⁶⁸ Трайков В. Георги Стойко Раковски. Биография. София, 1974.
- ⁶⁹ АВПРИ. Ф.ПК. 1833. Д. 819. Л. 342 – 344.
- ⁷⁰ АВПРИ. Ф. Главный архив. I-IV.

Движение в пространстве как способ сохранения идентичности казаков-некрасовцев Болгарии*

Этноконфессиональная группа некрасовцев представляет собой достаточно замкнутую общность, которая, однако, в последние годы сильно деформировалась под влиянием политических и социально-экономических изменений в Болгарии, но все еще сохраняет ряд специфических черт в языке и культуре.

История казаков-некрасовцев связана с религиозной и политической борьбой в России в XVII в. и ведет свое начало от восстания под предводительством Кондрата Булавина в 1707-1709 гг. После его поражения началось долгое странствие казаков под предводительством Игната Некрасова: с Дона они бежали на Кубань, затем в 1740 г. в Турцию, где местная власть расселила их на пустовавших землях дельты Дуная и Малой Азии.

В настоящее время старообрядцы в Болгарии проживают компактно на северо-востоке страны в двух селах: Татарница (в обл. Силистры, сев. Добруджа), заселенном в конце XVIII в., и Казашко, основанном в 1905 г. на северном берегу Варненского озера в 7 км от Варны семьей Матвея Русова, бежавшей в Турцию из румынского села Сарикьёй. Позднее здесь поселились и другие староверы из Румынии (из Тулчи, Журиловки, Каркалину), откуда местные казаки впоследствии предпочитали брать себе невест, а также переселенцы из Малой Азии, с острова Мада и озера Майнос в Турции.

Хотя часть жителей являются представителями «беспоповского» направления старообрядчества (они называют себя *хатники*, т.к. церковные обряды совершали в доме), а роль священника и старосты здесь выполнял дьяк, в селе с 1935 г. существует церковь Покрова прсв. Богородицы, о которой сейчас заботится и где за отсутствием священника служит по праздникам местная женщина Феврония Критска¹.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 08-06-00107а «Время и пространство: семантика и символика». Статья основана на полевых материалах, собранных автором в экспедициях 2006-2007 гг. в старообрядческих селах Болгарии.

¹ В селе проживают и последователи «поповского» направления (*белокриничники*) из Татарницы, а сельская общественность после ухода «на пенсию» дьяка Кузьмы изъявляет желание при-

До 50-х гг. XX в. село было чисто русским, в настоящее время в нем проживает 450 человек, из них 60 % казаков и 40 % болгар. В последние годы число смешанных браков увеличивается, обучение детей ведется на болгарском языке. В настоящее время в селе нет школы, дети ездят в соседнее болгарское село Тополи. Ранее существовала славянская школа, где дьяк обучал детей церковнославянскому языку. В 1952 г. возникла сельская школа до 4 кл., где преподавали болгарские учителя. Все это, естественно, приводит к смешению культур и оказывает влияние на язык старообрядцев. В подавляющем числе случаев молодые русские перенимают болгарские обычаи, отмечают также и болгарские праздники, дома часто говорят по-болгарски.

Село Татарница, расположенное в 7 км на запад от Силистры и в 3 км от Дуная, имеет более давнюю историю, которая, согласно преданиям, насчитывает не менее 300 лет. Казаки бежали из Румынии, из северной Добруджи, уклоняясь от службы в армии, и поселились в Болгарии в пределах Османской империи в с. Гарван у Дуная, вблизи нынешнего села, где тогда жили татары (откуда и название села), которые вынуждены были покинуть свои дома из-за частых набегов казаков. Турецкие власти лояльно относились к староверам, дали им земли, разрешили построить церковь, иметь вооруженные отряды и обучать их военному искусству, выбирать на кругу атамана и священника. После освобождения в 1878 г. эта территория осталась в Болгарии. С 1919 г. по 1940 г. южная Добруджа входила в состав Румынии и лишь в 1940 г. вернулась в границы Болгарского государства, где казаки, наряду с рыболовством, активно занимались земледелием, садоводством и виноградарством.

История села Татарница овеяна легендами о его чудесном спасении: 1) от чумы², которая явилась в виде женщины и голосила на берегу Дуная, не имея возможности переплыть на остров, где скрывались от болезни казаки; 2) от уничтожения болгарскими во время русско-турецкой войны, когда хотели сжечь село, где была эпидемия оспы. В это время по Дунаю плыл на корабле русский генерал. Увидев церковь Покрова Пресвятой Богородицы и услышав звон ее колоколов, разносившийся на 30 км по округе, он пожелал посетить село. Так благодаря божественному провидению люди избежали смерти.

влек в церковь священника. Сохраняются связи с митрополией в Румынии (Браила) и Древле-православной церковью в Москве (новозыбковские «беглопоповцы»).

² Записан и рассказ о том, как Чума поселилась в доме одной женщины и сидела на печи как бабка 2 дня, не желая уходить. Женщину научили как избавиться от болезни: она испекла хлеб, отнесла его на «раздорожье» на край села, и Чума пошла за ней, сказав: «Дагадалася!» Затем отправилась в соседнее село, «там почала галасить, мор пашёл».

В настоящее время в с. Татарица, не имеющем административной автономии (это квартал села Айдемир), проживают менее 700 человек – как русские (чуть более 100 человек)³, так и болгары; большинство браков, как и в Казашко, тоже смешанные. Молодежь предпочитает уезжать в большие города и за границу в поисках работы. Церковная община здесь более открыта, на службу приходят и болгары, т.к. церковь относится к болгарской епархии. Священник, отец Василий, из семьи староверов, матушка – болгарка. Несмотря на наличие родственных связей с жителями Казашко, по сведению информантов, в прошлом отношения между общинами были сложными: беспоповцы не молились в присутствии белокриничников, не пили воду из одной посуды, считая их «нечистыми», не вступали с ними в браки и пр. А старообрядцы из Татарицы называли селян из Казашко «конями», считая, что «они зашоренные», ничего не видят вокруг.

Сами себя татаричники определяют как казаки-некрасовцы, говоря, что в Румынии их звали липованами. Однако язык свой называют липованским, хотя фонетика у него более кубанская.

В селе много снох из старообрядческих сел Румынии, где традиция сохранилась в большей степени. Во многом именно благодаря их усилиям в Татарице жители стали чаще посещать церковь, носить старинную одежду, что даже стало социально престижным явлением. Эти женщины часто являются мультилингвами, поскольку воспитывались в русскоговорящих семьях, где наряду с местным говором их обучали церковнославянскому языку. Они получили образование в румынской школе, а теперь живут и работают в Болгарии, осваивая ее государственственный язык. Родственникам они пишут письма на родном диалекте, используя при этом латиницу.

Языковое сознание некрасовцев является отражением многочисленных языковых контактов и особой лингвистической ситуации, в которую поставлена данная общность, и которая может быть обозначена как культурное многоязычие и выражена в постоянном перемещении из одного культурного пространства в другое, из поля одного языка в поле другого: например, церковнославянский язык богослужбной литературы и церковного общения (письменный/устный), южно-русский говор/русский литературный язык, местный диалект/болгарский или румынский язык).

В с. Татарица молодежь стесняется использовать свой родной диалект в повседневном общении со сверстниками, предпочитая болгарский. Объясняют это тем, что, знающие русский болгары их не понимают. Заимствования из других языков ясно осознаются старообрядцами, даже классифицируются: «У булуар первое молоко – куластра, ведро – казан, брынза – из

³ В 1946 г., когда одна треть населения уехала обратно в Россию, в селе насчитывалось более 400 семей.

румунского» и пр. А некоторые слова, присутствовавшие, вероятно, в языке липован до прибытия в Болгарию, воспринимаются уже как вошедшие в лексический фонд, например, *мауарка* 'осел'. Так же, как и в Казашко, заимствованная лексика легко интегрируется в синтаксические конструкции местного говора: *Я видала файду* 'выгоду'; *бабки бабували* 'принимали роды'; *крывно прыгають* 'давление скачет'; «мы – казаки от Дона».

Несмотря на изолированность староверов в прошлом, в последние годы общность стала заметно более открытой. Благодаря увеличению числа смешанных браков влияние окружающей близкородственной (славянской) болгарской культуры и языка становится все ощутимее, взаимодействие проявляется не только во внешних формах, но отчасти затрагивает и содержание культуры казаков-некрасовцев.

Вся история данной общности является непрекращающимся движением во времени и пространстве. Многие исследователи, в частности Екатерина Анастасова, определяют культуру старообрядцев-некрасовцев как миграционную, где миграция, перемещение, является одним из механизмов сохранения традиции (Анастасова 1998: 122).

Многолетние миграции общности были обусловлены изменениями социально-политических условий в тех государствах, где они находились. Любые потрясения в стране проявлялись в попытках насильственного приобщения старообрядцев к культуре и нормам преобладающего большинства (конфессионального или этнического). Так, почти во всех рассказах о заселении сел звучали мотивы и причины, приведшие к смене места жительства: из России ушли, потому что не давали придерживаться старой веры, из Румынии – заставляли делать прививки и служить в армии, из Турции – приказывали носить фески и под.

Если в прошлом причины, заставлявшие староверов оставлять насиженные места, были религиозно-политическими, то в настоящее время, это экономические (отсутствие работы) и социально-демографические (отсутствие брачной пары подходящего возраста и конфессии) причины. Это приводит к массовым миграциям женщин и молодежи в соседние регионы и страны с целью поиска работы, тогда как мужчины и старики остаются в селах. На примере семей наших информантов данная ситуация проявляется наиболее отчетливо.

Необходимость сохранения конфессиональных, а в период миграции и этнических особенностей, определила наличие исключительно развитого чувства единства, общности у некрасовцев, связанного не только с общим происхождением и исторической судьбой, т.е. с прошлым, но и с ожиданием Второго Пришествия и конца света и следующего за ними Царствия Бога на земле, т.е. с будущим. Причем, согласно убеждениям некрасовцев, спасение

целого сообщества зависит от поведения каждого его члена. Именно этим и определяется связь индивида с общностью.

Непримиримость некрасовцев к посягательствам на их культурную «специфичность» находила реализацию в формуле действия: насилие вызвало сопротивление и приводило к миграции. Основная идея, мотивирующая переселения некрасовцев, связана с их представлениями об апокатастасисе (всеобщем помиловании грешников), который, по представлениям старообрядцев, наступит после апокалипсиса. Для общности доминирующей дихотомией являлось противопоставление прошлое-будущее, апокатастасис был единственно существующей настоящей реальностью (Анастасова 1998: 32).

Этим обусловлено, вероятно, появление легенды о городе, основанном Игнатом Некрасовым, земле обетованной, царстве справедливости, изобилия и красоты. Нередко сюжеты бывают связаны с мифом «путешествующего города», базирующемся на представлении о тысячелетнем земном Царстве Божиим после апокалипсиса. Согласно рассказам старообрядцев, «город этот огражден каменной стеной, а вокруг него нет ни турок, ни чужаков, ни греков. Земли их плодородны, вокруг много лесов. Город возвышается на берегу моря. Казаки ловят рыбу, возделывают шелк, охотятся, у каждого есть сад, и нет среди них больных, нищих, сирот» (Тумилевич 1961: 187).

Вера в существование города Игната существовала долгое время, о чем свидетельствуют многочисленные экспедиции, организованные некрасовцами с целью поиска сего благословенного места. Они считали, что, найдя этот город, смогут вернуться к своим, в Россию. «*Много стран прошли казаки, но так и не нашли этот город. Но он есть!*» (Буганов, Богданов 1991: 382). В настоящее время в фольклоре некрасовцев почти не осталось следов этого легендарного сюжета, существуют лишь отдельные исторические предания о странствиях предков информантов с Игнатом Некрасовым или о владении тайным знанием или книгой со сводом законов Игната Некрасова.

Закрытость данной культуры определяется такими основополагающими противопоставлениями как оппозиции старое/новое, «свое»/«чужое», базирующиеся на этноконфессиональных различиях.

Исследование картины мира и истории любой миграционной общности ставит задачи изучения ключевых культурных концептов. Таковыми для некрасовцев являются понятия изгнания, путешествия, предводителя, обетованной земли, богоизбранного народа и пр.

Являя собой средневековый тип культуры, культура некрасовцев основывается на средневековых христианских представлениях о вечном, неизменном, неподвижном как положительном, и изменяющемся как отрицательном. Отсюда и широко распространенное среди старообрядцев убеждение, что любые перемены приводят к упадку (Анастасова 1998: 40).

Некрасовци пытаются бороться со временем, изменениями, эволюцией во имя вечности. Другими словами, они хотят выйти из меняющегося потока времени земного бытия, чтобы войти в вечность Царствия Божьего. Таким образом, старообрядцы преодолевают возникшие катаклизмы путем политических миграций, стремясь уловить вечность, меняя пространство существования.

Литература и источники

- Амосов 1945 – *Амосов П.* Из живота на рибарите в с. Казашка махала // Народно дело. Г. I. Бр. 223. Варна, 1945.
- Анастасова 1993 – *Анастасова Е.* Земята, земният живот и еволюцията в културната система на некрасовците в България // Българска етнография. Год. IV. Кн. 3. София, 1993, 24-33.
- Анастасова 1995 – *Анастасова Е.* Некрасовците в България – езици на културата // Българска етнология. Год. XXI. Кн. 2. София, 1995.
- Анастасова 1998 – *Анастасова Е.* Старообрядците в България. Мит – история – идентичност. София, 1998.
- Бехметьев 1908 – *Бехметьев П.* Към историята на старите руски поселища в сегашна България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. Год. XIX. Т. LXVIII. 1907. София, 1908. С. 294-300.
- Буганов, Богданов 1991 – *Буганов В.И., Богданов А.П.* Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М., 1991.
- Гочев 1931 – *Гочев В.П.* Варна. Варна, 1931, 21.
- Иванов 1924 – *Иванов В.* Бегло изследване на бита на староверците // Морски сговор. Бр. 6. 1924.
- Иванова-Критска 1989 – *Иванова-Критска Е.* Старообрядци // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 198-220.
- Кънчев 1938 – *Кънчев К.* Староверците // Нашето Черноморие. Варна, 1938, 41.
- Макарова 2003 – *Макарова И.Ф.* Русские подданные турецкого султана // Славяноведение. № 1. 2003. С. 3-17.
- Макарова 2003/2 – *Макарова И.Ф.* Русский царь в народных представлениях болгар // Славяноведение. № 5. 2003. С. 25-31.
- Миллер 1903 – *Миллер Б.* К вопросу о некрасовцах-чаршамбинцах // Этнографическое обозрение. № 4. 1902. М., 1903.
- Петрова, Колева 2006 – *Петрова Лидия, Колева Светлозара.* Животът на старообрядците-казаци в село Казашко, Варненско // Делници и празници в живота на българина. Сборник, посветен на 30-годишнината на Етнографски музей – Варна. Варна, «Зограф», 2006. С. 450-461.
- Пригарин 2004 – *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджы // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. М., 2004. С. 29-35.
- Романска 1959 – *Романска Цв.* Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. Т. 53. № 2. София, 1959.
- Романска 1960/1 – *Романска Цв.* Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско и на русите-некрасовци, които го населяват // Сб. В памет на акад. Стоян Романски. Езиковедско-етнографски изследвания. София, 1960. С. 563-589.

Романски 1918 – *Романски Ст.* Народностен характер // Сб. Добруджа. География, история, етнография, стопанско и държавно-политическо значение. София, 1918. С. 271-274.

Съботинова 2006 – *Съботинова Донка.* Църквата на старообредците в с. Татарлица, Силистренско, и празници, свързани с нея // Култова архитектура и изкуство в Северноизточна България (XV-XX век). София, 2006. С. 95-102.

Смирнов 1896 – *Смирнов Я.И.* У некрасовцев на острове Мада // Живая старина. В. 1. 1896.

Томова 1983 – *Томова Е.* Проблеми при изучаването на фолклора на русите-некрасовци в България // Литературознание и фолклористика. Сб. В чест на 70-годишнината на акад. П. Динев. София, 1983. С. 458-463.

Тумилевич 1961 – *Тумилевич Ф.В.* Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961.

Тумилевич 1963 – *Тумилевич Ф.В.* Предания о городе Игната и их источники // Народная устная поэзия Дона. Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества. Ростов-на-Дону, 1963. С. 316.

Щепотьев 1895 – *Щепотьев В.* Русская деревня в Азиатской Турции // Вестник Европы. Год. XXX. Кн. 8, август 1895.

О национальной идентичности Лужицких сербов

Лужицкие сербы – это малый славянский народ, проживающий на территории ФРГ, современных земель Саксонии и Бранденбурга, в районе Бутцена (Будишина) и Коттбуса (Хошебуза). Сербов называют лужицкими, но часто просто в отличие от балканских сербов. Численность лужицких сербов составляет сегодня около 60 тыс. человек. Это – остатки группы западных славян, некогда занимавших территорию между Вислой и Эльбой, Балтийским морем и Лужицкими горами. Сербы – автохтонное население Германии, отдалённые потомки двух племён – мильчан, некогда живших на территории Верхней Лужицы, и лужичан, населявших Нижнюю Лужицу. С X века в течение столетий территория полабско-балтийских славян, к которым принадлежали и лужицкие сербы, была завоёвана западными соседями – феодалами средневекового Германского государства. Большинство полабско-балтийских славян, несмотря на сопротивление завоевателям, постепенно германизировались и исчезли с исторической сцены. Лужицкие сербы сохранились, но всю свою историю боролись за существование.

Малый славянский народ имеет два языка – верхнелужицкий и нижнелужицкий и на каждом из них существует литература. Они не составляют единства и в конфессиональном отношении. Большинство сербов – протестантского вероисповедания – лютеране, 10-12% – католики, которые проживают в Верхней Лужице. Сербы никогда не имели ни политической, ни культурной автономии в рамках Германского государства. В течение средних веков и раннего нового времени Лужицы неоднократно переходили от одного правителя к другому вследствие войн или брачной дипломатии. В ходе военных конфликтов Лужицы неоднократно подвергались опустошению. На место уничтоженных сербских деревень приходили немецкие поселенцы, и языковые границы сербов всё более сужались. В настоящее время сербы перемешаны с немецким населением. В городах сербский элемент составляет вообще низкий процент, деревень с преимущественно сербским населением также уже нет. В течение веков сербское население подвергалось экономической и социальной дискриминации. Занимались они главным образом земледелием, в городах сербов не принимали в ремесленные цехи, а жить им предписывалось в специальных кварталах. В начале XIX в. сербов-лужичан насчитывалось 250 тыс.: 200 тыс. из них жили под властью Саксонии и 50 тыс. – под властью Пруссии. Сербское крестьянство до 1832 г. на-

ходило в личной зависимости от феодала. Сербь, жившие в городах и местечках, в основном занимались обслуживанием или были рабочими-подёнщиками. Наряду с крестьянами, мелкими ремесленниками и неимущими слоями города у сербов имелся слой интеллигенции, главным образом священники, но также учителя, студенты и юристы.

Первая половина XIX века характеризуется в истории славянских народов ростом национального самосознания, и дискриминация сербов натолкнулась на сопротивление национально сознательной сербской интеллигенции. Возникло стремление развивать национальную культуру, в первую очередь, национальный язык. Эти действия выражались в разных формах: на сербском языке проводились богослужения, произносились проповеди, культивировалось пение в церкви на сербском языке. В XVIII – начале XIX в. на серболужицкий язык были переведены основные богослужебные книги. Сербский язык культивировался в кружках при различных учебных заведениях, где сербы получали образование. В 1809 г. была создана первая сербская газета. В 1828 г. в Праге был основан сербский семинар для серболужицких студентов – католиков, обучавшихся на богословском факультете Пражского университета. В этом семинаре в 1846 г. возникло общество «Сербовка». Представители интеллигенции выдвинули из своих рядов талантливых деятелей, которые собирали произведения народного творчества, создавали грамматики сербо-лужицких языков, издавали журналы и книги, учебники сербского языка и словари. В 1848 г. возник организационный и научный центр сербской культуры - «Матица Сербская» в Будишине. Но с образованием в 1871 г. Германской империи для сербов наступил период усиленной германизации и в 70-80-е гг. XIX в. произошёл переход народа к двуязычию. Однако национальная жизнь сербов не прекратилась. В условиях бурного развития капитализма в Германии протекал естественный процесс перехода сербского населения к билингвизму. К концу XIX века все сербы уже владели немецким языком, и число лиц, причислявших себя к малому народу, постоянно уменьшалось. В социальной и политической сферах национальные устремления сербов подавлялись. Однако интеллигенция продолжала осуществлять интенсивную культурную работу: издаётся много книг, предпринимаются глубокие исследования в области серболужицкого языка, проводятся демографическое и статистическое изучение коренных жителей Лужиц. Развивается литература, любительский театр, музыка, создаются серболужицкие библиотеки. В 1903 г. в Будишине открылся Сербский Дом, ставший культурным центром всех сербов, а в 1912 г. была основана «Домовина», объединившая все сербские культурные организации.

После первой мировой войны конституция Веймарской республики провозгласила сербов равноправными и гарантировала свободное их развитие. Однако с приходом к власти фашистского режима в Германии, сербы

стали подвергаться репрессиям: интеллигенция отправлялась в концлагеря, все национальные общества, издания и организации были запрещены, происходило насильственное переселение сербов в области с немецким населением. После второй мировой войны Лужица вошла в состав ГДР. Сербам была предоставлена самая широкая автономия и возможность для национального развития. Были восстановлены школы на серболужицком языке, национальные детские учреждения, создан учительский институт при университете в Лейпциге. В Будишине открылся институт изучения сербского народа, который за 40 лет своего существования практически создал новую отрасль науки о славянах, а именно сорабистику. Появилась четырёхтомная история лужицких сербов, созданы языковые атласы, словари, учебники. Появилась обильная научная литература по языкознанию, литературе, истории, театру, музыке и другим отраслям науки и культуры. Институт сербского народоведения существовал в системе Академии наук ГДР и в качестве её представителя принимал активное участие в международных организациях и акциях, связанных с изучением славянства. Таким образом, разгром фашистской Германии Советской армией спас лужицких сербов от уничтожения нацистами. Последующая политика Советского Союза в отношении Германии дала возможность широкого развития национальной культуры лужицких сербов. Вместе с тем, историческое развитие послевоенной Европы сложилось так, что процесс германизации этого миниатюрного народа не прекратился. В первые послевоенные годы в Лужицы прибыло большое количество немцев, изгнанных Чехословацким правительством из Судетской области и польским руководством из Силезии и других мест. Этот поток немецкоязычного населения, осевшего в Лужицах, стал быстро растворять остатки славянских жителей. Кроме того, в Восточной Германии стала создаваться промышленность, вырастать новая индустрия, в частности, и на тех территориях, где были сербские сёла, которые уничтожались, а их обитатели перемещались в другие места без учёта национальных особенностей. С объединением Германии национальные организации и культурная жизнь лишились государственной поддержки, и начался процесс добровольной ассимиляции лужицких сербов. В настоящее время школы с сербским языком преподавания не набирают учеников и закрываются. Культурные организации превращаются в любительские кружки. И хотя равноправие лужицких сербов и их национальное существование гарантировано конституцией, национальная жизнь этого народа, на мой взгляд, тоже скоро станет занятием любителей. Впрочем, национальную смерть лужицким сербам предрекали ещё в XIX веке, но они, хоть и в незначительном числе, просуществовали ещё более ста лет.

В России о существовании лужицких сербов узнали в начале XIX века. Первым, кто дал обстоятельное их описание в своём «Путевом дневнике»,

был В.Ф. Тимковский (1781-1832) – высокопоставленный российский чиновник, совершивший в 1814 г. поездку по Лужицам. Однако его дневник не был опубликован и не стал достоянием науки. Русский славист И.И. Срезневский (1812-1880), проводивший много времени среди лужицких сербов и пешком исходивший всю территорию Лужицы, опубликовал в 1844 году «Исторический очерк серболужицкой литературы», ставший на многие годы источником сведений о сербах не только в России, но и других странах. В 1856 г. русский славист А.Ф. Гильфердинг написал работу «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии», впервые осветив современную ему национальную жизнь малого славянского народа. Также и другие русские слависты второй половины XIX в. считали своим долгом посетить страну сербов-лужичан и затем описать увиденное и изученное ими. В общем, в России существует достаточно богатая научная и популярная литература о лужицких сербах. В 1879-1881 гг. вышло двухтомное издание «Истории славянских литератур», написанное русским учёным А. И. Пыпиным. Во 2-м томе книги автор посвятил лужицким сербам целую главу. В XX веке изучение сербо-лужицкого языка поднял на новый научный уровень русский лингвист Л.В. Щерба (1880-1944), выдающийся языковед, создавший новое направление в изучении славянских языков. В послевоенный период изучение лужицких сербов получило среди славистов СССР, особенно лингвистов и филологов, широкое развитие. Но и историки также заинтересовались этим славянским народом. В 1955 г. М.И. Семиряга опубликовал работу «Лужичане. Историко-этнографический очерк». Большой вклад в изучение серболужицкого языка внесла М.И. Ермакова, сотрудница Института славяноведения РАН. Она является одним из крупнейших специалистов европейского масштаба в области лингвистической сорабистики. История лужицких сербов нашла отражение в сочинениях Л.П. Лаптевой. Главным из них является монография «Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до первой мировой войны (1914 г.)», вышедшая вторым изданием в 2000 г.

Не угас интерес к истории лужицких сербов и в постперестроечное время в России. Среди учёных, особенно интенсивно разрабатывающих эту проблему, следует отметить К.В. Шевченко, который, наряду с большим числом статей: по новейшей истории лужицких сербов, в 2004 г. опубликовал монографию «Лужицкий вопрос и Чехословакия 1945-1948 гг.».

**Авторская (фольклористическая) сказка
в чешской литературе первой половины XIX в.
К проблеме поиска идентичности в культуре
чешского Национального возрождения**

Исследование проблемы поиска национальной идентичности и ее отражения в искусстве и культурах разных стран мира является чрезвычайно актуальной задачей культурологии, искусствоведения, литературоведения. Особую роль играет эта проблема при изучении славянских культур, поскольку в силу самой политической ситуации – порой многовекового отсутствия государственной независимости у славянских народов (за исключением России) и борьбы за обретение ими суверенитета – основными задачами всех областей культуры, вплоть до XX в., являлись именно пробуждение национального самосознания и поиск национальной идентичности. Эта особенность во многом определила пути и задачи развития литератур славянских стран не только в XIX, но и в XX и даже XXI вв.

Чешская литература представляет большой интерес в контексте исследования этой проблематики. В XVIII–XIX вв. чешские земли находились в непростой политической, а вследствие этого и культурной ситуации. С XVII в. Чехия была лишена суверенитета и входила в состав многонациональной империи Габсбургов. В последней трети XVIII в. в Чехии начинается процесс, характерный для целого ряда славянских стран, – Национальное возрождение. Именно это яркое явление – обновление всех областей культуры (не только литературы и фольклора, но и языка, театра, науки, издательского дела и т.д.), а главное, пробуждение и рост национального самосознания – определило облик чешской литературы в последующие десятилетия. В это время возникает большой интерес к национальному прошлому, народной культуре и фольклору, происходит «открытие» литературой фольклорных жанров, которые ранее считались второстепенными по отношению к жанрам литературным. Теперь же богатство и жанровое многообразие фольклора должны были послужить доказательством того, что чешская культура по древности, глубине и богатству не уступает культурам других европейских стран, а чешская нация на пространстве владений Габсбургов отнюдь не является «второстепенной» по отношению к немецкой (австрийской).

В Чехии и соседней с ней Словакии, также являющейся частью габсбургской империи, в XIX в., в эпоху господства и романтизма, и реализма, известные чешские и словацкие писатели и деятели Национального возрождения: Ф. Л. Челаковский, К. Я. Эрбен, А. Ирасек, Б. М. Кудла, Й. Й. Малый, Й. К. Граше, Ф. Байер, Ф. Ц. Кампелик (сборники чешских сказок), С. Реуш, Я. Ф. Римавский, П. Добшинский, А. Г. Шкультеты (сборники словацких сказок), Б. Немцова (сборники чешских и словацких сказок) – собирали и обрабатывали фольклорные сюжеты.¹ Появление первых сборников народных сказок в авторской обработке в Чехии относится к 40-м гг. XIX в. Это сказки в обработке известного публициста и драматурга Й. К. Тыла, печатавшиеся в различных журналах; сборники Я. Малого “Чешские народные сказки и повести” (1838), В. Кролмуса “Старинные чешские повести, песни, пьесы, обычаи, праздники и напевы” (1845–1851), В. Микшички “Народные сказки” (1845). В 1845–1847 гг. вышло семь тетрадей “Народных сказок и повестей” знаменитой чешской писательницы Б. Немцовой, а в 1857–1858 гг. она издала “Словацкие сказки”. К числу наиболее известных составителей сборников народных сказок принадлежит и Б. М. Кудла – его “Моравские народные сказки и повести из окрестностей Рожнова” вышли в 1854 г.

Попробуем разобраться в роли и своеобразии жанра авторской сказки в чешской литературе первой половины XIX в. Для этого обратимся к судьбе фольклорной сказки в ведущих литературах Европы в XVIII–XIX вв. Можно утверждать, что возрождение интереса к фольклорной сказке в европейских литературах начинается еще в XVII в., когда в 1634–1637 гг. выходит сборник народных сказок, собранных и обработанных неаполитанским поэтом эпохи барокко Джанбаттистой Базиле “Пентамерон”, в который вошла 51 сказка. Эта книга считается первым изданием народных сказок в Европе. В 1697 г. были опубликованы знаменитые “Истории или сказки былых времен с поучениями, или Сказки матушки гусыни” Шарля Перро. Однако активное обращение к изучению этого фольклорного жанра, фиксация и обработка народных сказок и последовательный интерес к народному творчеству в целом характерны для европейской культуры лишь начиная с XIX в. В 1812 г. вышел первый сборник немецких народных сказок, изданный братьями Я. и В. К. Гримм, – “Детские и домашние сказки”, впоследствии ставший образцом для собирателей фольклора в самых разных странах Европы.² Для изучения русского фольклора огромное значение имела публикация в 1855–1863 гг. “Народных русских сказок” А. Н. Афанасьевым.

Интерес к народному творчеству в целом и к такой его области, как фольклорные сказки, связан прежде всего с периодом романтизма в истории европейских литератур. Писатели-романтики увидели в народных песнях, преданиях и сказках источник эстетических и нравственных ценностей, в котором проявилась творческая гениальность народа, и сведения о его ге-

роическом прошлом. Именно романтики вывели процесс взаимодействия фольклора и литературы на новый уровень, обратив внимание на особые эстетические и нравственные ценности, свойственные поэтике фольклорных произведений.³

В свою очередь, в литературах славянских народов, за исключением русской и польской, дело обстояло несколько иначе, чем в других европейских литературах. В них фольклорная сказка обретает литературное рождение не столько благодаря философии и эстетике романтизма (хотя и им, безусловно, тоже), сколько благодаря особенностям менталитета деятелей Национального возрождения.⁴

Каким же образом культурные задачи чешского Национального возрождения определили своеобразие жанра авторской сказки в чешской литературе этого периода, и в чем заключается это своеобразие? Для ответа на эти вопросы сравним чешскую литературную сказку первой половины XIX в. с фольклорной сказкой.

Первое бросающееся в глаза отличие литературного варианта от фольклорного – это наличие известного нам собирателя, создателя литературной обработки сказки и, следовательно, записанного и единственного оригинала текста, который, конечно, вполне может являться лишь зафиксированным вариантом определенного сказочного сюжета. Эта черта, казалось бы, весьма сближает подобные произведения с литературной традицией и так же отдаляет их от традиции фольклорной, однако на самом деле особого влияния на поэтику литературных записей фольклорных сказок она не оказывает. Первые зафиксированные на бумаге сказки, вошедшие в сборники Ф. Л. Челаковского, Б. Немцовой, К. Я. Эрбена, П. Добшинского и др., представляли собой фольклорные сюжеты, слегка обработанные литературно.

В строгом смысле слова считать такие сказки авторскими нельзя: ведь роль писателей – составителей сборников народных сказок, которых Н. М. Герасимова, на наш взгляд, удачно называет собирателями-стилизаторами, здесь совершенно иная, чем в литературном произведении.⁵ Для всех перечисленных нами писателей, занимавшихся изучением и сбором фольклора, характерно стремление не переосмыслить и переработать, а сохранить, зафиксировать в письменной форме сюжет сказки, передать ее дух, лишь слегка дополнив ее, чтобы она стала понятнее и актуальнее для современного им читателя. Обработка текста чаще всего заключается также в отказе от элементов разговорного стиля, архаизмов, диалектных слов и выражений. Ведь, как отмечают в своей статье «О переложении и переработке сказок» В. Становский и Я. Владислав, фольклорное произведение в структурном отношении и по своей поэтике представляет собой нечто совершенно иное, чем произведение литературное и существует по иным законам: фольклорную сказку «нужно... переработать так, чтобы в новой ли-

тературной действительности она имела смысл и была понятна». ⁶ Эту же проблему имела в виду Л. Ю. Брауде, когда писала: «Собственно говоря, существует даже неясность: кто такой Андерсен? Автор литературных сказок или собиратель, фиксирующий народные?». ⁷

Подобные записи с элементами литературной обработки, на наш взгляд, все-таки нельзя отнести к жанру литературной (авторской) сказки. В данном случае вполне удачным по отношению к таким произведениям представляется нам термин фольклористическая сказка. В литературоведении существует достаточно серьезная проблема разграничения терминов «фольклорная», «фольклористическая» и «литературная сказка». Теория фольклористической сказки разработана достаточно слабо. Сама необходимость этого термина ставится многими литературоведами под сомнение. Однако нам представляется не только продуктивным, но и необходимым разграничение трех понятий – фольклорная, фольклористическая и литературная (авторская) сказка, поскольку каждая из трех разновидностей обладает своими характерными жанрообразующими чертами. Отличия поэтики фольклористической сказки от художественного мира как фольклорной, так и литературной сказок слишком существенны, чтобы можно было (даже с большим количеством оговорок) отказаться от этого термина и в дальнейшем причислять фольклористические сказки либо к сказкам фольклорным, либо к авторским.

Итак, под фольклористической сказкой мы будем понимать такую запись определенного бытующего в устной форме варианта фольклорной сказки, которая была сделана с целью сохранения данного сюжета и которая при этом является самостоятельным художественным произведением. Для такой записи характерна некоторая степень литературной авторской обработки с целью сглаживания стилистических неровностей, однако автор фольклористической сказки стремится прежде всего к сохранению элементов поэтики фольклорной сказки. Таким образом, с одной стороны, фольклорный сюжет, конечно, подвергается некоторой сознательной обработке, приспособляется к новому историко-культурному контексту; тексту фольклористической сказки, в отличие от фольклорной, все-таки свойствен индивидуальный стиль, несмотря на сознательный отказ писателя от проявлений авторского начала. Однако, с другой стороны, создатель фольклористической сказки отходит здесь на второй план и играет второстепенную роль; он осознает себя скорее не создателем литературного произведения, но видит свою задачу в фиксации, сохранении жанра сказки и народных сказочных сюжетов и героев для литературы. В этом отношении такая обработка ничем принципиально не отличается от фольклорного бытования сказки в народе, ведь в данном случае «...само писательское редактирование фольклорных текстов есть не что иное, как продолжение фольклорных принципов варьирования». ⁸

Е. М. Неелов в монографии «Сказка, фантастика, современность», посвященной судьбе народной сказки в литературе, отмечает, что «... в живой сказке важен не только сам текст, но и интонация рассказчика, его жесты, мимика, наконец, сама обстановка рассказывания... публикация фольклорного текста неизбежно обедняет его, лишает живых красок».⁹ В этой мысли, как нам представляется, содержится еще один вариант ответа на вопрос, как и почему возникла фольклористическая сказка и почему европейские писатели XIX в., одновременно являвшиеся собирателями фольклора, стремились не просто зафиксировать, но и обработать фольклорный сюжет: они, видимо, чувствовали, что при дословной фиксации текстов сказки теряют свою поэтичность и выразительность, и стремились вернуть сказке ее «живые краски». Ведь сама по себе дословная запись и публикация народной сказки представляет скорее чисто научный интерес для фольклористов. Слушать фольклорную сказку интересно, однако в дословной записи она теряет яркость и выразительность, представляется скучной и вряд ли пригодна для чтения.

В истории литературы фольклористическая сказка стала важной ступенью на пути от фольклорной сказки к сказке авторской, поскольку именно она могла служить своеобразным посредником между ними: при создании литературной сказки европейские, в том числе и чешские писатели часто опирались на сюжеты, уже обработанные писателями и собирателями фольклора, а не на фольклорную сказку «в чистом виде». Поэтому когда сегодня мы говорим о фольклорной сказке, зачастую имеется в виду именно сказка фольклористическая.

Традиция собирания и литературной обработки фольклорной сказки продолжается в Чехии и во второй половине XIX и в XX вв. В этот период были опубликованы сборники чешских писателей и фольклористов Ф. Байера «Валашские народные сказки» (1875)¹⁰ Й. С. Меншика «Моравские сказки и повести» (1862), Ф. Бартоше «Наши дети» (1888), Ф. М. Враны «Моравские народные сказки и повести из окрестностей Немчицкого на Гане» (1880), Й. К. Граше «Из страны мифов» (1888), трехтомный сборник «Сказки, небылицы, басни, загадки, жизнеописания, поговорки» (1859) Ф. Ц. Кампелика и многие другие. Среди работ собирателей чешского и словацкого фольклора XX в. хотелось бы отметить сборник сказок Й. Сатранского «Сказки и народные повести» (1925 г.) и труд известного чешского фольклориста В. Тилле (1867–1937), автора исследования «О народных сказках» и «Сборника чешских сказок».¹¹ Последняя книга стала результатом работы ученого в течение нескольких десятилетий. Она представляет собой обширный сборник обработок народных сказок; эти тексты были записаны в основном во второй половине XIX – начале XX вв. К. Я. Эрбенем, Б. Немцовой, Й. Ш. Бааром, Ф. Байером, Й. Брунцником,

Ф. Бартошем, Й. К. Граше, Й. Ф. Грушкой, Й. Кубином, Б. М. Кудлой, Й. Поливкой, В. Тилле, М. Вацлавеком и многими другими чешскими писателями и собирателями фольклора и объединены В. Тилле, который распределил их по сюжетам, что позволяет сравнить различные записи одного и того же варианта фольклорной сказки.

Все вышеперечисленные тексты следует отнести к жанру фольклористической сказки. Началом процесса формирования литературной сказки в Чехии, на наш взгляд, можно считать творчество Софии Подлипской (1833–1897). В сказочных произведениях этой чешской писательницы (в 1872 г. был издан ее “Сборник сказок для молодежи”, в 1890-е гг. – “Сказки и повести” и “Из королевства царицы сказок”) впервые намечается тенденция не просто к воспроизведению, пусть и с некоторой авторской индивидуализацией, канонов фольклорной сказки, но к подчинению художественной структуры текста, как и отдельных элементов его поэтики, самобытному авторскому замыслу – впрочем, еще вполне соотносимому с проблематикой и ценностными установками фольклора.

Полноценное же «рождение» чешской авторской сказки связано прежде всего с именем Элишки Красногорской (1847–1926), произведения которой издавались с 70-х гг. XIX в. (“Сказки о ветре”, 1877) до начала XX в. Нравственная и ценностная шкала фольклорных сказок расширяется в них до общеэтических проблем, решению которых отведено главное место, в то время как форма сказки подчинена этой задаче и является лишь средством наглядного выражения авторских идей.

Итак, несмотря на наличие ярко выраженного авторского начала и индивидуального авторского стиля в публикациях народных сказок Б. Немцовой, К. Я. Эрбеном и другими чешскими писателями периода Национального возрождения, их сборники играли ту же роль, что и записи народных сказок учеными-фольклористами, стремящимися прежде всего передать сюжет и дух этого фольклорного жанра современным и будущим читателям. Вот почему сборники этих писателей мы склонны относить к жанру так называемых фольклористических сказок, главное отличие которых от сказок литературных заключается в общем стремлении к сохранению канона народной сказки. Этот канон вполне самоценен, он не вполне подчинен художественным задачам автора и не становится исключительным средством выражения его идей. При возникновении фольклористической сказки главным остается ее сходство (пусть и не буквальное, но опосредованное сознанием «воссоздателя-творца») с «оригиналом», бытующим в устной жанровой традиции. Авторское же начало, наличие которого нельзя отрицать, отходит на второй план, выполняя (наряду со стилистическими средствами) функцию актуализации текста для современного читателя. Ведь фольклорная сказка «в чистом виде» воспринимается современным читате-

лем с трудом: изменились наши представления о морали, о чудесном, о развлекательности, нередко многое в фольклорной сказке кажется странным, нелогичным, зачастую наивным, поскольку сегодня нам непонятна сама основа сказки – древние обряды. Таким образом, задача составителей сборников чешских народных сказок первой половины XIX в. была напрямую связана с общими культурными задачами, стоявшими перед чешскими «будителями», и поиском национальной идентичности. Своеобразие взаимодействия фольклорных и литературных жанров и само возникновение нового для чешской литературы жанра фольклористической сказки в первой половине XIX в. определялось повышением роли фольклора в культуре этого периода и его особым значением, связанным в том числе с общественно-политическими целями Национального возрождения.

Примечания

¹ Подробнее об этом см. *Václavek B. Lidová slovesnost v českém vývoji literárním. Praha, 1940; Vodička F. Cesty a cíle obrozenecké literatury. Praha, 1958; Šmahelová H. Návraty a proměny: Literární adaptace lidových pohádek. Praha, 1989.*

² Подробнее о влиянии сказок братьев Гримм на чешскую фольклористическую сказку см. *Polívka J. Bratři Grimmové a počátky českého pohádkosloví // Z dějin české literatury. Praha, 1920. S. 139–142.*

³ Подробнее об этом см., например, *Шомина В. Г. Романтизм и народная сказка // Проблемы романтического метода и стиля. Калинин, 1980. С. 75–80.*

⁴ Первым славянским собирателем фольклора и издателем сборника сербских народных сказок был В. С. Караджич. Отдельные сказки он публиковал в журналах с 1821 г., а в 1853 г. в Белграде был издан сборник «Сербские народные сказки». В Польше интерес к фольклору проявился сравнительно поздно – лишь в 1867 г. появился первый сборник фольклорных сказок О. Колберга «Народ, его обычаи, образ жизни, язык, предания и т.д.». В Болгарии первые подобные публикации относятся лишь к началу XX в. – в 1905 г. М. Арнаудов издал «Болгарские народные сказки», хотя первые записи народных сказок стали появляться в болгарских журналах уже в 1850-е гг/

⁵ См. работу *Герасимовой Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. Славянские литературы и фольклор. Л., 1978. С. 173–180.*

⁶ *Stanovský V., Vladislav J. O překládání a převyprávění pohádek // O pohádkách: sborník statí a článků /Ed. J. Červenka/. Praha, 1960. S. 122. Здесь и далее перевод наш.*

⁷ *Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М., 1979. С. 4.*

⁸ *Лазутин С. Г. Взаимодействие литературы и фольклора: аспекты и методы изучения // Фольклор в современном мире. Аспекты и пути исследования. М., 1991. С. 107.*

⁹ *Неелов Е. М. Сказка, фантастика, современность. Петрозаводск, 1987. С. 9–10.*

¹⁰ Валахия (Valašsko) – область на востоке современной Чехии, находящаяся на границе со Словакией; в этом регионе сохранилась чрезвычайно специфическая культура со своеобразным фольклором и традициями.

¹¹ *Tille V. O lidových pohádkách. Praha, 1966; Soupis českých pohádek. Ve 2 sv. Praha, 1929–1937.*

Опыт национальной и личностной идентификации: на материале книги Я.Лаврина «В стране вечной войны (албанские эскизы)» (Петроград, 1916 г.)

Книга «В стране вечной войны (албанские эскизы)», вышедшая в 1916 г., относится к так называемому «русскому» периоду жизни и творчества словенского писателя Янко Лаврина (1887–1986). В течение нескольких лет он жил в России, изучал славистику в Санкт-Петербургском университете, позже работал в качестве журналиста, переводчика и публициста. В 1908 г. он становится соредактором (совместно с М. Хруцкой) и издателем журнала «Славянский мир», выходившего в Санкт-Петербурге в 1908–1911 гг. На его страницах печатались статьи о культуре и литературе славянских народов, переводы произведений современных авторов (с явным доминированием литератур югославянских народов). Сам Я. Лаврин публиковал в журнале свои переводы и статьи под псевдонимом «Лев Савин»¹. Накануне и в годы Первой мировой войны Лаврин писал репортажи с балканских фронтов для газеты «Новое время». В 1917 г. он покидает Россию и переезжает в Великобританию².

Книга Я. Лаврина «В стране вечной войны (албанские эскизы)», впервые ставшая предметом научного исследования, включает его путевые очерки, заметки, относящиеся к событиям предвоенного и военного периода, времени Первой и Второй Балканских войн (1912–1913 гг.), а также событий 1915 г., что, несомненно, позволяет уточнить и некоторые малоизвестные факты биографии самого автора. Вместе с тем, книга «В стране вечной войны...» - не просто продолжение его журналистской деятельности: в ней в новых исторических условиях наиболее полно проявился талант молодого писателя создавать яркие и содержательно емкие зарисовки с натуры (эскизы), а также стремление соединять их в единое целое, где объединяющим началом выступает сам автор-повествователь как наблюдатель и участник событий.

В своей книге Я. Лаврин с успехом использует преимущества циклизации малых жанровых форм, когда отдельные составляющие, части целостной структуры, наполняются новыми смыслами, обретают новые смысловые нюансы. Это позволило автору выйти на более высокий уровень обобщения, о чем свидетельствует само название произведения.

Итак, в отдельные главы книги нашли отражение впечатления Я. Лаврина, рожденные во время его поездок в качестве военного корреспондента русской газеты по Старой Сербии, а также страшные воспоминания об отступлении сербской армии через Косово, Албанию в направлении Корфу в 1915 г.³ Однако задуманные как путевые очерки произведения по сути дела перерастают в анализ важнейших проблем человеческого бытия и, в первую очередь, проблем *народ в истории* и *человек в истории*.

Наряду с этим в книге все с большей и большей отчетливостью выявляется и структурированность представлений автора о мире, в котором он оказался. Происходит разграничение культурного пространства по горизонтальной и вертикальной оси (синхронии и диахронии). Территория Балкан, в первую очередь, Старая Сербия⁴ (Косово и Метохия), противопоставлена Европе, а современное состояние жизни баоканских народов противопоставлено европейскому миру с помощью оппозиции цивилизация – средневековые (дикость).

Первые главы-очерки книги («Косово поле», «В русском монастыре в Албании», «По Малисси с черногорскими войсками») дают представление об истории и обычаях края. Автор делится с читателями своими путевыми впечатлениями и наряду с этим включает в повествование развернутый экскурс в историю. Он пишет о Косовской битве, приводит сохранившиеся народные предания, цитирует в русском переводе песни сербского цикла об этом значительном событии в истории сербского народа. Само Косово характеризуется в своеобразном мифологическом ключе: пространство пустынное, преддверие Албании, «кладбище, где было похоронено в 1389 году сербское царство...»⁵, «голая равнина и бугры, напоминающие огромные могилы» (с.5), а вместе с тем как место, которое в современном (т. е. начала XX в.) сознании сербского народа осталось образом «земли обетованной, символом мести и воскресения» (с. 5).

Кажется, автор индифферентен, его национальная самоидентификация не проявлена. Порой он словно старается намеренно продемонстрировать свой «европейский» взгляд на события. Об этом свидетельствует описанная им случайная встреча с земляком. Лаврин не называет его имени, сообщает только, что это был «горный инженер, словенец, недавно удравший из Австрии и чудом спасший свою голову» (с. 30). Во время короткого привала в Чаф-Морине тот рассказывает о ситуации в Австрии, делится своими мыслями, но не о будущем словенцев, а о надеждах всех австрийских южных славян на лучшее будущее под защитой Сербии. Этот небольшой эпизод также позволяет понять переориентацию представлений о будущем словенского народа, смещения центра политического притяжения югославянских народов в тот период. Примечательно, что и сам автор также сначала старается ничем не проявить своей национальной принадлежности: так, он с удо-

вольствием соглашается вместе с отрядом черногорского генерала Вешовича отправиться в те места, в которых до сих пор удалось побывать «очень немногим европейцам» (с. 25). Во время предпринятого путешествия Лаврин стремится быть предельно внимательным и беспристрастным, объективно фиксируя все интересные моменты, встречи, разговоры. Однако на фоне кажущейся беспристрастности «европейского» взгляда на события исследователь не может не отмечать его личных симпатий и антипатий. Лаврин выражает их через создание культурных портретов разных народов.

У сербов культурным центром их социума оказывается, по мысли Лаврина, сакральный локус. Это Косово поле, ставшее важнейшей национальной идеологемой, а также монастырь, больше похожий в этих краях на крепость. Автор с явным удовольствием описывает сербский праздник Славы⁶ в монастыре Грачаница, с теплотой пишет о радушном приеме в монастыре Дечаны. Для Лаврина сербы в свете оппозиции свой / чужой, скорее, иные, другие, но очень близкие по духу.

Совершенно иные впечатления и чувства порождает у него знакомство с живущими на этой же территории с давних времен албанцами (арнаутами). Они оказываются носителями чужой, чуждой ему культуры. Лаврин обращается к истории и современному быту албанцев старается подробно рассказать об их вере, обычаях, но его пугает хаос, анархия, в котором они живут. Понимая, что «даже при избытке фантазии европейцу трудно вообразить албанскую жизнь и албанские нравы» (с. 15), автор создает в главе-очерке «В русском монастыре в Албании» художественный образ закрытого враждебного мира через описания типичного албанского поселения Джаковицы. При этом он мастерски использует оппозиционные ряды: не город, а «разбойничье гнездо», не дома, а «хаос грязных вертепов и одноэтажных илистых клоповников», не для людей – для троглодитов, не дом – а «точно нахмуренная «кула» (башня – Т.Ч.) с маленькими отверстиями для ружей вместо окон; улицы в этом городе – не для прохожих, а для помоев и нечистот (с. 16). Но эти свидетельства «суровой, дикой и жалкой жизни» (с.9) писатель объясняет историческими условиями существования албанцев. Однако и в первом, и во втором случае образ Европы оказывается исходной точкой, с которой он начинает и продолжает обозрение этих земель.

Образ Европы как точки отсчета «работает» в книге Я. Лаврина и при характеристике национальных типов. При этом четко прослеживается разделение портретов простых селян и представителей интеллигенции. По его мнению, «для сербского простолюдина очень типично наивное благоговение» перед своими святынями (он приводит пример массовому поклонению земле Косова поля после освобождения его от турок в 1913 г.). Но с позиции «трезвой и «культурной» Европы» (с. 8) так может поступать лишь «народ – ребенок или же... народ – поэт...» (с. 8)

«Разговаривать с не тронутым культурой черногорским или сербским селяком – одно наслаждение. Вы чувствуете в нем быющий, неиссякаемый родник народной души со всей ее красочностью, ароматом и бессознательным благородством...» (с. 27) Вместе с тем, автора книги явно удручает поведение и роль в национальной жизни представителей черногорской, сербской и вообще южнославянской интеллигенции: прежде всего «чиновничья, вечно интригующая, вечно политиканствующая» ее часть, которая в его представлении «превращается просто в какой-то злокачественный нарост на здоровом теле народа...» (с. 28) Автор книги видит причины этого в полученной «по европейскому шаблону “образованности”», которая превратила «его или в продажного карьериста или же в обыкновенного культурного евнуха, филистерски самодовольного, нередко любящего “рисоваться” своей пошлой “порядочностью” и прикрывать свою пустоту позой и фразой...» (с. 27–28) Такое достаточно эмоциональное отступление от путевых заметок завершается довольно мрачным выводом: «Они являются не высшим расцветом народной души, а вернее ее отрицанием...», правда, при этом Лаврин с надеждой говорит о южнославянской молодежи последнего поколения (с. 28).

Особое внимание словенский автор уделяет национальному портрету черногорцев, которых ему пришлось наблюдать во время похода в разных обстоятельствах. Черногорцев из отряда генерала Вешовича, с которыми автор ездил в гористую Малиссию, он сравнивает с лихими казаками из голевской Запорожской Сечи: «Те же типы, те же дети природы. Среди них есть свои Тарас-Бульбы, свои Остапы, свои Бовдюги» (с. 26)⁷. На взгляд просвещенного европейца, они (за исключением генерала, производящего впечатление цивилизованного человека) «наивные, очень непосредственные малые, но зато храбрые в боях» (с. 26). Лаврин видит в них эпический тип воина, рожденного для подвигов, тип гордых горцев «с подчеркнутым чувством собственного достоинства» (с. 30) без тени надменности, а одновременно по-детски простодушных, одинаково любезных со всеми. Несомненно, автор, опираясь на свое европейское мировидение человека «практического» XIX века, понимает жизнь этих наивных и храбрых «запорожцев», не вписывающихся в стиль «эпохи аэропланов и удушливых газов», как «пережиток прошлого, обреченный на гибель», занятный анахронизм, но тут же добавляет, что «иногда приятно подышать и освежиться подобными анахронизмами, пока они не сданы в архив...» (с. 28)

Не меньше внимания уделяется в книге и раскрытию албанского национального типа. И здесь автор не оставляет без внимания исторические факты, давая своему читателю представление о сложностях сосуществования беспрестанно враждующих друг с другом на территории северной Албании «фисов» или племен. В книге представлены не только описания событий нынешнего этапа истории этого края⁸, но даны исторические ссылки и ком-

ментарии, призванные еще раз подтвердить стремление подняться над событиями, продемонстрировать отстраненный взгляд автора на происходящее. Я. Лаврин акцентирует внимание на бережном сохранении каждым из албанских племен своих традиций и легенд о собственном происхождении, пишет о своеобразном кодексе чести, согласно которому «кража и воровство вне пределов своего «фиса» здесь считаются «не проступком, а доблестью, так как обогащают достояние собственного племени...» (с. 32) Глубоко укоренившуюся у албанцев традицию кровной мести автор считает главным двигателем поступков и проступков албанца, причиной того, что лишь тридцать процентов албанских мужчин умирают природной смертью, и это приводит его к грустному выводу: «этот, самый отсталый, самый дикий и примитивный народ в Европе представляет одну из самых старых рас на Балканах» (с.33).

Я. Лаврин стремится приоткрыть завесу, окружающую этот замкнутый, закрытый мир, жители которого с мрачной враждебностью встречают любопытного, вторгающегося в их «патриархальность». Словенский автор старается запечатлеть достаточно полно внешнее – увиденное и услышанное (внешний вид, одежду мужчин и женщин, царящие в албанской семье нравы, которые не сохранились больше нигде в Европе), чтобы понять внутреннее: систему ценностей албанца (для которого самыми привлекательнейшими вещами оказываются лошадь и деньги – с. 29), то, что может оказывать на это мир анархии сдерживающее воздействие (деньги и террор – с. 75).

На этом фоне более рельефно выступают составляющие национального портрета других народов. Так, зарисовки военного похода черногорского отряда (отсутствие субординации между простыми солдатами и офицерами, когда разница проявляется только в форме; почти отеческое отношение командиров к своим подчиненным, радушие и хлебосольство) раскрывают царящую в этой национальной среде открытость и радушие, когда незнакомого человека встречают как доброго знакомого, угощают табаком, рассказывают о недавних боях под аккомпанемент импровизированной мелодии, которую исполняют на свирели, и песни, звучащей у другого походного костра. Этими маленькими картинками с натуры автор словно объясняет свои невольные отступления и комментарии (например, о черногорцах – «детская беспечность, детское добродушие и веселье», с. 38). Они также позволяют нам судить о его симпатиях и антипатиях, о правдивости оценок национального своеобразия народа, с которым его свело военное время. Интересны и представленные в книге Я. Лаврина портреты: простых людей и правителей (крестьянин на монастырском празднике в Грачанице – «Косово поле»; знаменитый генерал Эссад-паша, губернатор Албании – «Моя встреча с Эссад-пашой» и др.). Они дополняют, а порой уточняют уже созданные национальные портреты.

Вторая часть книги («Опять Косово. Хаос», «Бегство в дикую Люму», «Дорога смерти. Спасение») посвящена отступлению сербской армии в конце 1915 г. и тяжким испытаниям, выпавшим на долю тысяч беженцев и самого автора книги. Здесь на передний план выходит документализм, стремление выхватить и запечатлеть в слове подробности трагических событий этого периода Первой мировой войны. Если в первой части книги автор демонстрирует свои глубокие познания в истории региона, теперь он становится свидетелем и одновременно участником самого исторического процесса.

И здесь все более очевидной становится тенденция к личностной самоидентификации автора повествования, которую можно проследить с точки зрения языка общения. В большинстве эпизодов словенский автор выступает с позиции нейтрального европейца, волею судьбы оказавшегося на Балканах, иностранца, которого так воспринимают многие его собеседники. Поэтому на родном, словенском, языке он говорит, скорее, лишь при случайной встрече с земляком. Вместе с тем, Лаврин не раз демонстрирует прекрасное знание европейских языков (в первую очередь, французского), свободно переходит на сербский, а иногда и на русский. По-русски он говорит в особых ситуациях, когда знание языка и сообщение о том, что он приехал из православной России, может принести и действительно приносит ему пользу, а порой и просто спасает жизнь. Такой весьма характерный для Балкан полилингвизм помогает постижению различных ситуаций, проникновению в суть человеческих отношений: этнических, конфессиональных, личностных. Иными словами, язык становится важным знаком постижения другого, иного, инонационального, но вместе с тем у Я. Лаврина он оказывается средством постижения глубинного «я» самого автора.

Важным знаком самоидентификации оказывается проявление личностной причастности/непричастности той или иной национальной культуре. И здесь можно наблюдать интересную тенденцию. Убежденность читателя в том, что перед ним образец нейтральных по своему содержанию (неангажированных) путевых заметок о событиях предвоенного и военного времени, ближе к концу книги начинает слабеть.

Так, анализ происходящих событий автор постоянно проводит через оппозицию «Европа – Восток», что помогает высветить не только некоторые черты национального характера албанцев, особенности их национального бытия в сравнении с сербским населением Старой Сербии. Такому анализу помогает обращение автора к дополнительным оппозициям: внешнее – внутреннее, старое – новое, хаос – порядок⁹.

Сербская тема активно включается в последней части книги, где главенствующей становится тема войны. Я. Лаврин создает ее образ, используя сербскую и шире – балканскую) мифологию «Косово поле»: он описывает

это вновь потерянное пространство как «огромную могилу, над которой гудел и завывал зимний ветер» (с. 90). Война предстает в книге и как «кошмарный хаос, из которого невозможно найти выхода» (с. 119), и как «ад, кишаший обезумевшими людьми...» (с. 89) Лаврин рисует образ войны и через картины страданий спасающихся от врага, холода и голода солдат, пленных, беженцев. Прежде авторский, «европейский» взгляд на происходящее теперь достается случайно встреченному на перевале умирающему пленному чеху: »Вот вам и война... Если останусь жив, то буду проклинать ее до смерти... И подумать только, что вся Европа помешалась, обезумела!.. Нет, я ничего не понимаю... Скажите, какой смысл имеет все это, а?» (с. 115).

Сам автор в конце повествования словно отрешается и от национально-го, и от «европейского» взгляда на происходящее и создает образ общечеловеческого, почти вселенского масштаба. В ночных видениях-полуснах ему представляется огромный погибающий в пламени дом-мир, с закрытыми ставнями, за которыми рвутся на свободу люди. Беспомощность и осознание обреченности превращает их в обезумевших зверей, которые гибнут под обломками рушащегося здания. Сон, наполненный этими страшными видениями, проходит, а реальность предлагает другие картины. Заключительная глава книги «Дорога смерти. Спасение», где описывается последний отрезок пути к Корфу, а значит, к спасению, на наш взгляд, является наиболее значимой для понимания общего замысла книги Я. Лаврина. Близость смерти, обреченность уравнивает людей разных национальностей, возраста, пола: словенца, оказавшегося волею судьбы летописцем этой трагедии, сербских солдат, пленных чехов, хорватов, венгров, сербских детей, погибающих в горах. Но тему страдания и испытания («А может и страдания-то к лучшему. Даром ничто не дается...»; – говорит один из беженцев, с. 118) сменяет тема, связанная с идеей духовного возрождения. Завершающим книгу автор избрал эпизод в кофейне небольшого городка в греческой Македонии, заполненной спасшимися беженцами. Он выбрал именно его, видимо, стремясь передать ту неиссякаемую веру в духовное воскресение, которую подпитывает героическая память народа. В ответ на известие об отступлении союзников (французов на греческую территорию), а значит и о том, что последняя пядь Сербии попала в руки врагов, раздался голос: «Господа, родина наша умерла. Да здравствует родина!..» Молодежь начала в ответ напевать сербский гимн, а весь зал, наполненный беженцами, поднялся и взволнованно подхватил: «Боже, спаси! Боже, храни Сербского крала, сербски род!» «И в этих словах гимна, – пишет Лаврин, не скрывая своих симпатий под маской «европейца», – была не только молитва. В них звучала живая надежда, ярко вспыхнувшая из-под пепла пережитого ужаса и страданий...» (с. 123)

Итак, автор, изначально поставив себя в несколько отстраненную позицию среднего европейца, нейтрального по отношению к происходящему человеку, на наш взгляд, постепенно отходит от нее, поскольку не может отказаться от субъективной интерпретации происходящего. Вместе с тем, очевиден особый интерес к видению и осмыслению событий на Балканах с точки зрения оппозиции «Европа – Балканы», причем в ее вариантах: «Европа – славянский мир», «Европа – Восток». Все это позволяет нам поставить вопрос об отношении автора книги к данной проблематике. Примечательно, что еще в период работы в журнале «Славянский мир» (а это, напомним, 1908-1910 гг., т.е. период, предшествовавший его командировкам на Балканы) Я. Лаврин в ряде своих публикаций писал о соотношении славянского и европейского мира. Так, в статье 1910 г. «Культурное движение южных славян в XIX в.» мы читаем: «Конечно, если принять во внимание глубоко-этический, человеколюбивый характер славянина, как и то, что среди теперешних европейцев уже никто не способен так искренно и глубоко страдать из-за идеи, как славянин, то трудно не поверить, что влияние славянства, у которого гораздо более культурных задатков, чем обыкновенно думается, могло бы оказаться на самом деле возрождающим для Европы, где цивилизация с каждым днем все больше съедает культуру»¹⁰. При этом «цивилизация, в понимании автора, это внешнее благоустройство жизни, нечто обезличенное, безнациональное в отличие от культуры, которая всегда национально окрашена»¹¹.

Думается, что мысли статьи 1910 г. о возрождающем влиянии славянства на европейскую цивилизацию получают развитие в книге путевых очерков 1916 г., теперь они обретают очертания не «европейского» взгляда на события, а некоего духовного урока или послания. А для самого автора, который наблюдал и запечатлевал события европейской истории в национальном масштабе, они становятся важной отправной точкой для национальной и личностной идентификации.

В заключение можно добавить, что книга Я. Лаврина представляет большой интерес: для историка, получающего сведения о событиях тех лет в удаленном уголке Балкан; для этнографа, изучающего обычаи и обряды малых народов Европы¹²; для культуролога, стремящегося увидеть следы взаимодействия культурных потоков, а также оценить национальную, конфессиональную и личностную самоидентификацию ее автора: европейца словенского происхождения. Текст его книги свидетельствует о поиске идентичности – как социально-исторической (выделение национальных типов), так и субъектной, экзистенциальной. Здесь явно ощутим переход от стадии описания к стадии самопознания и самоописания, что справедливо считается знаком зрелого состояния культуры. Не менее важна, как нам кажется, эта книга и для «обычного» читателя: она демонстрирует непосред-

ственный взгляд на события и способность талантливого писателя создавать удивительный по глубине воздействия эффект присутствия.

Примечания

¹ Проблема авторства, а также важные аспекты деятельности Я. Лаврина в качестве редактора журнала «Славянский мир» рассмотрены в работах российской исследовательницы *О.В. Мудровой*: «Журнал “Славянский мир” (1908-1911) и вопросы культуры югославын» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. М., 1981. № 1. С. 34-43; диссертация на соискание ученой степени кандидата филолог. наук. «Сербская культура в русской периодической печати начала XX века (1900-1914). М., 1982.

² Здесь Я. Лаврин сначала работает как журналист, а позже становится профессором университетского колледжа г. Ноттингена и на протяжении многих лет преподает историю русской и советской литературы. Он много переводит, пишет статьи и книги по истории словенской и русской литературы; среди них работы, посвященные Н.В.Гоголю, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому, И.С. Тургеневу и др.; исследование «От Пушкина до Маяковского, которые выходили на английском, словенском и других языках. В последние годы жизни Лаврин работал над монографией о А.П. Чехове. - См. об этом подробнее: Enciklopedija Slovenije. Zv. 6. Ljubljana, 1992. S. 110; Slovenska književnost. Leksikon. Ljubljana, 1996. S. 251-252; *Janko Lavrin. Pisma v domovino. Uredil in pojasnil Dušan Moravec. Ljubljana, 2004.*

³ Имеются в виду события, которые последовали после начала совместного германо-австрийского наступления в Сербии, вопрос о котором был решен в конце июня 1915 г.; в сентябре 1915 г. к державам Тройственного союза присоединилась Болгария, и в следующем месяце на Сербию с разных сторон обрушились значительно превосходящие в живой силе и технике армии Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. Несмотря на героическое сопротивление сербская армия вынуждена была с боями отступать через черногорские и албанские горы к Адриатическому побережью; при этом военные потери составили 55 тыс. солдат и офицеров, не считая огромных потерь среди пленных и беженцев, отступавших вместе с армией. - См. об этом подробнее: Писарев Ю.А. Крестный путь Сербии // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 189-193.

⁴ Понятие «Старая Сербия» возникло в ходе Первого сербского восстания (точнее, в 1809 г.), когда в состав Сербии не вошли шесть нахий – Лесковацкая, Приштинская, Призренская, Новапазарская, Сеницкая, Старовлашская и еще несколько каз в районе Скопье. В Средние века эти земли составляли ядро сербской государственности. «В XIX в. историко-географическая область Старая Сербия – это регион, в основном совпадающий в Косовским вилайетом в его границах с 1878 по 1912 гг., население которого отличало сложное переплетение этнических, национальных, конфессиональных особенностей. Не случайно здесь тесно переплелись и даже столкнулись албанские, сербские и болгарские национальные интересы. В конце XIX – начале XX вв. события в Старой Сербии, как считает историк, освещались в отечественной историографии крайне скупно.» – См.: *Тимофеев А.Ю.* К вопросу об историографии понятия «Старая Сербия» // Славяноведение. 2006. № 3. С. 103-114.

Возможно, поэтому столь ошутимо стремление авторов путевых записок, очерков, корреспонденций выйти за рамки роли очевидцев исторических событий и попытаться создать не только некое историческое исследование, но и дать исторический прогноз.

В этот период многие деятели науки и культуры, известные ученые, писатели становились внештатными корреспондентами различных периодических изданий: это давало им возможность наблюдать и лично участвовать в событиях европейской истории. Так, известный русский прозаик, публицист драматург А.В. Амфитеатров (1862-1938) с начала 1880-х гг. активно

занимался журналистикой, сотрудничал в целом ряде изданий того времени. Свои впечатления о путешествиях по странам Балканского полуострова он описывал во множестве путевых очерков и корреспонденций, позднее вошедших в сборники «Мои скитания. Балканские впечатления» (СПб., 1903) и «Славянское горе» (М. 1912). Трагические события Балканских войн описывал в своих корреспонденциях Е.И. Мартынов (1864-1932), русский военный историк, генерал-лейтенант (1910), который в 1913 г. в качестве корреспондента московской газеты «Утро России» находился в Сербии, а позже написал книгу «Сербия в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца» (М., 1913). Свои путевые заметки («С сербами к Скутари (впечатления)») издает в 1913 г. М.В. Сахаров, русский военный врач, во время Первой балканской войны бывший начальником медицинского отряда Красного Креста, отправленного в помощь сербской армии, и др. – См. об этом: Русские о Сербии и сербах / Сост.-е, подготовка к изданию, введение, закл. статья *А.Л. Шемякина*; комментарии *А.А. Силкина, А.Л. Шемякина*. М., 2006; *Чепелевская Т.И.* А.В. Амфитеатров и его хроника «горячих точек» конца XIX - начала XX вв. («В моих скитаниях. Балканские впечатления», 1903 г.) // Славянский альманах 2001. М.: Индрик, 2002. С. 422-430.

⁵ *Лаврин Я.* В стране вечной войны (албанские эскизы). Пг., 1916. С. 4. Далее ссылки на это издание даются в скобках с указанием страницы.

⁶ Праздник в честь святого – покровителя семьи, рода, села, церкви, монастыря и т.д.

⁷ Примечательно, что в подобном ключе воспринимаются черногорцы и у А.В. Амфитеатрова. В главе «Черногорский Орел» своей книги 1903 г. он пишет: «Старики в Черногории вообще внушительны и красивы; от них веет гетманщиной, Запорожьем, старую славянскую свободой. Глядя, как важно выступают по улицам Цетинья эти огромные старцы, с серебряными головами и сивыми усами по самые плечи, с бронзовыми лицами, опаленными порохом, изрубленными в давних боях, как величаво и живописно драпируются они в свои струки – то и дело так и хочется воскликнуть из «Тараса Бульбы» – «Эка пышная фигура!». – См.: *Амфитеатров А.В.* В моих скитаниях. Балканские впечатления. СПб., 1903. С. 103. Это сравнение русский писатель и журналист продолжает и в книге 1909 г. «Славянское горе»: «Запорожская Сечь? Пожалуй... Внутри быта – сходства никакого. А по наружности, действительно, странно с первого взгляда: все они тут – полностью типы старого Запорожья, непостижимым чудом дожившие до века капитализации, пролетаризации и прочих культурных совершенств...». – *Амфитеатров А.В.* Славянское горе. М., 1909. С. 49.

⁸ Имеется в виду период, последовавший после утверждения участниками Лондонской конференции послов великих держав (она заседала восемь месяцев: с декабря 1912 г. по июль 1913 г.) нового государственно-правового статуса Албании, что означало признание государственной независимости Албании. Позже, когда в ноябре 1913 г. был согласован между державами вопрос о кандидатуре нового монарха (Вильгельма Вида, близкого родственника Вильгельма II и племянника румынской королевы Елизаветы) международной контрольной комиссией была завершена работа над «Органическим статутом Албании». Помимо многих других положений этот конституционный акт содержал положения о разграничении границ между Сербией и Албанией. – См. подробнее об этом: *Ариш Г.Л.* Возрождение албанского государства // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 45-47; *Искендеров П.А.* Рождение албанского государства // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. М., 2003. С. 430-452.

⁹ В качестве примера можно привести описание Скарара при первом знакомстве автора со столицей северной Албании. Я. Лаврина поразило несоответствие между европейским видом города издали и чисто восточной безалаберностью внутри: «Вглядываясь в озлобленные физиономии укрощенных албанцев, нетрудно догадаться, что здешняя культура – культура поневоле и что благодетельствованные ею обитатели ждут не дождутся, когда опять вернется доброе старое время анархии и крови, без которых албанец чувствует себя, как рыба на суше...» (с. 61).

Сравнивая внешне привитый или навязанный европейский быт и сохраняющиеся во всем приметы старины, автор прибегает к удивительно емкому стилизованному приему - в описаниях и в анализе он постоянно использует слово «почти»: «почти европейские улицы, дома, гостиницы и магазины; вы можете встретить даже Арнаута в котелке, но и только...» (с. 61) Тему Востока дополняет и описание встречи автора с дервишами секты «руффан» или «танцующих дервишей».

¹⁰ «Славянский мир». 1910. № 1. С. 3.

¹¹ Мудрова О.В.: «Журнал «Славянский мир» (1908-1911) и вопросы культуры югославян»... С. 40.

¹² Книга богата этнографическими зарисовками, причем, автор демонстрирует глубокое познание народной культуры, позволяющие ему давать емкие характеристики народных обычаев и обрядов, проводить их сравнительный анализ. В главе «У малиссорского племени Меркуров», описывающей экспедицию в горный район проживания нескольких албанских племен, автор обращает внимание на заброшенное католическое албанское кладбище и с удивлением отмечает на сохранившихся надгробных крестах деревянных кукушек – символический знак печали у православных сербов. К следам влияния сербской народной культуры Лаврин причисляет и перенятые у сербов албанцами-католиками обычаев «побратимства» (по-албански «побратиния») и «славы». Лаврин с воодушевлением перечисляет и другие черты, объединяющие албанцев и сербов, например, обычай гостеприимства, и пытается выявить природу этого явления, которое, кажется, трудно соединить с «жестоким, скупым и вороватым» типом арнаута (с. 41).

Закарпатские русины в борьбе за свою национальную идентичность: современные проблемы

Русины (или карпатороссы, руснаки и пр.) являются четвертым восточнославянским народом, наряду с русскими, украинцами и белорусами.

Борьба русинов за свою национальную самобытность имеет давние традиции. В середине XIX в. они вместе с другими славянскими народами вступили в период своего первого национального возрождения, заложили основы самобытной литературы, сумели добиться некоторой административной автономии края в период революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи. Начавшаяся после дуалистического соглашения 1867 г. жестокая мадьяризация подавила ростки национальной культуры Угорской Руси. С включением региона в состав независимой Чехословакии в 1919 г. Подкарпатская Русь получила статус автономии, хотя не до конца реализованной, но вместе с тем и реальную возможность развития и даже расцвета национальной культуры русофильской, украинофильской и русинской ориентации. После нацистской оккупации Чехословакии в 1939 г. Закарпатье было включено в состав хортистской Венгрии, а после Победы над фашистской Германией в 1945 г. в состав СССР (УССР)¹. После чего использование самоназвания «русины» в официальных документах страны было запрещено, и всех представителей этой национальности бесцеремонно записали украинцами. С 1989 г. (с периода перестройки), по мнению авторитетного канадского историка П.Р. Магочи, они переживают свое третье национальное возрождение².

В настоящее время в мире проживает приблизительно 2 млн. русинов на Украине, в Словакии, Венгрии, Сербии, Польше, Румынии, Молдавии, США, Канаде и др. Причем в Закарпатье их насчитывается по разным оценкам примерно 650 – 850 тыс. (из 1,253 млн.) человек, что составляет 65–70% местного населения. (По результатам официальной украинской переписи населения 2001 г. было зарегистрировано 10 069 русинов, но эти данные, по мнению лидеров русинского движения, сфальсифицированы)³.

Таким образом, этот край законно может претендовать на автономный статус, за что высказалось на всеукраинском референдуме в декабре 1991 г. 78% населения. Но этот статус украинскими властями русинам до сих пор не был предоставлен. Между тем, уже в 22 странах мира признали их право называться отдельным народом, этого не сделано лишь на Украине, хотя 92% населения края голосовали за ее «самостийность»⁴.

Только на Украине, вопреки ее Конституции (в статье 11 зафиксировано уважение к правам национальных меньшинств), национальному законодательству и ратифицированным Верховной Радой Украины международным актам о правах человека, национальных и лингвистических меньшинств русинам отказано даже в праве на выражение своей национальной идентичности⁵. Права национальных меньшинств признаны на Украине для русских, поляков, евреев, крымских татар, румын и пр. Только русинам отказано в таком праве: их признают лишь субэтносом – украинской этнической группой. Но для этнической группы русины слишком многочисленны и, главное, обладают развитым национальным самосознанием.

Сойм подкарпатских русинов так определил существующие в действительности признаки национальной идентичности русинов: а) наличие исторической территории, б) исторической памяти о своем родном крае, в) массовой народной культуры (фольклор, архитектура, прикладное искусство, язык, песни, духовность), г) осознание прав и обязанностей всех членов общества независимо от положения, д) региональный и экономический комплекс с развитой инфраструктурой для решения своих экономических проблем, е) официальные данные переписи населения граждан, которые идентифицировали себя русинами⁶.

Почему же русины на Украине не признаются отдельным этносом? К тому есть причины экономического, культурно-национального и этнополитического порядка. Закарпатье является мощным транспортным и энергетическим узлом Украины. Через него идут железнодорожные и автомобильные магистрали, газопроводы и нефтепроводы из России в Центральную и Западную Европу. Понятно, что

официальный Киев не хочет передавать управление «лакомой» территорией в руки местной русинской (а также венгерской, немецкой, цыганской и пр.) элиты, сознающей уникальную культурную целостность всего региона⁷. Отметим, что русинов здесь поддерживают и другие нац. меньшинства, объединившиеся в 1990-е годы в Демократическую Лигу национальностей Закарпатья⁸.

Кроме того, власти Украины, взяв курс на создание унитарного государства с единым украинским языком, жестко противостоят не только русскоязычным регионам, но и русинскому Закарпатья, боясь создать прецедент сепаратизма, ведущего, по их мнению, к распаду страны. Но это нежелание найти необходимый консенсус с регионами приводит к перманентному политическому кризису. В 1996 г. Кабинет министров Украины принял пресловутый тайный «План мероприятий по решению проблемы украинцев-русинов», согласно которому следовало «четко засвидетельствовать и продекларировать позицию украинского государства о бесперспективности выделения Закарпатья на какой-либо основе – культурной, этнической, тем более административно-территориальной». Планировалось разработать систему мероприятий по украинизации Закарпатья в сфере языка, культуры, кадровой политики и создать учебники и произведения, «интерпретирующие историю украинцев-русинов Закарпатья как неотъемлемой части украинского этноса», а также препятствовать проведению референдума по самоидентификации русинов⁹.

Долгое время в непризнании русинов особой национальностью Украину поддерживала и Советская Россия. Полна драматизма сама история включения Закарпатья в состав УССР и СССР. Православный съезд русинов в Мукачево 18 ноября 1944 г., созванный по инициативе канонизированного ныне схиархимандрита Алексея (Кабалюка), принял обращение к Сталину с просьбой о включении этого края в состав именно Российской Федерации. В нем, в частности, говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся представители православных общин Карпатской Руси, выражая волю всего православного русского народа, просим включить Карпатскую Украину (Карпатскую Русь) в состав СССР в форме: Карпаторусская Советская Республика»¹⁰. Съезд послал делегацию в Москву. Ее с почестями приняли в Патриархии и обещали всяческое содействие¹¹. Тем временем коммунисты Закарпатья 19 ноября провели свою учредительную конференцию, а 26 ноября Первый (и последний) съезд народных комитетов Закарпатской Украины, принявший «Манифест о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной в составе Советского Союза»¹². И это «волеизлияние» закарпатских украинцев было поддержано Кремлем. Сложные дипломати-

ческие переговоры между Э. Бенешем и И. Сталиным окончились подписанием 29 июня 1945 г. договора о том, что Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) входит в состав УССР¹³. После этого началась тотальная украинизация края.

Как мы указывали, «третье возрождение русинов» началось в 1989 г., когда вся общественность Украины была взбудоражена далеко идущими идеями суверенизации союзных республик. Здесь на перекрестке различных культур, в контактной зоне западной католической и восточнославянской православной цивилизаций у полиэтничного населения (русины, венгры, украинцы, словаки, румыны, русские, немцы, цыгане) выработалось свое местное самосознание. Отделенное от Украины Карпатскими горами Закарпатье тяготеет к странам Центральной и Юго-Восточной Европы и первым из регионов Украины стало проявлять инициативу в деле развития регионального сотрудничества с Центральной Европой, выступая за создание здесь свободной экономической зоны¹⁴.

Экономическая подкопелка завуалировано проявлялась в этноконфессиональной и национальной борьбе. В 1989 г. вышла из подполья запрещенная в 1949 г. греко-католическая церковь (в прошлом – один из оплотов идеологии русинства), начала восстановление своей организационной структуры и борьбу за передел имущества с православной церковью. Сформировавшееся в 1990 г. «Общество подкарпатских русинов» было встречено в штыки украинскими националистами, сгруппировавшимися вокруг возрожденной «Просвиты» и «Общества украинского языка им. Т.Г. Шевченко». Следует отметить, что посредством галицийских националистов в борьбу за регулирование умонастроений в регионе вступили не только Ватикан, но и с 1991 г. спецслужбы США. Был разработан общий проект Карпатского Еврорегиона, цель которого – через СМИ и систему грантов внушить общественности стойкое впечатление об общности, в том числе, украинской Галичины, Закарпатья и пограничных регионов Польши. Позднее строились планы создания Западной федеративной республики Галичина с последующим отделением от Украины¹⁵.

Но русинские патриоты не поддались этим провокациям. В сентябре 1990 г. «Общество подкарпатских русинов» приняло «Декларацию о возврате прав самобытного народа русинам и восстановления русинской автономии». Оно обратилось к президенту СССР М.С. Горбачеву и Верховному Совету СССР с просьбой отменить Указ Президиума Верховного Совета о преобразовании «Закарпатской Украины» в «Закарпатскую область» от 22 января 1946 г. и создать автономную республику «Подкарпатская Русь». В 1991 г. начались переговоры в Москве представителей «Общества подкарпатских русинов» с председателем

Совета Национальностей Верховного Совета СССР, которые не были завершены из-за происшедшего в Москве августовского путча и последовавшего распада Советского Союза¹⁶.

В начале марта 1992 г. депутаты областного Совета проголосовали за создание самоуправляющейся территории «Закарпатье» с особым статусом, за легализацию русинской национальности, создание Береговского венгерского национального округа и пр. Но Верховная Рада Украины не утвердила это решение областного Совета. В июне 1992 г. украинский парламент принял Закон «О национальных меньшинствах», предусматривающий свободный выбор национальностей гражданами Украины, но в то же время украинский президент отдал секретное распоряжение, обязывающее все государственные учреждения регистрировать русинов только как украинцев. 23 мая 1993 г. депутаты областного Совета на очередной сессии проголосовали за окончательное утверждение результатов референдума 1991 г., что по Конституции Украины является законом, отменить который можно только в результате нового референдума, но Киев снова проигнорировал это решение областного парламента. В июне 1996 г. Верховная Рада Украины приняла новую Конституцию, провозгласившую республику унитарным государством с автономией Крыма. Таким образом, были похоронены надежды на «демократическое, в духе современного европейского процесса регионализации, федеративное устройство Украины с учетом особенностей всех исторических земель, составляющих ее ныне, включая Подкарпатскую Русь»¹⁷. Более того в октябре того же года был принят пресловутый «План мероприятий» по дискредитации русинской национальности.

В настоящее время русины борются за свою национальную идентичность разными способами: внутри и вне страны. Обращаются с посланиями и декларациями к Президенту, в Верховную Раду Украины и к местным властям Закарпатья, ищут помощи в России и у своих одноплеменников русинов в соседних странах, а ныне и в европейских правовых организациях. С этой целью созываются Всемирные конгрессы русинов. В настоящее время состоялось уже 9 таких конгрессов: первый прошел в Медзиборце (Словакия, март 1991 г.), второй – в Кринице (Польша, май 1993 г.), третий – в Русском Керестуре (Югославия, май 1995 г.), четвертый – в Будапеште (Венгрия, май 1997 г.), пятый – в Ужгороде (Украина, июль 1999 г.), шестой – в Праге (Чехия, октябрь 2001 г.), седьмой – в Прешове (Словакия, июнь 2003 г.), восьмой – в Кринице (Польша, июнь 2005 г.), девятый – в Сигете (Румыния, июнь 2007 г.).¹⁸

На всех этих съездах, носящих, однако, все более декларативно-фестивальный характер, так или иначе ставился вопрос о положении русинов Закарпатья и принимались резолюции о необходимости признания их национального статуса. В частности, на Пятом Всемирном конгрессе русинов в Ужгороде (1999) была принята резолюция, направленная к украинским властям: 1) официально признать русинскую национальность на Украине; 2) ввести национальность «русин» в официальный перечень национальностей Украины с предоставлением ей отдельного кода; 3) прекратить практику информационной блокады русинства в государственных СМИ; 4) прекратить практику негласного преследования сторонников русинского движения, которые работают в гос. структурах; 5) открыть при Ужгородском гос. университете кафедру русинского языка и литературы; 6) создать научный центр русинистики для исследования истории, народоведения, литературоведения, лингвистики, фольклора Карпатского региона¹⁹.

Между тем само русинское движение в Закарпатье расколото, по меньшей мере, на несколько лагерей. Среди его нынешних лидеров следует отметить депутата областного Совета (2002), православного священника, протоиерея Д. Сидора, краеведа и слависта Д. Попа, представляющего позицию своего брата известного слависта и историка культуры И. Попа (проживающего в Чехии), историка и руководителя «Русского блока» Подкарпатской Руси В. Разгулова, эксдепутата Верховной Рады Украины И. Миговича, писателя и переводчика И. Петровциго, педагога, хормейстера, филолога П. Алмашиго, историка литературы, издателя В. Падяка, врача Е. Жупана, педагога и общественного деятеля В. Сарканича, писателя, фольклориста Ю. Чори, историка и этнолога М. Макары и др.

Первоначально с 1990 г. движение возглавлял профессор-микробиолог Ужгородского университета Иван Турияница. Он явился одним из создателей Общества карпатских русинов и стал его председателем. В 1993–1999 гг. Турияница возглавлял т.н. теневое «Временное правительство» Подкарпатской Руси с до конца неясными полномочиями. В его состав входили гражданин Словакии Т. Ондик («министр» иностранных дел), В. Довганьч («министр» внутренних дел), Ю. Думнич («министр» экономики), В. Сочка («министр» образования), Е. Жупан («министр» здравоохранения) и др.²⁰ «Правительство» развило бурную петиционную деятельность, пропагандируя свои взгляды, главным образом, через газету «Подкарпатская Русь». Издав манифест с красноречивым названием «Волю и демократию Закарпатья!», «правительство» выдвинуло своей це-

лью «воссоздание Закарпатской автономии» по образцу Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии и обратилось к ряду государств с требованием дезавуировать прежние договоренности, касающиеся Закарпатья, а к президенту Украины с предложением сесть за стол переговоров о «воссоздании государственности» Подкарпатской Руси. Важным шагом стало участие русинских деятелей в Международной организации не представленных (в ООН – М.Д.) Наций и Народов (ОНН) в 1993 г., обращения и сотрудничество с ОБСЕ в 1998–1999 г. и пр.²¹ Однако в целом шумливая и во многом провокационная деятельность «правительства», погрязшего к тому же в судебных разбирательствах с местными властями, вызвала осуждение других русинских организаций²². Мировой совет русинов, собравшийся в Прешове (Словакия), на заседании 24 августа 1996 г. отмежевался от его деятельности, которая давала повод официальному Киеву для обвинения русинов в «политическом сепаратизме»²³. На 43-м Европейском конгрессе «Национальные меньшинства и европейское единство» (Прага, май 1998 г.) И. Туряница осмелился обвинить Киевское руководство в «этноциде русинского народа»²⁴. В ответ украинские власти расправились с ним «по-старинке»: его выжили с двух работ и дискредитировали, обвинив в совращении студентки. В результате Туряница был вынужден эмигрировать в Словакию, где продолжил свою педагогическую и научную деятельность.

После этого постепенно определились два главных лидера русинского движения в Ужгороде. Наиболее влиятельным и авторитетным признается бывший десантник, кандидат богословия, протонерей Димитрий Сидор, начавший свою подвижническую деятельность со строительства грандиозного Храма Христа Спасителя (он только на 7 м ниже московского). Отделка верхней церкви Рождества Христова еще продолжается, а нижняя – Крестовоздвиженская уже действует, и о. Димитрий является ее настоятелем. Деньги на строительство храма предоставили в основном сам священник, а также предприниматель, депутат Верховной Рады Украины, нынешний мэр Ужгорода Сергей Ратушняк, простые прихожане. Д. Сидор является депутатом областного Совета (Рады), выступил одним из основателей Общества Кирилла и Мефодия, избран председателем ассоциации 17 русинских организаций **Сойм (Народный парламент) подкарпатских русинов** (основан в 2000 г.). Составленная им «Грамматика русинского языка» (Ужгород, 1996–2005), положена в основу кодификации русинского языка. Ему удалось открыть 24 класса для факультативного изучения русинского языка в ужгородских школах²⁵ и пр. По данным на 1 сентября 2006 г. в Закарпатье работали уже 26 воскресных школ с преподаванием на русинском языке²⁶.

Он проводит фестивали «Дни русинской культуры Закарпатья», выступая организатором, режиссером, композитором и исполнителем народных и собственных песен. Такой фестиваль состоялся, в частности, 27–28 октября 2007 г. в Мукачево и Ужгороде²⁷.

В своей борьбе за права русинского народа Д. Сидор и его сторонники делают ставку на поддержку извне: Москвы, Московской патриархии, конгрессов русинов, Европы. Он представлял закарпатцев на Всемирных конгрессах русинов, на Славянских съездах в Москве, Ужгороде (возглавляет русинское отделение Всеславянского собора) и др., не раз выступал на Всемирном русском народном соборе в Храме Христа Спасителя в Москве, обращался с посланиями к святейшему патриарху Всея Руси Алексию II, с просьбой «взять русинский народ под свою духовную опеку и защиту»²⁸ (однако ответа не получил), а также в другие общественные организации и к отдельным политикам. Но кроме сочувствия отдельных россиян и игнорируемых СМИ патриотических организаций весомой поддержки в Москве не нашел. И это можно объяснить политическими причинами. Российские политики, безусловно, боялись осложнять и без того непростые отношения с Украиной, а также «стимулировать» албанский вариант решения косовской проблемы.

Тогда о. Д. Сидор решил обратиться в европейские правозащитные организации. В одном из интервью он сказал: «Когда мы увидели, что Россия так безразлична к нашим проблемам, мы решили возвращаться в Европу. Мы лучше будем прислугой там, чем бесправными братьями восточных славян»²⁹. В то же время, выступая на Втором Европейском форуме «Демократия и мультикультурализм на Евровостоке» (октябрь 2005), он иронически заявил: «Мы не сепаратисты и не украинофобы, но если Ющенко продолжит такую же политику (непризнания русинов. – М.Д.), придется делать оранжевую революцию в Закарпатье» и призвал Россию стать «стабилизирующим фактором» в решении русинского вопроса³⁰.

Обращение в международные организации принесло некоторые результаты. В августе 2006 г. Комитет по расовой дискриминации ООН призвал правительство Украины признать русинов в качестве национального меньшинства, поскольку имеются «существенные отличия между русинами и украинцами». Официальный Киев это решение ООН проигнорировал³¹.

Другим лидером русинского движения в Закарпатье позиционирует себя Евгений Жупан, зав. реанимационным отделением областной больницы. Он делает ставку на решение русинского вопроса внутри Украины. В его активе, проведе-

ние двух Всекарпатских съездов русинов. Первый из них состоялся в Ужгороде в октябре 2005 г. Здесь Е. Жупан был избран председателем **Народного совета (рады) русинов Закарпаття**. Д. Сидора на съезд не пригласили (за что его сторонники обвинили устроителей съезда в фабрикации альтернативного антирусинского движения под эгидой Киева, а «Народный совет» иронически назвали «бюджетной организацией»). Зато здесь присутствовало все областное и городское начальство, представители Верховной Рады Украины и даже министр по вопросам чрезвычайных ситуаций Давид Жвания³². На этом съезде, как и на втором в Ужгороде (октябрь 2007), выдвигались требования властям о признании результатов референдума 1991 г. и на его основании предоставления региону статуса самоуправляемой территории в составе Украины, прекращения преследования русинов по национальному признаку, создании в Ужгородском университете кафедры русинского языка и литературы и пр.³³ Участники съезда выразили уверенность в необратимости движения закарпатских русинов и правомерности их стремления занять достойное место среди других народов Европы³⁴.

С. Жупан гордится тем, что добился проведения на областном телевидении один раз в полтора месяца передач на русинском языке, а также тем, что с его подачи Киев якобы отменил утвержденный в 1996 г. «План мероприятий по решению проблемы украинцев-русинов», что, однако, не соответствует действительности.

Так или иначе, но русинское движение прогрессирует. Областной Совет (Рада) Закарпатской области уже дважды (в 1992 и 2002 гг.) признавал результаты референдума 1991 г. и обращался в Верховную Раду Украины по вопросу о признании русинов отдельным народом. По украинским законам верховные власти не вправе отменять постановления региональных властей. Им остается только их игнорировать. Борьба продолжается³⁵. Все русинские организации по своему ищут исторических и правовых обоснований автономизации Закарпаття³⁶.

Русины с нетерпением ждали разрешения Косовской проблемы и особенно активизировались в 2005 г. в период очередной избирательной кампании. Д. Сидор, в частности, заявил еще в ноябре 2005 г.: «В случае отказа украинских властей признать русинов как национальность, будет принято решение добиваться своего права на самоопределение за пределами украинского государства. То есть, фактически, пойти по косовскому варианту. Если европейские страны уже пошли по этому пути, то мы – следующие. Тем более, что в отличие от Ко-

сово, которое является исторически сербской территорией, Закарпатье было присоединено к Украине»³⁷. Он подчеркнул также, что Областной совет Закарпатской области может и готов принять решение об автономии Закарпатья.

Примечательно, что русины в силу своего менталитета не предлагают никаких экстремистских, тем более, террористических методов решения вопроса о своем национальном статусе, стремятся оставаться в рамках конституционной законности и решать свои проблемы мирным парламентским путем.

15 декабря 2007 г. Сойм Подкарпатских Русинов принял декларацию в соответствии с волеизлиянием народа на референдуме 1 декабря 1991 г. о создании в Закарпатье «самоуправляемой административно-национальной территории под международным контролем» и послал ее в адрес руководства ЕС (Евросоюза), РФ, Верховного Совета Украины и ее Президента и премьер-министра. Это смелое решение на региональном уровне можно только приветствовать.

Что касается вопроса о «сепаратизме» русинов, в котором украинские власти обвиняют деятелей русинского движения, то взвешенное мнение по этому поводу выразил Д. Сидор в преддверии выборов в Верховную Раду 26 марта 2006 г., во время которых русины делали несовместимую ставку как на националистов-унитаристов (блок Ю. Тимошенко), так и на регионалов (блок Н. Витренко). В интервью «К федерализации Украины мы готовы давно» (26 февраля 2006 г.) он, в частности, сказал: «К сепаратизму я отношусь отрицательно, потому что – ни России, ни Европе, ни Белоруссии, ни Турции – не нужно новое расчленение Украины. В Закарпатье сепаратизма нет. Войдя в 1946 году в состав Украины, русины Закарпатья поняли, что через Украину лежит их путь к единству со всем восточнославянским миром. Поэтому отделение от Украины для нас чревато тем, что нас поглотит какая-нибудь другая европейская страна. Мы рассматриваем другой вариант. К федерализации Украины мы готовы давно. В Закарпатье условий для автономии и самоуправления существует гораздо больше, чем в любом другом регионе Украины. Осталось только одно – волеизлияние всего народа Закарпатья. То есть необходимо провести референдум по вопросу автономии Закарпатской области, чтобы потом никто не мог обвинить нас в сепаратизме». К этому Д. Сидор добавил такую важную вещь: «Автономия необходима Закарпатью не только политически, но и экономически. Нам ближе и выгоднее торговать с Европой, чем, например, с городом Львов, который от нас отделяют 200 километров Карпатских гор». Автономия, по его словам, «путь для пробуждения и роста самосознания русинов, для подготовки и воспитания собственных национальных кадров». И главное: «Опыт

самоуправления в рамках Украины может послужить впоследствии базой для более совершенных форм территориального образования»³⁸.

После провозглашения независимости Косова (17.2.2008) о. Димитрий Сидор 22 февраля 2008 г. выступил на пресс-конференции в Москве в ИА REGNUM с заявлением: «Конституция Украины не соблюдается в отношении русинов, и это вынуждает нас добиваться самоопределения за пределами украинского государства. 15 декабря 2007 г. мы приняли уже третью декларацию о самоопределении. Мы просим признать нас самоуправляемой территорией под контролем России и ЕС, являющихся правопреемниками СССР и Чехословакии. Косовский прецедент не является для нас прецедентом, так как Косово незаконно отделилось от Сербии – в нарушение международного права и при поддержке США. Мы же живем на своей исторической земле, и в отличие от Косово имеем право на самоопределение». Что касается церковного вопроса, то о. Димитрий подтвердил желание русинов оставаться в лоне Русской Православной церкви и непризнании Украинского патриархата, но в случае попыток насильственного включения в «филаретовскую церковь» вернуться под защиту Сербской Православной церкви³⁹.

Представляется, однако, что время «цивилизованного решения русинского вопроса» в общеукраинском и международном масштабе еще не пришло, хотя и давно назрело. «Прозападный» президент Украины В. Ющенко с утверждением на пост премьер-министра Ю. Тимошенко вместе с шаткой «оранжевой» коалицией Верховной Рады ни на какие уступки русинам не пойдут. (Есть надежда только на то, что их страстное желание войти в Евросоюз и НАТО заставит их взяться за решение неурегулированной русинской проблемы). Нынешний Президент России и Государственная Дума РФ при несомненном сочувствии братскому русинскому народу не включатся в его решение, выступая против перенесения существующих границ и за справедливое решение косовского вопроса. Евросоюзу с его двойными стандартами в отношении славян также не резон будировать «русинский вопрос»⁴⁰. Таким образом, русины в настоящее время остаются заложниками приемлемого правового решения вопроса о «самопровозглашенных» республиках (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и др.) в европейском масштабе и победы более крепких бескомпромиссных «регионалов» во властных структурах Украины.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. С. 67–72; *Поп Д., Поп І.* Історія Подкарпатської Русі. Ужгород, 2005 и др.
- ² *Магочій П.Р.* Народ нивыдкы. Ілюстрована історія карпаторусинів. Ужгород, 2007. С. 101 и др.
- ³ Русины. Материалы из Википедии – свободной энциклопедии <http://ru.wikipedia.org/wiki/...> С. 2.
- ⁴ *Жегулев И.* Старые русские: Почему закарпатское большинство хочет стать национальным меньшинством <http://rusinpresent.narod.ru/3-klimat-rusiny-vf.htm> С. 1.
- ⁵ *Сидор Д.* Цель политики украинских властей – насильственная ассимиляция русинского народа <http://www.regnum.ru/new/520214.html> С. 1–2.
- ⁶ Планы-мероприяття по решению русинской проблемы. 8 июля 2005 http://karpatorusins.org/more.php?id=168_0_1_0_С30
- ⁷ *Митряева С.И.* Закарпатье – перекресток культур и цивилизаций // Диалог украинской и русской культур в Украине. Киев, 1999. С. 185; *Марчуков А.* Украина и русинское движение: диалог или конфронтация? // Россия XXI. Общественно-политический и научный журнал. 2002. № 1. С. 61–62.
- ⁸ *Годьмаш П.* Русинский вождизм и украинский шовинизм <http://podkarpatskarus.narod.ru/24.htm> С. 14.
- ⁹ *Амелина Я.* Русский остров в центре Европы // Континент. М., 2003. № 37 (661). Сентябрь. См. также: <http://www.lemko.org/rusyn/kuras.html> и др.
- ¹⁰ *Разгулов В.* Подвиг архимандрита Алексея Кабалука // Карпатская панорама. 1996. 18 августа; *Фролов К.* Житие священномученика Алексия (Кабалука) // www.moskvam.ru/2002/08/frolov.htm С. 7 и др.
- ¹¹ Встреча с отцом Феофаном // Закарпатская правда. 1944. 26 декабря. Радужный прием православных русинов был связан с тем, что они выразили желание, изложенное в петиции, оформить переход каноническим путем Мукачевско-Пряшевской епархии в юрисдикцию Московской патриархии (из состава Сербской православной церкви), что и было реализовано. См. также: *Фролов К.* Карпаторусинский вопрос: история и современность <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/005/01.shtml> С. 22–25.
- ¹² *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. 2 изд. С. 61.
- ¹³ *Марьяна В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.
- ¹⁴ *Митряева С.И.* Закарпатье – перекресток культур и цивилизаций... С. 185; *Марчуков А.* Украина и русинское движение: диалог или конфронтация?... С. 62.
- ¹⁵ *Русин И.* Карпатский гамбит: рука США – кисть Польши <http://karpravozahist.narod.ru/inw-548.html> С. 1–2.
- ¹⁶ *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси... С. 64.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Магочій П.Р.* Народ нивыдкы... С. 103, 107.
- ¹⁹ Народ есть – национальности нет, или некоторые сведения о подкарпатских русинах // www.zn.ua/3000/3150/32908/
- ²⁰ *Годьмаш П.* Русинский вождизм и украинский шовинизм... С. 3.
- ²¹ *Годьмаш П.* Русинофоб О. Гаврош ставить під сумнів рішення ООН <http://karpravozahist.ru/inw-591.html> С. 1–2; *Он же.* Русинский вождизм и украинский шовинизм... С. 8, 5–6.

- ²² Мальгин А.В. Украина, соборность и регионализм. Симферополь, 2005. С. 163–164.
- ²³ Панчук М. Политическое русинство в Украине // Политическая мысль. 1995. № 2-3 (6). С. 117–124.
- ²⁴ Фролов К. Карпаторусский вопрос... С. 27.
- ²⁵ Жегулев И. Старые русские: Почему закарпатское большинство хочет стать национальным меньшинством <http://rusinpresent.narod.ru/3-klimat-rusiny-vf.htm>
- ²⁶ На Закарпатье открываются школы для русинов <http://www.podrobnosti.ua/society/2006/09/07/346234.html>
- ²⁷ Виктор В. Репортаж о праздновании «Дней русинской культуры» в Ужгороде (Закарпатье, Украина) <http://vlsaltykov.narod.ru/reportage28.10.07.htm>
- ²⁸ «Мы можем пойти и по косовскому варианту»: Русины Закарпатья готовы добиваться права на самостоятельность за пределами Украины // www.rusk.ru/newsdata.ptp?idar=161303
- ²⁹ Русины Закарпатья просят патриарха Алексия взять их под свою духовную защиту // www.regnum.ru/news/523781.html; Русины Закарпатья готовы добиваться права на самостоятельность за пределами Украины // www.regnum.ru/news/549157.html и др.
- ³⁰ 15.10.2005. «Придется делать оранжевую революцию в Закарпатье» <http://www.blagovest.ru/index.pfp?ss=2&s=3&id=4601> С. 6–С. 3.
- ³¹ Русины. Материалы из Википедии... С. 3.
- ³² Сидор Д. Русины Закарпатья готовы добиваться права на самоопределение за пределами Украины <http://www.trinitas.ru/rus/doc/028/004a/02280110.htm>; Жегулев И. Старые русские... С. 2.
- ³³ Труд. От 26.1.2006. № 12.
- ³⁴ Русинское движение остановить никому не удастся <http://polit.mk.ua/ftoric3777.ptp>
- ³⁵ Эксдепутат Верховной Рады Украины И. Мигович в интервью Закарпатскому информационному агентству рассказал, что он вносил на рассмотрение Рады законопроект «Про русинов в Украине» от 3 ноября 2005 г., но он встретил там «противодействие националистических сил». См.: Русинство: наступило время «Ч» <http://rusinpresent.narod.ru/migovich.htm> С. 2.
- ³⁶ Годьман П. Русинский вождизм и украинский шовинизм <http://podkarpatykarus.narod.ru/24.htm>
- ³⁷ Русины Закарпатья готовы добиваться права на самостоятельность за пределами Украины...
- ³⁸ Благовест-Инфо <http://www.blagovest.ru/index.pfp?ss=2&s=3&id=4601> С. 6–7.
- ³⁹ Русины Закарпатья требуют независимости Украины <http://www.sedmitza.ru/?did=50539> С. 1–2.
- ⁴⁰ Об этом откровенно сказал Д. Сидор в своем докладе в Институте стран СНГ в Москве в декабре 2001 г.: «Мне пришлось выступать на одной научной конференции под эгидой Рады (Совета) Европы. И там говорят: “Мы знаем эту проблему”. Но потом в кулуарах сказали: “До тех пор, пока Украина является таким грозным (оружием?) против России, ей будут многое прощать”. Не знаю, как это будет расценено в истории, но нам это вдвойне больно». См. <http://www.zatulyn.ru/institute/sbornik/043/072.shtml>

Самоидентификация «малого» народа в условиях глоболизирующегося мира (на примере словенской литературы и культуры)

Взаимоотношениям славянских литератур и – шире – культур, объективным историческим, геополитическим и конфессиональным силам, влекущим славян друг к другу и толкающим их в разные стороны, вопросам самобытности славян и их месту в общеевропейской цивилизации, проблемам национальной идентичности в эпоху глобализации посвящены многие научные исследования, ведущиеся в течение многих лет в Институте славяноведения Российской академии наук. Результаты этих исследований представлены на научных конференциях, круглых столах, в коллективных и индивидуальных трудах: «Россия в глазах славянского мира» (М., 2007), «Поэтический мир славянства: общие тенденции и творческие индивидуальности (Исследования по славянской поэзии)» (М., 2006), «Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации)» (Любляна–Москва, 2006) и другие. Настоящие исследования наряду с их научной ценностью важны и актуальны в плане реального диалога русской и иных славянских культур, способствуют достижению внутриславянского понимания, путь к которому предстоит долг.

Славянские народы в наши дни невозможно мерить какой-либо общей меркой, – слишком они несхожи. Они отличаются друг от друга своими характерами, историческими судьбами, политическими пристрастиями, уровнем социального, экономического и культурного развития, возможностями, реальными перспективами и национальными задачами, мечтами... Соседские славянские страны зачастую конфликтуют между собой: Вместе с тем существует нечто, что их сближает. Возможно, это так называемая «генетическая память», или загадочная «славянская душа», а может, и что-то иное. Знаменитый словенский поэт, переводчик и публицист Вено Тауфер (р. 1933) замечательно сравнил идею «славянской взаимности» с ощущением «крепких тылов»: «...как будто у тебя за спиной нет никого, кто бы мог тебе угрожать, что можно, напротив, ожидать оттуда какого-то понимания, кого-то, кто тебе не совсем чужд, может быть, даже в чем-то близок, ожидать бескорыстной симпатии, любопытства или даже интереса... (хотя

здесь, конечно, не дай бог, если интерес будет слишком большим!)»¹. В этих словах отражена парадоксальность взаимоотношений славян.

Россия объективно выделяется из славянского мира по многим параметрам, однако, на наш взгляд, самое важное различие – применительно к теме настоящего симпозиума – в отношении к самой идее «славянской консолидации». Если русские в большинстве своем тяготеют и тяготели к интеграции славян (кстати сказать, главным образом – под эгидой России), то другие славянские народы были ориентированы в первую очередь на достижение собственной *политической независимости и культурно-языковой самостоятельности*, обращаясь к общеславянской идее в отдельные периоды своего развития лишь в той мере, в какой эта идея способствовала достижению их главной историко-культурной задачи.² Это отличие принципиально. И потому любые действия, направленные на достижение славянской консолидации, могут протекать лишь в русле безусловного признания *автономности и ценности* каждой из культур и стремления к познанию их внутренней сути.

На состоявшейся совсем недавно в Институте славяноведения конференции «Славянский мир в глазах России» (22–23 января 2008 г.), подготовленной Центром истории славянских литератур, Ю. В. Богданов в своем докладе («Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в художественной публицистике России (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин)») среди прочего обратил особое внимание и проанализировал с позиций сегодняшнего дня провидческие мысли Ф. М. Достоевского о развитии взаимоотношений России и остального славянского мира, отраженные в «Дневнике писателя» за ноябрь 1877 г. Со всей крайностью и категоричностью суждений и оценок Достоевский говорит о том, что величие России и несоразмерность ее с остальными славянскими народами исподволь заставят последние «беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами...» и т. д. Какой же выход для России видит писатель: «Но выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян». Так, агрессивное воздействие СССР на политическую и культурную жизнь дружественных народов оставило негативный отпечаток на их отношении к русскому народу, оказавшемуся таким же заложником тоталитарных амбиций советского государства.

Примечательно в этой связи то, что искренняя симпатия к России в эти времена сохранилась именно там, куда не простерлась железная рука режима. Так, словенский публицист, профессор русского языка и литературы в Триестском университете (Италия) Иван Верч (р. 1950) пишет в статье ««Моя» Россия»:

Я давно убежден в том, что для приморских словенцев Россия всегда значила нечто большее, чем для остальных словенцев. Русский «миф» был связан больше с культурологическим или даже психологическим восприятием мира, колеблющимся в амплитуде от воодушевления и надежды до разочарования и гнева, нежели с политической направленностью того или иного рода.

Когда на нас нападали фашисты, силой пытаясь нам внушить второсортность нас, славян (по-итал. Slavi), русская культура была для нас (наряду со словенской, конечно) тем ориентиром, что придавал нам самоуважение...

в нас слишком глубоко засела идея о «славянской взаимности», чтобы наши убеждения могло пошатнуть очередное прочтение исторических событий в соответствии с данным политическим моментом³.

Однако подобное отношение к русскому народу присуще далеко не всем словенцам и тем более славянам в целом, для которых образ России омрачен тенью-призраком тоталитаризма и великодержавных посягательств, застлан обидами за многие исторические «ошибки», за нечуткость, за неоправданные надежды, за забывчивость... Таким образом, практически единственным оставшимся путем к консолидации славянского мира остается бережное отношение к суверенности друг друга, взаимное уважение и открытость культур – как «больших», так и «малых», – умение встать на чужую, пусть даже исторически далекую точку зрения.

Такая позиция тем более актуальна, когда глобализационные процессы, затронувшие все славянские народы, вызывают самые разные надежды и опасения. Одной из главных опасностей представляется их возможное развитие на основе превалирования «рыночных» отношений над человеческими, в стремлении к наживе, превращение теории прогресса в теорию естественного отбора. В связи с этим словенский ученый, литературовед Марко Юван пишет: «Мне кажется, и я надеюсь, что в процессе глобализации – к сожалению, почти неизбежной в сфере экономики и политики – над грозящей унификацией, хотя бы в сфере искусства и науки возобладает дух полицентризма, в котором не будут заглушаемы ценные своей спецификой голоса и опыт «малых», «пограничных» культур».⁴ И в качестве одного из гарантов сохранения культурного полицентризма в мире некоторые словенские интеллигенты видят сильную Россию с духовной широтой ее культуры⁵.

«... Альтернативная версия глобализации, *гуманистическая глобализация*, исходит из убеждения, что основой действительных, качественно новых изменений, разрешающих накопившиеся роковые проблемы глобального мира, может быть только *культура*», – как констатировал Александр Сказа,

уважаемый в России словенский профессор-русист Люблянского университета.⁶ Эта версия развития глобализирующегося мира позволяет сохранить своеобразие и общность наших народов.

Развиваясь на границе славянского и западноевропейского мира, словенская культура органично сочетает в себе черты обоих миров. Изучение опыта словенцев, отраженного и осмысленного в художественной литературе, позволяет во многом по-иному взглянуть на современные глобальные процессы, прочувствовать положение «малого», сильного духом народа, трепетно оберегающего собственную национальную идентичность и бесстрашно принимающего новые исторические условия.

Когда словенцы выполнили свою главнейшую историческую задачу – стали нацией, т. е. народом с собственным самостоятельным государством, – перед ними встал вопрос, куда же двигаться дальше. На политическом уровне кажется само собой разумеющимся дальнейшее развитие по пути демократии в рамках общеевропейской семьи народов. Однако то, что само собой разумеется, не может удовлетворять сущности художественного творчества. В кратких прозаических произведениях современных словенских писателей мы заметили исчезновение (постепенное, надеемся, что лишь временное) национальной, исконно словенской составляющей. Вообще для словенской литературы характерно развитие в соответствии с общеевропейской культурной традицией. Попытки приподнять своего героя на наднациональный уровень наблюдались и ранее, еще до обретения Словенией независимости, но прежде еще нельзя было говорить о них как об общей тенденции. Еще никогда с такой интенсивностью, как сейчас, из образа главного героя, который стал, если так можно выразиться, усредненным для современного европейского и американского культурно-литературного канона, не стирались словенские национальные черты.

Если в главном герое словенской литературы 1970–1980-х гг. была некая определенность в осознании своего положения, даже когда речь шла о так называемых «аутсайдерах», через чью индивидуальность и судьбу выявлялись противоречия, характерные для социалистического общества накануне его краха, то сейчас внутренние ориентиры героя неопределенны, как и сама система человеческих ценностей, оказавшаяся размытой в полифонии понятий.⁷

В настоящее время немногочисленные исключения составляют произведения, где поднимаются проблемы национальных меньшинств в Словении и образ героя окрашен национальным колоритом (напр., «Испытание яблоком» Андрея Э. Скубица⁸), хотя и здесь превалирует общегуманистическая направленность, которая не позволяет принижать человека как такового, несмотря на его национальную, половую, социальную и любую иную при-

надлежность. Гуманистическая направленность остается до сих пор краеугольным камнем литературы, возвращенной европейской цивилизацией.

Современные условия, когда социальное положение нашего современника представляется более и менее ясным, определенным, в достаточной степени ориентируют писателей на то, чтобы они обращались к частной, личной истории жизни своего героя. Тот же зачастую больше не находится в конфронтации с внешним миром, а наоборот принимает его правила, хотя они его могут и не удовлетворять, и т. д. В книге Андрея Блатника с говорящим названием «Закон желания» (2000)⁹, где собраны произведения, созданные в 90-х годах прошлого века, главные герои, которые а priori должны были бы быть свободными, в действительности находятся под давлением, они подчиняются не только обстоятельствам, окружению, но и собственным желаниям. В самом названии книги определяющим словом, так сказать смысловым центром, является слово «закон». Так, например, в рассказе «День независимости» за повествованием от первого лица проглядывает ирония автора, противопоставляющего рождению нового государства рождение наследника, что для отдельно взятого человека в конце концов может быть более важно.

Характерной особенностью настоящего периода литературного развития является то, что герой больше не стремится к тому, что скрыто за понятием «свобода», вместе с тем человек, которого называют «свободным», на самом деле оказывается загнанным в «Мертвый угол» прозябания без цели и без перспективы. Поэтому в нем развивается комплекс неполноценности. «Мертвый угол» – название сборника краткой прозы Душана Шаротара (2002)¹⁰, где во многих рассказах образ героя сопровождает мотив смерти. Подобная атмосфера передается в рассказах, переведенных на русский язык и собранных в книге «Утро в России» (2003), в частности, Полоны Главан и Мойцы Кумердей¹¹. Иными словами, истощенность жизни становится определяющей чертой современной словенской краткой прозы и ее героя.

Русский писатель Василий Аксенов, с 1980 г. живущий в США, сказал о современной литературе, что сейчас писатель должен быть «не властителем дум, а освободителем дум». Необходимо освобождать не только высокие, философские, но и самые обыкновенные, повседневные мысли, в которых отражается человек во всей своей сложности и со своими желаниями, радостями и печалью, видеть во всем этом сущую простоту. В современной словенской прозе преобладает именно это стремление, т. е. стремление к обычному и частному. Современные словенские писатели исследуют повседневные истории, что отражается на построении образов их главных героев, при этом не важно, к какому народу они принадлежат. Истории, рассказанные в этих произведениях, могли бы происходить где угодно.

И раньше в словенской литературе появлялись герои, для которых полная свобода не являлась жизненной необходимостью, но важны были человеческая теплота и дружба, существенны не власть, а познание, не внешняя красота, а духовность (вспомним в этой связи антиутопии Берты Боету)¹². Есть основания считать, что словенская краткая проза продолжает развиваться в этом ключе. Понимание писателем полифонии жизни, принципиальной сложности и непознаваемости мира помогает уйти от традиционной системы ценностей. Однако вместе с тем происходит отдаление и от национального самосознания, традиции, таким образом, главный герой все меньше и меньше является словенцем (словенкой) и все более становится человеком мира. В этом проявились первые очевидные результаты глобализации.

В рассказе «Буквы» Винко Мёдерндорфера повествуется об исчезнувшем с лица земли городе, центре книгопечатания – Крепости (Trdnjava), что различные народы именуют по-разному: «город слов», «Королевство букв», «Страна, где появляются истории».¹³ Известно много подобных легенд, достаточно вспомнить, например, легенду о русском граде Китеже или легенду о Венеции. В рассказе Мёдерндорфера от Крепости остались лишь несколько букв, в которых можно было распознать два слова: «умерли» и «свобода». Автор развивает мысль об исторической предопределенности того, что бой за свободу несет с собой разорение, смерть и забвение. Хотя город не сдался врагам, его жители «во хмелю победы забыли про буквы, которые складываются в слова и означают жизнь». Без своего сердца – библиотеки и типографии – город и его жители «навсегда исчезли во времени». Этой мыслью писатель продолжает и по-своему развивает взгляд Б. Боету о том, что *понимание* означает больше, чем *свобода*. В следующем рассказе – «История о страхе» – Мёдерндорфер говорит о том, что человек может найти настоящий покой и стать свободным – прежде всего от себя самого – лишь тогда, когда избавится от страха. Эта позиция кажется весьма важной, когда речь идет о преодолении комплекса неполноценности.

Особо важным для понимания развития современной литературы, на наш взгляд, является противоречие, разрешить которое словенским писателям еще только предстоит, и это противоречие скрыто в образах главных героев: с одной стороны, они ориентированы, так сказать, на глобальное, характерное для всех (усредненный европейский стандарт), с другой же стороны, они загнаны «в угол» своей национальной специфики, так называемого словенского варианта.

О преодолении комплекса неполноценности и страха повествует рассказ «Необычная идентичность Нины Б.» Полоны Главан (2003)¹⁴. Молодая 17-летняя девушка Нина пытается освободиться от предрассудков, которые унаследовала от своих родителей. С явной иронией автор описывает жиз-

ненные ценности старшего поколения, так называемых «настоящих» словенцев, каковым является, например, отец Нины, который свою «родовую принадлежность на всякий случай облагородил типичными атрибутами – ... Дом, ... Автомобиль, ... политика невмешательства по отношению к Соседям (в коллективном сознании именуемая Манеры)». Будучи еще ребенком, Нина представляла себе вопросы национальной идентичности следующим образом: с одной стороны – немецкие туристы (т. е. Европа) – с покрасневшей кожей, приветливые, тихие, с другой стороны – выходцы из краев, что приблизительно 100 км южнее Словении (т. е. Балканы) – темнокожие, неприветливые, шумные. Словенцев ребенок помещает где-то посредине. У первых есть Культура, у других есть Другая культура, а что есть у словенцев? Здесь вместе с девочкой знак вопроса ставит и автор. Весьма интересно и очень провокативно. «Словенец мог себя идентифицировать лишь, если ставил себя рядом с кем-то еще, не забыв при этом встать на цыпочки и выдвинуть грудь вперед».

Для своей героини Полона Главан нашла выход. Во время учебы в Европе, к которой девушка «подходила с надлежащей скромностью и нижайшим почтением», Нина как словенка не ощущает себя маленькой и потому неполноценной, но редкой, экзотичной, исключительной: «Ты был подобен другим, но только был немного редкостью, что автоматически добавляло тебе ценности». От момента осознания этого героиня от «своей необычной идентичности больше не отказывалась». Она даже смогла откинуть «флаги, гимн и отдающие нафталином лозунги ... о Самобытности, Гордости», но все же пока лишь втихомолку: «Потом она инстинктивно осмотрелась, будто боялась, что ее мог кто-нибудь услышать, и засмеялась в сжатый кулачок». Здесь писательница ставит точку.

Появление подобных художественных произведений – доказательство того, что словенцы уже начали преодолевать в себе этот страх. Из докладов участников международной конференции, которая состоялась в 2004 году в Институте славяноведения и была посвящена вопросу национальной идентичности в эпоху глобализации, нам стало ясно, что ситуация в словенской литературе несколько отлична, чем в большинстве литератур других государств Центральной и Юго-Восточной Европы¹⁵. В отличие от других словенцы могут позволить себе этот переход на общечеловеческий уровень и при этом не бояться, что перестанут быть словенцами. В то время, как большинство в эпоху глобализации судорожно цепляются за свою национальную идентичность, как за спасательный круг, словенцы остаются «несгибаемым народом» – и в культурном смысле. Это большое достижение современной словенской литературы. Несмотря на явный отход от традиции и национального, словенец все равно чувствует, что принадлежит народу,

«происхождение которого как-то недосказано», как иронично замечает Поллона Главан.

В интервью для ежемесячного журнала «Литература», юбилейного 150-ого выпуска, озаглавленного «Героическая эпоха словенцев минула», Андрей Цапудер заявил: «[Но] к сожалению я должен сказать, что нынешнее время для меня уже не так интересно. Все бывшие коммунисты при этих словах повскакивают от радости, вот мол, мы были правы, наше время было интересным. И действительно – великая, героическая эпоха словенцев минула. Это была схватка двух миров, правого и левого лагеря. <...> После освобождения, или обретения независимости Словении все мне кажется более безвкусным и менее интересным». Однако затем Цапудер все же добавил, что «приходит новая эпоха», и это уже чувствуется в новой словенской краткой прозе¹⁶.

Ощущение опасности в словенских писателях порождает не призрачная угроза исчезновения народа в жерновах глобализации, но неясность перспектив его развития. Вообще нередки произведения, где описывается страх или даже отчаяние и паника главного героя, когда он намеренно или случайно выходит за рамки сложившегося жизненного уклада, как внешнего, так и внутреннего. Он чувствует почти вселенское разочарование там, где все не так уж и плохо. Он знает, что ему остается лишь ждать, вдруг произойдет нечто и что-то изменится, да ему и не остается ничего другого.

В этом смысле показателен рассказ Маре Цестника «День как многие другие» (2004)¹⁷. Любовь позволяет главному герою ощущать острее все, что происходит вокруг него. Он счастлив и изумляется своим открытиям, начинает чувствовать простоту жизни. Он узнает, что способен на многое, и не желает больше быть «незаметным мимо бегущим», что трясется над своей «свободой», купленной с широкого прилавка распродажи и услужения. Он хотел бы стать отцом. Однако его ограничивает внутренняя неспособность к действию, которую сам повествующий от первого лица называет «яловостью»: «В моей жизни будто бы набралось слишком много яловости, коротеньких точно направленных смыслов, которые ожесточенно уклонялись от всего, что могло бы принести боль». Герой гуляет по улицам, по городскому парку, заходит в кино, осматривает фотографии в галерее, забредает в несколько баров, но он не в силах идти домой навстречу своему будущему. Когда он садится на лавку в парке, его тело автоматически принимает положение эмбриона, он подтягивает колени к себе, обхватывает их руками и упирается в них бородой. Именно это положение выражает неготовность, даже страх перед внешним миром и подсознательное стремление к теплу, уюту, защищенности. После всех душевных мук герой все же находит пристанище в объятьях любимой женщины: «Рядом с ней я быстро забывал все...».

В этом рассказе автору удалось минимальными средствами лаконично описать широкую палитру человеческих чувств: любовь, счастье, эротическое переживание, сердечность, удивление, страх, эгоистическую враждебность и т. д., которые смешались в душе героя. Вместе с тем явственно показана эгоистичная закрытость современного общества, где преобладает то, что опустошает человека «повторяющимися, прогнозируемыми, продажно успешными наслаждениями».

В то время как писатели разбираются с собственной «экзистенциальной исчерпанностью», в действительной жизни, т. е. вне литературы, не упускают шанса воспользоваться случаем другие, прежде неизвестные или незаметные «герои», люди, пробивающие себе путь вверх и вперед – к власти. Постепенно они становятся сильными, одновременно и опасными. Со временем и они стали объектом исследований писателей.

В журнале «Нова ревия» в 2004 г. были опубликованы три рассказа Драго Янчара – «Невидимая пыль», «Человек, заглянувший в омут» и «...рассказывает Лешник». ¹⁸ Главный «герой» первого рассказа – господин Пшеничник, новоявленный властитель судеб, из тех, кто управляет денежными потоками в обновленном демократическом государстве. Со страхом и трепетом ожидают его приезда. Автор с легкой иронией описывает этого влиятельного человека, которого отличает «вызывающая удивление скромность». Автор иронично замечает: «Вот такие вот великие люди – маленькие». Наполеона новых времен в подлинное замешательство (тот даже бледнеет) может ввести лишь ребенок: в рассказе мальчишка находит пистолет и начинает играть с ним. В финале писатель позволяет себе выразительно и откровенно маркировать персонажей своего рассказа: их начинает покрывать невидимая «пыль легкого слабоумия», – это напоминает театральный занавес или даже саван.

Ирония появляется там, где присутствует какая-либо догма, основывающаяся на некоем общем национальном или вообще человеческом ценностном «авторитете». Нынешние власти Словении успешно демонстрируют свою близость к народу, избегают явной конфронтации. Демократические преобразования (или их видимость) нейтрализуют остроту проблематики, актуальной прежде – особенно перед 1990 годом, т. е. перед обретением независимости. Однако проблема власти остается, хотя она внешне изменилась, приобрела иные, непривычные формы и потому могла некоторое время не привлекать к себе внимания.

В другом рассказе Янчара появляется карикатурный образ человека, околдованного фантомом публично-общественной жизни. Его единственная цель – появляться перед телевизионной камерой и говорить, – ибо он «носил в груди моральные принципы и об этом живо рассказывал каждый раз, когда перед ним стоял микрофон и когда в него уставилось око камеры». Его кре-

стный путь начался, когда словенцы выступили за независимость своей родины. Йоже Млинар осмелился пред тысячью глаз сказать (продолжая слова Черчиля): «Мы никогда не сдадимся, ведь речь идет о наших правах»¹⁹. Он стал человеком, который говорит – говорит много, возможно, даже справедливо и обоснованно, но только ради того, чтобы говорить. Он стал смешон. Потерял дом и работу и умер в мокрой придорожной листве. Так в придорожной листве оказались и речи во имя свободы, демократических парв и много чего еще, о чем можно было слышать с трибун во времена обретения независимости.

Последним в этом маленьком журнальном цикле стал рассказ «...рассказывает Лешник». История из времен Второй мировой войны, которую автор записал под диктовку около 1975 года. Здесь повествуется о встрече дух земляков-словенцев на русском фронте, где-то под Минском: солдата и женщины, имени которой он так и не узнал. Женщина состояла на специальной службе, где арестованные девушки исполняли «меры по поддержанию мужской производительной силы», другими словами, она была официальной армейской шлюхой. Военные условия показаны убедительно просто: комната, невыпитый стакан водки, постель, две дойчмарки за четверть часа, офицер СС «не такой уж плохой человек <...> у него дома трое детей», – и в то же самое время показана неповторимая судьба человека с его невыразимо глубокой мукой в душе. ««Жива?» – произнесла она и заглянула в глубину его глаз». Женщина не вернулась домой, Лешник вернулся – с железным крестом и без руки. Из частных историй проступает портрет бездушной, циничной власти.

Хотя в рассказах Янчара речь идет о так называемых «общественных явлениях», в их основе – частная человеческая история. В современной словенской прозе – все относительно, общее лишь то, чему можно верить – непосредственным ощущениям человека, которые воспринимаются в определенное время и конкретной ситуации, «здесь и сейчас».

В последние годы в словенской литературе появились произведения, общая направленность которых позволяет говорить не просто об отдельных прозрениях некоторых талантливых писателей. В колебаниях и неопределенности выкристаллизовывается обновленная гуманистическая направленность литературы, продолжают не только искания самого себя современным человеком, но исследуются пути принятия им новых решений. Это отражается прежде всего в образах литературных персонажей, и именно в краткой прозе с ее жанрами – рассказом, очерком и новеллой, – способными наиболее быстро реагировать на любые перемены в человеческом обществе.

Проблематика обновилась, но она парадоксальным образом остается по сути своей прежней, традиционной. Табу больше не существуют, однако их отсутствие не вызвало в литературе кардинального расширения или измене-

ния тематики. Как и прежде в центре остаются «вечные» человеческие темы: любовь и понимание, страх и одиночество, детство и старость. Наиболее очевидны изменения в формальном плане. Маятник вновь качнулся в сторону реалистического метода, который, естественно, определенным образом изменился и приобрел новые черты. Как и прежде центром художественного творчества остается человек. Основные, наиболее характерные черты современной словенской прозы были описаны в статьях²⁰ Мити Чандера, констатирующего факт усиления реалистической поэтики, и Томо Вирка, обратившего внимание на преобладание «малой» повседневной истории и сосредоточившегося на жанровых особенностях словенской краткой прозы.²¹

Изучение литературы другого народа дает возможность приблизиться в своем понимании к его чаяниям и надеждам, страхам и комплексам, обрести иную перспективу реальности. Проникновение в менталитет «малого» народа позволяет представителям так называемого «большого» народа избежать ошибок в восприятии обстоятельств международного сотрудничества, не стать «жертвой собственной, воспитанной в нем и исторически обусловленной «слепоты», делающей несколько ущербной его способность оценки различий, его любопытство и бескорыстную открытость к восприятию различий» (В. Тауфер).²² Лишь преодолев стереотипы – мифологические, политические, конъюнктурные – можно приблизиться к объективному осознанию особенностей отдельных славянских народов, а во взаимосвязи с этим и специфику их отношения к России.

Примечания

¹ Тауфер В. Из опыта жизни «на границе» // Словенско-русский альманах. История, языкознание, публицистика, художественная литература Словении. М., 2001. С. 155.

² Примечательны в этой связи рассуждения и теоретические выкладки И. В. Кондакова в его статье «Глобалитет русской культуры в контексте славянских культур» и ««Русская идея» в диалоге славянских культур» (в сборнике: Традиционная и современная Россия глазами славянских народов. Выпуск I. Пермь, 2007. С. 6–17, 91–94): «Русская идея» и другие «славянские идеи» «смотрели» в разные стороны, а славянство, на протяжении последних веков и десятилетий, представляло собой скорее «разбегающуюся галактику», нежели «сходящуюся»; скорее «ризому», нежели организованную систему. (С. 93.)

³ Верч И. «Моя» Россия // Словенско-русский альманах. С. 148.

⁴ Юван М. Заметка // Словенско-русский альманах. С. 145.

⁵ Об отношении словенских литераторов к России, их неоднозначном и разноплановом восприятии ее истории и культуры мы уже писали в статьях «Образ России в современной словенской литературе» в ж. «Родина» – выпуск, посвященный Словении (2008); К вопросу о рецепции русской литературы в современной словенской литературе // IV Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. С.-Пб., 2003.

⁶ Сказа А. А. (Университет в Любляне, Словения) Функция культурологии в области преподавания русской литературы за рубежом в состоянии глобализации // Традиционная и современная Россия глазами славянских народов. Выпуск I. Пермь, 2007. С. 18.

⁷ Этому вопросу посвящены наши работы: Типы и образы героев в словенском романе 1970–1980-х гг. // Литературные итоги XX века (Центральная и Юго-Восточная Европа). М., 2003; Образ словенца в современном романе // Literatura in globalizacija: (K vprašanju identitete v kulturah centralne in jugovzhodne Evrope v času globalizacije). – Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации). Ljubljana, 2006.

⁸ Skubic A. E. Preizkus z jabolkom // Literatura 15 / 143–144 (maj / junij 2003).

⁹ Blatnik A. Zakon želje. Ljubljana: Študentska založba, 2000.

¹⁰ Šarotar D. Mrtvi kot. Ljubljana: Študentska založba, 2002.

¹¹ Утро в России. Ljubljana: Študentska založba, 2003. Переводы на русский язык словенской краткой прозы можно также найти в публикациях: Современная словенская проза, поэзия, драма. Ljubljana: Slovene Writer's Association, 2000; Все к лучшему. Рассказы современных словенских писателей // Новый мир 2003 / 4.

¹² См. романы Б. Боету «Филио нет дома» (1990) и «Птичий дом» (1995) (издательство: Wieser, Celovec – Zalzburg). См. также: Julija A. Sozina. Poskus oddaljevanja slovenskega romana od ideologije pred osamosvojitvijo // Slovenski roman. Mednarodni simpozij Obdobja – Metode in zvrsti. 5.–7. december 2002. Ljubljana, 2003.

¹³ Möderndorfer V. Dve zgodbi: Črke, Zgodba o strahu // Sodobnost 68 / 1 (2004).

¹⁴ Glavan P. Nenavadna identiteta Nine B. // Literatura 15 / 143–144 (maj / junij 2003).

¹⁵ См. сборник статей по материалам конференции: Literatura in globalizacija: (K vprašanju identitete v kulturah centralne in jugovzhodne Evrope v času globalizacije). – Литература и глобализация (К вопросу идентичности в культурах Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху глобализации). Любляна, 2006.

¹⁶ Capuder A. Heroična doba Slovencev je za nami // Literatura 15 / 150 (december 2003).

¹⁷ Cestnik M. Dan kot toliko drugih // Nova revija XXII / 263–264 (marec / april 2004).

¹⁸ Jančar D. Nevidni prah. Človek, ki je pogledal v tolmun. ... pripoveduje Lešnik // Nova revija XXII / 265–266 (maj / junij 2004).

¹⁹ «Мы не должны прекращать бесстрашно проповедовать великие принципы свободы и прав человека», – из речи в Фултоне Уинстона Леонарда Спенсера Черчила (1874–1965), премьер-министра Великобритании в 1940–45, 1951–55 гг.

²⁰ Čander M. O čem govorimo... (... ali potep po sosednjih pokrajinah) // O čem govorimo, Slovenska kratka proza 1990–2004. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2004.

Virk T. Čas kratke zgodbe (spremna beseda) // Čas kratke zgodbe. Ljubljana: Študentska založba, 1998.

²¹ В настоящей статье использованы материалы, опубликованные в Словении: Julija A. Sozina. Zakon želje ali sindrom manjvrednosti (k vprašanju o glavni osebi v sodobni slovenski kratki prozi) // Slovenska kratka pripovedna proza / Ur.: I. Novak-Popov. Zbirka: Obdobja. Metode in zvrsti; 23. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 2006.

²² Тауфер В. Из опыта жизни «на границе» // Словенско-русский альманах. С. 158.

Место Словении в экономическом развитии славянских стран

Как самостоятельное независимое государство Словения появилось на политической карте в начале 90-х годов истекшего века после распада СФРЮ. 22 декабря 1990 г. в Словении был проведен референдум, в котором 90% принявших участие в голосовании высказалось за независимость,¹ которая была провозглашена 26 июня 1991 г.

23 декабря 1991 г. была принята конституция Словенской Республики, а 22 мая 1992 г. Словения становится постоянным членом ООН.

С середины 90-х годов Словения охватывается статистикой ООН как независимое государство, что позволяет соотносить ее главные показатели с данными по другим славянским странам и дает возможность определять ее место в их экономическом развитии.

В 1995 г. основные макроэкономические показатели славянских стран, по данным ООН, выглядели следующим образом:

Таблица № 1

Основные макроэкономические показатели славянских стран в 1995 г.*

№№ пп	Страна	ВВП абс. (в млн. долл.)	ВВП на душу населения (в долл.)
1	Словения	18500	9612
2	Хорватия	18100	4018
3	Босния и Герцеговина	...	...
4	Македония	1980	918
5	СРЮ	...	...
6	Беларусь	10418	1006

* Составлено по данным: Handbook of International Trade and Development Statistics, UN 1996/97. New York and Geneva 1999. PP.319-323.

7	Болгария	12400	1457
8	Чехия	44800	4365
9	Польша	118000	3060
10	Россия	346038	2331
11	Словакия	17400	3260
12	Украина	37010	715
	Всего:	624646**	2112**
	МИР	28383091	4998
	Доля славянских стран в мире (в %%)	2,2**	42,2**

Численность населения стран славянского мира составила в 1995 г. 295 млн. 642 тыс. человек или 5,2% населения мира. А их совокупный ВВП (без данных по СРЮ, Боснии и Герцеговине) составил 624,6 млрд. долл. или 2,2% от мирового ВВП. Простое сопоставление этих двух цифр со всей очевидностью свидетельствует о низкой общественной производительности труда в славянском мире, взятом в целом. Более половины (55,4%) от совокупного ВВП славянских стран было создано в 1995 г. в России, где проживало 148,5 млн. человек или ровно половина совокупного населения славянских стран. На первый взгляд, такой результат может показаться вполне успешным. Но российский ВВП – 346,0 млрд. долл. – составил в том же году лишь 61,8% от ВВП Канады, население которой (29,4 млн. человек) в 5 раз меньше населения России, и лишь 87,5% от ВВП маленькой Голландии, население которой (15,5 млн. человек) в 10 раз меньше населения России.

Однако для любого индивидуума, т.е. гражданина любой страны, обычно даже не имеющего представления о макроэкономике и макроэкономических показателях, важна прежде всего та часть реальных благ в форме зарплаты, дивидендов, прибылей, пособий и пр., которая приходится на его долю и долю его семьи. Иными словами, его интересует фактический ВВП на душу населения. И этот показатель действительно является важнейшим для любой страны и ее населения.

В 1995 г. среднеславянский уровень ВВП на душу населения составил, как видно из таблицы № 1, 2112 долл. Эта сумма составила лишь 9,1% от среднего западноевропейского уровня в размере 23152 долл. на душу. Это

** Без данных по Югославии, Боснии и Герцеговине.

означает, что на рубеже двух тысячелетий среднестатистический славянин жил в материальном отношении, к сожалению, в 10 раз хуже среднего западноевропейца. Сразу обращает на себя внимание значительная дифференциация славянских стран по этому показателю и даже резкая поляризация, возникшая за первую половину 90-х годов. В 1991 г. при среднеславянском уровне душевого ВВП в размере 2378 долл. лишь Болгария отставала значительно по этому показателю. Ее среднедушевой ВВП составлял в 1991 г. 1840 долл. или 77,4% от среднеславянской величины.

В 1995 г. картина изменилась принципиально. Приведем данные ООН по этому показателю в порядке убывания (в долл. на человека в год): Словения – 9612, Чехия – 4365, Хорватия – 4018, Словакия – 3260, Польша – 3060, Россия – 2331, Болгария – 1457, Беларусь – 1006, Македония – 918, Украина – 715 (данные по Боснии и Герцеговине и СРЮ в справочнике ООН отсутствуют по известным причинам).

Итак, на верхнем полюсе оказалась Словения, на нижнем – Украина. За пять лет снизился и сам среднеславянский уровень душевого ВВП с 2378 долл. до 2112 долл. или на 10,4% (без учета девальвации самого доллара). В этой связи значительный интерес представляют данные о темпах роста либо снижения общего объема ВВП и душевого ВВП за годы реформ в первую пятилетку 90-х годов и их сопоставление с аналогичными данными второй пятилетки 80-х годов. Эти данные содержатся в приводимой ниже таблице № 2.

Таблица № 2

**Темпы роста ВВП и ВВП на душу населения
славянских стран в 1985-1995 гг. (в %%) ***

№№ пп	Страна	1985 – 1990 гг.		1990 – 1995 гг.	
		Темпы роста ВВП на душу населения (в %%)	Темпы роста ВВП (в %%)	Темпы роста ВВП (в %%)	Темпы роста ВВП на душу населения (в %%)
1	Словения	-	-	-0,1	-0,2
2	Хорватия	-	-	-5,9	-5,9
3	Македония	-	-	-5,8	-6,8
4	СРЮ	-	-	-15,9	-16,0

5	Босния и Герцеговина	-	-	...	...
6	Беларусь	-	-	-8,8	-8,9
7	Болгария	0,8	1,4	-3,2	-2,7
8	Чехия	-	-	-2,4	-2,4
9	Польша	0,4	-0,1	2,7	2,5
10	Россия	-	-	-9,9	-9,9
11	Словакия	-	-	-2,7	-3,0
12	Украина	-	-	-14,3	-14,3

* Составлено по данным: UNCTAD Handbook of Statistics, 2000. Geneva, 2000. PP.302-303

Произведенное сопоставление темпов роста (или снижения) абсолютного объема ВВП и ВВП на душу населения славянских стран за две указанные пятилетки дает прямо-таки поразительные результаты. В пятилетку 1985-90 гг. объем ВВП существовавших тогда славянских стран практически стагнировал. Максимальную величину в 2,8% среднегодовой темп его роста составил лишь в СССР по причине роста цен на нефть, крупнейшим мировым экспортером которой СССР тогда являлся. Фактическая стагнация с отрицательным значением – 1,9% отмечалась, по тем же данным, в тогдашней СФРЮ. Рост населения при всей его незначительности в размере нескольких десятых долей одного процента дополнительно снижал рост уровня ВВП на душу населения и доводил его до -2,5% ежегодно. Исключение тут составила Болгария, где среднегодовой рост ВВП на душу в размере 1,4% несколько обгонял рост самого ВВП.

В пятилетку 1990-95 гг. ВВП и ВВП на душу населения 11 из 12 стран ежегодно снижались, а в некоторых странах даже падали, демонстрируя разные уровни трансформационной рецессии. Минимальным образом величина этих показателей снизилась в Словении, составив соответственно -0,1% и -0,2%, а максимальным в СРЮ, соответственно -15,9% и -16,0%. А единственной славянской страной, где величина обоих показателей не только не снизилась, но возросла, причем по сравнению даже с предыдущей пятилеткой, была Польша. Эти результаты, а также данные таблицы № 1 дают основание считать, что наиболее успешно как по масштабам реформ, так и по темпам преобразований в новых исторических условиях в славянском мире развивались две страны – Словения и Польша.

Из таблицы № 1 явствует, что в 1995 г. по ВВП на душу населения (9612 долл.) на первом месте среди славянских стран находилась Словения. Это уровень наименее развитой западноевропейской страны – Португалии, где ВВП на душу составил в том же году 9849 долл. и был примерно в 2,5 раза ниже среднего западноевропейского уровня в размере 23152 долл.² Следующими вверх по «западноевропейской» лестнице после Португалии были Греция (10937 долл.) и Испания (14122 долл.). А мировыми лидерами по этому показателю в 1995 г. были Швейцария (42719 долл.), Люксембург (42565 долл.) и Япония (40889 долл.).³

Следует также учитывать, что свою роль в низком уровне приведенных показателей сыграли трудности с финансированием процессов экономической трансформации, которые проявились, в частности, в том, что практически во всех славянских странах инвестиции в промышленность на первом этапе реформ оказались явно недостаточными для обеспечения ее структурной перестройки, восстановления дореформенных объемов производства и приспособления к рыночным условиям.

В силу многих исторических, экономических и даже географических причин Словения, территория которой была населена славянскими племенами уже в VI в., была наиболее промышленно развитой республикой бывшей СФРЮ с самым высоким уровнем ВВП на душу населения. Уже в 1964 г. в Словении создавалось 16,2% ВВП всей СФРЮ, хотя ее доля в общегославской численности населения составляла 8,6% (или 1,6 млн. человек из 18,5 млн. всей страны).⁴

Значительное развитие в Словении получили машиностроение, в особенности станкостроение и транспортное машиностроение, черная и цветная металлургия, электротехническая промышленность, текстильная промышленность, целлюлозно-бумажная, кожевенно-обувная и пищевая промышленность. Важное значение имело и то обстоятельство, что по уровню грамотности Словения находилась на первом месте среди югославских республик.

Через три десятилетия макроэкономические показатели оставались по-прежнему на аналогичном весьма высоком уровне. В 1990 г. Словения, население которой составляло всего 9% всего населения СФРЮ, дала 16% объема производства и 27% объема внешнеторгового оборота всей СФРЮ.⁵ Статус Словении как независимого государства был подтвержден после победы в десятидневной войне с Югославской национальной армией. Парламент Словении принял конституцию, которая установила в стране режим парламентской демократии. В республике действует многопартийная система и зарегистрировано 30 партий. Политические институты страны функционируют в демократическом режиме. В 1992 и 1996 гг. в Словении были проведены свободные парламентские выборы. В ноябре 1997 г. на

второй пятилетний срок был переизбран президент Милан Кучан, приведший страну к независимости.

В деятельности государственных органов определенную роль играет оппозиция. Каких-либо серьезных нарушений прав человека в Словении не отмечалось. Новой независимой республике удалось избежать многих политических и экономических потрясений, от которых пострадали и страдают сегодня другие славянские страны, в т.ч. входившие в СФРЮ. Во многом этому способствовало такое весьма важное обстоятельство, что фонд потребления в Словении не только не сократился, как это произошло в большинстве славянских стран, а наоборот вырос. В 1999 г. он увеличился на 20% по сравнению с 1989 г.⁶

Успехи в относительно безболезненном избавлении от тоталитарного прошлого, в становлении и утверждении в стране демократического режима в значительной мере объясняются благополучным экономическим развитием Словении. К тому же здесь никогда не было командной централизованной экономики в чистом виде и имелся весьма развитый частный сектор. А в начале процесса перехода к подлинным рыночным отношениям основной упор был сделан на стабилизацию, а не на реформирование. Несмотря на то, что торговля и цены были либерализованы в самом начале переходного этапа, к финансовой реформе, приватизации и реструктуризации приступили позже, и на рубеже веков эти процессы в целом окончательно не завершились. Вступление Словении в Европейский союз послужило дополнительным стимулом принципиальных изменений. Процесс преобразований привел на начальном этапе к некоторому падению производства, росту инфляции и безработице. Но он был в первой половине 90-х годов совершенно незначительным по сравнению с другими славянскими странами, что и подтверждают данные таблицы № 2.

Начав реформы с относительно высокого по сравнению с другими славянскими странами уровня, Словения подошла более осторожно и последовательно к преобразованиям, отдавая приоритет поддержанию консенсуса в социальной области. На ближайшие годы намечены, в частности, изменения в системе налогообложения и пенсионного обеспечения, а также реформы финансового сектора, включая приватизацию государственных банков и страховых компаний. Предусматриваются также отпуск цен, реформы системы коммунально-бытового обслуживания, заключение государственных контрактов на аукционной основе, отказ от санации неблагополучных отраслей и предприятий. По мнению некоторых обозревателей, Словения пока отстает с реструктуризацией предприятий и реформированием государственных институтов. Значительные усилия словенцам надо приложить для повышения конкурентоспособности их экономики, взятой в целом. Пока Словения – единственная из стран,

вступивших в Евросоюз, которая не ввела налог на добавленную стоимость и запоздала с пенсионной реформой. Это препятствует развитию рынков капитала. Существующая, как и в ряде других славянских стран, боязнь продажи собственности иностранцам продолжает отпугивать иностранных инвесторов. За налоговой и пенсионной реформами должны последовать реформы и здравоохранения, и образования.

В первые пять лет нового столетия (2000-2004 гг.) Словения, хотя и снизила свою долю в совокупном ВВП славянского мира с 3,1% до 2,7%, продолжала сохранять свое лидирующее место в славянском мире по главному социально-экономическому показателю – ВВП на душу населения или «душевому доходу». В 2004 году, последнему, по которому имеются официальные статистические данные ООН, ВВП на душу населения Словении составил, как видно из таблицы № 3, 16359 долл. США, превосходя, таким образом, среднеславянский расчетный «душевой доход» в размере 4155 долл. почти в четыре раза, а ВВП на душу населения Чехии, занимающей по этому показателю второе место в славянском мире, более чем в полтора раза.

При этом темпы роста как ВВП, так и ВВП на душу населения Словении не превышали в эти годы 5% (см. таблицу № 4). Относительно невелики были и прямые иностранные инвестиции в экономику Словении. За пять лет нового века они составили чуть более 3 млрд. долл. (см. таблицу № 5). Это означает, что экономика Словении развивается преимущественно за счет собственных накоплений и внутренних резервов.

Таблица № 3

**Основные макроэкономические показатели
славянских стран в 2000 и в 2004 гг.***

№ № пп	Страна	Население (тыс.чел.)		ВВП абс. (в млн.долл.)		ВВП на душу населения (в долл.)	
		2000 г.	2004 г.	2000 г.	2004 г.	2000 г.	2004 г.
1	Беларусь	10187	9811	10408	22909	1022	2335
2	Болгария	7949	7780	11995	24406	1509	3137
3	Босния и Герцеговина	3977	3909	4394	7884	1105	2017
4	Македония	2034	2030	3573	5264	1757	2593
5	Польша	38605	38559	157751	241592	4086	6265
6	Россия	145491	14389 9	251106	582319	1726	4047
7	Сербия и Черногория	10552	10510	8449	22895	801	2178
8	Словакия	5399	5401	19121	41092	3542	7607
9	Словения	1988	1967	18129	32182	9121	16359
10	Украина	49568	46989	31791	65037	641	1384
11	Хорватия	4654	4540	19031	34309	4089	7557
12	Чехия	10272	10229	50777	107015	4943	10462
	Всего	290676	28562 4	586525	1186904	2018 **	4155 **
	Мир	605671 5	63892 72	3136262 4	4096042 5	5178	6411
	Доля славян-ских стран в мире (в %%)	4,8	4,5	1,9	2,9	39,0 **	64,8 **

* Источники: UNCTAD Handbook of Statistics 2005.

UN, N.Y. and Geneva, 2005, PP.316–320.

UNCTAD Handbook of Statistics 2002.

UN, N.Y. and Geneva, 2002, PP.316–320

** Расчетные данные.

Таблица № 4

**Темпы роста ВВП и ВВП на душу населения
славянских стран в 2000-2004 гг. (в %%)***

№ № п п	Страна	Темпы роста ВВП (в %%)				Темпы роста ВВП на душу (в %%)			
		2000- 01	2001- 02	2002- 03	2003- 04	20 00- 01	2001 -02	2002- 03	200 3- 04
1	Беларусь	4,7	5,0	7,0	11,0	5,3	5,6	7,6	11,6
2	Болгария	4,1	4,9	4,3	5,5	4,8	5,6	5,0	6,2
3	Босния и Герцеговина	4,5	3,7	3,2	4,0	3,1	3,2	3,2	4,2
4	Македония	-4,5	0,9	3,4	2,5	- 4,8	0,6	3,2	2,3
5	Польша	1,0	1,4	3,8	5,3	1,1	1,4	3,9	5,4
6	Россия	5,1	4,7	7,3	7,3	5,5	5,1	7,9	7,8
7	Сербия и Черногория	5,5	3,8	1,0	6,0	5,6	3,9	1,1	6,1
8	Словакия	3,8	4,6	4,5	5,5	3,8	4,6	4,5	5,5
9	Словения	2,7	3,3	2,5	4,6	2,7	3,3	2,5	4,6
1 0	Украина	9,2	5,2	9,4	12,1	10, 5	6,4	10,6	13,4
1 1	Хорватия	4,4	5,2	4,3	3,8	4,6	5,0	3,9	3,4
1 2	Чехия	2,6	1,5	3,7	4,6	2,8	1,6	3,8	4,7

* Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2005.

UN, N.Y. and Geneva, 2005. PP.316-320

**Прямые иностранные инвестиции (приток и отток)
в славянские страны в 2000-2004 гг. (в млн.долл.)***

№№ пп	Страна	2000	2001	2002	2003	2004	Всего в 2000- 2004 гг.
		г.	г.	г.	г.	г.	
1	Беларусь	119	96	247	172	169	803
2	Болгария	1002	813	905	2097	2488	7305
3	Босния и Герцеговина	146	119	265	381	497	1408
4	Македония	175	442	78	95	151	941
5	Польша	9343	5714	4131	4123	6159	29470
6	Россия	2714	2748	3461	7958	11672	28553
7	Сербия и Черногория	25	165	137	1360	966	2653
8	Словакия	1925	1584	4094	669	1122	9394
9	Словения	136	370	1686	337	516	3045
10	Украина	595	792	693	1424	1715	5219
11	Хорватия	1087	1564	1126	2042	1076	6895
12	Чехия	4986	5986	8483	2101	4463	26019

* Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2005.
UN, N.Y. and Geneva, 2005. PP.272-280

Автор мог воочию убедиться в этом во время своего пребывания в Словении в октябре 2007 г. Обращают на себя внимание развитая производственная и социальная инфраструктура, четко функционирующее железнодорожное и автомобильное сообщение. Автотрассы содержатся в прекрасном состоянии. Внутренняя торговля отвечает самым высоким требованиям. Словенцы с гордостью констатируют, что если до 1991 года они стремились любыми способами попасть в соседнюю Италию, чтобы закупить там продукты и товары широкого потребления, то теперь итальянцы, прежде всего из соседнего Триеста, предпочитают закупать эти товары в Словении. Некоторые из них, по словам словенцев, приезжают из Триеста в портовые города Словении по несколько раз в день, занимаясь тем самым выравниванием не только розничных, но и оптовых цен в соседних государствах.

Вся больший вклад в благосостояние Словении вносит быстро развивающаяся индустрия туризма. Длина береговой линии страны вдоль Адриатического моря составляет всего 46,6 км.⁷ И почти вдоль всей этой приморской полосы можно наблюдать интенсивное строительство отелей и других туристических объектов. Холмы и горы близко подступают к морю, поэтому новостройки все выше поднимаются вверх по склонам, создавая новые улицы и проспекты приморских городов. В сочетании с высококлассным обслуживанием быстро растущая словенская туриндустрия будет привлекать все больше отдыхающих и увеличивать ВВП страны.

Значительное количество словенских предпринимателей развивают свой бизнес в России. По степени освоения российского рынка и накопленного опыта взаимодействия с российскими партнерами бизнесмены республики значительно превосходят своих коллег из других стран Европейского Союза.⁸

Таким образом, утвердившаяся в Словении после 1991 г. и успешно функционирующая модель общественного устройства предполагает сосуществование всех форм собственности, наличие механизма рыночной конкуренции и регулирующей роли государства. Такая модель наиболее распространена в мире в настоящее время и называется либеральной социально-ориентированной моделью современной рыночной экономики. В условиях Словении она успешно действует на протяжении вот уже полутора десятилетий и обеспечивает этой стране лидирующее место в славянском мире по главному социально-экономическому показателю.

Примечания

¹ Словения, М., 2005, С.38.

² Handbook of International Trade and Development Statistics, 1996\97, UN, New York and Geneva 1999, PP.319-323

³ Ibidem.

⁴ Блашкович В. Югославия сегодня. Природа. Люди. Хозяйство. М., 1976. СС.103, 318, 319. См. также Кариня Л.Ф., Князев Ю.К., Тягуненко Л.В. Экономика Югославии. М., 1966.

²⁾ Европа и Россия: проблемы Южного направления Средиземноморья – Черноморье – Каспий. М., 1999. С.144.

⁵ Европа и Россия: проблемы Южного направления Средиземноморья – Черноморье – Каспий. М., 1999. С.144.

⁶ Общественные науки и современность. 2000. № 1. С.44.

⁷ Словения. М., 2005. С.11.

⁸ Компас. М., 16 августа 2007 г. № 33. С.20.

Сведения об авторах

Селезнёва Е.Н.

Доктор философских наук, профессор ГАСК, ведущий научный сотрудник Института социальной и культурной антропологии ГАСК

Климов А.Г.

Кандидат социологических наук, профессор ГАСК, зав. кафедрой социологии и прикладной культурологии ГАСК

Страховская И.Г.

Проректор по научной работе ГАСК, зав. кафедрой естественнонаучных дисциплин, к.х.н., профессор ГАСК, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Искендеров П.А.

К.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории Сербии, Албании и международных отношений на Балканах в конце XIX – XX вв.

Гуськова Е.Ю.

Д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, возглавляет Центр по изучению современного балканского кризиса в ИСл РАН, автор ряда монографий, исследует проблемы балканского кризиса конца 90-х XX в. и начала XXI в., социально-политических процессов на Балканах в странах бывшей Югославии.

А.К. Копенкова

Ректор ГАСК, кандидат культурологии, профессор ГАСК, зав. кафедрой искусствоведения

В.С. Глаголев

Профессор кафедры философии МГИМО – Университета МИД РФ; родился в 1938 г.; в 1960 г. окончил философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова; доктор философских наук, профессор; член Российского философского общества (РФО) и Российского социологического общества; заместитель председателя Московской организации РФО; в настоящее время преподает общую философию, логику, психологию, этику делового общения, этнопсихологию и психологию управленческих решений; читает различные спецкурсы; научные интересы связаны с религиоведением, социальной психологией и культурологией.

Силайтьева М.В.

Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ГАСК

Калиганов И.И.

Д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор Государственной Академии славянской культуры, декан филологического факультета ГАСК, занимается проблемами болгарской литературы, истории и культуры, русско-болгарских славянских литературных связей в средние века, а также болгарского возрождения, современной истории Болгарии и болгарской литературы. Автор ряда монографий. Награжден орденом имени Марина Дринова – высшей наградой Болгарской Академии наук, лауреат международной премии св. равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия Славянского фонда России и Московской Патриархии.

Лобанов Н.А.

К.и.н., сотрудник Института славяноведения РАН, занимается исследованием проблем истории и культуры славянских народов и России в XX в.

Чуркина И.В.

Д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор ряда монографий, исследует проблемы истории словенского народа и Словении периода Средневековья и Нового времени, много внимания уделяет изучению русско-словенских связей, также занимается историей сербов, хорватов в Новое время.

Неменский О.Б

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН, занимается изучением этноконфессиональных проблем средневековой истории Украины и Польши.

Лециловская И.И.

Д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории и культуры Сербии и Хорватии, русско-балканских связей в конце XVIII – XIX вв. Автор ряда монографий, лауреат Макарьевской премии.

Макарова И.Ф.

К.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь этнокультурной истории болгарского народа, русско-болгарских связей в XVIII – XIX вв.

Фролова М.М.

К.и.н., научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории Болгарии и русско-болгарских связей в XIX в.

Карасев А.В.

К.и.н., старший научный сотрудник института Славяноведения РАН, зав. отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, исследователь истории Сербии и Черногории, международных отношений на Балканах в XIX в.

Медведева О.В.

Научный сотрудник Института славяноведения РАН, исследователь истории Болгарии и русско-болгарских связей в конце XVIII – XIX вв.

Узенева Е.С.

К.ф.н., Ученый секретарь Института славяноведения РАН, профессор ГАСК, исследователь проблем этнолингвистики, болгаристики и балканистики.

Липтева Л.П.

Доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова, автор около 20 монографий, исследователь истории славяноведения XIX – XX вв., гуситского движения в Чехии, русско-чешских и русско-словацких связей, истории эмиграции и сорабистики.

Королькова П.В.

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН, аспирантка МГУ, исследователь истории чешской литературы XX в.

Чепелевская Т.И.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор Государственной академии славянской культуры. Занимается проблемами истории литературы и культуры Словении XVIII-XXI вв., а также историей российско-славянских культурных связей и контактов.

Созина Ю.А

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. В 2000 г. защитила диссертацию на тему: «Словенский роман 1970–1980-х годов (типы героев, автор и герой)». Более 80 публикаций.

Гусаров В.И.

Доктор географических наук, академик Российской Академии естественных наук, академик Международной Академии информатизации при ООН, академик Международной Академии наук о природе и обществе, академик Российской Экологической академии.

Содержание

Приветствие Г.В. Боголюбовой.....	3
<i>Селезнёва Е.Н.</i> Сакральная энергетика христианской культуры в формировании идентичности славянского мира	4
<i>Климов А.Г.</i> Славянская идентичность: методологический подход против культурнополитической конъюнктуры.....	12
<i>Страховская И.Г.</i> Диффузионные процессы в современном культурном пространстве.....	19
<i>Искендеров П.А.</i> Сербы и албанцы: исторический опыт взаимодействия.....	28
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Геополитические аспекты современного балканского кризиса.....	44
<i>Глаголев В.С.</i> Пути идентификации и самоидентификации русских. (Россия и зарубежье).....	51
<i>Коненкова А.К.</i> Образы славянского мира в русском искусстве начала XX века.....	60
<i>Калиганов И.И.</i> Россия и славяне сегодня и завтра (польские и чешские ракурсы).....	70
<i>Силантьева М.В.</i> Русская культура в начале нового тысячелетия: самосознание как национальная проблема.....	88
<i>Чуркина И.В.</i> Прешерн в России и Словении.....	98
<i>Лобанов Н.А.</i> Россия и Европа. Взаимодействие культур.....	108
<i>Неменский О.Б.</i> Представление славянской общности в «Палинодии» Захарии Копыстенского.....	120
<i>Лещиловская И.И.</i> А.С.Пушкин и сербы.....	128

<i>Макарова И.Ф.</i> Еще раз об истоках болгарского церковного вопроса.....	146
<i>Фролова М.М.</i> К вопросу о деятельности дипломатических представительств России в болгарских землях Османской империи и их деятельность в период с 1856 по 1866 гг.....	173
<i>Карасев А.В.</i> Сербская национальная идея и внешняя политика Сербии в 60-х – 70-х гг. XIX века.....	194
<i>Медведева О.В.</i> Когда говорят документы.....	209
<i>Узенева Е.С.</i> Движение в пространстве как способ сохранения идентичности казаков-пекрасовцев Болгарии.....	227
<i>Лантева Л.П.</i> О национальной идентичности Лужицких сербов.....	234
<i>Королькова П.В.</i> Авторская (фольклористическая) сказка в чешской литературе первой половины XIX в. К проблеме поиска идентичности в культуре чешского Национального возрождения.....	238
<i>Чепелевская Т.И.</i> Опыт национальной и личностной идентификации: на материалах книги Я.Лаврина. «В стране вечной войны (албанские эскизы)» Петроград, 1916 г.....	245
<i>Досталь М.Ю.</i> Закарпатские русины в борьбе за свою национальную идентичность: современные проблемы.....	256
<i>Созина Ю.А.</i> Самоидентификация «малого» народа в условиях глобализирующегося мира (на примере словенской литературы и культуры).....	269
<i>Гусаров В.И.</i> Место Словении в экономическом развитии славянских стран.....	281
Сведения об авторах.....	293
Содержание.....	298

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Славянская идентичность – новые факторы консолидации.

Сборник статей.

Москва 2007

Подписано в печать 27.05.08. г. Усл. печ. л. 19.
Зак. 46. Тираж 500 экз. Формат 60 x 90/16. Печать офсетная.
Отпечатано в ООО «Демидур-Арт».

